

ЛЮБОМИР НИКОЛОВ

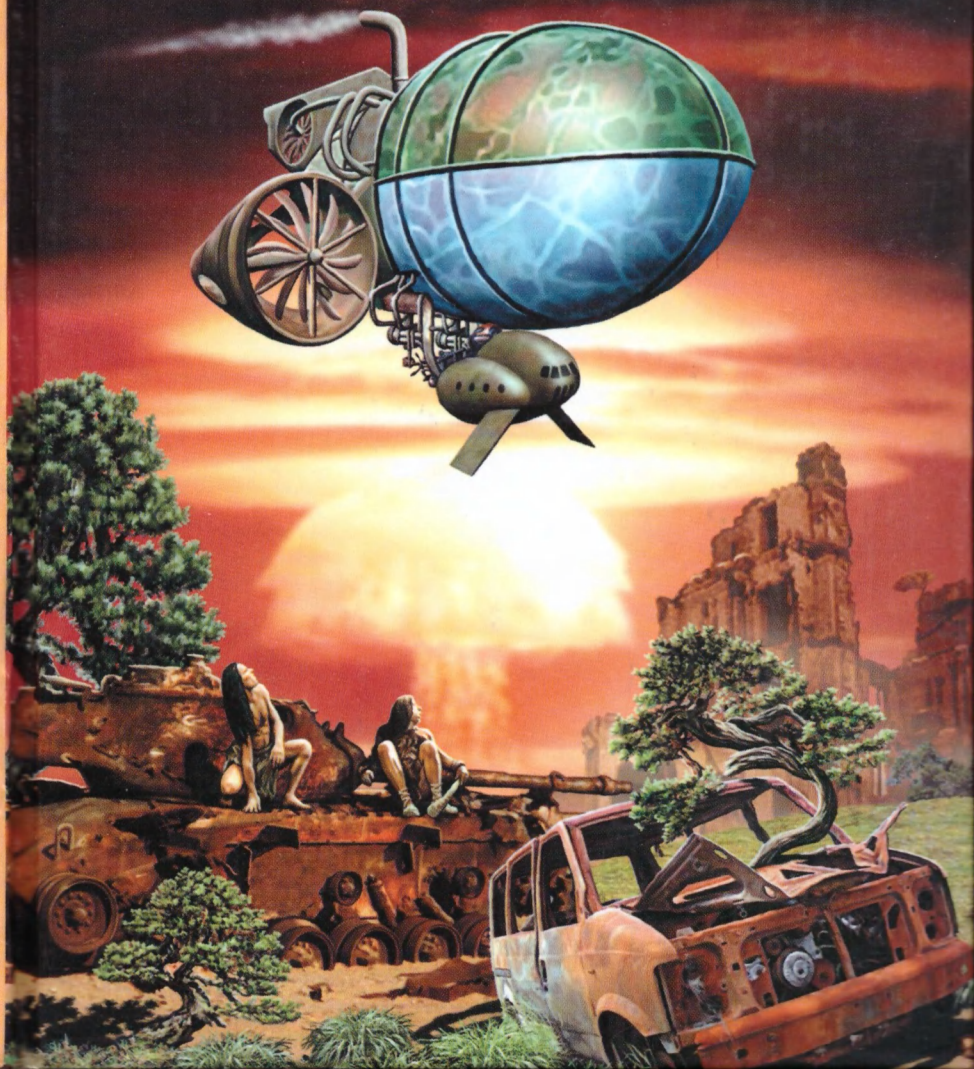

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК

ЛЮБОМИР
НИКОЛОВ

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЛЮБОМИР
НИКОЛОВ

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК

ЛЮБОМИР НИКОЛОВ

ДЕСЯТЫЙ
ПРАВЕДНИК

МОСКВА
«ЭКСМО»
2004

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Бол)
Н 63

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Николов Л.

Н 63 Десятый праведник: Фантастические роман, повесть. —
М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-08442-8

Обрушить человеческую цивилизацию очень легко. В результате Коллапса 2028 года внезапно резко падает критическая масса ядерного вещества, необходимого для атомного взрыва, — и наступает глобальный апокалипсис, общество скатывается в первобытное состояние, когда каждый может рассчитывать только на собственные силы и твердость руки.

Николай Беве — знаменитый контрабандист, добывающий драгоценные осколки рухнувшей техногенной цивилизации. Его работа крайне опасна и не способствует долголетию. Однако вскоре он начинает осознавать, что даже в его деле риск может быть чрезмерным, — когда берется доставить через кишящие бандами мародеров Альпы партию бриллиантов для чрезвычайно загадочного и зловещего научного проекта...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Бол)

© Николов Л., 2004

© Перевод с болгарского. Э. Мезенцева,
Е. Харитонов, 2004

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-08442-8

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК

РОМАН

«Подчинись мне, о, раб мой!»
«Да, господин, да!»
«Доброе дело собираюсь я сделать для страны моей!»
«Правильно, сделай, господин, сделай.
Кто делает добро для страны своей, в
кольце Мардука дела его».
«Нет, о, раб мой, не буду я делать добрых
дел для страны моей!»
«Не делай, господин мой, не делай.
Встань, поброди среди древних руин, че-
репы увидишь там бедных и знатных:
кто из них был злодеем, кто — благодете-
лем?»

*Неизвестный вавилонский автор
Около X века от Р.Х.*

Господь сказал: если Я найду в городе
Содоме пятьдесят праведников, то Я ради
них пощажу все место сие.

.....
Авраам сказал: да не прогневается Вла-
дыка, что я скажу еще однажды: может
быть, найдется там десять? Он сказал: не
истреблю ради десяти.

Бытие 18 : 26—32

вет переливался в линзах объектива мягким
радужным сиянием, и жирный отпечаток
пальца выглядел на нем так же нелепо, как
пьяный мужик на изысканной вечеринке.
Идиоты, беззлобно выругался про себя Николай.
Правы эскимосы, когда говорят: ножовку дашь
взаимы — вернут без зубца, собаку одолжишь —
голодом заморят, зато за жену можно не пережи-
вать, дашь на время — вернут как новенькую. Он
машинально поправил лямки полупустого рюкзака
и подумал, что да, в каком-то смысле было бы не-
плохо пожить с эскимосами; потом усомнился, а ос-

тались ли они вообще, эти самые эскимосы, и как они живут, хотя, должно быть, неплохо — говорят, цивилизация им только мешала. Ладно, это их проблемы, а у нас своих дел невпроворот, потому-то мы и притащились в эту глухомань.

Он порылся в карманах брюк из грубой шерсти — табакерка, связка ключей, кисет, огниво и, наконец, носовой платок. Осторожно вытащив его, чтобы не выронить еще что-нибудь, он внимательно осмотрел платок и решил, что тот не слишком грязный.

Подышав на объектив бинокля, он протер его, потом для пущей надежности повторил операцию и, убедившись, что линза чистая, положил платок обратно в карман. Посмотрел на восток, но ветки стоявшей неподалеку сосны заслоняли долину, лишь слева, праздничная и свежая, как вымытая морковь, торчала кирпичная труба спичечной фабрики.

Николай поднялся чуть вверх по косогору и приставил бинокль к глазам. Серые здания фабрики метнулись навстречу. Оптика была добротная, старое цейсовское производство, и даже с такого расстояния все было видно до мельчайших подробностей — проволочные заграждения у излучины реки, таблички с надписью *ACHTUNG: MINEN!*¹, потом высокая беленая стена, по верху которой лениво прохаживались двое часовых в мешковатой форме из грубого сукна. Кроме них, на территории фабрики не было видно ни души, лишь возле окрашенного в оранжевый цвет склада готовой продукции уныло переминалась с ноги на ногу четверка волов, запряженных в огромную крытую повозку. Выходной день, подумал Николай, рабочие пьют пиво в сель-

¹ Внимание: мины! (нем.)

ских трактирах и ждут, когда настанет время обеденной пайки наденицы¹ с квашеной капустой. Мысль о наденице заставила почувствовать, насколько он голоден, мешочки под языком болезненно свело, и, чтобы одолеть голод, он поглядел вниз, где под деревьями сидели курьеры. Большинство из них дремало, прислонившись спинами к узловатым сосновым стволам. Кто-то курил. «Травка», — определил Николай, спускаясь к ним, сладковатый аромат распространялся на приличное расстояние. Глупость, конечно, через час им понадобится ясная голова... но каждый сходит с ума по-своему. Как, например, тот паренек, из новеньких, с ишаком. Как пить дать, его схватят еще до темноты. Ишак не человек, ему нужна тропа, а после сегодняшнего удара все тропы будут взяты под наблюдение. «Хотя кто ты такой, чтобы учить других? — спросил он себя. — Или уже забыл тот участок в Сен-Оноре? Когда ты был пьян в стельку, с целой партией итальянских зажигалок, и лишь милость господня, который бережет пьяниц, спасла тебя от верной виселицы».

Словно в ответ на эти мысли, внизу зашевелилась закутанная в грязное одеяло фигура. Из-под одеяла показалась наполовину пустая бутылка красного вина, поколебалась секунду в воздухе и, направляемая загрубевшей рукой с обломанными черными ногтями, зависла над густой бородой ее хозяина. Баска, узнал Николай. Ну, Баска может пить, сколько ему вздумается, он, похоже, с пеленок вскормлен вином вместо молока. Всю жизнь занимался исключительно контрабандой, и даже теперь, когда ему под семьдесят, он запросто отмеривал по шестьдесят километров в день по самым неприступным

¹ Домашняя колбаса (болг.).

дорогам. Говорят, мог убить, глазом не моргнув, и те, кто помоложе, его боялись, но опытные мафиози знали, что он не опасен, пока соблюдаются условия сделки и пока ему вовремя платят.

Он был уже совсем близко от группы, когда Баска повернул голову и впился в него глазами. Из темных глаз была какая-то страшная энергия, и Николай остановился на мгновение, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Старик выпил слишком много, решил он. Слишком много даже для своих, почти неограниченных возможностей. Хотя он был не то чтобы пьян, скорее выглядел впавшим в некое странное состояние, когда алкоголь срывает пелену смысла, прикрывающую всю нелепость и бесцельность мира.

Баска кивнул — едва уловимо, но с такой властью, что Николай не заметил, как преодолел несколько шагов и очутился перед ним. Остановился, словно перед злой собакой, а в голове вертелась навязчивая мысль. Если это злая собака, он не должен показывать, что боится ее. И все же боялся — не столько легендарного кривого ножа Баски, сколько мертвецкого холода его бездонных глаз.

— Его время еще не пришло, парень... — Старик произносил французские слова грубовато, с грубым «р» и в то же время немного смазанно и неясно. — Не пришло, так и знай.

Он помолчал, не выпуская Николая из виду. Хотел удостовериться, что его поняли. Настаивал, приказывал, чтобы его поняли... Возможно, даже был готов схватиться за нож, если собеседник его разочарует. И это не из-за вина, здесь было нечто большее.

— Чье время? — спросил Николай. Едва улови-

мым движением он отвел было руку назад, к поясу, к своему ножу.

— Не стоит, парень! — остановил его Баска. — Я ловчей, ты же знаешь. Мне сейчас не до игр...

— Чье время не пришло? — повторил Николай. Вариант с ножом отпадал. Лучше будет скатиться вниз по склону и скрыться за ближайшим деревом. Да, так будет лучше всего.

— Того мальчишки с ишаком, — в голосе Баски вдруг прозвучала усталость, и, как ни странно, его французское произношение стало более внятным. — Мальчишки с ишаком. Его время еще не пришло. И твое не пришло. — Он опять опрокинул бутылку, потом отер губы тыльной стороной ладони, и в его взгляде на мгновение мелькнула насмешка. — И ты был не лучше его, когда явился... Помнишь? Склад бензина в Кастильоне, а? Пробитая канистра... И как тебе удалось тогда отделаться от собак, парень?

За долю секунды прошлое пролетело в голове, обрушившись, как выстрел... нет, как свист пули над бесконечно пологим склоном, а горный хребет парил где-то в недостижимой высоте изумительно синего неба. Безмолвная, исполненная ужаса молитва... только не в канистру... не в эту проклятую канистру с бензином, которая неимоверно тяжелая и булькает при каждом мучительном шаге к спасению. А невидимый стрелок целится, не торопясь, видимо, у него оптический прицел, и куда же ему еще целиться, как не в канистру? Впереди взрывается фонтанчик из земли и травы... Шаг, еще, еще... Мышцы икр и ляжки напряжены до предела, но ускорить шаг не получается... Оглушительный звон возле самого уха, и сразу за ним противное жужжание скрикошетившей пули, рикошет, рикошет, сла-

ва тебе, господи, значит, еще немного проживем. Тяжелый свист дыхания в пересохшем горле сливается с громopodobными ударами сердца, отдающимися в висках, но даже сквозь этот сонм звуков прорывается далекий злобный, надрывный лай собак. Они взяли след — по запаху капель бензина, которые просочились из той едва заметной дырочки в прожжавевшем металле. Лай приближается, одна рука достает пистолет, другая тянется к ножу, но отроги гор еще далеко, а каждый миг задержки здесь, под прицелом, означает смерть или, что еще хуже, пулю в канистру...

Стиснутые зубы заскрипели. Он с трудом разжал челюсти, и теперь в нем было достаточно злобы, чтобы встретиться взглядом с Баской.

— Мы все грешили, старик.

Баска хохотнул тихонько, безрадостно.

— Да, парень, мы все грешили. И я грешил, знал бы ты, сколько я грешил... Если найдется кому обмыть меня перед тем, как положить в гроб, тот прочтет на моей коже целую книгу грехов. Не пером писанную, а свинцом и холодной сталью. Но есть там кто-то на небесах, который каждому отмеривает срок. И этот кто-то решил, что сегодня не ваш черед — не твой и не мальчишки с ишаком.

Он помолчал, облизал потрескавшиеся губы и одернул одеяло немного вниз. «Старик рехнулся, — подумал Николай, — никогда в жизни он не говорил так много». Вдруг ему показалось, что со стороны лежащего человека подул ветер, тяжелый, плотный ветер, полный ледяного дыхания пустоты, праха и тлена. Невольно он поднес руку к лицу, но волна прошла, остался лишь острый, испытующий взгляд Баски.

— И ты, значит, учуял, а, парень? Первый раз

небось? Ничего, зато запомнишь на всю жизнь. Это было давно, очень давно... Мне только одиннадцать стукнуло, когда Карлос Эль Коте зашел в трактир Кастильда... и когда Фелиппе сказал ему: «Привет, братец. Давно не виделись», мы все почувствовали этот запах, потому и вышли на улицу, а кто-то побежал за священником... Ведь человек не должен помирать без господи...

Его огрубевшие пальцы боролись с верхней пуговицей грязной рубахи из грубого домотканого полотна. Наконец он справился с ней. Двух нижних пуговиц не хватало, и рубаха распахнулась широко, обнажив старческую грудь, покрытую густыми белыми космами. Среди клочковатой растительности бросалось в глаза темно-коричневое овальное пятно — страшная, губчатая выродившаяся ткань. По краю опухоли на тонком кожаном шнуре висел маленький крестик из черного металла. Золото, простонал про себя Николай. Старик и вправду спятил. Неужели никто не сказал ему про радиоактивность?

Держа крестик в одной руке, Баска предупредительно поднял другую, не дав тому сказать.

— Знаю, знаю, не трать слов попусту. Я ношу его с тех пор, как себя помню, и нет на свете такого страха, который заставил бы меня снять его. Грешен я, парень. Годами не заходил в церковь, а в молодости убил двух священников и до сих пор в этом грехе не покался. Но крест не отдам, крест, на котором погиб Спаситель вместе с парой таких же, как я.

— Он тебя убивает, — хрипло произнес Николай.

— Слишком медленно, — покачал головой Баска. — Нет, парень, мне это не грозит. Просто сего-

дня мой день... Не золото меня убьет. А вот тебе его надо бояться, потому что вижу — ты как раз среди золота умрешь. Глубоко под землей... но не скоро. А я... Знаешь, когда старый горный козел почувствует, что приходит его час, он вызывает драться на дуэли самого молодого... высоко в скалы, над пропастью...

Старик опустил крестик и начал шарить рукой под одеялом. Дуэль, подумал Николай. Вздвогнув от дурного предчувствия, он снова потянулся десницей к ножу, но Баска уже выуживал из-под одеяла горсть мятых разноцветных банкнот.

— Возьми... Не надо слов! — В его взгляде заиграли знакомые убийственные искорки. — Когда вернешься, напейся, как настоящий мужчина, а если верующий, помолись за душу разбойника.

Молодой протянул руку. Старик положил банкноты ему в ладонь и удовлетворенно вздохнул.

— Вот так-то... А теперь уходи! Слышишь? Проваливай! Надоел!

Блестящее кривое лезвие ножа, словно само по себе, без посторонней помощи, выпросталось из-под одеяла. Николай отскочил за ближайшую сосну, сделал несколько шагов вниз, и, когда обернулся, Баска опять прикладывался к бутылке.

— Сумасшедший... — пробормотал он и начал спускаться к проходу.

Ноги у него были словно ватные, время от времени его пробивала нервная дрожь. За спиной вдруг раздался сухой старческий смех:

— Золото, много золота, парень... Не забудь, золото под землей!

Да иди ты к черту, оскалился Николай. Выживший из ума старый хрыч! Тебе-то что? Золото под

землей... Банк, что ли? Да какой сумасшедший сунется теперь в банк за золотом?

Спускаясь вниз по скользкому ковру из сухих сосновых иголок, парень несколько раз повторил это слово вполголоса, словно хотел попробовать его на вкус. Золото, золото, золото... Нет, как ни старался, ему не удалось воспроизвести ощущение той звонкой алчности, страстного азарта, которые когда-то внушало это слово. Сейчас во рту от него оставался лишь горький, ядовитый дух гниения, разъедающий основы мира.

Сосны поредели. Николай сел возле ежевичного куста и рассеянно стал разглядывать смятые купюры. Обычная мешанина — доллары США, швейцарские франки, российские рубли, японские йены... Попытался было пересчитать и оценить их общую стоимость по текущему курсу, но цифры прыгали в голове, и после третьей неудачной попытки он бросил это занятие. Так и сидел, глядя на буковый лес на противоположном склоне ущелья. Что-то было не так... Весь разговор с Баской звучал фальшиво — от начала до конца. Нет, люди, неправильно мы живем, как сказал бы Мишин. Разучились мы беседовать задушевно, любой обмен мыслями превращается в словесную дуэль, и все это ради сомнительного удовольствия утвердить собственное «я».

Пока он прятал деньги в нагрудный карман куртки, кто-то показался внизу, пыхтя и ломая ветки. Вскоре кусты раздвинулись, и из зелени вынырнула рыжая голова — нового помощника Гастона. Прежний едва выдержал четыре месяца, и этот вряд ли удержится дольше. Это было вечной проблемой для Гастона — ему никак не удавалось найти баланс между умом и глупостью. Умные помощ-

ники рано или поздно (чаще рано) начинали строить планы, как бы его подсидеть, и приходилось избавляться от них быстро и радикально. Та же судьба ожидала и тупиц, но уже по причине их провала, что неудивительно, учитывая сложную преступную деятельность банды.

Рыжий был из последних — это было видно уже по наивно-преданному взгляду его широко распахнутых голубых глаз. Он словно ждал, что в любой момент впереди вот-вот возникнет непреодолимое препятствие, с которым надо будет справиться, применив всю свою недюжинную силу, а если понадобится — то и устрашающую репутацию шефа.

— Идут, — запыхавшись, бросил он на ходу. — Полная тишина и никакого мельтешения.

— Ладно, мы свое дело знаем, — ответил Николай, но тот его не услышал и пошел дальше вверх между соснами, полный сознания собственной важности.

Гора затихла, как перед бурей, хотя на небе не было ни облачка. Даже недавний гомон птиц смолк, словно и они слышали приказ рыжего. Над деревьями нагнеталось тяжелое и тревожное ожидание. Плохо, подумал Николай, если в охране есть тертый калач, непременно заподозрит что-то неладное.

Он вспомнил разговор с Баской и почувствовал, что раскис окончательно. Не надо было говорить об этом перед тем, как отправляться на дело, это, наверное, и малому с ишаком известно. Просто проклятому старому хрычу надо было с кем-то разделить свое плохое настроение. Точь-в-точь как тот горный козел, о котором он говорил... только козел этот явно не спешил на тот свет. И вызывал молодого соперника не на ножах биться, а на словах, об-

корнал ему рожки и отпустил пастись. А теперь небось посмеивается, поднимая бутылку, если еще не до конца ее опорожнил.

Он осмотрелся вокруг. Помощник Гастона скрылся за соснами. Тишина становилась все более плотной, только со стороны ущелья доносился тихий рокот реки. Николай надел рюкзак, встал и вошел в кусты. Двигался медленно, раздвигая руками упругие ветки. Рыжий оставил заметный след, словно кабан, ломящийся напролом через пушу.

Вскоре кусты поредели, и в промежутках между ними открылся крутой склон дороги. Местами на нем росли высокие буковые деревья с великолепными прямыми и гладкими серыми стволами. Люди Гастона лежали неподвижно, спрятавшись за деревьями и скальными глыбами, выдавая напряжение лишь своими неудобными позами и тревожно поднятыми головами. Большинство из них были старые знакомые, Николай видел их в деле и знал, что действуют они безошибочно, синхронно. И, несмотря на это, дурное предчувствие его не покидало.

Сам Гастон сидел за последними рядами кустов, положив руки на согнутые колени. Он был, как всегда, элегантен — блестящий пиджак из черной кожи, черная шелковая рубашка, черные брюки и заботливо расчесанные черные волосы, стянутые сзади черным бантом. В отличие от большинства бандитов он был гладко выбрит — в последнее время подобное встречалось все реже, и это было символом того, что мир постепенно катится в какую-то неизвестную пропасть. Возле его черных сапог лежал короткоствольный израильский автомат, старое, но верное оружие ближнего боя.

Услышав хруст веток, главарь резко повернул голову, и на мгновение Николай встретился глаза-

ми с тем взглядом его серых глаз, какой был знаком разве только врагам француза. В них не было угрозы, скорее небрежное обещание смерти каждому, кто дерзнул бы ему перечить. Гастон не выходил из себя, это знали все. Он просто убивал деловито, целенаправленно, и в этом был похож на Баску. Иначе он не смог бы оставаться столь долго шефом самой дерзкой банды в округе. В продолжение нескольких лет с ним не рисковала связываться даже мафия, тем более что ей вряд ли удалось бы найти лучшего подельника.

В следующий момент угроза в глазах Гастона погасла, как задутая свеча. Он слегка улыбнулся и хлопал по земле рядом с собой. Низко нагнувшись, Николай пробежал вперед и спрятался за кустом. Место было выбрано удачно, отсюда был виден поворот дороги, и в то же время редкие ветви позволяли спрятаться тому, кто следил за дорогой.

— Привет, Ник, — сказал француз. Голос у него был низкий, с хрипотцой, каждое слово звучало несколько угрожающе, даже когда он этого не хотел. — Я не знал, что ты здесь. Проблемы с деньгами, а?

— Ничего подобного, — соврал Николай. — Просто решил поразмяться, чтобы сноровку не потерять...

— Проблемы с деньгами, — решительно повторил Гастон. — По глазам вижу. С каких пор ты не ел?

Не дожидаясь ответа, он вытащил из кустов черную кожаную сумку, открыл ее и вытащил два бутерброда, завернутые в чистую салфетку из домотканого полотна.

— Ешь давай. Ешь, не строй из себя кисейную барышню. Или я не вижу, что нос у тебя заострился, как перочинный нож. Как там Мишин?

— Все так же, — ответил Николай с набитым ртом. — Все деньги на самолет собирает.

Гастон хохотнул, словно впервые об этом услышал.

— Скажи ему, пусть побережет свою задницу. Грохнут его где-нибудь над Венгрией, и все дела.

— И я ему то же самое твержу, — пробормотал Николай, доедая первый бутерброд. — Да он не слушает...

Бутерброды были просто великолепны — свежий крестьянский хлеб, душистое масло и толстые куски ветчины. Он откусил второй и посмотрел вниз на дорогу. Пыльные остатки бывшего асфальта были сплошь изрыты ямами; единственным более или менее ровным местом была глубокая колея, проделанная редко проезжающими здесь телегами. Дорога была усеяна камнями. Никто не убирал их, пока они окончательно не останавливали движение. Тогда извозчику приходилось слезать и сталкивать их в пропасть, где давно ржавели останки ставших бесполезными автомобилей. На краю дороги торчал покоробленный и разбитый дорожный знак, на котором все еще просматривался казавшийся сейчас совершенно неуместным запрет на превышение скорости более 80 километров в час.

— Вечно ты на мели, — покачал головой Гастон. Он говорил это без укоризны, даже с некоторым уважением. — И как тебе это удастся? Вроде бы немало имеешь...

— Сам не знаю, — пожал плечами Николай. — При этой дороговизне деньги куда-то уплывают.

— Да ты и не особо напрягаешься, пока голод не одолеет. Слушай, Ник, хочу тебе по-дружески подкинуть одно выгодное дельце. Если выгорит, потом

можешь всю жизнь бить баклуши. Один-два броска через горы. Платят австралийскими долларами.

Николай присвистнул:

— Австралийскими? Без дураков? А что за товар?

— Бриллианты.

— Ясно. Значит, ты теперь на иоаннитов работаешь. Это без меня, дружище. Извини, но мне моя шкура дороже. За бриллианты расстреливают на месте.

— За спички тоже расстреливают, — возразил Гастон.

— Да, но тут сбыл товар — и свободен. А если пойдут слухи, что я замешан в афере с бриллиантами, и выяснять не станут, правда это или нет, пришлепнут на месте. Так что это не ко мне. А почему Баске не предложишь?

— Да я предлагал, — неохотно признался француз.

— И что?

— И слышать не хочет об иоаннитах. Совсем старик из ума выжил. Говорит, что они дети сатаны.

— Может, он и прав. Терпеть не могу фанатиков, какого бы цвета они ни были. Просто трести начинается, когда их вижу.

Гастон нетерпеливо махнул рукой.

— И я их терпеть не могу, если хочешь знать. Но дело есть дело. Пятнадцать килограммов бриллиантов ждут отправки, а у меня нет надежного курьера.

— Хочешь выйти сухим из воды? — усмехнулся Николай.

И тут же пожалел о сказанном. Лицо главаря утратило всякое выражение, стало непроницаемым, только сквозь щелочки глаз сквозило холодное недоверие.

— Отказываешься, значит?

— Отказываюсь, — вздохнул Николай. — И если бы был уверен, что ты послушаешь моего совета, то посоветовал бы тебе отдать товар обратно.

— Австралийские доллары, — напомнил Гастон.

— Да к черту эти австралийские доллары! Это же бриллианты! Я бы на любой товар согласился — спички, зажигалки, лекарства, даже бензин, чтоб ему пусто было. Но бриллианты... Иоанниты свихнулись, о завтрашнем дне не думают. А ты готов ради них на любые жертвы, ведь если власти пронюхают, не успокоятся, пока не накроют всю курьерскую сеть. Пока они нас терпят, потому что понимают, что без нас как без рук. К тому же у них ни сил нет для борьбы с нами, ни желания блокировать горные тропы. Но если разнесется слух, что мы работаем на этих самых иоаннитов, в игру вступят крестьяне. А ты знаешь, какие они суеверные в последнее время. Охота тебе бегать от толпы крестьян, вооруженных вилами да берданками?

Он распалился и, наверное, мог бы еще продолжать, но с той стороны, где дорога делала поворот, донесся крик сойки. Гастон знаком велел ему замолчать и быстро натянул на голову черный капюшон с прорезями для глаз и рта. Люди в засаде в овраге тоже начали маскироваться, их движения были осторожны и неловки, они старались не высываться из укрытий. Где-то покотился камешек, упал, и вновь наступила звенящая тишина.

Наконец тишину прорвали новые звуки — топот скачущих галопом коней, скрип плохо смазанных колес и грохот железных ободов по камням и комьям асфальта. Гастон взял автомат и снял с предохранителя. Он выглядел все так же спокойно и уверенно. Его глаза смотрели сквозь прорези капю-

шона вызывающе и слегка насмешливо, словно он собирался выиграть приз в тире на крестьянском рынке. «Когда-нибудь с ним поквитаются, — подумал Николай. — Шлепнут по дурацости, а он даже не успеет понять, что случилось».

Топот усиливался. Внезапно из-за поворота появились первые двое всадников — крупные мужчины в маскировочных комбинезонах и с касками на голове. Они ехали рядом в одинаково прямых позах, опираясь локтями на поднятые кверху дулами автоматы. Не глядя на дорогу, они скользили глазами по косогору и по деревьям наверху, пытаясь выяснить, нет ли где засады. На мгновение взгляд одного скользнул по кустам, и Николай невольно съежился, хотя был уверен, что ветви прячут его надежно.

Следующие двое были вооружены американскими карабинами и держали их у груди наперевес. Нервничают, подумал он. Их пугает тишина. Лошади, которым передалась тревога всадников, тоже ступали нервно и крутили глазами. В нескольких метрах сзади них ехал бронированный фургон, который тянули флегматичные волы. Извозчик был одет в гражданскую одежду, но на облучке рядом с ним сидел солдат с легким пулеметом. Николай почувствовал, как что-то холодное и дрожащее проникает в его желудок. Дело принимало серьезный оборот. Как любил поговаривать Мишин: если дойдет до стрельбы, считай, операция наполовину провалена.

Убивать он не любил. И сейчас ему хотелось проползти вверх, затеряться между соснами и направиться прямо к горам, отказавшись от безумной затеи. Он мог себе это позволить, денег Баски хватит минимум на месяц. Но он знал, что не сделает

этого — в его профессии самым важным капиталом были не деньги, а репутация. Если узнают, что в последний момент он дал задний ход, больше никто не доверит ему товар, кроме, может быть, Мишина, да и тот не волен принимать самостоятельные решения. Впрочем, уже поздно. Из кустов незамеченным не выбраться.

За фургоном следовали еще четверо вооруженных всадников. В общей сложности девять человек охраны плюс извозчик, у которого, скорее всего, под облучком тоже было что-то припасено. Слишком много всего, чтобы сдать без боя. И Гастон должен это понимать.

Его охватило чувство *deja vu*¹, и он почти не удивился, что вначале напряглось тело, и только потом он услышал рядом с собой оглушительный свист. Одно из деревьев справа качнулось и медленно начало падать в сторону шоссе, преграждая путь колонне. Сбитые с толку всадники инстинктивно натянули поводья, завертели на месте, но было поздно. Люди Гастона повыскакивали из укрытий. Тонкий змеиный свист слился с треском заваливающегося дерева, и первый из всадников удивленно поднес руку к горлу, из которого торчала стрела арбалета, потом качнулся в седле и тяжело рухнул перед медленно ступающими волами. С косогора послышалась автоматная очередь — все еще предупредительная, в воздух. Кто-то закричал. Сзади на поворот с грохотом рухнул огромный кусок скалы. Всадники поскакали к нему, места хватало, чтобы его объехать, но раздался новый свист, и скачущий первым всадник повис на шее коня. Застрочил автомат. Пыльные фонтанчики прошили дорогу возле завала, и

¹ Уже виденного (фр.).

животные резко остановились. Солдат с пулеметом соскочил с козел, едва коснувшись земли, и стремительным рывком бросился к оврагу. На долю секунды его согнутое тело словно застыло среди поля, и Николай заметил у него на бедре странную кобуру пистолета с невероятно широким дулом. Гастон вскочил на ноги, держа оружие наперевес у живота согнутой в локте рукой. Автомат его резко пролаял, но беглец уже исчез за откосом, и пули попали в стволы растущих внизу буков.

— Hände hoch!¹ — пророкотал со стороны насыпи громоподобный бас. Это был Петручи. Поговаривали, будто он на спор звуком своего голоса разбивал стаканы, и именно из-за голоса Гастон якобы держал его в банде, потому что никакими бойцовскими качествами тот не обладал.

Извозчик застыл, наклонившись вперед и пытаясь нащупать что-то под козлами. Четверо всадников медленно поднимали руки, продолжая держать карабины с висящими над их головами дулами, словно собирались переходить вброд глубокую реку. Двое последних автоматчиков одновременно вступили в дело. Один пришпорил коня и опять поскакал к валуну, а другой соскочил с седла в канавку с высохшим илом и опавшей листвой. Это не могло служить ему даже чисто символическим укрыванием, сверху все было видно как на ладони. Наблюдая эту сцену с каким-то отвлеченным, абстрактным любопытством, Николай подумал о том, что оружие, как ни странно, почти всегда влияет на характер своего хозяина. Человек с ружьем, например, более медлителен, рассудителен, сторонник более выверенных действий, чем владелец автома-

¹ Руки вверх! (нем.).

та. Этот делает ставку на атакующий азарт и отчаянный риск. А может быть, наоборот, решил Николай, может быть, люди с тем или иным характером подбирают и оружие по себе. Или его выдают начальники, в армии всегда есть кому подумать за тебя.

Похоже, у удравшего автоматчика есть шанс выбраться. Его лошадь беспрепятственно доскакала до камня, обогнула его, и он был уже почти на повороте, когда из ближайшего куста выскочил человек в черном капюшоне и резко замахнулся. Рукоятка ножа будто сама проросла из спины всадника. Он выпустил поводья, откинул назад голову, растопырив руки с кривыми пальцами, потом начал медленно клониться вбок. Левая нога выпала из стремени как раз в тот момент, когда лошадь уносила его за поворот. Громко ругаясь, человек в капюшоне бросился вслед за ним.

Когда они исчезли из виду, все опять замерло. Никто не стрелял — Гастон предпочитал избегать лишнего шума. Всадники продолжали держать над головой карабины, извозчик поднял руки настолько, чтобы придерживать поля широкополой шляпы. Бандиты молча целились в тех, кто был внизу. Двигались лишь двое. Залегший в канавке солдат нажал на курок, зарычал, услышав сухой щелчок осечки, и нервно перезарядил оружие. На вершине склона хрупкий Ив пытался натянуть тетиву арбалета — чудесного оружия со складным прикладом, алюминиевым ложем и луками из гибкой стали. Солдат его опередил. От звука выстрела воздух взорвался, как прогнившая ткань, Ив вскрикнул и выронил арбалет. Еще один выстрел раздался в вышине. Солдат подскочил всем телом и уронил голову на руки, конвульсивно сжимающие автомат.

— Брось оружие! — грозным голосом скомандо-

вал Петручи, и события завертелись с бешеной скоростью.

Камни на склонах посыпались из-под ног бегущих вниз бандитов. Четыре винтовки и старое охотничье ружье с нарезным стволом глухо плюнули свинцом. Ив тяжело уселся на склоне, беспомощно и удивленно разглядывая струйку крови, текущую из правой руки. Сопровождаемые лавиной мелких камешков, первые нападавшие подошли к шоссе. Гастон перегородил дорогу, посмотрел в сторону ущелья и мгновенно упал ничком, чтобы увернуться от пулеметной очереди. Один из его людей, может быть, рыжий помощник, отполз вправо к высокой траве и, не целясь, разрядил вниз, в сторону дороги, всю обойму своего пистолета. Со звоном и противным воем несколько пуль срикошетили от ржавых автомобилей. В ответ пулемет срезал колочки репейника над его головой, но теперь разрывы пуль стали немного глуше.

— Удрал, сволочь! — воскликнул Гастон и оглянулся назад, где испуганные всадники спрыгивали с лошадей прямо в руки бандитов.

Из-за поворота довольно деловым шагом вышел человек с ножом. Гастон лишь взглянул на него, прищурил глаза, и тот, не теряя времени, юркнул обратно.

— Деде с ним расквитается, — произнес помощник.

— Посмотрим... — покачал головой Гастон и поднялся. — Эй вы, там, уберите этих отсюда! Привяжите их где-нибудь подальше в лесу, чтоб не пронюхали наш маршрут. Быстрей! А ты бегом, позови курьеров!

Пока помощник, спотыкаясь, взбирался по склону, несколько бандитов повели солдат и извозчика к поваленному дереву, перебрались через не-

го и скрылись среди деревьев. Другие полезли в фургон и начали выкидывать оттуда сундуки из нетесаных досок со свежими черными надписями: *STAATSEIGENTM! PRIVATHANDELN VERBOTEN!*¹ Один из сундуков распался, и на дорогу посыпались красные картонные коробки. Кто-то взревел от восторга. Гастон сбросил капюшон, вытер чистым платком лоб и похлопал по плечу стоящего с ним рядом человека.

— Повезло, Ренар. Спички!

Тот тоже скинул капюшон и расплылся в широкой улыбке, обнажая два ряда гнилых зубов.

— Тебе всегда везет, шеф.

Вдруг из ущелья долетел приглушенный рокот, последовало резкое шипение, и высоко в небо взлетела красная сигнальная ракета.

— *Merde!*² — выругался Гастон. — Поднимите свои задницы, лентяи! Где застряли курьеры? А что с Ивом?

Об этом можно было и не спрашивать. Петручи уже распорол рукав рубахи стрелка и перевязывал ему рану полоской белой ткани, сквозь которую проступало темное пятно.

— Ничего страшного, — заметил итальянец. — Кость не задета. За ранение денежки получишь, как раз на свадьбу, а, Ив?

Побледневший Ив кивнул и скривил обескровленные губы в беспомощной попытке улыбнуться.

— Хватит заниматься ерундой! — отрезал Гастон и добавил знакомым, не терпящим возражений, ледяным голосом: — Надо торопиться.

Бандиты притихли, засуетились возле фургона,

¹ Государственная собственность! Частной продаже не подлежит! (нем.).

² Черт! (фр.).

и вскоре все сундуки стояли рядом на подстилке. Николай слышал, как сверху продирались сквозь кусты курьеры, и решил, что ждать больше не имеет смысла. Лучше уйти первым. Раз уж засветились, любое промедление рискованно.

Он поднялся и, пока спускался вниз, увидел, что по дороге идет и довольно улыбается Деде. Его рубаха была забрызгана кровью.

— Опаздываешь, Деде, — мягко бросил Гастон. — Стареешь...

Бандит нахмурился — не столько от слов, сколько от тона, которым они были сказаны. Стрельнул взглядом на руки главаря, ожидая увидеть направленное в его сторону дуло автомата, но оружие висело сбоку на ремне. Почувствовав облегчение, Деде попытался было оправдываться:

— Чтoб обделать дело по-тихому, надобно время, шеф. Вы его упустили. Откуда ж я мог знать, что у него с собой ракет...

— Потом поговорим, — холодно оборвал его Гастон. — Беги, там помочь надо. Чтoб через четверть часа тут и духу нашего не было.

Опустив голову и плечи, обиженный Деде побрел к фургону, где его коллеги уже соорудили импровизированный стол из нескольких пустых сундуков. Еще на одном, как на табуретке, сидел бухгалтер Жанвье — хлипкий прыщавый юноша в очках в деревянной оправе. Чтo-то бормоча в реденькие усы, он развинчивал чернильницу, просматривая одновременно раскрытую тетрадь с расчерченной таблицей. Николай остановился перед ним.

— Получатель? — спросил Жанвье, не отрывая глаз от тетради.

— Иван Мишин. Сто коробок в кредит. Курьер Николай Бенев.

Бухгалтер окунул перо в чернильницу, поднял его и сосредоточенно уставился на черную каплю, повисшую на кончике пера.

— Мишин превысил кредит. Не знаю, можно ли...

— Дай ему, — бросил сбоку Гастон. — С Мишиным у нас договоренность.

— Надо заранее предупреждать, — буркнул Жанвье без намека на почтительность. — Невозможно работать. Хорошо, записываю. Иван Мишин... сто в кредит... курьер...

Из-под пера пошли кривые кодовые закорючки. Слегка улыбаясь, Гастон посмотрел на Николая и пожал плечами, словно говоря: «Что с него взять, интеллигент». Люди в сторонке без промедления начали отсчитывать коробки. За Николаем терпеливо ждал своей очереди Баска, за ним еще пять-шесть человек. Остальные спускались по косоугору; замыкал колонну хмурый парень, тянущий упирающегося ишака. Николай отошел от сундуков, снял рюкзак, вытащил большой клеенчатый мешок и побросал туда коробки со спичками. Даже не потрудился пересчитать — Гастон расстрелял однажды несколько человек за мелкое жульничество, чтоб другим неповадно было. С рюкзаком в одной руке и мешком в другой он подошел к косоугору, сел на плоский камень и высыпал коробки обратно. Поблизости двое бандитов, взвалив на плечи труп убитого солдата, тащили его к ущелью. Сапоги убитого стучали по разбитому асфальту с раздражающе монотонным звуком.

Николай вздохнул и начал аккуратно укладывать товар в мешок. Слишком много смертей среди людей этой профессии. И вообще в мире слишком много смерти после случившегося Коллапса. Чело-

век постепенно к ней привыкает и перестает обращать внимание — как вон те волы, которые жуют себе лениво, невзирая на распластанного у их ног мертвеца. Это важнее всего — еда, жизнь, красные картонные коробки с сотней спичек в каждой. Он видел, как убивают человека за почти пустой коробок спичек... да и за меньшее могут убить. И что в результате? Влажное пурпурное пятно на сухой земле, рассыпанные вокруг серые гильзы, и какое-нибудь скудное наследство для оставшихся в живых, вроде вон того обреза в руках бандита.

Бандит осмотрел трофей со всех сторон, заметил взгляд Николая и подмигнул ему заговорщицки. Потом перебросил автомат через плечо и удалился. Добыча была невесть какая, огнестрельного оружия еще хватало, но благоразумные люди запасаются заранее. Старый мир медленно уходит, а будущее... кто может сказать, что оно готовит? Во всяком случае, новой цивилизации понадобится как минимум век после Коллапса, чтобы обрести некую конкретную форму — если человечество доживет до того времени. Ясно одно, что в последние десятилетия все идет к примитиву, и в этом смысле Деде выглядит прозорливым, прибирая обрез из-под ног волов. Он может прослужить ему очень долго, во всяком случае, пока будет кому производить порох.

Последняя коробка легла на свое место. Николай подогнул свободный край мешка, вытащил из рюкзака одеяло и уложил туда мешок кверху дном. Спички товар хрупкий, с ним надо обращаться бережно. Намокнет — за него дадут лишь полцены, а то, глядишь, вообще превратится в горсть ни на что не годных щепочек.

— Эй, это ты Ник Бенев?

Он поднял глаза. Перед ним стоял рыжий помощник и смущенно переминался с ноги на ногу, сжимая небольшой сверток.

— Гастон велел передать это тебе, — добавил помощник, сунул сверток ему в руки и быстро удалился.

Сквозь ткань просачивался легкий запах ветчины. Николай невольно пощупал свой нос, «заострившийся, как перочинный нож», — неужели он действительно так исхудал, и задумчиво покачал головой. Смешно и грустно — человек, который спокойно мог убить человека, стеснялся открыто делать добро. Ну, Гастон по-своему прав. Не мог же он позволить, чтобы его заподозрили в мягкотелости. Иначе его власть летела ко всем чертям, что неоднократно случалось при их ремесле.

Не проверив, что в свертке, Николай положил его поверх спичек, затянул рюкзак, потом положил одеяло, накинул сверху брезентовый язык и застегнул его на застежку. Увидел, как Баска широким шагом поднимается вверх по насыпи. Правильно, нечего терять время. После той внезапно выпущенной ракеты каждую минуту можно нарваться на вооруженный отряд с фабрики.

Он встал, надел рюкзак и зашагал по дороге вдоль нетерпеливой очереди из курьеров. Парень с ишаком стоял последним. Какой-то неосознанный импульс заставил Николая остановиться и оглядеть его с ног до головы. Совсем мальчишка, не старше восемнадцати, с кудрявыми черными волосами, длинными, как у девушки, ресницами и едва пробивающимся пушком. В его темных зрачках таилась сдержанная осторожность, словно ему, с одной стороны, хотелось верить в жизнь, но с дру-

гой — никак не удавалось забыть каких-то суровых ее уроков.

— Как тебя зовут? — спросил Николай.

Парнишка моментально смерил его взглядом и, видимо, решил, что тот для него пока не представляет опасности. Но его рука — вероятно, совершенно бессознательно — отпустила уздечку и потянулась к поясу за ножом.

— Джовани... — И с некоторым вызовом: — Джовани Стерца.

— Хорошо, Джовани Стерца. Желаю удачи. Остерегайся хоженных троп, там сейчас неспокойно.

И не дожидаясь ответа, Николай повернулся к парню спиной и пошел дальше по дороге. Увидел Гастона с той стороны фургона и махнул ему на прощание. Шеф банды лишь незаметно кивнул ему в ответ. Не мог же он позволить себе расслабиться на виду у своих людей, кто-то наверняка с нетерпением ждет малейшего промаха, чтобы объявить его постаревшим. В преступном мире человек боится проявления эмоций, как чумы. Николай не знал ни одного душевного мафиози, кроме Мишина. Но Мишин — это особый случай...

Он перепрыгнул через поваленное дерево и оглянулся в последний раз. Сцена за спиной выглядела мирной, почти идиллической. Убитые солдаты исчезли в овраге, курьеры ждали своей очереди к Жанвье, бандиты мирно сидели у подножия насыпи, а кони свободно паслись в придорожной траве. Издалека было не видно, что там за пятна на асфальте, они больше были похожи на разлитую воду, чем на кровь.

Он шел дальше. Новый поворот закрыл место засады, и он остался наедине с собой среди мира,

где лишь разбитая дорога свидетельствовала о медленно закатывающейся цивилизации. Чуть дальше справа обнаружилась тропа — темный туннель под переплетенными кронами буков. Песчаная почва была размита прежними ливнями и целиком засыпана крупными камнями, еще хранившими воспоминание о свирепой силе горных потоков.

Всего на полчаса, сказал он себе. Всего тридцать минут, а потом придется сойти с тропы. Они нынче ненадежны.

Тень деревьев поглотила его, и шоссе опустело до появления следующего одинокого путника.

2

Последние деревья выдвигались языком к седловине между двумя долинами. Внизу слева вилась сравнительно хорошо утрамбованная дорога, над которой протянулись рельсы узкоколейки на Альштуфе. Неподалеку от седловины стояло крошечное здание вокзала — недавно беленный домик начала прошлого века — с островерхой красной крышей и часовой башенкой. За ним шел огород с несколькими фруктовыми деревьями и навесом над поленницей. В этой зеленой лесистой долине все выглядело на удивление мирно, даже насыпь железнодорожной линии была выровнена с типично немецкой педантичностью и очерчена белой разграничительной полосой, хотя поезда здесь проходили едва ли чаще, чем три-четыре раза в месяц. А вот села видно не было, оно пряталось за горным склоном, обросшим густым смешанным лесом. Лишь тонкая струйка дыма выдавала расположение общинного Очага. Дальше в вышине виднелись серо-

★ вато-голубые отвесные пики Ветерхорна с искрящимися на них пятнами снега. Несколько белых рваных облаков висели неподвижно в ясном небе над вершиной.

Справа в долине стадо откормленных пятнистых коров щипало буйную альпийскую траву. Время от времени в тишине раздавался звон колокольчиков. Лохматая собака невозмутимо бегала между ног невозмутимых рогатых принцесс и что-то вынюхивала в траве. Скрываясь в тени седловины, человек в синей форме и фуражке, опираясь на палку, рассеянно глядел на стадо. Он явно никуда не торопился.

Николай сидел возле леса и пытался решить, как поступить. Человек в форме был досадной помехой. Если пойти через долину справа, то никак не удастся проскользнуть незаметно. Слева не было видно никого, но в здании вокзала наверняка кто-то был, да и склон был виден как на ладони, в том числе и со стороны села. Оставался один возможный вариант — свернуть через лес резко вправо и обогнуть следующий хребет. Это займет около часа, но иного выхода просто нет. После сегодняшней акции любая возможная встреча таила в себе опасность.

Что-то зашуршало поблизости. Он резко обернулся, ожидая увидеть случайно появившегося дровосека или пастыря. И застыл на месте. Всего метрах в десяти за его спиной в зеленом полумраке стоял крупный олень с огромными ветвистыми рогами. Животное смотрело на Николая с некоторым интересом и без страха, словно понимая его нежелание выдать себя. В нескольких шагах от него чуть сзади в тени переступали с ноги на ногу пять или шесть серн с детенышами. После Коллапса горы постепенно превращались в настоящее царство живот-

ных. Цивилизация постепенно сдавала свои позиции, и звери размножались потрясающими темпами, спеша наверстать узурпированную веками свободу.

Внезапно животное вздрогнуло и слегка повело ушами. Человек тоже прислушался. Сначала ничего не было слышно, потом послышалось глухое ритмичное постукивание, доносившееся откуда-то сзади. Олень фыркнул, одним скачком махнул к стоящим сернам и повел их в чащу. Через полминуты стадо затерялось среди вековых дубов.

Человек в форме тоже слышал звук и, похоже, узнал его, потому что вскинул посох на плечо, свистнул собаке и размеренными шагами горца стал подниматься вверх по склону седловины. И сделал это как раз в тот момент, когда появился источник шума — небольшая ручная дрезина. Стоящие на ней двое потных мужчин ритмично качали вверх-вниз длинный рычаг. Человек в форме замахал фуражкой, не дождавшись ответа на приветствие, начал спускаться к зданию вокзала, сопровождаемый псом, который продолжал метаться то в одну, то в другую сторону, вынюхивая что-то в траве.

Николай надел рюкзак. Сейчас или никогда, лучшего случая не представится. В долине слева дрезина и железнодорожник приближались к вокзалу с одинаковой скоростью, но у человека все же было больше шансов на успех. Пригнувшись, Николай выскочил из леса и побежал направо вниз.

Пасущиеся коровы не обратили на него никакого внимания. Теперь они считались аристократками этого горного края, от них в немалой степени зависела жизнь здешних крестьян. И, похоже, они это понимали, судя по их ленивому барскому передвижению по пастбищу.

На солнце становилось жарко, но у Николая не

было времени снимать куртку. Запыхавшись, он бегом поднялся на противоположный склон и перед тем, как перевалить на другую сторону, бросил взгляд на седловину слева. Дрезина стояла возле вокзала; людей видно не было, наверное, они вошли внутрь выпить по глотку прохладного вина. Николай спустился немного вниз, чтобы его не заметили, если случайно выглянут в окно, отбежал метров на десять вправо и перешел на другую сторону хребта. С этой стороны склон был открытым до самого темнеющего внизу леса. Густая чаща была и наверху, в направлении Альштуфе. Это было ему на руку, по крайней мере, из села его не заметят. Далеко внизу паслись овцы, и пастух может его увидеть, но это было не слишком опасно, потому что с такого расстояния трудно определить, кто там идет по склону.

Он на миг остановился, сбросил рюкзак, снял куртку и положил ее поверх одеяла. Багаж был не тяжел, но все же он с удовольствием размял плечи, прежде чем опять надеть рюкзак и идти вперед по наклонным альпийским лугам. В пятидесяти метрах ниже, параллельно дороге, по которой он шел, высились через равные промежутки решетчатые башни старой высоковольтной линии. Покоробленные зимними бурями, они напоминали схематично нарисованные человеческие фигуры, беспомощно поднявшие руки перед невиданным коварством материи и бытия. На верхушках висели разбитые изоляторы и обрывки серовато-голубых проводов, обгоревших в страшные минуты Коллапса.

Высокая трава тихонько посвистывала у колен, когда он энергично шагал вперед. Движение успокаивало его. Он не хотел думать ни о чем, кроме предстоящего маршрута. Через двадцать минут он

будет за лесом возле Альштуфе, еще столько же времени уйдет на то, чтобы добраться до Ветерхорна. Скалистый проход между Ветерхорном и Зильбервандом был тяжел и неудобен, но ему это было как раз на руку. Пастухи и случайные прохожие предпочитали обойти гору с юга, через село. Лишь редкие смельчаки или люди, которым есть что скрывать, решались на трудное и опасное восхождение.

Он был уже за лесом, когда до него долетел звук первого выстрела.

Николай остановился, и по его спине пробежали мурашки. Противоположный склон был весь в ребристых складках, и из-за ближайшего холма ему было не видно, кто стрелял. Охотник, пытался убедить он сам себя, наверное, охотник из села. Но что ему делать здесь, на открытой местности? Эхо второго выстрела окончательно рассеяло эту успокоительную мысль. Стреляли из боевого карабина — звук был мощнее и резче глухого разряда охотничьего ружья. И еще... он раздался ближе, чем первый.

Третий выстрел. Николай в отчаянии огляделся. На голом склоне скрыться было негде. До леса оставалось, по крайней мере, пятьсот метров вверх по склону, долина с коровами осталась далеко позади, а ближайшая гора была гладкой, как спина какого-нибудь откормленного доисторического чудовища. Среди буйной травы торчали лишь столбы высоковольтной линии. Не слишком надежное укрытие, но все же.

Путаясь в жилистых стеблях травы, он бросился вниз, кинул рюкзак на землю и, упав, съежился у подножия столба. Его объела тишина, напоенная

ароматом альпийских цветов. Нагретая солнцем бетонная площадка под ладонями была теплой, теплом веяло и от шершавого почерневшего железа. На секунду его пронзило чувство, что он ошибся, что в таком спокойном месте не может случиться ничего плохого.

Потом где-то совсем рядом протрещала короткая пулеметная очередь. Ей ответил двумя быстрыми выстрелами карабин, и через секунду над ложбинкой среди травы показалась чья-то голова, потом плечи, трясущиеся в напряжении от безнадёжного бегства. Человеческая фигура вырисовалась в полный рост на фоне неба, и хотя это был лишь черный силуэт, Николай моментально узнал, кто это.

Баска!

Ему захотелось слиться с землей, провалиться сантиметров на десять в растрескавшийся бетон или стать таким тонюсеньким, чтобы спрятаться за решетчатыми прутьями столба. В движениях Баски была некая обреченность человека, знающего, что пришел его смертный час. Так оно и было — Николай понял это, когда угроза выплыла медленно и неуловимо из-за вершины холма.

В первый момент дирижабль показался ему огромным, чудовищное красное туловище заслонило собой все небо, и крупные белые буквы били прямой наводкой в его сознание: POLIZEI. И лишь после того как прошел шок, он понял, что вообще-то машина маленькая, двухместная и летит совсем низко. Пилоты в коричневых кожанках сидят один за другим в узкой плетеной гондоле; первый держит в руках рычаг управления и изо всех сил крутит педали, которые приводят в движение расположенный сзади винт. Второй тоже крутит свою пару

педалей, но не так остервенело, потому что сосредоточил все свое внимание на карабине. Он занял идеальную позицию — метрах в двадцати от склона и метрах в шестидесяти от бегущего контрабандиста. Несмотря на расстояние, Николай отчетливо видел каждую черту лица стрелка: прищуренные голубые глаза, аккуратно подстриженная светлая бородка, коричневая родинка на левой щеке, длинная прядка льняных волос, выбившаяся из-под кожаного шлема. Слегка наклонив голову вбок, полицейский сосредоточенно покусывал губы и прицеливался, глядя поверх дула ружья, прикрепленного к борту гондолы.

Из глубин памяти непрошено всплыла сцена из забытого фильма, который Николай, видимо, смотрел по телевизору — в те счастливые времена, когда еще были телевизоры. Старый, архивный кадр: охота на волков с воздуха где-то в российских степях. Волк как безумный носился по равнине, искал, где бы спрятаться, но не находил, не было спасения от распластавшейся тени самолета, а охотник, подавшись вперед из кабины, методично стрелял, стрелял со сладострастным упоением ненаказуемой жестокости. И в последний миг перед смертью зверь остановился, вскинул морду вверх, чтобы разить оскалом всю свою ненависть — могучую даже при безвыходности ситуации.

Обе эти сцены — реальная и воображаемая — сплелись перед глазами, наслаиваясь одна на другую, как диапозитивы (диапозитивы, тоже почти забытое понятие!), и он всем своим существом ощутил, что сейчас произойдет нечто невероятное, просто не может не произойти. Он не забыл о собственной опасности, чувствуя себя более голым и уязвимым, чем когда бы то ни было, но его личные

страхи отошли на второй план перед величием драмы, которая разыгрывалась у него на глазах. Дирижабль воплощал собой власть, силу, жестокость действующих годами законов военного положения. С другой стороны был волк — Баска, — и, непонятно почему, Николай верил в него больше, чем в самонадеянных молодых авиаторов в новых кожанках.

Тихо. Вокруг стало так тихо, что даже сухой ветер с гор перестал шуршать травой. Дирижабль бесшумно полз над покатым склоном, и во всем мире остался единственно слышный звук — хриплое дыхание старого контрабандиста, который сейчас был метрах в тридцати выше Николая, но тот его не замечал, как не замечали и те, кто был в гондоле. А там стрелок наклонился вперед, вытянул шею, словно хотел слиться с ружьем, стечь по дулу и вылететь вместе с пулей в тот миг — да, вот сейчас! — когда его указательный палец с плавной непреклонностью нажал на спуск.

Выстрел!

Пуля пробила навывлет левое бедро Баски и вылетела с брызгами крови и пропоротой тканью брюк. Старик волчком крутанулся вправо и, расставив руки, кубарем покатился вниз по склону. Трава задержала его, он так и остался лежать ничком, в то время как громадная красная сигара продолжала двигаться вперед медленно и неумолимо. Пилоты перестали крутить педали. Тот, что был впереди, держал трос, регулирующий работу газового клапана; его спутник отвел ружье в сторону и с холодным любопытством взирал на неподвижное тело жертвы. Но ни один из них не мог видеть то, что видел Николай.

Баска был жив и в сознании. Шевелились лишь

руки, накрытые телом. Быстрыми, ловкими движениями пальцев он вынул магазин из автомата, достал новый из внутреннего кармана грубой шерстяной куртки и перезарядил оружие так споро и незаметно, что не дрогнул ни один мускул на неподвижной спине. Его голова была повернута влево, и на какой-то миг его взгляд пересекся со взглядом Николая. Что было в этих стариковских глазах? — спросил он себя. Во всяком случае, не страх. Не ненависть и не ожидание чуда. Скорее усталость и проблескивающая под ней железная воля к победе независимо от каких бы то ни было ударов враждебного мира.

Их взгляды разминулись. Баска сомкнул веки, и его пересохшие губы зашевелились в неслышном шепоте — может быть, в молитве, может быть, в ругательстве или каком-то очень важном воспоминании из долгой жизни. Пальцы правой руки скользнули под распахнутую рубаху, быстро выскользнули и вцепились в ствол автомата. Ракового нароста коснулись или черного золотого креста?

Дирижабль замедлил ход. Длинная мрачная тень двигалась по траве к лежащему человеку, подобная призрачному всеядному хищнику. Первый пилот продолжал смотреть вниз; стрелок, похоже, потерял интерес к жертве. Взглянул налево — и в его взгляде загорелся вдруг холодный, расчетливый огонь. Голубые глаза впились в Николая, приковав его к решетчатому столбу, дуло карабина шевельнулось в воздухе.

В траве как будто взорвалась мина. Баска взлетел вверх, словно подброшенный взрывом, и с диким, победоносным смехом прочно встал на широко расставленные ноги. Левая штанина пропиталась кровью, заметил Николай. Но старик не чувствовал

боли, он смотрел, задрав голову, на приближающееся красное чудовище, и зубы его обнажились в торжествующей улыбке. Автомат, прижатый к груди, затрясся, загремел, выбрасывая длинной дугой летящие голубоватые гильзы. Пули летели вверх наискосок, прочерчивая в чистом воздухе дрожащий огненный пунктир. Впечатляющее зрелище, изумился Николай, впечатляющее! Летчики тоже все поняли — первый ослабил трос клапана и нагнулся, отчаянно крутя педали заднего хода. Второй нацеливал карабин вперед и вниз, лицо его исказила гримаса беспомощности перед неуступчивым, упрямым временем. Поздно, поздно, поздно! Огненные пули утопали одна за другой в раздутом брюхе, продолжая лететь из короткого дула, но, на удивление, взрыва еще не последовало. Пропеллер крутился все быстрее, превратившись в дрожащий прозрачный круг, и медленно отводил дирижабль назад. Карабин стрелка выбрал цель и застрочил — раз, другой — среди сухого рокота автомата. Промых! Первый пилот выпрямился с мешком песка в руке. Третий выстрел попал в траву возле ног Баски. Мешок полетел за борт, и в тот самый момент из пробитой обивки дирижабля взметнулась струя горящего водорода. Четвертый выстрел, пятый. На груди старика расцвел кровавый цветок, и Баска упал на спину, устремив остекленевший взгляд в небо, где огненные вихри бешено метались по красному прорезиненному полотну, пожирая его и обнажая ребра падающей машины. Закругленный нос рухнул возле головы Баски, и среди треска деревянной арматуры рядом разлилось озеро желто-белых языков пламени, в которых, как в настоящем озере, тонули ободранный скелет корпуса, гондола

с двумя мечущимися фигурами, вертящийся пропеллер и все еще целый хвост.

Волна раскаленного воздуха полыхнула на Николая. Тело отреагировало инстинктивно, отбросив его назад вниз по склону, и, опомнившись, он понял, что оказался уже метров на двадцать ниже, чем прежде, все вертелось перед глазами, но левой рукой он продолжал сжимать лямку рюкзака. Уши не слышали, словно заложенные ватой, и сквозь удары крови в висках едва проникал свирепый рокот пламени, отрывочный треск рвущихся патронов, чей-то адский, нечеловечески протяжный вой. Бесформенный горящий силуэт неестественно медленно вырвался из пожарища и, проделав еще пару шагов, неподвижно рухнул на дымящуюся траву. Новый, более слабый взрыв качнул огненное озеро — наверное, это были драгоценные спички из рюкзака Баски.

Загипнотизированный страшной картиной, Николай неподвижно стоял на коленях и почти не чувствовал невыносимого пекла, которое болезненно обжигало кожу лица. Некому будет обмыть его тело перед тем, как положить в гроб, назойливой мухой жужжала навязчивая мысль. Некому будет обмыть его тело перед тем, как положить в гроб, некому... Последние останки дирижабля тонули в пожарище, испуская тучи сального, черного дыма. В воздухе разливалась густая вонь плавящейся резины, смешивающаяся со страшным сладковатым запахом горящей человеческой плоти. Некому будет обмыть его тело перед тем, как положить в гроб, некому... Из огня продолжал долетать треск рвущихся патронов. Шальная пуля срикошетила от столба высоковольтной линии, и это заставило Николая взять себя в руки. Дрожащими руками он поправил лям-

ки рюкзака и медленно двинулся к темнеющему вдали Ветерхорну. Ноги у него подгибались словно ватные, едва выдерживая вес тела, он и сам не понимал, что заставляет их все же двигаться вперед.

Некому, некому, некому...

Через несколько минут он остановился и решил оглянуться назад. Горб склона заслонил горящие обломки, был виден только плотный столб густого серо-черного дыма, обогренного снизу дрожащим оранжевым и красным сиянием. Но не от этого у него перехватило дыхание, а оттого, что на горизонте он увидел три крошечные фигурки — точно там, где он проходил полчаса назад. Железнодорожники!

Николай в сердцах сцепил зубы, развернулся и быстро зашагал вперед. Теперь в этих горах может стать действительно жарко. Те, что на хребте, не будут долго пляться на дирижабль, вскочат на дрезину и отправятся на ближайший полицейский пост. Погода ясная (он безнадежно приглядывался к редким облакам над вершиной), и ничто не мешает с помощью сигнальных зеркал передать с поста на пост: объявляется поимка человека. И теперь, потеряв двоих своих, патруль будет беспощаден, как взявшие кровавый след гончие собаки.

Оставалась только одна, хотя и слабая надежда: обмануть очевидцев, что он якобы идет на восток, вдоль горной цепи, не собираясь переваливать через хребет. Он свернул немного вправо, ориентируясь на островок деревьев в низине, и направился туда. Конечно, потеря времени была неизбежна. Каждый четвертый шаг отдалял его от прохода, но это было неизбежное зло. Важно было создать впечатление, что он спускается, пока не доберется до укрытия в лесу Ветерхорна.

Он оглянулся через плечо. Фигурки на горизонте исчезли. Теперь он мог бы сменить направление, но предпочел не делать этого — а вдруг наверху появится какой-нибудь любопытный крестьянин из Альштуфе, которого привлекли стрельба и дым? К тому же хвойный лес был совсем рядом, крюк отнимет не больше пары минут, а возможно, позволит избежать больших неприятностей.

Он чувствовал, что действует на пределе возможностей, черпая энергию из последнего резерва тела и мозга. Потрясение, которое он пережил, опустошило его, измучило, он чувствовал себя каким-то плоским и прозрачным, лишенным веса и плотности. Ему удавалось сохранять ясность рассудка только потому, что произошедшее было заблокировано где-то на дне сознания, хотя яд продолжал просачиваться, парализуя ноги. Некому будет обмыть его тело перед тем, как положить в гроб, опять возникла навязчивая мысль. Некому будет прочесть книгу его грехов, написанную свинцом и холодной сталью...

Темная стена леса возникла перед ним неожиданно, и он встретил первые упругие ветки, расправив грудь, как марафонец на финише. Потом рухнул всем телом на землю, готовый принять лицом жесткий удар, но, на удивление, падение оказалось мягким, потому что руки непроизвольно выпростились вперед и тело спружинило.

Сознания он не терял. Просто лежал расслабившись, растекаясь, как квашня по столу. Сухие еловые иголки покалывали щеку, и это легкое покалывание доставляло ему странное удовольствие, потому что было связью с жизнью, было чем-то таким, что Баске уже не испытать никогда. Тревога улетучилась, оставляя после себя лишь бледную тень, смут-

ное ощущение, что надо куда-то торопиться. Ничего, нашептывала ленивая мысль, время есть. Хватит нетерпения, беготни, суеты. Хватит тревог и страхов. В целом мире нет ничего настолько важного, ради чего стоило бы отрываться от теплой земли, от отдыха и рассеянного наблюдения за ползущим по траве муравьем.

Рядом пробежала белка, распушив длинный хвост. Остановилась на мгновение, огляделась и стремительно вскарабкалась вверх по стволу ближайшей ели. Николай приподнялся и сел. Протянул руку, взял упавшую шишку и долго вертел ее перед глазами, исследуя с нелепым страстным любопытством каждую чешуйку в отдельности. Наверное, ему это было нужно, потому что постепенно он обретал силу, и когда утратил к шишке интерес, ощущение рассеялось, как утренний туман. Воспоминание о перестрелке и пожаре утонуло там, где им и было место — среди других воспоминаний, в архиве абстрактных картин, лишенных силы реального переживания.

Пора было идти. Он встал, с удовлетворением отмечая, как наливаются упругостью отдохнувшие мышцы, и пошел в глубь леса, предохраняя локтем лицо от низких пружинящих веток. Вскоре он вышел на узкую тропинку с клочьями хилой бледно-зеленой травы. Встревожился, увидев след подкованного копыта, но отпечаток был старым, по крайней мере, двухдневным. Успокоившись, Николай пошел вверх. Теперь нечего бояться; засада здесь маловероятна, а редкого путника будет слышно издалека, и можно спрятаться в лесу, пока он не пройдет.

Дальше дорога становилась все круче, и тропинка начала вилять среди плотных темно-зеленых

стен. Время от времени высоко вверху среди островерхих крон мелькали прогалины, и в них поблескивали снега Ветерхорна. Этого было достаточно для ориентировки — он шел в верном направлении.

Его мысли опять возвращались к Баске. Сейчас он мог себе это позволить, первое потрясение прошло. В конце концов, старик был прав, когда говорил о книге грехов, написанной на его теле. Для всякого контрабандиста существовало железное неписаное правило: учись на чужих ошибках, если не хочешь за них платить собственной шкурой. Смерть Баски была жестоким, а потому полезным уроком. Надо вычеркнуть этот район раз и навсегда, в последнее время местная полиция значительно преуспела. Впрочем, и во многих других областях происходит укрепление организационной структуры полиции. С каждым годом после Коллапса их ремесло становится все более опасным. Полицию и армию оснащают самой современной техникой; воздушные шары, дирижабли, дельтапланы, локомотивы; поговаривают, что кое-где уже пользуются легковыми машинами и легкой авиацией.

И все же они не были непобедимы, сказал он про себя. Сегодняшнее сражение показало это со всей очевидностью — всего несколько пуль способны за одну минуту превратить хваленые дирижабли в кучку дымящегося пепла. Он не знал, существуют ли зажигательные патроны для пистолета, но дал себе слово проверить это сразу же по возвращении. Мишин наверняка знает, у него есть солидные связи на оружейном черном рынке.

И важнейший урок — контрабанда не может стать профессией на всю жизнь. Это не было открытием, об этом знали все, кто ею занимался. Все понимали, что благоразумней вовремя завязать,

прежде чем малейшая неосторожность, перестрелка или еще одна ходка положат конец всему. И все же продолжали рисковать: одни — в погоне за неосуществимой мечтой, как Мишин, другие — из-за гордости и презрения к опасности, как Гастон, третьи — просто в силу алчности и отсутствия воображения, они просто не могли представить себе, что когда-нибудь и их холодный труп будет лежать пред безразличным взглядом полицейского. Что же касается Баски... Баска — это другое, он был настоящим профессиональным контрабандистом, и, по всей видимости, ему от рождения было писано погибнуть именно так. Только вот... как он узнал, что это случится именно сегодня?

Вздвогнув от внезапно нахлынувшего ледяного холода, Николай испытал на мгновение чувство, что в клубке событий просматривается какая-то новая, сверхъестественная закономерность, связывающая его жизнь с жизнью Баски. Все выглядело простым и логичным: беседа накануне сегодняшней акции, неожиданная встреча, перестрелка, в результате которой старик фактически спас ему жизнь... Наконец связь оборвалась, и, лишенные мимолетного мистического налета, факты превращались в кучку банальных случайностей. Не было закономерности, не было логики; Баска мог выбрать другой маршрут, железнодорожники могли появиться позже, а Николай — обогнуть склон пониже, или сильный ветер отнес бы дирижабль в сторону, или... Тысячи «или».

И все же Баска знал.

Николай вдруг словно очнулся. Занятый своими мыслями, он не заметил, что тропинка стала слишком ровной и уходила влево, к Алыштуфе. Нет, там делать нечего. Он решительно пошел вверх и ока-

зался среди вековых кустов можжевельника. Тропинка осталась позади, ветви над головой слились в непроницаемый темно-зеленый балдахин. Воздух здесь был застоявшийся, тяжелый, напоенный копившейся десятилетиями пыльной тишиной. Кучи сухого валежника преграждали дорогу, их треск был единственным звуком в этой дремлющей чаще. С каждым шагом идти становилось трудней, но Николай, стиснув зубы и обливаясь потом, продолжал подниматься туда, где должен был находиться Ветерхорн. Черная пыль от сгнившей древесной коры липла к мокрому лицу. В отдельных местах ветви можжевельника свисали до земли, и приходилось пригибать голову и напрягаться всем телом, чтобы пробиться сквозь колючую изгородь. По волосам и одежде размазывалась густая смола. Время словно истлело вместе с осыпающейся древесиной, и у него было такое чувство, что это восхождение не закончится никогда. Но вокруг становилось светлей, между кронами показались кусочки голубого неба, да и можжевельник стал ниже. Появились молодые ели и сосны, наклон стал меньше, потом исчез совсем, и лес вдруг кончился. Впереди блестело маленькое озеро, окруженное редким еловым лесом, а наверху, совсем рядом, высились отвесные серые стены Ветерхорна, и их отражение тонуло в темной, неподвижной зеркальной поверхности.

Николай медленно опустился на колени на залистую солнечными лучами траву, сел набок с неудобно согнутыми ногами и долго оставался в этой позе, не чувствуя ничего, кроме благодарности за то, что выбрался наконец на открытое пространство. Но за усталостью таилась тревога, и глаза все время всматривались в неприступные глыбы у прохода.

Потом встал, подошел к песчаному берегу и дол-

го смывал липкую смолу с рук и лица. Вода была ледяной и прозрачной, как хрусталь; у него сводило челюсти, пока он пил из ладоней. Он снял флягу, наполнил ее и пошел вдоль озера.

За елями росло несколько низких сосенок, причудливо кривых от напора зимних выюг. Дальше было подножие горы — сначала шли тучные луга с приглаженной травой, потом крутые травянистые склоны и вздымающиеся громадные скалистые бастионы, словно вырубленные гигантским молотом. Николай поднимался медленным шагом по пастбищу, мысленно отмечая засохшие коровьи лепешки. Ничего страшного, стада давно не паслись здесь. Пастбища рядом с селом были удобнее.

Чем выше он поднимался, тем ниже и прочней становились стебли травы; из земли словно вырастали камни, изваянные ветрами, подобные костям доисторических животных. Иногда из-за них высывались любопытные мордочки альпийских мармотов¹. Податливый, пружинящий торф скудел, и трава уже не поднималась, а стелилась по нему мелкими отдельными клочками. Впереди были скалы Ветерхорна с рассыпанными у их подножия кучами зубчатых глыб. В воздухе разливалась сухая, слегка пьянящая горная прохлада. Николай остановился, чтобы сделать небольшую передышку и надеть куртку. Тепло одежды струилось мягким домашним уютом, и сколь бы нелепым это ни выглядело, ему казалось, что если бы он не снял ее там, внизу, возле Альштуфе, то мог бы избежать многих сегодняшних неприятностей.

Тропа должна быть где-то здесь, в направлении Зильберванда. Он повернул направо и вскоре ее

¹ Вид мелких сусликов. — *Прим. рег.*

увидел — она была едва заметной среди камней, покрытых коркой серого и желтоватого лишайника. Сначала она вилась у подножия горы, потом огибала острый скальный гребень и появлялась вновь под отвесной стеной Зильберванда, уходящей в небо на головокружительную высоту.

Прежде чем ступить в тяжелую тень прохода, Николай остановился и оглянулся назад. Горы простирались до самого горизонта — мягкие овальные пастбища, лесистые склоны, глубокие долины и безжизненные серо-голубоватые вершины, увенчанные ослепительно белыми снежными шапками. Не осталось и следа от некогда безграничной власти человека. Когда-нибудь так и будет, невольно подумалось Николаю. Еще один удар Коллапса, и весь этот мир перейдет в безраздельное владение зверей и птиц.

И все-таки цивилизация еще напоминала о себе. Вдалеке его взгляд обнаружил остатки бывшего зимнего курорта. В плотном кольце темнеющего елового леса его развалины выглядели некой уродливой раной из полуразрушенных стен с зияющими дырами окон и покоробленными металлическими решетками. Но природа позаботилась сгладить эту картину: среди руин росли молодые деревца, они тянулись вверх, чтобы навсегда закрыть своей тенью этот уголок, который когда-то человек отвоевал для своих развлечений.

Он вздохнул и пошел дальше по дорожке, уходящей ввысь. Вскоре трава закончилась и в тени Зильберванда открылось мертвое каменное царство огромных обрывов и манящих высоких скал. Цвет пропал, властвовали лишь разные оттенки серого, и единственным цветным пятном был треугольник синего неба в прорези между пиками с медленно

плывущими по нему рваными облаками. Тропинка бежала все вперед и вперед, извиваясь среди глыб, таивших медленный, непреклонный ход миллионов лет. Тишина здесь была совсем иной, не имеющей ничего общего с напряженным враждебным молчанием елового леса. Ее наполняло бескрайнее терпение камня и высокомерное пренебрежение к мимолетной искорке жизни, дерзнувшей вторгнуться во владения вечности.

«Вот истинное лицо мира, — подумал он, осторожно ступая в первый сугроб из мелкого зернистого снега. — Не лес, не цивилизация и не мы. Только эти корявые кости Земли, которые останутся здесь даже тогда, когда нас давно уже не будет. Они выдержат все, должны выдержать, ведь на них держится бытие...»

Холодало. Стало темней, и тень или приближающийся закат были тут ни при чем. Облаков стало больше, и неслись они по небу гораздо стремительней, постепенно меняя цвет с белого на грязно-серый. Погода портится, с тревогой подумал Николай и ускорил шаг, подталкиваемый в спину долетающим со стороны прохода ветром. Надо торопиться, предстоял самый трудный участок пути.

Через полчаса он стоял, запыхавшийся и потный, на перевале. Впереди склон уходил резко вниз. Дорожка сворачивала вправо и дальше шла по узенькому карнизу, выступающему из отвесной стены Зильберванда. Свет померк под плотным колпаком низких серых облаков, и дальние вершины терялись в туманной дымке.

Николай ступил на карниз. Здесь, в шаге от начала рискованного маршрута, на сглаженной ветрами скале, был высечен огромный крест. Кто высек его и когда? Что хотел сказать отважным путешест-

венникам? Внушить мысль о бренности жизни? Чтоб не забывали уповать на божью милость? Или просто напоминал о том, что любая неосторожность может отправить их к праотцам? Крест хранил молчание, храня память о давно истлевшей человеческой руке под тонкой шершавой коркой серого лишайника.

Прежде чем идти дальше, он глубоко вдохнул и постарался очистить сознание. Вступало в силу правило, издревле заведенное в горах: не думай о конечной цели маршрута, не думай ни о чем, важен лишь следующий шаг. Отдайся на волю случая, шагай медленно и размеренно, проверь опору, прежде чем ступить на нее всей своей тяжестью. Помни, что сколь долгим ни был бы путь, он всего лишь цепь шагов...

Сознание стало цепким, с удивительной ясностью схватывало любую мельчайшую подробность, каждую трещинку и выпуклость на шершавой поверхности скалы. Все было неизменным и в то же время бескрайне переменчивым; гранит тек перед ним словно горная река, устремленная к равнине. Все остальное исчезло, и Николай не заметил, как вокруг потемнело, облака опустились еще ниже, и заморосил мелкий дождь. Он понял это только потому, что скала стала коварно скользкой, и следовало быть еще более осторожным.

Неожиданно карниз кончился. Под ногами появились неровные граненые глыбы, и он остановился передохнуть, по-прежнему прижавшись к скале. Огляделся. Он стоял на огромном гранитном возвышении у северного подножия Зильберванда. Внизу, в густом тумане, едва угадывались склоны предгорий, вершины прятались за тяжелыми быстрыми облаками. Дождь замолотил по камням с удвоенной

силой, и Николай с тревогой ощупал рюкзак. Все в порядке, клеенка защищала товар от влаги. Но надвигалась гроза, и надо было спешно искать укрытие. Он начал спуск, спотыкаясь и скользя на мокром уступе. Ветер дул со всех сторон, его швыряло, слепило потоками воды. Невидимая в темноте острая грань больно ударила его в берцовую кость, и Николай вскрикнул от боли и начал материться. Небо ответило ему режущим голубовато-белым блеском и оглушительным громом. Ливень усилился. В потоке струй где-то поблизости слышался скрежет камнепада. Забыв о боли в ноге, Николай летел вниз как можно быстрее. Он не видел ничего, лишь свет молний время от времени озарял черные, словно покрытые лаком, глыбы скал.

Опора под ногами исчезла, он поскользнулся и покатился по мокрой траве вниз. Остановился, приподнялся и ощупал землю. Да, трава, камни кончились. Очередная молния обрушилась на темя Ветерхорна, и в ее мимолетном сиянии Николаю удалось сориентироваться среди миллиарда крошек застывших водных бриллиантов. Он был на правильном пути, теперь надо свернуть налево, вдоль подножия.

При обычных обстоятельствах он дошел бы до Грота де Берже за считанные минуты. Но теперь каждый шаг придется отвоевывать у разыгравшейся бури, которая то пыталась отшвырнуть его назад, то грубо толкала в спину, заставляя его махать руками, чтобы сохранить равновесие. Скользя и падая на размытом спуске, он начал двигаться к тропинке под проходом. Впереди слышался рокот, заглушающий вой ветра. Где-то слева грохотал водопад. Ноги ступили в буйный поток, течение ударило по лоджкам и чуть не свалило Николая с ног. Напрягая

позвоночник, ему удалось удержать равновесие, он расставил руки в стороны и сделал два быстрых шага вперед. Вода дошла до колен, по икрам били камешки. Резкая боль пронзила левую лодыжку. Николай сдавленно охнул и упал вперед. Погрузился по пояс, нащупал разодранными ладонями опору и на секунду застыл, стоя на коленях среди бурлящей смеси из пены и скальных обломков. Поток неся у него перед глазами, топил его, бешеным течением его отнесло на несколько метров вниз. Он нашел силы, чтобы встать, и отчаянными прыжками устремился навстречу противоположному берегу. Ему казалось, что он, не касаясь земли, летит мучительно медленно, как в каком-то кошмарном сне, а ливень в стоворе с камнями пытается накинуть ему на ноги смертоносную петлю.

В темноте он не заметил, как выбрался из воды, просто почувствовал, что мертвая хватка потока ослабла. Он поднялся вверх по склону, помогая себе руками. В блеске очередной молнии увидел совсем рядом темную каменную стену и на ее фоне еще более темное пятно — вход в пещеру.

Еще несколько шагов, и скальный свод приютит его. Чувство покоя и избавления от неприятностей было настолько сильным, что Николай чуть не потерял сознание. Борясь с соблазном, он снял рюкзак и бросил к нему в придачу промокшую куртку. Потом повернулся задом ко входу и стал ждать. Когда свет молнии озарил на доли секунды пещеру, он был готов к этому, и взглядом, как на фотографии, зафиксировал все: низенькое деревянное ограждение в глубине, охапку сена возле нее и чуть ближе — очаг и поленницу сухих дров. Все вокруг опять залил непроглядный мрак, но Николаю больше не нужен был свет. Ориентируясь по памяти, он

быстро поднес пучок сена ближе к очагу и пошарил в кармане брюк. Хотя кожаный кисет с огнивом был мокрым, внутрь не просочилось ни капли влаги. Мелькнула мысль, а не воспользоваться ли спичками, но он тут же отогнал ее. Он не был богачом, чтобы позволять себе подобную роскошь. Руками нащупал подходящее углубление в камне, положил туда трут, потом отвел в сторону голову, чтобы случайно не капнуло с волос, и с усердием начал чиркать огнивом. На пятый или шестой раз высеченная искра попала наконец в трут, превратившись в мигающую красноватую точку. Николай раздул ее, подложил пять-шесть сухих соломинок и продолжал дуть до тех пор, пока наконец в темноте не разгорелось желтоватое пламя. Осторожно, чтобы не загасить пламя, подложил еще немного сена, потом взялся за веточки. Вскоре огонь разгорелся. Парень нашел несколько кольев, развесил одеяло и промокшую одежду и полуобнаженный сел возле огня, поворачиваясь то одним, то другим боком к огню.

Шум дождя делал тепло пещеры еще более приятным. От нагретой одежды пошел пар. Николай, не жалея, подбрасывал в огонь дрова. Пастухи специально запасали дрова для таких случайных путников, как он. Не из великодушия, понятно, просто это была мера безопасности, чтобы останавливающиеся в пещере не посягали на ясли для овец, устроенные в глубине пещеры.

Огонь был другом. И теперь, как в доисторические времена, человек искал в нем поддержку и защиту от сил холода и мрака. Но ныне из глубин бытия поднялись еще более страшные силы, чтобы отнять огонь, и человек не мог сделать ничего, кроме того, что делал в течение всей своей тысячелетней истории — приспособиться. Бесконечно оши-

баясь, с жестокостью и фанатизмом, животной глупостью и гениальной изобретательностью, упрямо, отчаянно и наивно — но приспособиться, чтобы выжить любой ценой.

«Мрак, — подумал он. — Мы всегда были слепцами во мраке тесной, уютной комнатки, где все так знакомо. Пять шагов от кровати до стола, восемь — до двери, четыре — до ванной... Но стоит кому-то поменять местами мебель, и слепец становится беспомощным, пока не привыкнет к этой перестановке. А если то, что произошло, всего лишь первая перестановка за минувшие тысячелетия? А что, если последует вторая, третья...»

Страх и беспомощность. Знакомым чувством бессилия повеяло от стен пещеры, от огня и влажной одежды вместе с поразительно ясным воспоминанием о первом ударе Коллапса. Это чувство заставляло человека замереть, застыть в оцепенении у радиоаппарата... или искать выход в дикой, животной ярости — как та обезумевшая толпа, которая в тот страшный день разгромила Дворец наций в Нью-Йорке, сметая кордоны полицейских и Национальной гвардии. Сколько лет прошло с тех пор? Девятнадцать... нет, двадцать лет, а кажется, что вчера. Перед мысленным взором Николая встало перекошенное от бессилия лицо отца, в то время атташе по культуре Посольства Болгарии в Мадриде. Почему-то он не мог припомнить его глаза, но совершенно ясно видел, как дрожат его губы, с ненавистью выплевывающие слово за словом — каждое слово ясное, подчеркнуто резкое и точно подобранное с механически-профессиональной четкостью дипломата: «Они знали! Знали и молчали, обрекая миллиарды людей на смерть. А теперь у мира оста-

ется всего двадцать часов, и лишь чудо может нас спасти...»

Да, «они» знали. Именно этот факт и превратил 11 июля 2028 года в день гнева. Анонимные, безликие фигуры, вершащие судьбы Земли «серые кардиналы» знали заранее о приближающемся Коллапсе. Насколько заранее, с точностью сказать не мог никто, но, вероятней всего, месяцев за восемь — подтверждением этому служила серия странных событий, произошедших в научных кругах. Накануне Рождества 2027 года в Лондоне при загадочных обстоятельствах покончил с собой гений ядерной физики Эдуард Морхед, который перед самоубийством сжег все свои бумаги. В то время лишь немногие обратили внимание на то, что на похороны не приехал его лучший друг, академик Курагин из Санкт-Петербурга. Первый серьезный тревожный сигнал прозвучал в передовой статье «Российской газеты» от 6 января 2028 года под заголовком «О лженаучных заблуждениях в ядерной физике». Сразу же после публикации были преданы забвению имена ведущих российских физиков, а чуть позже и имена ученых других стран...

Николай вздохнул и повернулся спиной к огню. Среди самых неизменных вещей в этом мире остается психика власть имущих, подумал он. Неважно, в какую эпоху живет и как называется властелин: император, мандарин, президент, фюрер, губернатор или генеральный секретарь. Главное, сохранять статус-кво, не имеет значения, какой ценой. Плохие новости скрывай, не позволяй вспыхнуть волнениям, ибо власть — вещь хрупкая и любое потрясение может ее отнять. А если случится самое страшное... ну, всегда что-нибудь можно придумать.

И правители всего мира научились прекрасно применять эту страусиную политику, не гнушаясь никакими средствами, в том числе такими, как нажим, подкуп, шантаж, информационная блокада. Необъяснимая эпидемия самоубийств ученых первой половины 2028 года явно не была случайной, хотя никому ничего не удалось доказать — спецслужбы знали свое дело. С их помощью продолжалась давняя традиция уничтожения пророков. Но Коллапс невозможно остановить молчанием, он неминуемо приближался, и рано или поздно тайное должно было стать явным.

Несмотря на тепло огня, Николай вздрогнул, вспоминая липкое холодное чувство обреченности, объявшее его, когда отец выругался (прежде он никогда себе этого не позволял), потом пнул в ярости стоящий стул и выскочил из дома, оставив четырнадцатилетнего мальчика наедине с телевизором. На экране горело здание ООН в Нью-Йорке.

11 июля 2028 года. Великий день для комментаторов мировой информационной сети. Сбылась наконец их вековая мечта — транслировать в прямом эфире день Страшного суда. До предела спрессованная истина взорвалась с убийственной силой, и идущий ко дну мир узнал о вынесенном ему приговоре, выраженном в нескольких кратких, не совсем понятных словах: прогрессирующее падение критической массы. Нет, причины мы не знаем, неохотно признавались с экранов старые бородатые профессора и нервные молодые ученые. Да, это противоречит всем законам природы, и тем не менее это так. Видимо, мы должны признать, что законы природы тоже подвержены изменениям, хотя за всю историю науки подобного не случалось. Нестабильность некоторых химических элементов...

Что? Попроще? Но... гм... раз вы настаиваете... но это нельзя сказать наверняка, имейте в виду... Ну да, вы правы, Мастерсон действительно светило в этой области, и раз говорит о двадцати четырех часах... Когда мы узнали? Но, пожалуйста, эта тема...

Телевизоры превратились в ящики Пандоры, исполненные гнева, насилия и ненависти. Уличные бунты в Бостоне, Каире, Новосибирске, Маниле, Киеве, Хараре, Нью-Йорке, Калькутте, Монтевидео, Гамбурге и сотне других городов. Массовые самоубийства, горящие кварталы, нападения на военные базы, орудия и напалм против миллионных толп, расстрел мародеров, групповые оргии, тысячи людей, раздавленных во время безумной молитвы в Мекке, разбитые тюрьмы, казненные физики, разгромленные университеты, истеричные проповедники перед рыдающей паствой, ученые с опухшими от бессонницы глазами перед огромными загадочными аппаратами, колючая проволока и баррикады перед их лабораториями, мрачные лица вооруженной охраны — да не виноваты они, братец, в них наша последняя надежда, так и знай.

Наконец, Бунт генералов — незаметный в первый момент на фоне такого количества огня и крови. Человечество уже ни на что не надеялось после до безумия бесплодного четырехчасового заседания Совета безопасности, что и взорвало ситуацию. Правительства продолжали плутать в лабиринте старых политических противоречий, словно слепые в горящем доме. Главы государств лили потоки слов-импотентов, партийные лидеры сводили друг с другом давние счеты при помощи язвительных речей или уличных штурмов... и никто пальцем не пошевелил в попытке погасить пожар, который грозил менее чем через сутки превратить Землю в

радиоактивную пустыню. Сообщения о переворотах летели одно за другим из разных уголков мира, и, наверное, поэтому сначала никто не обратил внимания на странную синхронность, с которой развивались события в столицах обеих суперсил. В Москве 283-я воздушно-десантная дивизия под командованием генерала Головешникова, укрепленная частями Московского гарнизона, оккупировала Кремль, в то время как на другом конце света техасские рейнджеры генерала Спайка взяли власть в Вашингтоне. До гибели оставалось восемнадцать часов...

Обращение Спайка и Головешникова к народам вселило надежду — столь же безумную, как и прежнее отчаяние. Выбор прост, утверждал с левой половины экрана усталый российский генерал, незамедлительное действие или смерть. Есть еще время и шанс спастись. А справа техасец в пыльной униформе бесцеремонно отлучал мировые власти, прибегая к древней шутке, впервые приобретающей зловеще язвительный смысл: ну хорошо, господа гражданские, раз вы такие умные, то почему не научились шагать в ногу?

Они не были сентиментальны, эти два генерала, готовые несколько часов назад обрушить один против другого всю вверенную им военную мощь. Лекарство от самой страшной болезни человечества, которое они предлагали, было не менее страшным, чем сам кризис. Глобальное военное положение в течение двадцати четырех часов. Расстрел на месте всех саботажников. Безоговорочная реквизиция необходимых транспортных средств и материалов. Мобилизация специалистов и исполнителей. Отмена каких бы то ни было заданий, кроме одного — полное уничтожение всех ядерных зарядов.

На мгновение мир затаил дыхание. Это выглядело более чем безумием: два человека пытаются голыми руками сдержать лавину паники и обреченности. Но с французского телеканала Антен-2 к ним присоединился третий человек, никому не известный студент по ядерной физике Жак Бержерон. Этот юноша тоже выглядел сумасшедшим — бледное осунувшееся лицо, огромные безумные черные глаза, слипшиеся длинные волосы и нервные, резкие движения. «Видеозапись, — кричал он, лихорадочно чертя на черной доске графики и вычисления, — всем вести видеозапись! Молчите, идиоты, теперь не до болтовни! Кофе, еще кофе! Вот, здесь, здесь, — тыкал Жак в доску среди облаков меловой пыли. — Не восемнадцать, семнадцать часов, и скорость процесса будет сведена к нулю, видите, как искривляется график интерполяции. Молчать, говорю! Кому надо, тот поймет. Слушайте все! Все! Семнадцать часов! В течение восьми минут падение критической массы будет стремительным, потом стабилизируется на следующем уровне. В двадцать три раза, вот так. В двадцать три раза меньше, чем сейчас».

Бержерон был прав — те, кому было надо, его поняли. Другие, от кого зависело решение, не посмели возражать. Новые генералы предпринимали первые шаги в Европе, Америке, Азии... Колеблющихся политических лидеров устранили силой. Не везде все проходило гладко, во многих странах размежевавшиеся армии вступали в кровавые сражения внутри своих стран, но идея Спайка и Головешникова уже овладевала миром. Начиналась отчаянная — не на жизнь, а на смерть — схватка со временем, отсчитываемым немилосердными ядерными часами.

«Если доживу до старости, буду последним, кто помнит, — подумал Николай. — Те, кто младше, вряд ли прочувствовали это в полной мере. В их памяти остался страх, паника, стрельба... и они не ощутили момента рождения нового мира, в котором будут жить».

На секунду он вновь с потрясающей силой испытал боль внезапного возмущения — четырнадцатилетний мальчишка, слишком хрупкий, чтобы принять на себя груз страха и надежды, но уже слишком большой, чтобы спрятаться в тумане детской наивности. Телевизор делал его сопричастным предсмертной агонии мира, взрывам верховной жестокости и верховной доблести, обезумевшим лицам толпы и мрачной сосредоточенности храбрых российских и американских мужчин, решивших пожертвовать собственной жизнью. И оцепеневший мальчишка смотрел, как на экране огненные колонны выстреливают в космос смертоносные ядерные снаряды; как гражданский пилот Курт Майснер отправляется в полет, из которого не возвращаются, на космолане «Зенгер — Штайнбок», груженный шестьюдесятью тоннами радиоактивных материалов; как его примеру следуют английские, американские, индийские, российские, китайские пилоты челноков; как дрожащие от напряжения техники грузят в переоборудованные на скорую руку ракеты контейнеры с опасными для жизни элементами, извлеченными двадцать лет назад из земных недр; как прячут заряды плутония в самые глубокие шахты, где их взрыв может быть хоть немного более безопасным. Но времени не хватало — не хватало времени, промотанного без пользы, утекшего сквозь пальцы близоруких политиков; восемь часов, семь, четыре часа; Курт Майснер посылает с высоты ста

тысяч километров последний привет живым; вертолет генерала Спайка сбит неизвестным истребителем, в живых не осталось никого; ядерный взрыв в Узбекистане... нет, причина — неверная манипуляция с ракетной боевой головкой; последний призыв генерала Головешникова — времени на то, чтобы предпринимать упредительные меры, не осталось, теперь добровольцам остается голыми руками разбирать оставшиеся бомбы и дробить заряды; три часа; два часа; телеведущие спрашивают: правда ли, что Спайк и Головешников знакомы друг с другом со времени совместных военных маневров, проводимых шесть лет назад? Правда ли, что у них был план действий в случае угрозы мировой войны? Отвечать было некому — Головешников пропал без вести, передачи из Москвы прекратились; один час, пятьдесят минут, сорок; бомбы с авианосца «Сира-но» сброшены в Тихий океан на глубине 8700, это угрожает радиоактивным загрязнением огромной акватории; двадцать минут, пятнадцать, десять...

Час Ч.

Боль в сжатых кулаках заставила его очнуться. Он весь дрожал, словно и впрямь вернулся в тот давно пережитый кошмар. Сейчас, как и тогда, спокойствие казалось ему почти невыносимым. Ждали конца света, а все обошлось двадцатью взрывами в разных точках мира, несколькими подземными толчками с ослепительными далекими вспышками в ночном небе... и бульдозерами, копающими братские могилы миллионам погибших за последние восемнадцать часов. Человечество пробуждалось от кошмара, чтобы начать осваивать первые уроки жизни в иной реальности.

Уроки? Как бы не так, обозлился Николай. Если человеческая история и научилась чему-то, то только то-

му, что ничему не научилась. Исчезновение атомного оружия вместо того, чтобы принести долгожданный мир, послужило сигналом к началу короткой и свирепой Арабской войны, за которой последовали около дюжины небывало жестоких локальных конфликтов в Африке и Юго-Восточной Азии. Не прошло и месяца со времени первого удара Коллапса, а из военных лабораторий уже вышли новые ядерные пули и снаряды, мощность которых измерялась уже не в килотоннах, а «всего лишь» в сотнях или десятках тонн, и это делало их чрезвычайно удобными для тактических целей. Кошмарные результаты их применения в Центральной Америке потрясли мир, и 26 октября 2028 года начались международные переговоры о полном запрещении ядерного оружия, но было поздно. Десятки зарядов попали в руки экстремистских группировок, которые развязали безоглядный террор.

Уставшая от такого безумия природа нанесла второй удар — Золотой крах в середине января 2029 года, опять же необъяснимый с научной точки зрения. В течение нескольких дней золото и серебро превратились в нестабильные, черного цвета, радиоактивные элементы. Небывалая биржевая катастрофа расшатала экономики всех стран, но человечество преодолело и этот кризис, не сбавляя при этом темпа эскалации локальных войн. В Сибири велись ожесточенные сражения с применением тактических ядерных средств — по непроверенным данным, там держал оборону оставшийся в живых генерал Головешников. Мировая финансовая система держалась и продолжала работать в условиях «золотого эквивалента». В электронике шел поиск материалов, которые могли бы заменить уже не пригодные благородные металлы. В марте центр

Рима был сметен с лица Земли плутониевой мини-бомбой...

Третий удар, настоящий удар Коллапса, пришелся на 4 апреля. На сей раз все произошло мгновенно, и катастрофа была действительно жестокой. За считанные секунды цивилизация лишилась важнейшего материала. Меди. Металла красноватого цвета, атомный номер 29, плотность 8,94, высокой проводимости, которая делала его незаменимым во всех областях электротехники. Но с 11 часов 47 минут по Гринвичу 4 апреля 2029 года какая-то неизвестная сила изменила эти свойства, и за секунду лишенная электричества цивилизация рухнула на колени.

Голод, эпидемии и битва за выживание тех, кто остался в живых, довершили начатое.

3

Трава и сорняки заполонили мертвое село. Густая крапива осаждала старые каменные стены, дикий плющ тянулся к просевшим крышам, где уже пустились корни молодые деревца; брошенные дворы зарастали лопухом и репейником. И хотя травяной покров несколько смягчал звук шагов, Николаю чудилось, что в зловещей тишине они звучат так тревожно и что даже малейший шум может разбудить покойников, кости которых еще лежат в полумраке за пыльными стеклами окон. Яркое утреннее солнце и молодая зелень странно контрастировали с истлевшей памятью о давней смерти, еще носящейся в воздухе едва уловимым запахом старого пепелища.

Слева узкая, заросшая травой тропинка спускалась вниз к перекрестку. По ней вряд ли кто-то пойдет, здешние крестьяне суеверно обходили те мес-

та, где некогда бушевала эпидемия чумы. На всякий случай Николай оглянулся. Пусто. Голубое небо и молчаливые горные склоны над разбитым шоссе. На перекрестке в тени деревьев темнела виселица, и полуразложившийся труп под перекладной медленно качался и кружился. Издали табличка на его груди была почти незаметна, но идущий знал, что на ней написано. Пироман¹. Слово, собравшее воедино последний удар Коллапса и людской кошмар, средневековую подозрительность и абсолютную власть местных управленцев.

А что делать, человек поставлен перед выбором между двумя страхами — перед живыми и перед мертвыми, подумал Николай, шагая под безжизненными взглядами затянутых паутиной окон. С живыми все было ясно: достаточно было заглянуть в его рюкзак, чтобы отправить его на место висельника с табличкой и выклеванными глазами. Что касается мертвых... каждый, кто занимался контрабандой спичек, должен привыкнуть к их молчаливому присутствию. Сейчас важно найти крышу над головой, чтобы переночевать, и быть уверенным, что никто не приблизится к проклятому селу, кроме такого же, как он, кому приходится искать тайные и забытые тропы. Цена ночлега была не слишком высокой — смутное напряжение, сопровождающее его уже на подходе к заброшенной постройке и усиливающееся со скрипом открываемых дверей, с облачками пыли под ногами, с быстрым взглядом на мумифицированные останки на полу в холле и с поиском другого дома, на этот раз, слава богу, пустого. И опять его выручал огонь — благо-

¹ Человек с душевным расстройством, который чинит пожары. — *Прим. ред.*

словение и проклятие нынешнего времени. Он знал, что в ночном мраке красноватые отблески в окнах видно издалека, но кто бы дерзнул проверить, человеческих ли рук это дело? Огонь отгонял живых... и, что еще важнее, отгонял призраков, заселивших эти пыльные комнаты, успокаивал Николая и хотя бы отчасти смягчал странное чувство посягательства на чужое, когда он открыл шкаф и достал оттуда заботливо сложенный, пожелтевший от времени комплект постельного белья. В дрожащем свете огня было проще отогнать все остальные мысли и сосредоточиться на основной задаче — разделать и зажарить пойманного днем зайца. И все же тягостная, неясная тревога была лишь отодвинута, она ждала, затаившись в толстых стенах, заставляя просыпаться ночью каждый час и, прислушиваясь к кукованию далекой кукушки, присматриваться к красному сиянию горящих углей, испытывая странную вину за то, что остался жив.

Последние дома остались позади, и Николай вышел на старую, довольно неплохо сохранившуюся асфальтированную дорогу, проложенную среди запущенных яблоневых садов. Тотенвег, Дорога мертвых, так называли ее здешние жители, и он по опыту знал, что это самая безопасная часть перехода. Эпидемия чумы в начале тридцатых годов полностью истребила население нескольких сел вдоль шоссе, и суеверный страх перед Черной смертью до сих пор витал над этими местами. Со временем острота воспоминаний притупится, молва поутихнет, и люди опять заселят эти места, но пройдет немало лет, может быть, десятилетий, прежде чем это произойдет.

Если Вселенная отпустит им это время, напомнила вдруг глубоко спрятанная безнадежность, ко-

торая никогда не давала забыть о себе полностью. Если! Никто не знал, окончательно ли утих вихрь Коллапса или злая сила предоставила миру лишь короткую передышку, но где-то в глубинах продолжает подкапывать корни мира, чтобы одним махом стереть с лица Земли весь человеческий род. Никто не знает. Последний человек, который мог бы что-то понять — который понял что-то! — погиб четырнадцать лет назад, обвиненный в измене человечеству.

Он не хотел думать об этом, более того, в нынешнем, почти лишенном коммуникаций мире все могло оказаться не более чем слухом. Молва об Углеродной афере и расстреле Жака Бержерона передавалась из уст в уста в самых разнообразных, порой фантастических вариантах. Но Арденнский ядерный взрыв был реальностью. Николай встречал очевидцев этой катастрофы, возродившей, спустя почти столетие после Хиросимы, старые страхи человечества, добавляя к ним новые угрозы, а в виде приправы еще и сомнение — может быть, последнее, — что можно найти выход из безвыходного положения.

«Не обманывай себя, — сказал он про себя, — Углеродная афера вовсе не слух. Она — доказательство того, что все мы не более чем пылинки среди бури, которая не утихнет, пока не сотрет нас с лица Земли. Она — железный закон, который превратил огонь во врага, а тебя — в спичечного контрабандиста, вечно гонимого, вечно мечущегося между пачками ветхих банкнот и виселицей. Можешь думать о себе все, что угодно, что ты, к примеру, благодетель измученных людей или циничный преступник, это дела не меняет. Просто все мы в одной лодке, давшей течь, и лодка эта медленно идет ко дну, а все

возможные способы заткнуть пробойну мы забыли. Цивилизация осыпалась, как старая краска, слой за слоем. Сначала ядерные технологии, потом финансовая система, электричество... Законы природы рушатся, и мы вынуждены обращаться ко все более древним изобретениям человечества. Но Углеродная афера подвела к последней черте, к последнему и первому открытию, без которого мы уже ничем не будем отличаться от животных. К огню».

Низко над дорогой пролетела сорока, села на ветку и с любопытством уставилась на одинокого путника. Вокруг было тихо, лишь его размеренные шаги по растрескавшемуся асфальту нарушали гармонию птичьих песен в кронах деревьев, и где-то очень далеко разносились удары топора — единственный признак человеческой жизни в этих горах. Ему казалось, что какой-то провал во времени отбросил его в древнее прошлое. Да так, по сути дела, и было, только не он один, а все человечество постепенно возвращалось назад, теряя мало-помалу власть над природой и над своей собственной судьбой. Вначале еще оставалась надежда. Даже после Медной катастрофы, когда повсюду в мире посиневшие провода горели в последнем электрическом фейерверке, — даже тогда оставалась вероятность, что цивилизация сможет приспособиться. Вынашивались самые разнообразные планы, сменяя один другой: замена меди алюминием, приоритетное развитие паровых двигателей, создание воздушных шаров и дирижаблей, пока не отыщется способ восстановить электронику в самолетах, жесткая экономия горючего и энергии, наплевать на миллионы умирающих от голода и холода, речь идет о будущем прогресса, господства!

Но было слишком поздно. Слишком глубокой

оказалась пропасть, и все попытки выбраться из нее заведомо были обречены на провал. Распад мировой коммуникационной системы после нескольких месяцев кровавых разборок привел практически к уровню развития в Средневековье — тысячи разобщенных чиновников, руководимых железной рукой новоявленных диктаторов. Один за другим рушились планы восстановления блистательного прошлого в силу отсутствия координации, из-за нехватки материалов, из-за бдительной зависти вооруженных до зубов соседей и от унылого отчаяния. Люди просто потеряли веру во что бы то ни было, кроме куска хлеба здесь и сейчас. Жизнь в городах замирала; деревня, хотя и обезлюдевшая в результате эпидемий, встречала толпы пришельцев ружьями и вилами. Прогресс? Забудьте об этом, завтра очередь дойдет и до алюминия. Это было основной помехой при попытках восстановления электротехники — неверие в будущее алюминия. Но этот металл до сих пор не подвергся воздействию Коллапса. Нестабильным оказался другой элемент, и страшное эхо Арденнского взрыва разнесло по всему миру весть о последнем открытии Жака Бержерона. Вселенная нанесла очередной удар по основам жизни — углероду.

Николай невольно тряхнул головой. Даже теперь, как и тогда, осознать это было нелегко. Трудно было представить, что искаженные законы природы привели к ядерному взрыву кучки угольной пыли. Человеческая мысль просто отказывалась погружаться более глубоко в лабиринты предположений и догадок. Там, во мраке непознанного, таился леденящий страх, потому что, господи, ведь это означало, что атомная бомба стала доступной любому безумцу! Даже после расстрела Бержерона рано

или поздно найдется кто-то другой, кто доработает технологию. И тогда...

Страх. Гибельная лютая зима через тридцать четыре года: сначала голод и холод, озлобленные вооруженные патрули на улицах и дорогах, внезапные вторжения надзирателей, взломанные двери, обыски, расстрелы за найденную спичку, стража с биноклями на крышах, тщательное отслеживание малейших признаков дыма на горизонте, обед из сырого картофеля или куска сырого мяса, замерзшие трупы на тротуарах, полудрема в ледяной комнате под кучей одеял, виселицы и таблички с надписью «Пироман»... Потом — весна, первые солнечные лучи и первые зеленые ростки в расшатанных цингой зубах, новые массовые захоронения и медленное осознание того, что еще одна такая зима означает поголовную смерть. Повсеместные, яростные бунты отчаявшихся, превращенных в скелеты людей приводят к компромиссу. Использование огня разрешено — при соблюдении строгого режима контроля, включающего всеобъемлющую систему правил полного сгорания горючего и распыления углесодержащих продуктов горения. Спички и зажигалки объявлены вне закона, на использование огня после тщательной проверки выдается специальное разрешение. Понемногу и неохотно власти допускают создание районных Очагов, применение свеч и кадил, ограниченное использование огня для отопления в самые холодные дни. И все это напоминает хождение по канату между простейшими жизненными потребностями и преступлением, за которое существует лишь один приговор — смерть.

На мгновение Николай остановился и осмотрелся. Его охватило чувство нереальности, словно все

вокруг было всего лишь плохо нарисованным декором, за которым прячется другая, более глубокая реальность. Зелень деревьев и травы, разноцветные перья перелетных птиц, его собственный пульс — все это была жизнь. Жизнь, основанная на все еще загадочном и страшном химическом элементе — углероде. Как уже бывало не раз, сознание зашевелилось от иллюзорного ощущения, что где-то совсем рядом, в глубине извилин, кроется ответ на мучительные вопросы. Почему работа сознания остается такой же, как и прежде? Почему видоизмененные атомы углерода — если они действительно изменились — не перестают участвовать в непостижимо сложных метаболических процессах? Или все это лишь вопрос времени, как утверждают некоторые слухи? Может быть, явление это началось на глубинном уровне, чтобы постепенно распространиться на микроскопические святилища хлорофилла и гемоглобина и тем самым навсегда уничтожить ту искорку, которая зажглась на планете четыре миллиарда лет назад?

Грезы рассеялись, и реальность ударила в глаза, обрекая его на танталовы муки — разгадка снова ускользнула. Вопросы оставались без ответов, да и кому было на них отвечать в годы подозрительности, а часто и открытой ненависти к небольшой группе оставшихся в живых ученых. После Арденнского взрыва страх положил конец развитию науки, и человечеству пришлось идти другой дорогой — дорогой медленного приспособления к новым условиям. Через какое-то время испытанный метод проб и ошибок должен к чему-то привести... если, конечно, это время будет.

«А есть ли вообще какой-то другой выход, — продолжал размышлять он, входя в очередное

мертвое село. — Могла ли наука, даже со всеми ее чудесами, накануне Коллапса выработать спасительную тактику? Или просто Провидение отвернулось от нас, как отвернулось от той полуразрушенной колокольни, что в центре села? Тогда ничто не имеет смысла, и эти заросшие плющом каменные стены — единственное, что нас ожидает, — тлен и забвение среди медленно наступающих песков времени».

Беспомощное отчаяние внезапно переродилось в ненависть — к Вселенной, к Коллапсу, к глупой людской суете, к самому себе. Маленькая площадка с несколькими проржавевшими машинами, с церковью и безжизненными зданиями вокруг казалась ему невыносимо мерзкой. Ему хотелось закричать, скинуть рюкзак и побежать куда глаза глядят, но что-то подсказывало ему, что это его не спасет, что село будет преследовать его повсюду. Надо было разорвать связь с памятью, вырваться из власти настоящего. В этот краткий миг просветления он пожалел, что не пристрастился к «травке», хотя теперь и она вряд ли бы помогла.

Взгляд неосознанно остановился на облупившемся фасаде. Дом был двухэтажным, и над окнами первого этажа все еще виднелась размытая дождями надпись *DER GOLDEN LOWE*¹. Почти не понимая, что делает, Николай подошел к нему. Потемневшая дубовая дверь была заперта. У стены стояли останки велосипеда, обгадившие осыпавшуюся штукатурку ржаво-красноватыми разводами. Дрожащими от злости руками он схватил сгнившее железо и швырнул в широкое грязное окно. Стекло разбилось с оглушительным звоном в гробовой тишине,

¹ Золотой лев (нем.).

блестящие осколки зазвенели в полумраке помещения и рассыпались по тротуару возле ног. Николай выбил локтем оставшиеся в раме острые остатки стекла, бросил рюкзак на улице и одним прыжком перемахнул в маленький трактирчик.

Знакомый запах духоты сдавил горло. Он огляделся, с трудом различая предметы в проникающем снаружи сероватом свете. Несколько полированных дубовых столов, скамьи с высокими спинками, образующими нечто типа кабинетов, три высоких табурета у стойки бара, мутно поблескивающее зеркало в глубине... и бутылки, много бутылок, стоящих строго по линейке. Они были старые — это было видно с первого взгляда, несмотря на сумрак и запыленные этикетки. Качественные, выдержанные вина, оставшиеся с блаженных времен до Коллапса.

Николай сделал несколько шагов по хрустящему под ногами стеклу, зашел за стойку бара, взял бутылку и обтер рукавом. «Перно»¹. Мать твою, выругался он, швырнув бутылку в разбитое окно. Она взорвалась на тротуаре маленькой бомбой, и оттуда тот же час донесся резкий запах аниса. Следующая бутылка оказалась американской. Бурбон «Дикая индюшка». Ладно, пусть будет дикая индюшка. Он пожал плечами, отвернул пробку и сделал большой глоток. Алкоголь обжег горло, спустился горячей волной вниз по пищеводу, и это, с одной стороны, было приятно, с другой стороны, могло помочь избавиться от ненужных мыслей. Не дожидаясь, пока тепло разольется по желудку, он приложился к бутылке еще раз, подавился второпях, закашлялся, но это было к лучшему.

¹ Анисовая водка.

Он вышел из-за стойки, отшвырнул ногой велосипед и, не обращая внимания на пыль, плюхнулся на ближайшую скамью. Почему-то в голове возник образ влюбленной девушки, и он поспешил отогнать смутное видение очередным глотком. Его не интересовали ни призраки этого забытого трактира, ни то, что было когда-то, ни даже то, что сейчас. Ему просто хотелось надраться, ясно и целенаправленно, чтобы сбросить с плеч груз всех этих глупых вопросов без ответов. Жаль, что нельзя это сделать за компанию с Мишиным — хитрый русский умеет спойть любого. И беседу умеет вести — длинный пьяный разговор, полный мировой скорби и блаженного самобичевания, но при этом свободный от тревоги за завтрашний день. Ваше здоровье, проклятые фаталисты, твое здоровье, друг закадычный, Николай поднял бутылку и, отпив, с удивлением уставился на нее. Что за фокусы, только начал, а половины уже нет. Ну, дорогая, со мной этот номер не пройдет, и он погрозил ей пальцем. К моим услугам весь бар, так что и не думай помешать мне напиться. Только попробуй!

Он встал и с вызовом направился к стойке, а трактир и вправду попытался ему помешать, качаясь под ногами, но и этот дешевый трюк не прошел. Элегантным поворотом бедра Николай завернул направо и очутился у цели. Схватил бутылку — лимонный ликер, судя по этикетке, — и коварство заведения вышло наружу, внутри было пусто, лишь какой-то высохший осадок темнел на дне. Ничего, не стоит отчаиваться. А вот это уже лучше. «Корвуазье», хороший старый коньяк, выдержанный вдобавок и здесь лет пятнадцать. Эй, Мишин, гляди! Где ты еще такое чудо отыщешь? Нет, Вани тоже нет. Исчез проклятый русский и вдобавок опроки-

нул бутылку виски на стол. Жалко... Николай с грустью отпил из бутылки коньяка. Эх, Мишин, Мишин, сдались тебе эти деньги. Представляешь, во сколько тебе обойдется замена всех проводов в самолете? А сколько придется отстегнуть в виде взяток, чтобы к тебе не цеплялись? Да одно горячее проглотит целое состояние. И для чего это все? Чтобы однажды бросить меня, а потом чтобы на пути в Россию тебя сбила зенитка. Зачем тебе Россия, братец, неужели ты веришь, что там может быть лучше?

Не заметив как, он опять очутился за столом, на сей раз с тремя бутылками. На рукавах были грязные пятна от разлитого виски. Он сосредоточенно разглядывал их, решив, что в жизни всегда так — не знаешь, когда она и тебя мазанет, если смешивать ее с грязью. Мудрая сентенция, надо запомнить, чтобы потом поделиться с Мишиным. Ему должно понравиться, это в его стиле.

Мысли путались. Его начало одолевать приятное оцепенение, тело будто слилось со скамьей. Он не помнил, чтобы вставал, но стол был уставлен бутылками, которые медленно кружились и ускользали, когда он протягивал к ним руку. Потом вдруг всем скопом придвинулись ему навстречу. Подождите, хотелось крикнуть ему, подождите, давайте по очереди! Но у него не осталось времени их усмирить, он лишь успел столкнуть их локтем до того, как дубовая доска глухо и безболезненно ударила по лбу. Он с полным безразличием услышал звон разбитого стекла на полу и поддался грузу внезапно одолевшей его усталости. Что-то пульсировало за опущенными веками, и лавка покачивалась равномерно, словно лодка в штиль... как водоросли в морской пучине, где так тихо... и Мишин не уйдет, правда, Ми-

шин?.. Да, я так и знал... спокойной ночи, Мишин, спокойной ночи, Ваня...

Проснулся он от мучительной жажды. Его замороженное сознание балансировало на грани реальности и бессознательного состояния, отказываясь заработать вновь, но забытие постепенно отступало перед болью в пересохшем горле и глухим настойчивым воркованием голубей на колокольне. Под опущенными веками плавали красные круги. С трудом подняв их, он тотчас заморгал из-за косо падающих в глаза солнечных лучей, в которых кружило бесчисленное множество пылинок.

Потом потянулся и сел, преодолевая сопротивление затекших мышц. В голове было что-то типа жидкой каши, смешанной с тупой мучительной болью, от которой ему хотелось сжаться в комок и тихонько замычать. Язык был таким сухим и шершавым, что он дотронулся до него пальцем. Да, а утром они проснулись... Надо поискать воды. Он встал. Кружилась голова, ему стало плохо от запаха аниса, доносящегося с улицы. Он нетвердыми шагами прошел за прилавок и наобум отвернул кран. К огромному удивлению, после краткой паузы там что-то зашипело, забурлило, и кран выплюнул струю коричнево-ржавой воды. Николай отшатнулся от брызг и, покачиваясь на нетвердых ногах, стал ждать, пока сойдет ржавая вода и пойдет чистая. Ждать пришлось долго — трубы были старые. Наконец он не выдержал, подставил ладони и с жадностью стал пить прохладную воду с металлическим привкусом.

Поплескав на лицо и шею, Николай завернул кран и, почувствовав себя чуть лучше, высунулся из разбитого окна. Солнце висело над черепичной крышей противоположного дома, а площадь была

погружена в послеобеденный сон. Скоро начнет смеркаться. Бесцельно блуждая взглядом по длинным теням на брусчатке, он мрачно подумал, что все планы на сегодня безуспешно рушатся. А он мог бы уже перейти границу, если бы не пьяные возлияния, но теперь трогаться в путь не имеет смысла. Необходимо смириться с мыслью о том, что придется провести еще одну ночь среди призраков чумы...

Тело его среагировало гораздо раньше, чем разум осознал, что может означать тихий звук, который вклинился в воркование голубей. Грудь обожгла горячая волна, он отскочил к бару и неподвижно замер, прислушиваясь одним ухом. Звук усиливался — все еще далекий, но резкий, отчетливый, который не оставлял сомнений: кто-то идет по мостовой в подкованных ботинках, медленным, беззаботным шагом. Кто? Местный крестьянин? Исключено! Патруль? Нет, человек шел один, да патруль тоже боялся ходить Дорогой мертвых. Оставалось одно — такой же, как он, контрабандист — и это было самое худшее, потому что между кланами годами тлела старая кровная вражда. Ему несколько раз приходилось сталкиваться с людьми Баумштеда, тупыми типами, которые могли убить конкурента из-за товара, ради престижа, из желания сделать гадость зарубежному конкуренту или из-за всего, вместе взятого. Ну, что кривить душой, подумал Николай, доставая из кобуры пистолет, и наши при первой же возможности в долгу не останутся. Только вот потерпевшим от этого ни тепло, ни холодно...

Он осторожно зашел за стойку, притянул низкий стул и сел, пряча пистолет. Позиция была выгодной; глаза находились точно на уровне прилавка, полумрак делал его в первый момент невидимым

для вошедшего, а в худшем случае стойка убережет его от пули.

Звук шагов усиливался, приближаясь, и вдруг на площадь вышел человек. Невысокого роста — это первое, что бросилось в глаза. Мелкий невзрачный тип, одетый в одежду из потрепанного брезента и в огромной кепке. Пухлый рюкзак за спиной подтверждал догадку Николая. Контрабандист. Тот шел спокойно, но несколько напряженно вытянутая шея говорила о том, что идущий не слишком доверяет тишине заброшенного села. Кобура на поясе была расстегнута, а правая рука, хотя он ей слегка помахивал, была готова в любой момент захватить оружие.

Хорошо, решил Николай, сейчас посмотрим, повезет тебе или нет. Куда ты пойдешь? Выбирай, дружище, не ошибись, от этого может зависеть твоя жизнь.

Словно услышав предупреждение, незнакомец на мгновение притормозил, потом повернулся спиной к трактиру и пошел по левой стороне площади. Николай расслабился, хотел от облегчения вздохнуть, но вздох застрял в горле, потому что что-то изменилось, моментально и неумолимо. Человек как-то вдруг напрягся. Не свернул, не произвел ни одного лишнего движения, и все же от его фигуры пошла волна неожиданного удивления. Вот сейчас он повернет голову направо. Почему, почему? Николай поднял пистолет, и в тот же момент до него дошло, едва он почувствовал запах аниса. Разбитая бутылка, черт ее побери! И рюкзак, который он бросил на тротуаре, как круглый идиот!

Изумившись собственной скорости, он перелетел через стойку, очутился возле окна с хрустящими под ногами стеклами и даже нашел время обли-

зять губы до того, как противник повернулся в его сторону.

— *Halt!*¹ — произнес он тихо, пытаясь улыбнуться; он по опыту знал, что так угроза звучит наиболее страшно. — *Hände hoch!*

Да, незнакомец явно был профессионалом. Даже не вздрогнув, он застыл на месте как вкопанный и медленно поднял руки на уровень груди, слегка расставив локти, словно готовился к рукопашному бою. Не переставая целиться, Николай перешагнул через низкий подоконник. Выбираясь на улицу, он краем глаза взглянул на рюкзак на тротуаре и еще раз обругал себя за глупость. Это могло стоить ему жизни, такое случалось с теми, кто занимался их ремеслом, — погибнуть из-за какой-нибудь мелкой оплошности.

— Сними ремень и брось сюда, — приказал он все тем же грозным голосом. — Без фокусов, дружок. Я продырявлю тебя раньше, чем ты обернешься.

Тот подчинился медленно и неторопливо. Пояс с кобурой шлепнулся к его ногам. Николай шагнул вперед, соображая, что же ему делать дальше. Да, влип в историю. Проще всего было застрелить незванного гостя, чтобы раз и навсегда с ним покончить, но он знал, что не способен убить безоружного человека, даже если это человек Баумштеда. Значит, его надо связать и поискать местечко, где его можно будет запереть до утра. Целая куча проблем из-за одной оплошности. «Если бы не это, только бы ты меня и видел», — подумал он, злой от беспомощности, сделав еще один шаг к пленнику.

— Так. Теперь снимай рюкзак и брось его рядом с ремнем.

¹ Стой! (нем.)

— Не могу, — ответил хлюпик хрипловатым мальчишеским голосом. Говорил он по-немецки медленно, с сильным акцентом. — Там бьющиеся вещи.

Странно, но как приятно было слышать живую человеческую речь после двухдневного молчания. Несмотря на вражду и наличие оружия, обмен парой слов превращал их обоих в часть человеческого рода и перекидывал между ними шаткий мостик взаимопонимания. «Только этого тебе не хватало — нюни распустить, — подумал он. — А помнишь, что сделали с Валешинским? А с Диком Гароу, а с Китайцем? Такая вот мелюзга опасней всего, им хочется поскорей утвердиться на иерархической лестнице, прослыть крепкими орешками. Так что охлады свой пыл...»

— Ладно, — сказал Николай. — Тогда поставь его слева. Слева, я сказал, а не справа. И никаких резких движений, сам понимаешь.

Парнишка понял. Осторожно снял с плеч лямки рюкзака, поставил на брусчатку возле ног, потом выпрямился, застыв все в той же напряженной позе.

— Три шага вперед.

Теперь шаги юноши были совсем другие, по-кошачьи легкие и бесшумные. Он послушно шагнул вперед и опять застыл все в той же позе ожидания. Ждал чего-то — пули в спину или удобного момента для действия. Видимо, пауза показалась ему слишком долгой, потому что он кашлянул и с нарочитым вызовом бросил:

— Ну, обезоружил. А дальше что?

Николай улыбнулся. Хитрость была шита белыми нитками — пусть он подумает, что овладел положением. До сих пор юноша не делал попыток оглянуться, пытаясь успокоить его беспрекословным

подчинением. Старый, испытанный трюк. Усыпить бдительность противника и молниеносно напасть, как только тот расслабится. «Не заставляй меня стрелять, дружок, — подумал он. — Будешь слушаться, и все будет в порядке. Ты уже, должно быть, понял, что мне не хочется тебя убивать, иначе зачем терять с тобой время понапрасну? Если ты, конечно, не думаешь... Нет! Вашу мать, недоноски вонючие, не все такие садисты, как вы! То, что вы сделали с Китайцем...»

Волна ненависти и отвращения накатила вдруг на него. Заставив себя подавить воспоминания о постигшем Китайца конце, он шагнул вперед. Ему хотелось сделать это бесшумно, но так ловко, как у мальчишки, у него не получилось. «Я тяжелее», — мысленно оправдался он и протянул руку. Пальцы моментально нащупали нож там, где ему и место, — на поясе сзади, надежно прикрытый одеждой. Обезоружил, как бы не так. Николай довольно усмехнулся, но внутри разлился холод дурного предчувствия, и он поспешил отступить назад.

Он еще не успел сделать шага, а только собирался, когда кепка у него на глазах приподнялась и из-под нее посыпалось что-то длинное, черное и блестящее. В первую секунду Николай недоуменно впился глазами в блестящий темный поток, бегущий по спине мальчишки. Его сознание отказывалось быстро реагировать на невероятное преображение, а когда наконец решило это сделать, удивление заблокировало реакцию — в этот момент он был совершенно беззащитен.

Фигура перед ним закружилась в вихре. Пистолет выстрелил, но парнишка уже успел отпрыгнуть вправо, и пуля улетела куда-то на противоположную сторону улицы. Что-то оттолкнуло руку Нико-

лая в сторону, и одновременно резкий удар в висок превратил его мозги в нечто похожее на шарик на резинке. Колокольня кувыркнулась вправо, потом взлетела в небо, а земля ушла из-под ног. «Ключ», — успел сообразить он, приземляясь на серую брусчатку. «Ну все, парень, ты меня достал!» Рука интуитивно выпустила пистолет, и он покатился вперед, но это было не страшно, это было в порядке вещей. Он приземлился на ладони, согнутые локти приняли на себя силу удара, развернули тело в левую сторону, словно управляемые все той же навязчивой мыслью — достал! Противник появился перед его затуманенным взором — вот именно — достал! — изворачиваясь в воздухе, как лишенная опоры кошка, с явным намерением подскочить и схватить пистолет. Но Николай, падая, уже разгадал его намерение — ах, раз так, вот тебе, он вдруг осознал, что сам наносит удар — вот так, мальчишка! — своим грубым башмаком поддел парня под ребра и перевернул на спину — стоп... Да какой же это парень, чтоб ему пусто было! Женщина!

Тяжело дыша, он поднялся на ноги. Незнакомка лежала на боку, прижимая руки к животу, и, похрипывая, пыталась перевести дух. Николай поморщился, как при зубной боли, и поднял пистолет с земли. Только бабы ему не хватало! Он сделал несколько шагов назад, сел на рюкзак и попытался размять затекшие мышцы. Женщина! Его наполняло какое-то непонятное, обидное чувство несправедливости. «Да ведь она запросто могла меня убить глазом не моргнув, — с возмущением подумал он. — И что сказал бы на это Мишин? Ника Бенева пришила какая-то фифа. Вот так вот, годами завоевываешь репутацию, а потом первая встреча... Ладно бы мужик, еще куда ни шло...»

Понемногу мутноватый взгляд девушки прояснился. Она убрала руки с живота, приподнялась на локтях и села. Ей было около тридцати, лицо овальное, удлинненное, слегка обветренное и загорелое. Длинный тонкий нос со слегка расширенными ноздрями, тонкие губы и заостренный подбородок — все говорит об отвратительном характере, решил Николай. Глаза были нефритовыми — зелеными в крапинку — и сейчас смотрели на него сосредоточенно и хмуро, словно хотели просверлить дыру между его ключицами.

— Вставай давай, — грубо приказал он. — И без выкрутасов. Чуть было не убил тебя, дуреха!

Незнакомка презрительно скривила губы и встала медленно и как-то вызывающе. Никакого страха она явно не испытывала, и ситуация от этого становилась еще более обидной.

— Снимай куртку, — велел Николай.

Ее нефритовые глаза стрельнули вопросительно, потом она все с такой же нарочитой медлительностью расстегнула куртку и дала ей самой сползти с рук. Под ней была надета бордовая шерстяная рубашка, полинявшая от стирки.

— Теперь снимай ремень.

— Собираешься меня трахнуть? — В ее голосе не было тревоги, лишь удивление и брезгливость, словно она разговаривала не с человеком, а с какой-то скользкой тварью. — Сначала тебе придется связать меня, дорогуша. А то как бы я тебя без наследства не оставила!

Да за кого она его принимает, эта мерзавка? Николай невольно привстал было с рюкзака, но, встретив ее испытующий взгляд, сел обратно. Конечно, она только и ждет, что он замахнется... чтобы опять

начать старую карусель. Нет, дорогуша, этот номер больше не пройдет!

— Свяжу, если понадобится, — пообещал он. — Но если придется выбирать, то и палкой до тебя не дотронусь. Снимай ремень!

Злой блеск в ее глазах полностью его удовлетворил. Это было так по-женски — отталкивать и одновременно обижаться на отсутствие интереса. Резкими, гневными движениями она расстегнула пряжку, вытащила ремень из шлевок и швырнула его в сторону. Нож шлепнулся возле ног сзади. Женщина собралась расстегнуть пуговицы на брюках, но Николай поднял руку.

— Брось! На этот товар желающих нет, я уже говорил. Кидай сюда железо и можешь надевать ремень.

Она испепелила его взглядом, но подчинилась. Николай подтолкнул ногой нож к пистолету, встал и склонился над рюкзаком. Не выпуская девушку из прицела, он расстегнул ремешок левой рукой и откинул язык рюкзака. Сверху была какая-то провизия, завернутая в измазанную старую салфетку. Он выложил ее на брусчатку и залез поглубже. Потертый бежевый свитер... огниво... белье... Ага, а вот и что-то интересное! Коробочка из тоненьких дощечек с металлической застежкой.

— Эй, кто тебе позволил там копаться? — осведомилась высокомерно незнакомка. С тех пор как он перестал принимать ее за парня, голос ее стал как будто звонче.

— Заткнись, — обрезал ее Николай, ставя коробочку на рюкзак и пытаясь ее открыть. — Давно надо было грохнуть тебя для собственного спокойствия.

— Вот и я дивлюсь, почему ты этого не сде-

лал? — заявила она. — Я слышала о вас много гадостей, но ты, вижу, превзошел всех негодяев Баумштеда. Поосторожней, дурак! Уронишь!

Он машинально придержал коробочку. С застежкой справился, но открывать крышку не торопился. Нужно было время, чтобы переварить услышанное. Слишком многое за последние несколько минут перевернулось с ног на голову. Во-первых, мальчишка, который оказался вовсе не мальчишкой, а теперь оказывается, что и не из людей герра Баумштеда. На кого тогда она работает? Не на Мишина и не на кого-то из посредников мсье Луи. Уж не в одиночку ли она крутит бизнес? Хотя с таким мерзким характером вряд ли ее станут терпеть в организации.

Ну, да что тут гадать. Скоро все прояснится само собой. Он поднял крышку коробки. Внутри лежала вата, под ней с десятков стеклянных ампул с грубо запаянными кончиками. Пальцы скользнули глубже, но кроме ваты ничего не обнаружили.

— Морфий? — он поднял глаза на девушку.

— Морфий, — поспешила согласиться та. — Надо же как-то жить.

Нет, тут что-то не так. Контрабанда лекарств — это ясно; при сегодняшнем отчаянном состоянии медицины болеутоляющие средства ценились почти так же, как и спички, а риск торговать ими был значительно меньше. Только ни один нормальный человек не станет рисковать жизнью из-за десятка ампул. Тогда что?

На всякий случай он еще раз прощупал вату, потом положил коробку рядом с другими вещами и залез поглубже в рюкзак. Теперь в зеленых глазах появилось беспокойство, и это наполняло его некоторым удовлетворением — наконец-то ему удалось

пробить проклятую стену ее презрительного высокомерия. «Так-то, дорогая, — подумал он, — у каждого из нас есть свой скелет в шкафу. Давай-ка поглядим, чем же ты все-таки зарабатываешь, если морфий служит тебе лишь прикрытием. Тааак... клубок веревки... шерстяные чулки... снова белье...»

— Достойное занятие для джентльмена, — зло отозвалась незнакомка. — Рыться в чужом белье. Или ты кончаешь таким образом?

— Ты все же дама... — презрительно поморщился тот и смерил ее взглядом. У нее действительно был вид дамы, хотя ему очень не хотелось это признавать. Или упрямой козы, зависит, с какой стороны взглянуть.

Мало-помалу рюкзак почти полностью был опорожнен, и, вытаскивая каждый новый предмет, Николай все больше разочаровывался. Коробка патронов для пистолета... кружка... мешочек с сухофруктами... зачитанная книжка без обложки со странным названием «Спектрографические константы»... Книга сначала привлекла его внимание, но, перелистав страницы, исписанные непонятными таблицами и формулами, он покачал головой и положил ее к остальным вещам.

— Хватит заниматься ерундой, — сказала девушка. Сказала это серьезно и настойчиво, казалось, смертельная угроза взволновала ее не слишком, а вот ревизия рюкзака переполнила чашу терпения.

Похоже, она сдается, подумал он, и эта первая настоящая победа в стычке между ними принесла ему удивительно сильное удовлетворение. Он уже был готов уступить, прекратить досмотр, но любопытство оказалось сильнее. Что же такого может быть в этом рюкзаке? Там практически не осталось места для чего-нибудь серьезного.

Пальцы его нащупали какой-то гладкий прямоугольный предмет. Он вынул его и хотел взглянуть, что он собой представляет, но злость, вспыхнувшая в глазах девушки, невольно заставила его отступить на два-три шага назад. Этой мерзавке ничего не стоит броситься на него с голыми руками.

Отойдя на безопасное расстояние, Николай многозначительно потряс пистолетом, потом бросил беглый взгляд на находку. Ничего особенного. Плоский пакет, обернутый клеенкой и перевязанный несколько раз крест-накрест веревкой. Он подкинул его на ладони, чтобы определить, какой он на вес.

— Положи на место! — приказала незнакомка.

Голос ее прозвучал, как удар хлыста, — так резко и властно, что он машинально шагнул к рюкзаку. Значит, это и есть то самое, за что она так боялась. Здесь, в этом пакете, кроется тайна, способная толкнуть женщину на рискованный переход через границу.

Теперь ее действительно нельзя выпускать из виду. Помогая себе зубами, он ослабил узел и снял веревку.

— Я убью тебя, — мрачно сообщила незнакомка.

Он хотел было ответить, но решил, что лучше промолчать. Сначала надо посмотреть, что в пакете, а уж потом разговаривать.

В клеенку был завернут конверт из коричневатой упаковочной бумаги. Николай разорвал его, вынул содержимое и озадаченно почесал затылок рукояткой пистолета. В руках у него белела пачка исписанных убористым почерком листов, сложенных пополам и перетянутых резинкой. Почерк был мелкий, но разборчивый, и текст занимал всю поверхность листа без полей, словно пишущий эконо-

★ мил бумагу. Написано было по-английски с обильной примесью греческих символов, цифр и совсем незнакомых знаков.

— Хорошо, ты увидел, что хотел, — устало вздохнула девушка. — А теперь читай, если такой умный.

Он послушно пригляделся. Язык был знакомый, большинство слов — тоже, но, сложенные вместе, они превращались в совершеннейшую абракадабру. Глаза перескакивали с одной строчки на другую.

...в этой области атомы с потенциалом ионизации, меньшим, чем потенциал водорода — C, Mg, Fe, Ca и др., — ионизируются от излучения с 912 А...

...необходимость дополнительной проверки линий поглощения K в спектрах светящихся звезд...

...иные механизмы, так как Lc-кванты не являются главным ионизирующим агентом...

Николай опустил руку. Черт, он ничего не понимал, но меньше всего — что особенного было в этих записках, чтобы так рисковать? Времена чистой науки прошли двадцать лет назад, и сейчас подобными вещами могли заниматься лишь повернутые старики, чудом оставшиеся в живых после стольких лет голода и нищеты. Что общего с ними может быть у этой девушки?

— Оставь в покое эти листы, — сказала она уже без злобы в голосе. — Если хочешь, заberi морфий. Могу еще дать деньги... франков двести, больше у меня нет.

С кислой миной Николай положил сложенные бумажки на пустой рюкзак. Славная добыча, нечего сказать! Двести франков и десять ампул морфия... Он пожал плечами. Что ж, на его месте ка-

кой-нибудь из приспешников Баумштеда мог бы ее пристрелить и за меньшую сумму.

— А сама-то ты откуда? — спросил он.

— Из Австралии.

— А?

— Из Австралии, — терпеливо повторила девушка и впервые слегка улыбнулась, словно раздумывая, смеяться ей или негодовать по поводу глупости рода человеческого в целом и Николая в частности. — Теперь тебе осталось только спросить, есть ли у меня австралийские доллары.

— А что, есть?

— Нет, как это ни печально. Нет. Их давно отняли мошенники покруче тебя.

— Подожди, — сказал он чуть ли не умоляюще. — Подожди. Что ты мне голову морочишь? Австралия в тысячах километров отсюда...

— В десятках тысяч, — поправила она. И голос ее стал деловитым. — Послушай, парень, давай не будем терять время. Что хотел посмотреть, ты посмотрел, прибыль кое-какую поимел... Что тебе еще надо? Убивать меня, похоже, не собираешься, изнасиловать просто не советую. Так что для обеих сторон лучше будет договориться — тебе деньги и ампулы, а мне — записки и остальной багаж, который ничего не стоит. Идет?

Николай вздохнул. «Делаю очередную глупость», — подумал он, пряча пистолет в кобуру. Не только люди Баумштеда, но даже Гастон, несмотря на свою французскую галантность, посмеялся бы над такой идиотской доверчивостью. Но что делать, у каждого человека, в конце концов, есть собственная гордость. Собственное достоинство стоит больше двухсот франков и чуточки морфия.

— Забирай свои пожитки, — сказал он. — Вме-

сте с записками и стекляшками. И без них обойдусь.

Девушка неуверенно подошла к рюкзаку, остановилась и испытующе взглянула ему в лицо.

— Да, и еще, — мстительно добавил Николай. — Договор имеет силу для обеих сторон, верно? Ты тоже гарантируешь, что не будешь в меня стрелять и... не будешь меня насиловать.

На этот раз она не нашлась что ему ответить.

4

Коза, упрямая коза, яростно подумал Николай, резкими движениями затачивая бритву о ремень. Надо было послать ее куда подальше. Проклятый народ эти бабы — дай палец, по локоть откусят.

Лезвие поблескивало в желтоватом пламени свечи. Он попробовал его пальцем и повернулся к раковине. В полумраке тесной ванной зеркало казалось окошком в другую комнату, откуда на него смотрел какой-то подозрительный тип — до пояса голый, лохматый, заросший щетиной и с темными крутами под красными глазами. Николай внимательно оглядел его и покачал головой. Физиономия не внушала доверия. Ничего удивительного, что женщина приняла его за человека Баумштеда.

«Но переодеваться я не буду, — упрямо сказал он себе, пока опускал кисточку в кружку с теплой водой и намыливал ее о кусок грубого коричневого мыла. — Не буду... и точка! Что она из себя строит, эта фифа? Мишину я гожусь и такой, отцу Доновану тоже, даже Гастону гожусь, а эта, видите ли, строит из себя благородную девицу. Встретилась бы с мсье Гастоном, поглядели бы, какую песню тогда б запела».

Бритва со скрежетом начала соскабливать трех-

дневную щетину на щеках, и спустя некоторое время отражение в зеркале приобрело приличный вид.

Он стер пену с лица, пригладил волосы мокрой рукой и решил, что этого вполне достаточно. Взяв свечу, прошел в темную спальню и неуверенно остановился возле кровати, на которой лежал темно-синий костюм. Он чувствовал себе злым и неуклюжим, словно дрессированный медведь. Положение хуже губернаторского, как любил говаривать Мишин. Психологический мат, добавил бы отец Донован. Или, точнее, цугцванг¹. С какой стороны ни взгляни на ситуацию, выхода, который пощадил бы его самолюбие, нет. Можно, конечно, послать к черту эту козу, подхватить рюкзак и потихоньку смыться. Он улыбнулся, представив себе, как она, прождав его еще с полчаса, поднимется вверх, чтобы убедиться, что ее бросили вместе со всеми ее приготовлениями. Что и говорить, мысль была соблазнительной, но бегство означало бы, что он уступил, сдался. Как и раньше, когда он спустился вниз, не подозревая, какой капкан она ему приготовила. С ее стороны было нечестно — нечестно, это еще мягко сказано — накрыть на стол, нафуфыриться и встретить его с гримасой крайнего неодобрения.

Вспомнив об унижении, он сцепил зубы. «Ладно, дорогая, — подумал он, протягивая руку к висящей на спинке стула белой рубашке, — раз уж мы решили притворяться элегантными и изысканными, даю тебе карт-бланш. Мы тоже не лыком шиты, приходилось и на дипломатических приемах бывать, неважно, что тогда я был еще совсем зеленым юнцом».

¹ Положение в шахматах, когда игроку приходится делать заведомо проигрышный ход.

Галстук ему не давался. Раза три-четыре он его перевязывал, пока не получился более-менее приличный узел, и это придало ему уверенности. Одетый в синий костюм, он опять прошел в ванную и посмотрел в зеркало.

У него перехватило дыхание.

Из зеркала на него смотрел совсем другой человек, человек из давно ушедшей эпохи. Гладко выбритое лицо было почти красивым — скуластое, с орлиным носом и пронизательными темными глазами под густыми бровями — лицо авантюриста из старых фильмов. Старинный костюм казался верхом элегантности по сравнению с его прежней одеждой. И в то же время эта одежда из гардероба мертвого хозяина дома была такой же несуразной, как и висящая над головой электрическая лампочка. С почти физической болью он ощутил, как безвозвратно ушло величие старого мира. *Sic transit gloria mundi*¹...

Он повернулся спиной к зеркалу и со свечой в руке медленно спустился на нижний этаж. Чувствуя себя разбитым и не находя себе места. Ему казалось, что призраки прошлого прячутся по мрачным углам, уныло обгладывая остатки воспоминаний об океанских лайнерах и электрических миксерах, телевизорах и космических полетах, мотоциклах и компьютерах. Миллиарды исчезнувших предметов сыпались лавиной из бескрайней ночи, вызываемые, словно духи при спиритических сеансах, старым синим костюмом. Миллиарды примет рухнувшей цивилизации, на которые нельзя было посягать, кроме как в воспоминаниях.

Малая гостиная встретила его светом свечей, ог-

¹ Так проходит мировая слава (лат.).

нем камина и запахом еды. Контраст с мраком мертвого села был таким разительным, что Николая словно ушатом холодной воды окатило. Легкомысленный уют этой теплой комнаты показался ему безрассудным вызовом силам ночи и стужи, легионам мертвецов, сметенных Коллапсом. Белая скатерть, заботливо начищенные приборы, хрустальные бокалы и фарфоровые тарелки — все это принадлежало не им, не принадлежало, по сути дела, никому.

— Не стоило этого делать, — тихо произнес он.

Женщина оторвала взгляд от камина и повернулась к нему. Она была одета в темно-зеленое вечернее платье с глубоким декольте и казалась совершенно незнакомой, словно явилась на смену той зануде с площади. Длинные черные волосы были уложены «улиткой» и заколоты шпилькой из слоновой кости, белизна изящной шеи притягивала взгляд, и это лишь усиливало ощущение нереальности.

— Чего не стоило делать?

— Всего этого... — он пространно описал рукой круг. — Это как... как осквернение гробницы. Или как пир во время чумы.

— Чума миновала пятнадцать лет назад.

— Знаю, — кивнул Николай. — Но когда я попадаю в такие вот села, мне начинает казаться, что время остановилось... или приютилось в пыли пустых комнат. А иногда вдруг кажется, что мертвые все еще здесь, и мы должны проявлять к ним должное уважение... быть, что ли, более сдержанными, черт возьми!

— К питейным заведениям это тоже относится? — осведомилась она с мягким коварством в голосе.

Ее замечание не вызвало у него раздражения. Он лишь вздохнул и покачал головой.

— Днем все выглядит по-другому... Но то, что это была глупость с моей стороны — глупость, она глупость и есть. И, как видишь, я готов понести заслуженное наказание в твоём лице.

— Даже так! — Ее тонкие брови вопросительно поднялись. — А ты, похоже, становишься излишне романтичным. Проклятие мертвого села...

— Не знаю, — сказал он. — Может, я и ошибаюсь, может, что-то преувеличиваю. В конце концов, здесь теперь ходят люди, такие же, как мы. Наверное, жизни просто не нравится надолго оставлять такие места пустыми. Ничего удивительного, если скоро сюда явятся мародеры, начнут грабить, ворошить брошенные дома...

— Пить «Перно», — подсказала женщина.

Николай задохнулся от возмущения.

— Не выношу «Перно»! — зло возразил он. — Если бы я его пил, мы бы вряд ли встретились!

Он резко повернулся на пятках и собрался шагнуть в направлении двери, но рука незнакомки легла ему на плечо — едва уловимо, как касание бабочки, и все же ее жест был исполнен настойчивости и силы.

— Извини... — Николай скосил глаза на ее руку. Трогательно тонкие пальцы огрубели, ногти обломаны, и он вдруг понял, что именно в контрасте с элегантным вечерним платьем скрывается вся глубоко противоречивая сущность ее поведения. Агрессивность и грубая язвительность были маской, щитом против еще более агрессивного мира, где просто не было места женственности и мягкости.

— Я не хотела тебя обидеть, — проронила

она. — Просто... думала, что если ты из людей Баумштеда...

— Ты совсем рехнулась, — кисло улыбнулся Николай. — Что за чушь! Милочка, если бы я был из людей Баумштеда, уже три раза тебя бы убил и изнасиловал. Не боюсь остаться без наследства. А если бы почему-то не сделал этого раньше, то теперь уж точно разложил бы на столе.

Ее нефритовые глаза взглянули на него с веселой искоркой.

— Теперь скажи еще, что ты Робин Гуд или Зорро.

— Не скажу, — признался он. — Я контрабандист, ты угадала, только работаю на более порядочного шефа — мсье Луи, может быть, слыхала о таком. И если хочешь знать, я из порядочной семьи. Отец был дипломатом... из Болгарии, есть такая страна.

— Знаю, — кивнула она. — Я была там прошлой зимой.

Николай встрепенулся и обалдело уставился на маленькую хрупкую девушку, стоящую перед ним. Он на секунду забыл, откуда она явилась, — или подсознательно не хотел верить, что она способна проделать такое путешествие, сама мысль о котором наполняла его сомнением и непонятным страхом.

— Ну и как там? — спросил он, тут же пожалев о том, что спросил. О Болгарии у него остались лишь детские воспоминания: маленький домик деда где-то в горах, разноцветные стекла небоскребов в новом центре Софии и веселые толпы туристов на морских пляжах. Это была страна, оставшаяся в другой, счастливой эпохе — так же, как та Россия, которую отчаянно стремился Мишин.

Женщина пожала плечами.

— Как и везде... По сути дела, я не так много ви-дела. Ты же знаешь, как это бывает зимой — все за-тихает, люди прячутся по теплым домам и ждут вес-ны. Большие города опустели, но в целом, похоже, страна не слишком сильно пострадала. Во всяком случае, я не слышала, чтобы был голод... Видимо, ус-пели вовремя перестроиться на сельское хозяйст-во. Жаловались в основном на хищников — волков, медведей, кабанов... У нас тоже были проблемы с волками, пока мы пробирались через Балканы.

Она замолчала. По комнате опять разлилась ти-шина, нарушаемая лишь потрескиванием угольков в камине и плавящегося воска свечей. Николай за-думчиво смотрел на маленькую руку девушки и представлял себе пистолет, направленный в оскал-ленную пасть огромного зверя с прижатыми ушами и вздыбившейся на шее шерстью... где-то в засне-женных ущельях Балкан. Жалобная песня ветра смешивается с воем волчьей стаи, и снег доходит до пояса... волки, черт бы их побрал, волки зимой — гиблое дело, можно сказать, совсем пропащее, осо-бенно для маленькой или плохо вооруженной груп-пы. Ему приходилось видеть следы подобной схват-ки во Французских Альпах — кровавые пятна на примятом снегу, рассыпанные гильзы, куски ткани и дочиستا обглоданные человеческие кости, разо-дранные мощными челюстями. Одна из бесчислен-ных угроз ремесла... «Но мы хотя бы понимаем, ра-ди чего рискуем, — подумал он. — А ради чего рискует эта дурочка? Ради нескольких листков, ис-писанных какой-то чепухой чокнутыми стариками, которые никак не хотят понять, что прошлое похо-ронено навсегда и что по крайней мере в ближай-шие сто лет мир не сможет позволить себе роскошь содержать ученых. Австралия! Боже праведный!

Двинуться из Австралии в Европу! Да это же чистой воды самоубийство!»

— О чем ты думаешь? — спросила она.

Николай очнулся, и алые пятна на снегу медленно растворились, уступая место зеленому платью с глубоким декольте, открывающим наполовину маленькие упругие груди. Смутившись, он перевел взгляд на лицо девушки.

— Не понимаю тебя. Думай обо мне что хочешь, но не понимаю. Сколько раз ты ставила свою жизнь на карту? Сегодня я мог тебя застрелить, прежде чем ты бы сообразила, что произошло. А если бы я был с группой... Ты только слышала о людях Баумштеда, но, по сути дела, не знаешь, что это за выродки. Нет, нет... — Он взмахнул рукой. — Последние слова беру обратно. Возможно, тебе и почище встречались. Одним словом, ты понимаешь, что я хочу сказать. Зачем тебе это? Почему вы все — ты и тебе подобные — не хотите понять одну простую истину: мир летит в пропасть, и ничто не в силах его остановить? Нам осталось одно — вцепиться кто во что может и ждать последнего удара в надежде выжить. Вся ваша наука не смогла сделать ничего путного, когда была на вершине славы, когда располагала огромными мощностями, техникой, людьми, компьютерами. Что она может сейчас?

Она улыбнулась, обнажая ряд мелких белых зубов.

— Сеньор Кальвера...

— Что? — переспросил Николай.

— Сеньор Кальвера, — повторила женщина. — Был такой фильм, очень старый — «Семь храбрецов» или что-то в этом роде... Семеро ковбоев собираются защищать мексиканскую деревню от банды разбойников. Большинство из них погибает, но в

конце концов деревня спасена. И главарь банды, сеньор Кальвера, перед тем как умереть, спрашивает в отчаянии: зачем? Что заставило их жертвовать собой ради каких-то бедных крестьян?

— Я смотрел этот фильм, — перебил ее Николай. — Три раза смотрел, и называется он, к твоему сведению, «Великолепная семерка». Хорошо, пусть я Кальвера... или тот, как его там, Хари, который спокойно умер, только когда его обвели вокруг пальца, потребовав в залог гору золота. Ну, хорошо, а где ТВОЕ золото? Кучка бумаг, с помощью которых, как тебе кажется, вы можете что-то изменить! Ровным счетом ничего! Эта ваша проклятая наука сковывает вас словно цепями и заставляет даже перед лицом смерти верить в мешки с золотом. Сегодня оно черное, дорогая! И радиоактивное. Вы учили это в ваших расчетах? Нет, вы цепляетесь за воспоминания о прежнем могуществе науки и собираетесь мерить жизнь прежними мерками. Эх, не выйдет! Не выйдет, и все. Потому что старая наука строилась на старых законах природы. Новой же придется подождать — пятьдесят, сто или бог ее знает сколько лет, но подождать. Она должна будет отрешиться от всего, что было верно когда-то, но это произойдет не сейчас. Нужны сведения о реальном мире, нужен опыт. И этот опыт дадим вам мы, те, кто пытается выжить. Если дважды два теперь пять, то вы можете сидеть хоть всю жизнь над вашими заплесневелыми книгами, но так того и не поймете... Однажды это открытие сделает какой-нибудь простой крестьянин — это на сегодня и есть настоящая наука. Все остальное — заблуждение.

Рассуждая вслух, он подошел к окну и посмотрел на улицу, на заросший сорной травой двор, призрачно освещенный голубоватыми лунными лу-

чами. Теперь, обернувшись, он приготовился отбивать встречный протест девушки, но вместо сердитого взгляда наткнулся на ту же довольную кошачью улыбку.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Николай Бенев, — ответил он, несколько смущенный отсутствием сопротивления. — Можно просто Ник.

— Приятно познакомиться... наконец. А я Джейн Диксон.

Девушка подошла к нему и подала ему руку. Слишком высоко для рукопожатия, подумал он в последний момент и неловко поднес руку к губам. Почувствовал, как вспыхнули уши. Он ждал новой язвительной реплики, но в этот вечер, похоже, она решила постоянно удивлять его непредсказуемой реакцией.

— Слушай, а ты не хочешь есть? Беседа может пять минут подождать, а еда остынет. И не думай, что я пытаюсь уйти от ответа. Продолжим за столом.

— Меня учили не болтать с полным ртом, — возразил он.

Джейн рассмеялась, и от этого ясного, звонкого звука в комнате словно стало светлей.

— Тем хуже для учителей. Садись, я сейчас приду.

Не дожидаясь ответа, она исчезла за дверью в кухню. Николай помедлил, положив руку на спинку стула. Изысканно накрытый стол все еще казался ему нереальным, но спор как-то притупил напряжение. Ну и что особенного, представим себе, что мы в гостях.

Он сел.

Дверь из кухни отворилась, и появилась Джейн

с подносом в руках, на котором стояла бутылка вина и дымящаяся кастрюля.

— Не суди слишком строго, — предупредила она, ставя перед ним поднос. — Это кулинарная импровизация из твоей зайчатины, моей колбасы и немножко зелени с огорода. Давай свою тарелку... Вот так... И не сиди как чурбан. Знаю, ты думаешь — пир во время чумы, но ты не прав. Абсолютно. — Она положила себе и села напротив Николая. — Восприми это село не как храм смерти, а как наследство.

— Наследство?

— Да, это самое точное слово. Это древние египтяне провожали покойников на тот свет со всем их имуществом. Если мы решим следовать их примеру, то нам придется отказаться от всего мира. Жизнь продолжается, Ник. И лучшее, что мы можем сделать в память об ушедших, это доказать, что их смерть не была напрасной. У тебя есть возражения?

Он молчаливо протянул руку к бутылке вина. Возразить было нечего, да и не хотелось. Все, что он говорил минуту назад, все, о чем он думал, для одинокого путника означало одно, а для двоих — совсем другое.

Темно-красная струя с бульканьем лилась в хрустальный бокал. Отнимая бутылку от бокала, он сделал это несколько раньше, чем следовало, и несколько капелек упали на белую скатерть.

— В Болгарии есть поверье: если проливается вино — значит, кто-то из покойников хочет пить, — сказал он.

Джейн подняла бокал и стала рассматривать, как играют рубиновые блики в свете свечей.

— Может, так оно и есть... Но на их месте я бы

радовалась, что есть кому пролить вино. Радовалась бы, что жизнь продолжается, что в комнате вновь светло и пахнет едой. И знаешь, я бы не хотела, чтобы пришедшие в мой дом гости пили за упокой.

На какое-то мгновение у Николая возникло чувство, что он смотрит на эту светлую комнату извне, из мрака опустевшего села, и по спине его побежали мурашки — однако она была права. Не обида, не возмущение или ненависть испытал бы он, глядя оттуда, а только грусть и легкую, тихую зависть, подобную той, что испытывают старики, завидев влюбленную парочку.

— За жизнь, — сказал он и поднял бокал.

— За жизнь, — кивнула Джейн, и хрустальные грани отозвались легким звоном. — Я рада, что ты наконец понял. А теперь ешь, пока не остыло.

Еда оказалась вкусной, или просто так ему показалось, потому что давно не ел горячего. На несколько минут Николай забыл и о разговорах, и о том, где они находятся. И только когда подтирал кушочком хлеба последние остатки соуса с тарелки, его взгляд упал на рукав синего костюма.

— Откуда эта одежда? — поинтересовался он.

Уголки ее губ насмешливо дрогнули.

— Ты опять за свое? Успокойся, ее никто не надевал. Пока ты дремал наверху, я успела побродить по селу. Тут неподалеку есть магазин — ужасно пыльный и полный моли, но если получше поискать...

— Наследство, — пробормотал он и взглянул на этикетку бутылки, прежде чем плеснуть еще немного вина. — Эй, ты обратила внимание? «Шато Каре 2027»?

На этот раз тишина была более глубокой и долгой. Джейн молча встала и понесла тарелки на кух-

ню. Оставшись один, Николай вздохнул, прикрыл глаза и отпил из бокала. Сейчас вино приобрело вкус меланхолии. Вкус, напомнивший маленькие квартальные кафе с телевизором и музыкальным автоматом, с газетами и спорами по поводу последних футбольных матчей, с запахом булочек и кофе. Ему казалось, что он действительно ощущает тяжелый горький аромат кофе, и он откинулся назад, вдыхая глубже, слыша звон чашки о блюде...

Он открыл глаза, и она действительно оказалась перед ним, точно такая, как он видел с закрытыми глазами — белая, дымящаяся, полная великолепно-го черного, густого напитка. С той стороны стола Джейн тихонько засмеялась, увидев его удивленную физиономию. Ну-ка соберись, приказал себе Николай, но удивление было слишком большим, и рука его немного дрожала, когда он подносил чашку к носу, чтобы лучше ощутить почти забытый запах.

— Кофе... — Его рот медленно растягивался в улыбке, которой, казалось, не будет конца. — Откуда ты его взяла?

— Да приберегла для особого случая, — ответила она неопределенно, открыла кожаный кисет на столе и ловко начала делать самокрутку.

— Это я-то особый случай?

— Еще какой особый. Контрабандист-философ, такие не каждый день встречаются. Папиросу?

— Спасибо... — Он взял самокрутку и прикурил от пламени свечи. — Только я не заслужил такой комплимент. Был бы здесь мой друг Иван Мишин, тогда бы ты поняла, что такое контрабандист-философ.

— И много вас таких у мсье Луи? — поинтересовалась она.

— Хватает... — Николай отпил кофе и поморщился — горько. — Такое у нас ремесло — наводит на размышления. Побродишь по разным местам, увидишь всю эту разруху, как потом не задуматься... Ведь как ни крути, а выходит, что все бесполезно, что мы обречены искать способы выживания — если получится. Это единственная истина, и ничто не может ее изменить, ни ты, ни твоя наука. Я тебя не осуждаю, имей это в виду. Каждый заполняет свою жизнь чем может. Но на сегодняшний день ученые — чистый анахронизм, кучка старых мечтателей, раскиданных по всему миру. Как когда-то алхимики, ищущие тайну философского камня. Прячутся, мечтают возродить Золотой век, проводят разные секретные эксперименты... пока об этом не станет известно и пока крестьяне из ближайших сел не прибегут вздымать их на вилы.

— И ты, наверное, скажешь, что крестьяне правы? — насмешливо бросила Джейн.

— Нет... — Папироса погасла, и Николай снова прикурил. — Я ненавижу убийство. Но, черт побери, имей ты чуть больше ума, почему не обратишься к реальности, не сделаешь что-нибудь полезное для людей, вместо того чтобы гоняться за химерами.

Девушка оперлась локтями о стол, наклонилась вперед, и в ее глазах засверкали воинственные огоньки.

— Очень хорошо. Наука не должна гоняться за химерами. А кто утверждает обратное, дорогой мсье? Кто? Сами крестьяне, которые живут памятью о Коллапсе и ищут виноватых во всех своих бедах. Им нужны виноватые во всем — в том, что ударили заморозки, или засуха, или град... Охота на ведьм, как в доброе старое Средневековье... Если землетрясение разрушило их дом, значит, виноват

ты колдуны-ученые. Ну, ладно, так могут думать неграмотные крестьяне. А ты? Что будешь делать ты, если землетрясение разрушит твой уютный дом?

— Построю новый, — с вызовом ответил Николай. — Обстругаю бревна, приволоку камни, обожгу на солнце глиняные кирпичи. В том-то и состоит роль всех вас, ученых, — давать мне советы, как это лучше делать, а не рисовать проекты небоскребов из стекла и стали.

Она покачала головой.

— Не выходит, дружок. Дом у нас один, другого просто нет. Мы даже не смогли создать базу на Марсе. Итак, дом у нас наполовину разрушен, но стены все еще чудом держатся. На улице, допустим, зима. Что ты будешь делать?

— Ты не оставляешь мне выбора, — возразил он.

— Так же, как Коллапс. Ну?

Николай задумался, отпил кофе и тоже наклонился вперед. Сейчас их лица были совсем близко. Словно заговорщики, подумал он.

— Укреплю дом, насколько смогу. Заткну щели, раскидаю мебель... и буду жить. Что еще остается? А потом, если удастся, построю дом из старых кирпичей.

— Ты упускаешь нечто очень важное, — мягко сказала Джейн. — Вот картина. Зимняя ночь, вьюга, стужа. А ты с друзьями на улице. Стены дома продолжают трескаться и шататься, готовые обрушиться в любой момент, но у вас нет выхода — или войти, или замерзнуть. Одному надо позаботиться о раненых, второму разжечь огонь, третьему поискать еду, матрацы, теплую одежду... А какой-нибудь чужак вместо этого пойдет обходить дом с блокнотом и карандашом, чтобы записать, где есть трещины и насколько они широкие, какая часть пола уцеле-

ла, а какая нет, откуда дует, где протекают водопроводные трубы... Представь, ты бежишь по коридору, мозги кипят от напряжения, надо решать тысячи неотложных вопросов, а этот очкастый идиот путается под ногами, царапает в блокноте, бормоча что-то себе под нос. Что ты с ним сделаешь?

— Так нечестно!

— Ситуация вообще нечестная. Так как ты поступишь?

— Убью, — неохотно признался Николай. — Возможно, потом буду жалеть, но все равно убью... Нет, подожди! Может, и жалеть не стану, если увижу, что он созерцает звезды через дыру в крыше. Чем нам могут помочь звезды в данный момент? Спектры, ионизация, кванты... Они нам лет через двести понадобятся, если человечество выживет, конечно. Но сейчас будьте любезны делать то, что вам говорят, — изучайте дом!

— А мы что, по-твоему, делаем? — Джейн зло затынула, закашлялась и разогнала дым рукой. — Из-за этих записок, которые я несу, погибли восемь человек. Ты считаешь, что немало повидал, бродя по этим горам. А ты знаешь, каково это, когда тебя обстреливают из пулемета с пиратской джонки? Или пробираться ночью сквозь те места, где людоедство норма жизни? И все это ради того, чтобы передать сообщение, которое в прежние времена облетело бы весь мир за доли секунды! Звезды... — Она встала, обошла вокруг стола и остановилась перед догорающим огнем камина. Долетающий из-за плеча голос зазвучал вдруг глухо и устало. — Дело в том, что мы не можем уткнуться носом в землю. Мы должны смотреть на звезды. И не просто смотреть, а сравнивать результаты наблюдений из разных точек земного шара.

— Зачем? — спросил он, чувствуя, как все внутри его сжимается от предчувствия чего-то судьбоносного и страшного.

— Потому что подтверждается то, что мы и предполагали. Коллапс — не просто локальное явление или накрывшая нас космическая волна. Мы надеялись, что, может быть, так оно и есть, надеялись, что все как пришло, так и уйдет. Но и здесь, в Европе, есть старые мечтатели, как ты их называешь. И их наблюдения совпадают с нашими. Изменения произошли повсюду, во всей Вселенной. И не спрашивай меня, зачем и почему? Просто прими на веру, что Земля попала в эпицентр циклона...

— Значит, конец света все-таки наступил, — прошептал Николай с пересохшим вдруг горлом.

— Не знаю, — тихо сказала она.

В тишину вклинились жалобные вздохи ветра, стучащегося в оконное стекло. Стены комнаты как-то вдруг приблизились одна к другой, словно желая подчеркнуть, сколь ничтожно это последнее убежище света среди бесчисленных россыпей падающих звезд. Николай поежился.

Спустя несколько бесконечно долгих минут молчания Джейн тряхнула головой, села за стол и устало протянула ему свой бокал.

— Налей.

— Лучше бы я тебя не встречал, — глухо произнес он, потянувшись за бутылкой.

— Я не просила тебя останавливать. — Она сухо засмеялась. — Будем здоровы. И хватит рассуждать о высоких материях. Давай поговорим о чем-нибудь земном. Куда ты пойдешь завтра? В сторону...

— Вельтбурга, — опередил ее Николай. — Теперь он называется Вельтбург, и точка. Или, в край-

нем случае, Мондовил. Не стоит называть старое название, можно хлопотать неприятности.

— Значит, правда... До меня доходили слухи, но я думала, что это шутка. Неужели все так серьезно?

— Серьезней некуда. Генеральный секретарь Аренс одержим темой ООН и всемирной власти.

— И это все? Если правда то, что о нем говорят, то он скорее одержим ролью собственной персоны.

Николай небрежно махнул рукой.

— А кто из власть имущих не одержим? Просто раньше это умело скрывали, а теперь все встало на свои места. — Он вылил в бокал остатки вина и меланхолично взглянул на пустую бутылку. — Заметь, все же с Вельтбургом нам повезло. Власть Аренса — цветочки по сравнению, например, с диктатурой Баумштеда... Или с Триумвиратом докторов... Слушай, а выпить ничего больше нет?

— Сейчас принесу. — Джейн встала и пошла на кухню. — Говори, я слышу.

— Ну... Я хотел сказать, что, по моему мнению, власть — та же яма с дерьмом, только глубина у ямы может быть разная. Важно найти способ держать голову над поверхностью.

— Удастся? — спросила она, ставя на стол еще одну бутылку.

— Справляемся кое-как. Достаточно не оспаривать права Ганса-Ульриха Аренса быть генеральным секретарем, он действительно имеет на это некоторое право. Перед Коллапсом работал на Объединенные нации — причем в самое напряженное время, после погрома в Нью-Йорке, когда вся работа была переведена сюда.

— Как трогательно! — поддела его Джейн. — И ты мне еще говоришь о чокнутых старых ученых!

— Не надо! — Николай энергично замахал бока-

лом, не обращая внимания на то, что вино брызгает на скатерть. — Аренс, может, и одержимый, но не чокнутый. Захватив власть двенадцать лет назад, он не сделал ни одного ошибочного хода. Говорят, он был страстным игроком в покер. Да и вся эта история с постом генерального секретаря кажется мне выдумкой, исключительно чтобы запугать противников режима. А вообще-то герр Аренс мастер компромисса. Первое, что он сделал, придя к власти, договорился с организованной преступностью... Негласно, разумеется, но роли были разыграны как по нотам. Он удерживает власть и либерализует топливный режим, насколько это возможно, чтобы не вызвать гнев крестьян. Контрабанда идет. Полиция делает свое дело и время от времени ловит какую-нибудь мелкую рыбешку. Крупные фигуры, такие как мсье Луи, стоят в сторонке, лишь дергают за ниточки. Опять же мафия помогает Аренсу умирять крестьян. Таким образом у него остаются силы на охрану границы, особенно со стороны Баумштеда.

— С этой стороны, хочешь сказать. И как пройти сквозь кордоны охраны? Или для земляков делают исключения?

Николай покачал головой.

— Никаких исключений. Патруль действует по старой схеме — сначала стреляет, потом проверяет. Так что каждый спасается как может. Большинство переходят ночью...

— Но не ты, — подначила Джейн.

— Не я. Тогда пускают собак. Ненавижу собак... — Он потянулся ко второй бутылке и с удивлением обнаружил, что она тоже пуста.

— Я их тоже терпеть не могу. Ты ел когда-нибудь собачатину?

— И похуже ел. Не перебивай меня. На чем я остановился?

— Что ты не переходишь границу по ночам, — подсказала она.

— Вот именно. Смотри сюда. — Николай наклонился над столом. — Бутылка — это село, в котором мы находимся. Дорога идет вот так... Километра через два сворачивает влево, параллельно границе, и там ее никто не охраняет.

— Почему?

— Потому что там нельзя пройти. Дорога вьется у подножия отвесной скалы. Через пять километров проход, но там всегда патруль.

Джейн захохотала.

— Загадка! Как про волка, козу и капусту. Где ж ты тогда проходишь?

— Вот здесь, — торжественно показал он воображаемое место на скатерти. — Ущелье Горж де Созе. Когда-то туристический объект, но после Коллапса туда никто не суется... Как у тебя с восхождением? Маршрут через водопады трудный, имей в виду.

— Справлюсь, — пообещала она.

Николай тяжело встал из-за стола. В коленях была слабость. Не стоило столько пить, подумал он. Он обошел вокруг стола и похлопал Джейн по плечу.

— Ладно, конец празднику. Пора ложиться. Уже поздно, а завтра нас ждет трудная дорога.

Она повернулась к нему и начала подниматься — как-то неловко, заметил Николай, потому что места между ними оставалось совсем мало и кто-то должен был уступить, но ни он, ни она этого не делали; стол качнулся, упал назад, их тела соприкоснулись, и внезапно он почувствовал, как сквозь одежду перехлестывает жаркая волна чего-то, что

он пытался сдержать в течение всего вечера — сначала с помощью злости и досады по отношению к даме, потом с помощью глубокомысленной беседы. Его руки сомкнулись на ее спине, в то время как ее впились в борта пиджака, увлекая его вперед и вниз, к глубоким, загадочно нефритовым глазам. В комнате сразу стало как-то слишком жарко, лоб его пылал, и не хватало воздуха — может быть, от неожиданной силы, с которой прижималась к нему Джейн. Их лица соприкоснулись, он почувствовал губами уголки ее губ, но когда попытался прикоснуться к ним, они ускользали, и он то одной, то другой щекой ощущал ее сдержанное дыхание. Она опустила правую руку, и в горячем тумане, заполнившем его сознание, промелькнула мысль, что она хочет его оттолкнуть. Но вместо этого Николай почувствовал, как ее тонкие пальцы схватили его за галстук, лихорадочно дергая в разные стороны, пока узел не ослаб, и в этот момент их губы наконец встретились — не с нежностью, а с грубым нетерпением какой-то невыносимой жажды, с яростью необъяснимого соперничества и гонки к неосознанной, бесконечно далекой и в то же время столь близкой цели. Все вокруг исчезло, оставались только дрожащие от напряженного ожидания лица, оставалась опора в виде стола, без которой они давно потеряли бы равновесие... и оставалось тупое, бесившее сопротивление одежды, которые не хотели поддаваться, не хотели отступать перед поспешными, неловкими движениями. Их руки мешались, сплетались, дергали и рвали, синий пиджак полетел на пол, вслед за ним рубашка; зеленое платье соскользнуло вниз с острых маленьких плеч, и трудно сказать, сколько времени длилась эта лихорадка, пока между их телами не рухнула наконец прегра-

да. Твердые, как камешки, соски ее груди выписывали причудливые арабески на его обнаженной коже. Она опять впилась в него руками, увлекла назад всей тяжестью своего тела, и столешница оказалась под ними. Где-то бесконечно далеко, словно в другом мире, раздался и заглох звон разбитого стекла. Николай на мгновение открыл глаза и увидел возле своего лица белую скатерть с пятном от вина, по форме пятно напоминало звезду. Наконец бесплотный мрак поглотил его, и не осталось ничего, кроме податливого, упругого и гибкого безымянного тела под ним, поисков вслепую, пульсирующего желания и внезапного, бьющего, как удар током, прикосновения ее руки, которая повела его в еще более глубокий мрак, забытие и всеобъемлющую первичную теплоту, где спадают оковы времени, пространства и собственного «я».

Много позже, когда они лежали рядом в спальне наверху, он догадался спросить:

— А в Вельтбурге у тебя есть у кого остановиться?

— У Жака... Е... жерона, — пробормотала спроне Джемн где-то в районе его груди.

Все когда-нибудь там окажемся, подумал Николай и долго еще не мог уснуть — возбужденный и напряженный, прислушиваясь к стомам ветра в мертвом селе. Тепло женского тела в его объятиях было до отчаяния хрупким и уязвимым.

Опять его разбудило воркование голубей. Не открывая глаз, Николай с удовольствием вдохнул прохладный свежий воздух, потянулся под одеялом, и вдруг сердце у него защемило. Место рядом было пусто. На простыне под ладонью не было и намека

на тепло человеческого тела. Он откинул одеяло, соскочил на пол и пробежался мутным взглядом по пыльной комнате. Никаких следов Джейн Диксон. Окно в заросший бурьяном двор было распахнуто. Проспал, подумал с неясной тревогой Николай и вновь осмотрел помещение. Его одежда висела на стуле, где он и оставил ее с вечера перед тем, как переодеться. Все еще спросонья он шагнул к стулу и, пока натягивал брюки, прислушался, нет ли какого шума внизу. Может быть, Джейн готовит завтрак — правда, непонятно из чего, если вчерашний ужин съел все имеющиеся у них запасы, но она человек изобретательный, что-нибудь придумает.

Потом он заметил пятно на пыльном полу в углу, там, где он оставил свой рюкзак.

В груди застрял комок горькой обиды, ярости и разочарования. «Убью, — подумал он и бросился, не завязав шнурки, к двери. — Я убью ее!» Коридор встретил его сумраком, пылью и запахом погасших угольков в камине внизу. Тишина была плотной и застарелой, тишина дома, покинутого еще на рассвете. Подкованные ботинки застучали по деревянным ступенькам лестницы, но даже этот звук не мог разбудить безжизненное чувство запустения. На нижней ступеньке Николай споткнулся, не смог сохранить равновесия, пролетел через холл и влетел в столовую.

Рюкзак был первое, что он увидел. На столе, рядом с заботливо сложенной скатертью. Все еще недоверчиво он шагнул вперед и расстегнул ремешок, но все оказалось на месте. Она не взяла ни одного коробка спичек. Лишь кое-что добавила.

Бутылку анисовой водки.

Николай рассмеялся. Потом смачно выругался, с легкой злостью и большой долей уважения и сим-

патии, как сделал бы это его близкий друг Мишин. Собрался было выбросить бутылку, но, подумав, сдержался. «Сохраню как память, вместо банальной увядшей розы между страницами ветхого альбома с пятнами слез на пожелтевшей бумаге. Как она обвела тебя вокруг пальца, — весело усмехнулся он. — Соблазнила и бросила — такого с тобой еще не случалось, а, приятель? Впредь будет урок, следующий раз будешь оберегать невинность от всяких сомнительных авантюристок».

В столовой было на удивление чисто. Не осталось ни следа от разбитых ночью бокалов, пепел в камине тоже был вычищен, а зеленое платье и синий костюм куда-то исчезли, видимо, их повесили в какой-нибудь гардероб. Николай пожал плечами. Что ж, раз считаешь себя наследницей, то совершенно нормально содержать дом в порядке, даже если и не собираешься туда возвращаться. Он почувствовал легкий укол совести, вспомнив, какой беспорядок оставил вчера утром в другом селе и еще хуже в здешнем трактирчике. Может, она и там решила прибраться? Хотя вряд ли, он покачал головой и вернулся на второй этаж одеваться дальше.

Обида не проходила — легкая, но упорная и болезненная, как заноза, которая время от времени, неожиданно кольнув, напоминает о себе. С этой обидой он надел рубашку и куртку, подумал, что так ему может быть жарко днем, и вспомнил поговорку, которую любил повторять его дед: «Летом без бурки, зимой без трубки в горы не ходи». Простая и мудрая поговорка, придуманная много веков назад каким-то балканским горцем, прочно стоящим на земле. Сегодня время именно таких людей, а не вшивых интеллигентов, которые любят покопаться в собственных переживаниях. Людей с первичным

животным инстинктом — выживает сильнейший, как Баска, или с фанатичной верой, как отец Донован, или одержимых властью, как Аренс. Остальные — балласт, песок в смазке, который постепенно разъедает механизм и рано или поздно приводит к фатальной ошибке.

И все же обида оставалась. Спускаясь вниз, чтобы взять рюкзак, Николай мысленно ощупывал эту обиду, как щупают языком больное место там, где только что удалили зуб. Бутылка анисовки, чтоб ей пусто было!.. Что бы это значило? Высокомерная издевка или прощальная дружеская шутка? Вряд ли ему когда-нибудь удастся это выяснить... если, конечно, не придется еще раз встретиться.

«Или если догоню», — подумал он, взваливая рюкзак на плечи, и вдруг почувствовал, как знакомая тяжесть одним ударом наполняет его тело холодной, стальной решимостью. Он был жив, здоров, бодр и гибок, боль растворилась в нетерпеливом ожидании, и, казалось, даже шипы ботинок впивались в пол как-то по-особому, с остервенением в предвкушении предстоящей погони.

Утро было ясным и свежим; в холодном воздухе его звонкие шаги разносились на дальнейшее расстояние, и сейчас село отнюдь не выглядело зловещим или мертвым — просто кучка брошенных домов, наследники которых рано или поздно должны вернуться. Николай опять рассмеялся, на сей раз без тени печали, и ускорил шаг. Он давно не испытывал такого удовольствия от бега наперегонки со временем и горными тропами, радости от налитых силой мускулов.

Село осталось позади, шоссе пролегалo по старому каменному мосту через Созе и поднималось вверх по склону среди лесной чащи. Сквозь потре-

скавшийся асфальт пробивались кустики травы; иногда Николай замечал примятый стебелек и довольно кивал. Следы были свежие, оставленные час назад, не больше. Он догонит ее, в этом нет сомнения.

Высоко в небо уходила серая стена скалы, голая и мрачная, только в отдельных местах сосенки нашли место, чтобы вцепиться в камень узловатыми корнями. Наклон постепенно уменьшался. У подножия стены, перед тем как повернуть налево, Николай остановился и оглянулся назад. До самого горизонта тянулись рифленые холмы и горные луга, среди них вилась Дорога мертвых с нанизанными на нее брошенными селами.

На дороге показались люди.

Он поморщился. Что-то не так. Правда, по Тотенвегу иногда ходили контрабандисты, но они обычно ходят поодиночке, редко по двое-трое и никогда большими группами. А эта группа была большая. Встревоженный Николай снял рюкзак, достал бинокль и приставил его к глазам. Сначала он увидел лишь мутноватые зеленые пятна, потом покрутил колесико фокусировки, и постепенно картина прояснилась. Поводил немного налево, потом направо, перед взором промелькнули деревья и холмы, темная лента дороги, он приостановился, и через мгновение в объективе показались всадники, скачущие галопом в направлении покинутого им пол часа назад села. Он попытался их сосчитать, хотя это было нелегко — бинокль дрожал в руках, несколько раз ему даже пришлось его опустить, чтобы потом опять приставить к глазам. Восемь или девять, сделал он вывод. С такого расстояния было видно не слишком хорошо, но, похоже, за спинами у них были ружья.

— Сеньор Кальвера... — мрачно пробормотал он, убирая бинокль в рюкзак.

Легкое, радостное чувство испарилось. Теперь он шел по усеянной мелкими камнями дороге еще быстрее, но, казалось, груз за плечами стал давить сильнее из-за сомнений и страха. Что ищут эти всадники на Тотенвеге? Уж не его ли? Это из-за того нападения, кольнула прямо в сердце догадка. Или из-за спаленного дирижабля. Он зло тряхнул головой. Что за чушь, кто станет суетиться из-за какого-то мелкого контрабандиста? Да он уже две границы пересек, у них просто нет никакой возможности организовать погоню. Нет, тут что-то другое. Может быть, какие-то разборки между людьми Баумштеда, такого рода внутренние войны были не редкость в нынешнем полном насилия мире. Но так бежать... видимо, их преследует гораздо больший отряд...

Дело принимает крутой оборот, подумал он и почувствовал, как его заливает горячая волна. Головорезы Баумштеда были щедры на пальбу (*trigger-happy*¹, как сказал бы отец Донован), а уж теперь, если между ними действительно вспыхнула междоусобица, они без всякого колебания изрешетят всякого, кто встанет им поперек дороги. Однако еще оставалась надежда, что они дождутся своих преследователей в селе, но Николай не слишком на это рассчитывал. Они двигались в сторону границы и, скорее всего, собирались перейти ее где-то здесь, если потребуется, то применив силу. Он лихорадочно прикидывал в уме расстояние и возможную скорость передвижения, но напряжение мешало ему думать. Сколько осталось до водопадов? Успеет ли

¹ Отменные стрелки (англ.).

он добраться туда прежде, чем его догонят? Он взглянул налево, но густые кроны придорожных деревьев заслоняли низину. Все висит на волоске, решил Николай. Может быть, догонят, а может, и нет.

Наверное, разумнее было бы свернуть с шоссе и переждать внизу, в овраге, пока всадники проедут. И хотя идея казалась соблазнительной, многолетний инстинкт курьера-горца восставал против нее. Поступить так — значит из-за какого-то сомнительного ощущения на карту поставить все. Ну а если ищут действительно его? Тогда он останется запертым здесь, дорога к границе будет отрезана, а она так близко...

«Господи, ну зачем им нужен именно я?»

Впереди был поворот, и там зеленая стена деревьев расступалась. Снимая рюкзак в процессе передвижения, Николай пробежал вперед, остановился, вытащил бинокль и точным жестом уловил объективом шоссе.

Никого. Дорога была свободна, всадники ускорили в село, а погони не видно. Если, конечно, преследователи не застряли в соседнем селе, попытался успокоить себя Николай, но эта мысль не выдерживала никакой критики. Зачем им так спешить, если они прилично оторвались от преследователей?

Он убрал бинокль. Голова работала плохо, через силу, словно не хотела признавать очевидного. Всадники явно ни от кого не убегали, и это могло означать только одно — что они сами и есть погоня. Восемь или девять человек, посланные за ним вслед. Зачем, отчаянно спрашивал себя Николай. Из-за ста коробок спичек? Проклятье, сто коробок спичек неплохая добыча, но вряд ли игра стоит свеч! Нет, этого не может быть. Тогда что же? Кров-

★ **ная месть? Возможно... Если вдруг кто-то из погибших во время той стычки оказался близким Баумштеда, если стало известно о его, Николая, участии в этом деле, если каким-то образом напали на его след...**

Он вскинул рюкзак на плечи и побежал.

К ботинкам словно прицепили груз, и в тишине пустой дороги их топот казался зловещим и обреченным. Между лопатками стекали ручейки пота. Он попытался отогнать страх, убедить себя, что все его домыслы могут оказаться простым совпадением, но по опыту знал, что в их ремесле совпадений не бывает. Какова бы ни была причина, всадники гнались именно за ним, и, вероятней всего, это были люди Баумштеда. Кровь стучала в висках, как маятник часов, отмеривающий ход равнодушного времени. Сколько осталось до расщелины? Километр? Надо добежать туда прежде, чем его настигнут, только в этом было его спасение. Даже в самом распрекрасном расположении духа люди Баумштеда не могут быть приятной компанией, а уж если гнались именно за ним... просто было страшно подумать о последствиях. Валешинский... Китаец или еще хуже.

Дыхание обжигало горло, легкие болезненно силились захватить побольше кислорода, а дорога приближалась мучительно медленно. За каждым поворотом он ожидал увидеть узкую расщелину, где можно было бы найти спасительное убежище, — и каждое новое разочарование отнимало у него частицу сил. «Не выдержу, — подумал он, — не дойду. Проклятое ремесло! Только бы выкрутиться, и брошу все это, ей-богу, брошу! Стар я стал для этих игр, они для таких, как тот парень с ишаком».

Но сквозь шум в ушах вдруг стал различим дру-

гой благословенный звук — плеск и бульканье воды слева, со стороны оврага. Он знал, что это может быть: где-то неподалеку горная река, ее русло поднималось к дороге и скоро, видимо, подойдет к ней вплотную. Еще чуть-чуть, может быть, за следующим поворотом! Он собрал последние силы, даже ускорил бег и оказался на повороте в тот самый момент, когда сзади долетел бешеный топот копыт.

Ущелье было перед ним — огромная расщелина в отвесных скалах справа, откуда неслись пенистые воды горной реки, устремляясь вниз под мост. Не чувствуя ног, Николай побежал вперед по густой траве, по давно заросшей тропинке, на которую уже никогда не ступит нога туриста. В лицо ему пахнул прохладный воздух, напоенный мелкими капельками влаги. Направо, направо! У подножия скалы уныло ютились разрушенные временем развалины ресторанчиков с торчащими в пустых витринах острыми осколками стекол. Река была совсем рядом. Почва стала влажной, из ущелья долетал многократно усиленный шум водопадов. На мгновение Николай увидел в грязи след маленького подкованного ботинка, но времени думать о Джейн у него не было, потому что со стороны дороги затрещал автомат и последние остатки витрин ресторана рассыпались блестящим фейерверком. Руководствуясь не столько разумом, сколько интуицией, он свернул влево и очутился у железного мостика через реку, переброшенного на другой берег, где дорога поднималась вверх по скале, чередуя лесенки и площадки.

Теперь предстоит самое худшее. Николай пригнулся, сдвинув плечи, и побежал над рекой. Скользкое железо гроыхало под ногами. Понятно, что он был весь как на ладони, одной автоматной очереди хватило бы, чтобы его убить, но почему-то те делать

это не спешили. Может, надеялись взять его живым? Мостик закончился, впереди было несколько ржавых ступенек, он преодолел их в два прыжка, и, пока прыгал, три или четыре автомата застрочили одновременно. Звук стрельбы и рокот воды, треск отбитого куска скалы, дождь мелких каменных осколков, перед глазами кружились новые лесенки и новые площадки, теперь поворот обратно, вперед по террасе вдоль мокрой отвесной скалы, вглубь, в спасительный мрак расщелины, искры от пуль по железному парапету, вперед и вглубь, вперед и вглубь...

Тишина.

На миг Николай приостановился в изнеможении. Он свернул налево, и край скалы загораживал его от преследователей. У него было такое чувство, что кто-то разодрал на ленточки все его внутренности и потом эти ленточки поджег. Ему хотелось хоть минутку вот так постоять, чтобы перевести дух, но это могло его погубить. Начав стрелять, эти типы остановились, чем дали ему фору, и он ни за что на свете не должен был упустить время. Надо бежать вглубь, к водопадам. А потом? К черту потом, беги вперед, горемыка, или тебе хана!

Опомнившись, он вдруг понял, что опять бежит по разъеденным ржавчиной металлическим террасам, через прорубленные в скалах галереи над глубокими быстрыми водами, в которых лениво играли темные продолговатые тени огромных форелей. Мостики плавно поднимались вверх, грохот водопадов сотрясал горы, и влажная пыль сыпалась, как упрямый осенний дождь, забираясь в легкие, душила его, заставляя кашлять. Дорога становилась все более скользкой. «Стоит потерять равновесие, и я отправлюсь прямиком к рыбам», — подумал Нико-

лай и невольно вспомнил о беге по первому мостику. Почему они не открыли стрельбу тогда? Если хотели взять его живым, то зачем стреляли, когда он был уже на другом берегу? А если просто хотели его заполучить, живого или мертвого? Может быть, просто боялись, что его труп может упасть в реку? Почему, мать их так, почему? Что им было от него нужно? Спички? Невелико сокровище! Он бы бросил их, если бы мог таким образом отделаться, но знал, что не в спичках дело, по крайней мере, это было очевидно. Эти сволочи хотели его шкуру, все равно зачем, может быть, по недоразумению, как в случае с Диком Гароу, и не успокоятся, пока...

Не заметив как, он преодолел мостик над первым водопадом и бежал по галерее вдоль правой стены ущелья, когда опора под ногами исчезла. Он издал сдавленный крик, взмахнул руками и бросился ничком на качающийся железный лист. Скользя вправо назад, шипы ботинок задевали за рваную грань, ноги съехали в какую-то щель, но пальцы, вцепившись наконец в одну из реек парапета, сдержали падение в тот момент, когда ноги до колен уже болтались в воздухе. Медленно и осторожно он подтянулся немного вверх на наклонной площадке и завертел головой. Взгляд натолкнулся на кипящую белую пену. Одна из подмытых опор внизу не выдержала, и оторвавшийся конец металлической платформы висел на высоте метров пяти над бурными водами потока.

— Ага! — запыхавшись, побормотал Николай. — Ага...

Переставляя руки с одной рейки на другую, он подтянулся вперед. Освобожденный от тяжести тела, железный лист вернулся почти на прежнее место. Парень встал и посмотрел назад. Трещина была

едва заметна. Первый преследователь непременно рухнет в воду, но этого было мало. Надо было сделать еще что-то, и с легким замиранием сердца он понял, что именно. Идея была рискованной... хотя было ли что-нибудь более рискованное, чем перспектива добраться до конца ущелья с бандой, преследующей по пятам?

В двух шагах перед ним был грубо заваренный шов листа. Николай ступил на него, схватился за низкий парапет и легонько подпрыгнул на месте. Опора под ногами закачалась, что-то заскрипело внизу, хрустнуло. Хорошо... Он надавил раз, потом еще и еще, ускоряя ритм, свободный конец платформы гнулся, раскачиваясь в воздухе и царапаясь о каменную стену, сбитые камешки сыпались в воду, и вдруг опоры оторвались со стены.

Не одна, а сразу три.

Ледяная судорога невесомости прошла по телу волной снизу вверх через желудок и легкие. Царапая шипами по скользкому железу, он бросился вперед по наклону, нашел еще одну опору, чтобы шагнуть, но вторая площадка, увлекаемая первой, гнулась вниз, превращаясь в отвесную стену на уровне его груди. Инстинктивно Николай извернулся влево и схватился за парапет. Пружинящие металлические листы вначале повисли отвесно, потом отскочили назад, почти до половины прежней высоты. Подброшенный, словно кукла на ниточке, он использовал ускорение толчка, чтобы проползти на две рейки вперед. Крепко ухватился, чтобы дожидаться следующего толчка, и вдруг с ужасом заметил, что сварка расплзается.

Оставались считанные секунды. Парень замахал ногами, нащупал опору погнувшегося парапета и начал подниматься, как по веревочной лестнице.

Грубый металлический шов медленно отрывался от стены. Листы уже не раскачивались, только согнулись и повисли над водой, которая плескалась у их нижнего края. Николай оттолкнулся ногой, преодолевая еще метр, и был уже почти у самого шва, когда тот расползся окончательно, и теперь обе платформы повисли, удерживаемые лишь железной трубой парапета. Какое-то нечеловеческое усилие толкнуло его вперед, через шов с острыми зазубринами. Запыхавшись, он растянулся на качающейся площадке, услышал внизу оглушительный всплеск и понял, что спасен.

Он был как выжатый лимон, понимая, что потерял слишком много времени. Преследователи могли появиться в любой момент. Он заставил себя встать и идти вперед. Плечо терлось о скользкую влажную скалу, но он опасался идти левее, боялся, что, если вдруг колени подогнутся, он не удержится и перелетит через парапет.

Через двадцать шагов был следующий поворот. Здесь Николай остановился и обернулся. Доброе дело сделал. Шести метров узенькой террасы как не бывало, и лишь дыры от вырванных опор напоминали о существовании железных платформ, которые когда-то на этих опорах держались. О том, чтобы взбираться по гладкой отвесной стене, даже не могло быть речи. Если у преследователей найдутся канаты и крюки, то они могут, конечно, попробовать, но на это уйдет уйма времени. Он улыбнулся дрожащими губами. Знал, что надо идти дальше, но не смог отказать себе в последнем маленьком удовольствии.

Ждать пришлось недолго. По мостику через первый водопад бежал первый противник — крупный бородатый мужик в старых джинсах и синей

шерстяной рубаше с закатанными по локоть рукавами. За ним колонной следовали остальные. Николай выждал, когда они подойдут поближе, увидят обрушенную террасу и обратят взоры в его сторону. Рассмеялся, увидев их вытянутые физиономии, и, сделав неприличный жест, спрятался за ребром скалы, продолжая безумно хохотать в рокоте бурного речного потока. Позади едва слышно залаяли автоматы. Пули взорвали воздух со злобным воем и улетели куда-то в ущелье. Вскоре канонада стихла. Это было уже ни к чему. Теперь им придется возвращаться к лошадям за веревками; в крайнем случае, можно воспользоваться и уздечками, но, так или иначе, эту игру они проиграли. Переход отнимет у них не меньше получаса.

Все еще тяжело дыша, он пошел вперед. Галерея полого поднималась вверх вдоль мокрой блестящей скалы, поросшей в некоторых местах мхом и папоротником. Каменное русло осталось метрах в двадцати внизу. Высоко над его головой вилась ослепительно яркая ленточка голубого неба. Впереди показались стремительные белые струи второго водопада. Дорога опять прошла через туннель, вышла наружу совсем рядом с водопадом, и здесь Николай ненадолго остановился. Надо было одолеть еще несколько железных ступенек и еще раз пройти над бурным потоком. Это будет довольно рискованно. Мостик просматривался снизу, а его противники были не столь глупы, чтобы не оставить хотя бы одного постового. Правда, расстояние было великовато для точного прицела и висящая в воздухе водяная пыль ухудшала видимость, но риск, несомненно, был. В конце концов, стоит побережь шкуру, подумал он, поднимаясь по ступенькам. Свернул налево,

остановился в пяти-шести шагах от мостика, сделал глубокий вдох и бросился вперед.

Он правильно рассчитал. Глухие звуки стрельбы слышались прежде, чем он достиг середины. Первые пули пролетели метрах в двух от него, следующие с яростным звоном забарабанили по металлическому листу; Николай перемещался длинными прыжками, не пригибаясь — так было быстрее; скала была совсем близко, одна пуля срикошетила и просвистела над его головой, но это было уже под завязку, мостик кончился, и опасность миновала.

Молодец, похвалил он сам себя, медленно шагая дальше. Продолжай в том же духе — и доживешь до почтенных седин. Главное, не забывай мудрый девиз Мишина: «Мгновение неосторожности — и на всю оставшуюся жизнь мертвец». Хотя это спорный вопрос, что лучше — уйти молодым или дожить до этих самых почтенных седин?

Дальше дорога была спокойная. Не торопясь, Николай поднимался на галереи, проходил через туннели и площадки высоко над кипящим потоком Созе. Страхнув тревогу, вспоминал названия водопадов; мимо которых проходил. Каскад дез Эскалье. Каскад Дивизе. В нескольких метрах над пятым водопадом, Каскад де Плюм Бланш, дорога шла через мостик — последний — и заканчивалась широкой смотровой площадкой, откуда открывался вид на уходящее вверх ущелье.

Николай остановился, вынул из рюкзака веревку и сделал на одном ее конце прочную петлю. Потом аккуратно смотал ее на локте и перебросил через шею и левое плечо. Отсюда начинались трудности. Он подошел к краю площадки, перешагнул через железный бортик и ступил на узкий скальный карниз. Камень под ногами был коварно скользким.

Расставив руки и прижавшись к мокрой стене, он медленно обогнул выступ. Скалы расступились перед глазами, и открылся мрачный колодец, в который падали с пятнадцатиметровой высоты струи следующего водопада, Каскада де ля Арк-ан-сель. Его дно представляло собой широкую мелкую каменную чашу с бурной пеной посередине, однако по краям вода была совершенно спокойной и медленно описывала полукруг, прежде чем устремиться дальше по течению. Николай осторожно нагнулся, нашел выступ, за который можно было ухватиться, подполз на животе к краю карниза и завис над воронкой. От ботинок до воды оставалось не более полуметра. Он разжал пальцы, полетев вниз и погружившись в воду по колени. Поскользнуться он не боялся — на краю чаши-воронки годами наслаивался толстый слой мелкого песка, который не успевало смывать слабым течением. Но в середине дно было гладким, почти полированным, и там надо было быть внимательным. Не столько ради себя, сам-то он как-нибудь выкрутится, а вот спички намотить непростительно после стольких мучений и в двух шагах от цели. Пропасть вот так, ни за понюшку табаку, как поговаривал его давно покойный балканский дед.

Сантиметр за сантиметром он продвигался к середине. Он сделал несколько шагов, понял, что песок кончился, пошло гладкое скальное дно. Течение мягко впилося ему в ляжки, задержало в сторону Каскада де Плюм Бланш. Сделав еще шаг, он решил, что, пожалуй, достаточно, дальше напор станет гораздо сильнее. До противоположной стены оставалось метров пять. Там, чуть над выступом, торчал стальной крюк, который они с Диком Гароу вбили два года назад. Осторожно, без резких дви-

жений Николай снял веревку, размотал ее и увеличил петлю. Потом, размахнувшись, бросил вверх. Тяжелая мокрая петля, описав в воздухе дугу и оттолкнувшись от скалы, упала на крюк. Улыбаясь от удовольствия, что бросок был таким точным, Николай потянул за другой конец, чтобы покрепче затянуть узел, дернул пару-тройку раз для пущей надежности и решил, что все в порядке.

Не будь товара, переход не был бы такой проблемой, но сейчас надо было действовать более осторожно. Он схватился руками за веревку, натянул ее и шагнул чуть вперед. Здесь течение относилось еще сильнее, подталкивая к расщелине, сквозь которую бурлили воды нижнего водопада. Шипы ботинок зацарапали гладкое дно озера, вода дошла до пояса, и его снесло бы течением, если бы не было за что держаться. Николай перевел дух, слегка присел и, оттолкнувшись, устремил тело вперед и вверх. Тело повело по широкому периметру воронки, а руки молниеносно задвигались вверх по веревке, чтобы не дать плечам погрузиться в воду. Течение ударило его по ногам, дернуло в сторону, и это было хорошо, потому что спина оставалась на поверхности. Через секунду напором воды его отшвырнуло к противоположной скале. Колени погрузились в песчаное дно. Не выпуская веревки, он выпрямился, постоял немного и стал карабкаться к выступу, чтобы снять с крюка петлю. Снял и посмотрел перед собой. На глубине трех метров в стене колодца была выемка — едва заметная на уровне озера, но расширяющаяся кверху. Николай сложил веревку пополам, набросил ее на крюк и, зависнув, закачался, пытаясь достать ногами до выемки. С третьей попытки ему это удалось, он изловчился опереться на нее обеими ногами. Придерживаясь левой рукой

за стену колодца, правой он вытащил веревку, кое-как ее смотал и перекинул через плечо.

Подъем был нетрудным, надо было только проявлять осторожность, двигаясь вверх по скользкому камню. Он переместил рюкзак на грудь. Потом прижался спиной к камню, уперся ногами в противоположную стену и начал подниматься вверх. Через несколько минут он был уже над водопадом, откуда естественная арка вела на противоположный берег потока. Здесь в отвесной стене был V-образный проход — старое русло давно пересохшего притока Созе. Дно было усеяно кусочками камня, и, поднимаясь, Николай заметил свежие царапины подкованных подошв. Значит, там, внизу, у рестораника, он не ошибся. Джейн действительно проходила здесь. Он мысленно снял перед ней шляпу, вспомнив, сколько времени ушло у них с Диком Гароу на то, чтобы проложить этот оптимальный маршрут.

Мало-помалу грохот водопада за спиной стих. Впереди солнечный свет становился все ярче. Проход стал шире, мельче и вдруг кончился. Каменное русло уходило вверх через альпийские луга к ослепительно сияющим вершинам и леднику, откуда вытекала Созе. Оттуда дул прохладный ветерок, и Николай продрог в своей мокрой одежде. Торопиться ему было некуда, границу он перешел, но надо было продолжать идти, чтобы согреться.

Слева поднимался высокий, покрытый травами хребет, усеянный торчащими серо-черными скалами. Молодой человек пошел вверх энергичными шагами и вскоре действительно согрелся. Лучи полуденного солнца грели ему плечи, и от них вздымались легкие струйки пара. Он был доволен собой и всем миром. Путешествие можно было считать ус-

пешно завершенным. Люди Баумштеда не будут гнаться за ним по эту сторону границы, на это, по крайней мере, мозгов у них хватит. Оставалось добраться до Вельтбурга, но в сравнении с предыдущими приключениями это было сущей мелочью, плевым делом, как сказал бы его балканский дед. А передав товар по назначению и получив за него деньги от Мишина, можно будет несколько месяцев не думать о новых трафиках. Как раз до зимы, кольнула его неприятная мысль, но он поспешил от нее отделаться. Банкноты Баски тоже не мелочь; если тратить экономно, то, может, и до весны хватит. Хотя он не слишком в это верил, давно смирившись с загадочным свойством денег за считанные дни испаряться из его карманов. « Попрошу взять меня в долю, — решил он. — Мишин человек уважаемый, мсье Луи ему не откажет. Или брошу все и пойду управляющим к мадам Хильде. Работа чистая, спокойная, разве что время от времени приходится вышвыривать какого-нибудь перепившего клиента... »

Он преодолел последние метры восхождения и остановился на вершине каменистого хребта. Отсюда открывался прекрасный вид на Вельбургское озеро, в спокойных темных водах которого отражалось небо с редкими белыми облачками. Противоположный берег был едва виден в золотистом мареве. Горный склон, поросший лесом, спускался круто и только ближе к воде становился более пологим. Там, словно игрушечные, белели домики небольшой деревеньки. Еще часок, сказал Николай и направился вниз, внимательно приглядываясь.

Он нашел ее до того, как войти в хвойный лес. Она была узенькой, и пользовались ею редко, как и большинством тропинок, по которым он прошел за последнюю неделю. Порой ему казалось, что он ви-

дит нечто похожее на следы на сухой земле, но не был уверен, что это следы Джейн. А если и так, то ей все равно некуда деться, кроме как идти в деревеньку. Там он ее и нагонит.

Долго идя лесом, он вышел наконец на широкую проселочную дорогу, на которой время от времени громыхали телеги. В первый миг звук колес его испугал, но он тут же улыбнулся. Он был на своей территории. Баумштед со своей сворой остался по ту сторону гор. Здешние крестьяне люто его ненавидели и были готовы просто так, из принципа, помогать даже контрабандисту, если это могло хоть как-то навредить «гнусному швабу». Не прячась, Николай вышел на дорогу и помахал рукой человеку на проезжавшей мимо телеге. Тот небрежно махнул ему в ответ, равнодушно скользнул взглядом по его рюкзаку и опять повернулся вперед. Сверху спускалась еще одна телега. Довольно оживленно сегодня, подумал Николай, шагая по краю дороги. Похоже, нынче базарный день, что очень хорошо для осуществления его планов. В толпе легче остаться незамеченным, да и проблем с транспортом до Вельтбурга не будет.

Чем дальше он шел, тем более многолюдно становилось. С разных сторон на дорогу стекались бородатые горцы, кто с навьюченными мулами, кто с огромными рюкзаками за плечами. В своей мятой, потрепанной одежде Николай мог спокойно сойти за одного из них, единственным его отличием было побритое вчера вечером лицо. Но и это не было столь необычным — внизу наверняка были и такие, кто надел сегодня выходной костюм.

Лес перешел в пастбище, стали попадаться редкие заброшенные дачные домики, напоминание о прежнем курортном благоденствии. Замелькали

наделы вспаханной земли, огороженные плетнями. На равнине паслись коровы и овцы, за ними присматривали юные пастухи с палками на плечах. За последним поворотом дороги, уже совсем близко, показались первые домики деревеньки. За их крышами блестели воды озера, а дальше, среди широкого луга, расположился рынок.

Николай обошел стоящие телеги и смешался с толпой. Поверх разостланных на земле одеял были выложены горы товаров, словно высыпанные из рога изобилия. Пока он локтями пробивал себе дорогу в толпе, его глазам представляли поочередно толстые крути сыра, мешки с кукурузой и пшеницей, огнестрельное оружие и амуниция, бочки с медом и вином, сальные и восковые свечи (с официальным разрешением на продажу), пряжа и ровница, овощи, дичь, всевозможные кожи, свежая рыба из озера и из горных речек, горшки с маслом и сметаной, серпы грубойковки и множество всякой всячины. Вокруг спорили, торговались, ругались по-французски и по-немецки, то тут, то там в качестве пикантной приправы слышалась итальянская, испанская и фламандская речь. Среди толпы пробирались плохо одетые гастролирующие проститутки, более опытные уже тащили сконфуженных клиентов в ближайшую рощицу. Фокусник в красном плаще и с чалмой на голове вытягивал изо рта вереницу разноцветных платочков на глазах у раскрывших рты крестьян, рядом другой бродячий артист с факелом в руках изрыгал огонь — опасный номер, за который тот мог поплатиться виселицей, но за счет этого собиравший гораздо больше публики.

Наконец Николай пробрался сквозь толпу, пошел в сторону деревеньки, но вдруг остановился. Увидел знакомую физиономию. У стены с бутыл-

кой кальвадоса в руках сидел на солнцепеке цыган Фернан — конокрад, кузнец, контрабандист-одиночка и одна из колоритнейших фигур в округе. Как всегда, одет он был в расстегнутую до пояса огненно-красную рубаху, узкие черные брюки, полусапожки с короткими шпорами и подпоясан поясом шириной с ладонь, с бесчисленными заклепками, ремешками и кармашками. В ухо его была вдета блестящая, полированная стальная серьга. Ему, похоже, очень нравилось вот так сидеть, прикрыв веки от солнца, с нависающим на смуглый лоб кудрявым черным чубом. Его присутствие здесь было добрым знаком — Фернан обладал фантастическим нюхом на опасности и умел исчезнуть задолго до того, как начинало пахнуть жареным. Помимо прочего, он всегда был в курсе всего, словно непрерывно прощупывал окрестности невидимым локатором.

Николай подошел, сел рядом и толкнул его в бок локтем.

— Дай глотнуть.

Цыган лениво мотнул головой, глянув сквозь прикрытые веки, и протянул ему бутылку. Отхлебнув, Николай вернул бутылку и попытался завязать беседу.

— Богатый нынче рынок...

— Ничего, — согласился Фернан и поднял в свою очередь бутылку.

— Пока вроде спокойно, а?

— Для кого спокойно, для кого нет... Я свое дело сделал, и мне нечего бояться. — Цыган безразлично пожал плечами и вдруг стрельнул живым взглядом. — Ты поболтать пришел или по делу?

— По делу, — признался тот.

Фернан перебросил бутылку в левую руку и протянул правую ладонь:

— Червонец.

И этот туда же, понял, похоже, ценность информации, подумал Николай, сунув руку в карман брюк. Деньги были еще влажные. В какой валюте, цыган не уточнил, поэтому он взял потертую голубую банкноту в десять марок с изображенным на ней парусником и опустил ее на черную мозолистую ладонь. Фернан довольно потерялся редкой бороденкой о бумажку, с интересом следя за тем, как остальные деньги возвращаются на свое прежнее место. Когда он прятал денежку в один из многочисленных кармашков пояса, на его лице расцвела белозубая улыбка.

— До того, как начнешь задавать свои вопросы, вот тебе информация от меня лично. Бесплатно, за счет заведения. Вижу, у тебя рубли водятся. Вчера ночью в Вельтбурге сгорел дом старого Розенхайма.

— И?

— Что «и»? Неужели не слышал, что герр Розенхайм скупал любые рубли, какие подвернутся? Хотел поднять на них цену. И теперь она точно взлетит, только этому старому барыге не придется порадоваться. Говорят, сам сгорел вместе со всеми своими бабками.

— А ты откуда знаешь, Фернан? — спросил Николай. — Держу пари, что ты по крайней мере месяц не был в Вельтбурге.

— А чего я там забыл, — усмехнулся смутляк, и вдруг глаза у него стали серьезными и печальными. — А что до того, откуда я знаю, так хочешь не хочешь, а приходится, приятель. Мы, цыгане, должны все знать, это наша защита в проклятом мире. Ладно, спрашивай.

— Слушай, ты часом не встречал тут одну женщину? Хрупкая такая, одета в старый камуфляжный костюм. С рюкзаком и с длинными черными волосами, но прячет их под кепкой. На мальчишку похожа...

— Может, и встречал... — Фернан прищурился и задумался. — Только не здесь. На верхней дороге, на восток шла.

Николай покачал головой.

— Наверное, не она. Та шла в Вельтбург.

— Да она, приятель, как не она, — возразил цыган с видом оскорбленного достоинства. — Одежда у нее была влажная, как твоя, потому что оба вы проходили... ладно, не скажу, хотя не думай, что никто не знает, где у вас был канал с Диком Гароу.

— Хорошо, пусть она, — перебил его Николай Бнев. — И что она забыла на востоке?

— Не что забыла, а от чего бежит. Честно скажу, понятия не имею. Но попомни мои слова: тут какая-то заварушка затевается, причем очень скоро. Нутром чую, вот этим вот пузом, и если бы что за мной водилось, только бы меня здесь и видели. Не спрашиваю, не водится ли за тобой что. Если да, садись, прикончим бутылку. Но если есть какой грешок — сматывайся. И не ходи наверх.

— Почему?

Фернан ответил не сразу. Глотнул кальвадоса, вытер рот рукой и привалился спиной к стене.

— Повторяю: не знаю я. Чувствую, и все тут. Если соврал, верну деньги, коли увидимся. Слушай, что я тебе говорю, и иди на пристань. Может, успеешь еще.

Николай вскочил. Он впервые слышал, чтобы Фернан говорил настолько туманно, и это лишь усиливало его тревогу. Гвалт на рынке, похоже, та-

ил в себе какую-то тревогу, что-то скрытное и угрожающее. Он посмотрел на верхушку склона и заметил то, на что прежде не обращал внимания. Ни одной телеги не спускалось и не поднималось. Еще рано, попытался он успокоить сам себя, но знал, что дело не в этом. Было далеко за полдень, обычно в это время многие купцы и покупатели уже возвращались домой. Что их задержало? Переодетые полицейские агенты? К черту, их должно быть слишком много, чтобы провести такую операцию незаметно. И еще — если они действительно решили задерживать повозки, значит, облава началась.

Фернан смотрел на него равнодушно и загадочно своими черными цыганскими глазами. Николай махнул ему рукой и заспешил на главную улицу деревни. Ему не нравилось это тесное пространство, огороженное домами и дворами, у него было такое чувство, что он сам суется в волчью пасть. Он предпочел бы горы, там он был в своей стихии, но если Фернан был прав, лес кишел полицейскими. Лучше вперед, на пристань. Туда шли многие, такие же, как он, с рюкзаками, сумками и мешками, с тележками на колесиках и с ишаками. Множество мелких торговцев из Вельтбурга приходили на рынок за дешевым товаром. Среди них несложно затеряться. И все же... почему деревня казалась ему более оживленной, чем обычно?

«Что тут происходит? — со злостью подумал он. — Чтоб вам пусто было, и *что* вы меня по пятам преследуете, *что* вам от меня надо? Словно сговорились жизнь мне отравить. Только не говорите, что из-за спичек, не поверю. С таким же успехом могли бы растрясти свои задницы из-за ворованных Фернаном лошадей. Бизнес есть бизнес, это даже Аренс понимает и закрывает на это глаза. Ну а

из-за чего же тогда? Ладно бы наша пиратская акция произошла по эту сторону границы, тогда еще можно понять, но какому сумасшедшему придет в голову гоняться за мной на своей территории?»

За очередным поворотом улочки блеснула вода — близко пристань. Николай не выдержал и рванул вперед, смешиваясь с толпой. У деревянных причалов качались привязанные лодки, несколько старых спортивных яхт с облезлой краской и огромный плот из сосновых бревен с обвисшим серым парусом. И ни на одном из неподвижно стоящих плавательных средств не было ни души, хотя пристань кишела людьми.

Он почти физически почувствовал, как захлопываются челюсти какого-то чудовищного капкана. Надо бежать! Бежать любой ценой, если есть еще время! Что сказал Фернан? На восток... Да, на восток, куда свернула Джейн. Не вдоль берега, там, вероятно, стоят посты. Через деревню, по боковым улочкам, может быть, даже дворами.

Сопrotивляясь встречному потоку, он побежал назад против встречной толпы, которая не только не уменьшалась, а росла как на дрожжах. В какой-то момент впереди образовался проход, и Николай понял почему — улицу перегородили два ряда мужчин, вооруженных карабинами. Облава!

Внезапно гвалт стих, словно отрезанный ножом, и над толпой пронесся вздох изумления. Как по команде, головы повернулись налево, туда, где лесистый склон переходил в озеро, и сейчас из-за него выплывала огромная тупая морда. «Вельттершер», узнал Николай, гордость Аренса, символ военной мощи и превосходства в воздухе. Таким дирижаблем не могло похвастаться ни одно из соседних минигосударств. Он летел совсем низко, всего в десятке

метров над водой, оставляя полосы голубоватых струек дыма от каждого из четырех паровых двигателей. По сравнению с колоссально длинным вытянутым телом полицейского дирижабля тот, что сбил Баска, казался просто пигмеем. Нижняя половина корпуса махины была покрашена в небесно-голубой цвет, а выше была травянисто-зеленой с бесформенными коричневыми пятнами. Водное зеркало под ним покрылось рябью от работающего винта. Темный овал тени пробежал по озеру и упал на очумевший народ, стоящий на пристани. Два винта сбавили обороты, и машина неподвижно зависла.

В середине толпы образовался большой пустой круг. Из двери гондолы вниз полетела веревочная лестница, и по ней один за другим начали спускаться солдаты с полной боевой выкладкой.

Николай слегка пошевелил плечами. Ремешки рюкзака поползли вниз. Он спустил их до локтей и собрался было освободиться от опасного груза, когда что-то твердое уперлось ему в ребра.

— Поправь рюкзак, недоносок, — прошипел ему на ухо хриловатый голос. — Живей и без фокусов, если тебе дорога твоя шкура!

«Да здесь кишит этими, — в отчаянии подумал Николай, неохотно поправляя ремни рюкзака. — Вот и мне пришел конец, как когда-то Дику, Баске, Бешеному Бернару и Папе Карло... И самое обидное — уйти, так до конца и не поняв, к чему это все, в какое дерьмо я умудрился вляпаться... Кому понадобился, *porka miseria?*¹ Кому? И зачем?

Толпа отступала назад, образуя все более широкий круг. В его центре остались лишь двадцать

¹ Мать твою (*итал.*).

спустившихся солдат. Двое из них схватились за веревочную лестницу снизу, натянули ее, и из гондолы, не спеша, начал спускаться мужчина в гражданской одежде — высокий и худощавый, одетый в безупречный светло-серый костюм и в широкополой фетровой шляпе. Трость с набаллашником из слоновой кости, которую он держал в правой руке, не мешала его точным, размеренным движениям. Спустившись на землю, человек остановился, чтобы отряхнуть пиджак, и плавно развернулся на пятках. Солдаты расступились перед ним.

Лицо его было узким и бледным, гладко выбритым, лишь под необычайно длинным острым носом темнела тщательно ухоженная полоска усов. Каштановые волосы спускались до плеч. Николай видел его всего пару раз, и то издалека, но узнал сразу же. Ален Буше. Шеф полиции и правая рука Аренса. Человек-дракон, как называл его Китаец, мир праху его.

Элегантным, точным жестом Ален Буше сунул трость под мышку и медленно зашагал вдоль образованного толпой круга. Его глаза переходили с одного лица на другое, и под его взглядом человек на миг столбенел, издавая потом неосознанный вздох облегчения. Походка у него была гибкой и легкой, как у выслеживающего добычу хищника, — сначала земли касался носок блестящего черного ботинка, и только потом опускалась вся подошва. Эта эластичная походка зловеще контрастировала с деревянной неподвижностью торса, шеи и рук. Буше — мясник по-французски. «Какая точность, — подумал Николай, — господь знает свое дело».

И тут ему стало не до рассуждений, потому что полицейай замедлил шаг и взглянул прямо на него. Светло-голубые глаза источали ледяной холод. Ни-

колай почувствовал, как все его тело покрывается капельками пота — чисто выжатый гриб. Попытался было незаметно протянуть руку к оружию, но дуло сильнее уперлось ему в ребра. Ален Буше остановился, слегка привстав на цыпочки, чтобы заглянуть в рюкзак, наконец опять устоял на нем. Высокий бледный лоб наморщился, словно полицейский что-то прикидывал в уме. Глаза угрожающе сощурились...

Губы Буше растянулись в смутном подобии улыбки. Он удовлетворенно кивнул и пошел дальше.

На мгновение Николай почувствовал себя полным и легким, как висящий над пристанью дирижабль. Он едва удержался на ногах, не в состоянии поверить, что угроза миновала. Дуло из подреберья исчезло. Он осторожно повернул голову, но среди людей, стоящих за его спиной, не увидел никого, кому мог бы принадлежать хриплый голос, недавно шептавший ему на ухо.

Буше продолжал обход и теперь, казалось, ускорил шаг. Он уже обошел полкруга. Безрезультатно, выдавали его нервные движения. Беспокойство передалось солдатам, которые стояли у веревочной лестницы с готовыми к стрельбе карабинами. Тревога нагнеталась в воздухе, потянуло запахом пота в тишине, нарушаемой лишь пыхтящими паровыми двигателями. Что-то должно произойти, что-то должно прорвать эту тишину...

Неожиданно часть круга напротив дрогнула, и круг распался. Два выстрела встретились среди всеобщего молчания. Люди бросились врассыпную, как горох. В освободившемся проходе, скорчившись, лежал мужчина, прижав руки к животу. В нескольких метрах от этого места бежал убий-

ца — невысокий и полноватый, одетый в новенький зеленый костюм. За ним вслед ринулись еще несколько человек, наверное, засланных агентов.

— Живой! — повысил повелительный тон Буше. — Живой, живой!

Беглец бежал до самой воды. Из прибрежных деревьев ему навстречу выскочили трое, двое с ружьями и один с большой сетью в руках. Бегущий резко притормозил, оглянулся, и Николай увидел его лицо. Где-то он его уже видел, он был в этом уверен, но вспомнить, где и когда, не смог. Что-то связанное с ремеслом...

Загнанный толстяк был взят в кольцо. Агенты медленно приближались. Он оглянулся, закатил глаза, подняв пистолет...

— Руку! — закричал Буше.

Поздно. Беглец успел прижать дуло к виску и нажать на курок за доли секунды до того, как поднялась стрельба и пули раздробили кисть его руки в кровавые куски. Вновь наступила глухая тишина. Над трупом склонились пять-шесть человек, но шеф полиции медленно пошел дальше, остальные тоже оставили труп в покое.

Несколько секунд Буше постоял, задумчиво глядя на убитого. Потом вздохнул и поднял правую руку. Из гондолы дирижабля вниз полетела веревка с петлей на конце. Двое агентов затянули ее под мышками безжизненного тела, а солдаты повесили карабины на плечи и начали подниматься по лестнице.

Драма закончилась. Свободная от надзирателей толпа зашевелилась, но большинство людей все еще смотрели, как поднимают труп. Николай воспользовался моментом, чтобы занять одним из первых очередь на плот. Он мог бы попробовать дого-

вориться с хозяином парусника, но это будет слишком дорого, а после всего пережитого ему хотелось отложить на возможно более долгий срок следующий неизбежный поход по горам. Он думал об убитом. Не из людей ли он мсье Луи?

— Эй, ты часом не глухой? Пятнадцать франков, говорю.

— Да, да, — пробормотал Николай и вынул пеструю пачку банкнот.

Бородатое лицо хозяина плота оживилось.

— Рубли, а? А ты знаешь, что прошлой ночью...

— Знаю, — сказал Николай.

6

Как обычно по вечерам, в «Байкале» было сумрачно, накурено и шумно. Два положенных по регламенту фонаря испускали слабые желтоватые лучи, но не могли справиться с темнотой. Николай Бенев закрыл за собой тяжелую дверь, закашлялся от плотного табачного дыма вперемешку с алкоголем и прижался к стене, чтобы дать дорогу двум размытым силуэтам, которые волокли третьего.

— Да они не п-п-понимают, — грустно заикался тот, что посередине. — Ничегошеньки не понимают... А что, нет? Ну скажи, ведь я прав.

— Зачем пить, если ноги не держат? — сердито отозвался тот, что справа. — Когда-нибудь тебе это аукнется.

Напротив, на стойке бара, одиноко помигивало пламя свечи. Ориентируясь на этот свет, Николай осторожно пробирался вперед. Слева, словно призрак, выскочила официантка с полным подносом, ловко обогнула его и растворилась в полумраке. Он невольно посторонился и чуть не наскочил на мел-

кого, хилого человечка, который вошел вслед за ним. Пробормотав извинение, он собрался пойти дальше, но тот схватил его за локоть.

— Мсье Бенев, я слышал, у вас водятся рубли. Даю по пять долларов за рубль.

— Всего по пять? — Николай сделал удивленные глаза. — А ты знаешь, что ночью сгорел дом старого Розенхайма?

— Знаю, — уныло признался человечек и шмыгнул носом. — Шесть?

— Австралийских, — отрезал второй и, воспользовавшись оторопью менялы, пошел дальше.

При слабом свете свечи лицо бармена Жано выглядело еще более желтым и осунувшимся, чем днем. Поговаривали, что у него рак и что ему немного осталось.

— Здравствуй, Ник, — Жано улыбнулся, желая казаться приветливым, и стал еще больше похож на покойника. — Выпьешь что-нибудь?

Гость покачал головой.

— Ты уверен? — переспросил бармен. — Для друзей первая бесплатно.

— Что-то в последнее время алкоголь меня не переносит. Шеф здесь?

— Наверху, с отцом Донованом. Если идешь туда, махни сто грамм для затравочки. Все равно ведь не отвертишься.

Николай отрицательно мотнул головой, собираясь обойти бар. Сзади кто-то потянул его за рукав.

— Шесть с половиной, мсье Бенев!

Правая рука бармена скользнула под стойку и через секунду появилась уже с тяжелым деревянным молотком. Прилипла отстал. Отделавшись от него, Николай прошел через узкую боковую дверцу и очутился в темном коридорчике, откуда едва

заметные ступеньки вели на верхний этаж. Он поднялся. Стенной фонарь на площадке горел. В кресле под ним телохранитель Рико щупал одной рукой худощавую взлохмаченную официантку, а другой направлял в сторону лестницы тяжелый полицейский револьвер.

— Развлекаешься на посту, а? — поддел его Николай.

Тот презрительно засопел.

— Я мог тебя прихлопнуть еще на первой ступеньке. Ладно, иди и не мешай работать.

Он положил револьвер на колени и деловито продолжил анатомические исследования. Женщина тихонько захихикала. Бенев прошел мимо них, сделал несколько шагов по коридору и без стука толкнул дверь в кабинет.

Свет в комнате показался ему ослепительным. Горели минимум десять свечей — Мишин мог себе позволить такую роскошь. В просторной комнате все было красным: тяжелые плюшевые шторы на окнах, шелковые обои с абстрактным рельефным рисунком, мягкая мебель, письменный стол и даже массивный огнеупорный сейф в углу, сбоку от которого складками свисало российское знамя. На стене в глубине кабинета висел большой, плохо написанный портрет генерала Головешникова — сделанный по фотографиям из старых газет, предположил Николай. Под ним, по обе стороны изящно инкрустированного шахматного столика, сидели отец Донован и Иван Мишин. Их лица были обращены к двери.

— Коля! — Мишин вскочил, тяжело зашагал и, казалось, заполнил собой весь кабинет — огромный, русоволосый, бородатый и лучезарный, одетый в белую рубаху из домотканого полотна, синие

бархатные брюки и засаленный овечий тулуп без рукавов. — Иди сюда, сынок, дай-ка я тебя обниму!

Николай уронил рюкзак и запыхтел в медвежьих объятиях русского богатыря. Сопротивляться было бесполезно, можно было лишь сжаться в комок и переждать, пока схлынет первая волна напора. Наконец Мишин его отпустил и отошел на расстояние руки.

— Где ты пропадал, горемыка? Я еще вчера тебя ждал. Уже беспокоиться начал. А если его где-нибудь прижучили, думаю. Что я стану без тебя делать? С этим черноколпачником и парой слов толком не перекинешься. Нет, вы только взгляните на него. Не пьет, не курит, по бабам не ходит...

— Да еще и в шахматы обыгрываю, — ехидно поддел отец Донован.

— Кто, ты? — Мишин бросился назад, свесился над столиком и начал быстро перемещать костяные фигуры на доске. — Давай вернем предыдущую позицию, и тогда поглядим, кто кого обыграет.

— Тронул фигуру — пошел, разве мы не договаривались?

— Холодный ты человек, отче, — вздохнул Мишин. — Вечно стремишься жить по правилам, всегда знаешь, что праведно, что нет. Потому я и люблю Колю. Он такая же заблудшая душа, как и мы, идет по жизни и ищет достойную цель... хотя какая цель может быть в этом пропащем мире?

— Каждый прокладывает свой путь к богу, — тихо проговорил священник. От улыбки его смуглое аскетическое лицо стало вдруг мягким и привлекательным. — И ты тоже, приятель. Русский народ всегда был религиозным.

— Кто, мы? — распалился Мишин. — Ничего ты не понимаешь в русских, сколько раз я тебе гово-

рил? Русский человек верит в доброго господина, неважно, на небе он, в Москве или губернском центре. А уж если разочаруется — топор на плечо и идет поджигать имение. Если бы было можно, мы бы и у господина имение подожгли — из-за всех тех бед, что он обрушил на наши головы.

Донован встал. В старой военной форме без знаков отличия и с коротко постриженными стального цвета волосами, он был похож не столько на священника, сколько на отставного офицера. Богохульство оппонента его ничуть не смутило.

— Подождли бы, не сомневаюсь. А потом-то что, Мишин, что потом? Потом лили бы пьяные слезы и рвали на себе рубахи еще двадцать веков. Ну, может, мавзолей бы ему соорудили... — Он склонился над столиком и передвинул черного коня. — Шах и мат, дорогой. Подумай над другим вариантом. До свидания.

С удивительной легкостью и ловкостью, несмотря на хромоту, отец Донован подошел к двери, кивнул и вышел из кабинета. Мишин сделал несколько шагов вслед за ним, потом остановился и махнул рукой.

— Вот чего я терпеть не могу в этом иезуите. Всегда последнее слово должно остаться за ним. А ты не стой, Коля, садись, в ногах правды нет. Сейчас я тебе кое-что покажу. — Он дошел до сейфа и достал две рюмки и бутылку. — Оригинальная русская водка. Если сказать тебе, сколько стоит на черном рынке, не поверишь.

Николай сел на диван и, наклонившись, стал расстегивать рюкзак.

— Мне не хочется пить, — возразил он, доставая клеенчатый мешок, без особой надежды на понимание. — Переход был тяжелый.

— Именно поэтому! — категорично отрезал Мишин и сунул ему в руку полную до краев рюмку. — После завершения трудной миссии двести граммов — святое дело. Ну, давай... Сколько тут?

— Сто коробок по сто штук, как договаривались.

Мишин выпил рюмку одним махом, поднес мешок к столу и набрал шифр.

— Деньги сейчас или потом? — спросил он через плечо, забрасывая коробки в сейф.

— Потом, — Николай вытащил пачку банкнот из кармана и помахал ею. — Хватит на первое время.

Мишин закрыл сейф, повернулся и прищурил глаза.

— Рубли? Слушай, что я тебе скажу...

— Знаю, — перебил его Николай. — Сгорел дом старого Розенхайма, и так далее. Ты, наверное, уже десятый, кто мне об этом сообщает.

— Рубли... — умильно повторил Мишин. Он протянул руку, вытащил из пачки синюю банкноту и загляделся на изображенную на ней старую прямоугольную башню со звездой. — Кремль... Сердце России, Коля, душа России. Что понимает этот иезуит в русской душе? Ровным счетом ничего! Мы свое выстрадали, да, ценой множества ошибок и порой абсурда. Войны, революции, мировое господство, культы, застой, перестройка, затягивание гаек... И, наконец, пришли к главной цели — Обновлению. На Западе холодные души типа Донова на посмеивались, дескать, очередная кампания. Но Обновление... Эх, если бы не Коллапс... Пей, черт! Залпом, по-славянски!

— Не хочется, Ваня, — возразил Николай. — Устал я, мне бы поспать.

— Не хочется? — Мишин с недоверием покосился на открытый рюкзак. — А это что за бутылка?

— Это... Ну, это так. Романтическое воспоминание.

— Водка тоже романтическое воспоминание. Ну, давай, сразу полегчает.

Бесполезно. Николай вздохнул и опрокинул рюмку. Напиток отдавал медицинским спиртом, скорей всего, местная паленка. Так и алкоголиком стать недолго, подумал он, чувствуя, как теплая волна разливается по телу.

Рассеянно вертя в руке синюю банкноту, Иван Мишин удовлетворенно кивнул. Глаза его блеснули.

— Слушай, Коля, у меня к тебе просьба. Большая просьба. Обещай, что исполнишь.

— А что за просьба? — с тревогой наострил уши Николай.

— Нет, сначала пообещай. Друзей не спрашивают. Ради друга без вопросов надо идти в огонь и в воду.

— Ладно, обещаю. Только не заставляй меня пить. Я сплю на ходу.

Огромная лапа Мишина обхватила его за плечи и подняла, словно перышко.

— Что значит «сплю на ходу»? Успеешь отоспаться. Пойми, сынок, душа у меня горит! Пошли! Пропьем пятерку, а потом — хоть трава не расти! Не хмурься, войди в мое положение. Деньгами могу завалить любого, но вот эту бумажку хочу пропить. Синенькую, со Спасской башней. Что тебе, жалко? Хорошо, я тебе за нее заплачу. Даю за нее... по пять долларов за рубль.

— А между прочим, меняла внизу мне по шесть с половиной предлагал, — пробормотал парень.

Мишин сокрушенно посмотрел на него.

— Вот даже как? И тебя, славянская душа, развратил гнилой Запад! Цветные фантики стали дороже друга. По десять. По двадцать! Голышом с тобой готов идти, только не сдавайся им на милость. Мы народ особый, Коля, вольный народ. Ни за деньги нас не купить, ни за спички. На, держи, черт алчный!

После короткой потасовки он сунул Николаю за пазуху помятую зеленую купюру, потом подбежал к письменному столу, открыл ящик и пристегнул к ремню чудовищный древний маузер.

— Пошли! Оставь рюкзак, здесь под надежной охраной будет... твоё романтическое воспоминание. Не бойся, я тоже не пью «Перно».

Собрав последние остатки надежды на спокойный вечер, Николай попробовал было сопротивляться, но Мишин схватил его за локоть железной хваткой и вывел в коридор. Его объял полумрак. Возле лестницы стоящая на коленях у кресла официантка испуганно подняла голову, а Рико быстро выпрямился и скрестил руки на груди.

— Шею сверну! — пригрозил ему мимоходом Мишин и, пока тащил Николая вниз по лестнице, добавил доверительным шепотом: — Бабы его погубят, тупоголовый корсиканец. Стоит увидеть юбку, глаза так и загораются — чисто мартовский кот.

На улице было темно и холодно. Безжизненные громады зданий торчали как черные призраки, но ночь милостиво скрывала раны, нанесенные временем на их фасады. Нередко в каком-нибудь окне мигал робкий огонек свечи. Тротуар бал неровный, с раскрошенными и сбитыми плитками. Повсюду пахло конским навозом, к которому примешивался запах плесени и вонь из сточных канав. На ясном небе дрожали крупные, блестящие звезды.

Мишин споткнулся о вывалившуюся плитку, подскочил и выругался по-русски.

— Ненавижу этот город! Холодный, бесчувственный! И бизнес свой ненавижу. Мафия... Вот скажи мне, может славянский человек быть мафиози? Это все равно что играть в шахматы человеческими фигурами. Нет, братец, может, и было мне писано на роду стать преступником, но не таким. Русский разбойник — это совсем другое. Ему дай выйти на большую дорогу с дубиной в руке, чтобы богатых купцов грабить... И у вас в Болгарии так было, ведь так? Признайся, у вас тоже были разбойники.

— Ну, не совсем так, — сказал Николай, обходя кучки навоза. — У нас два-три века назад в горах были мстители, гайдуки их называли. Они против турок бились.

— Против турок? — Мишин почесал в затылке. — А зачем? Турки неплохие люди, с кое-кем из них я был знаком. Хотя какая разница, важен принцип. — Вдруг он прислушался и протянул руку к пистолету. — Что это?

— Десять долларов, мсье Бенев, — слышался из мрака умоляющий голос.

— Не продаю, отвали! — прикрикнул Николай и объяснил уже тише: — Таскается за мной уже с полчаса, хочет рубли купить.

Русский покачал головой.

— Не нравишься ты мне, Коля. С дурной компанией связался, с какими-то менялами. Денег пожалел для лучшего друга... — Он прислушался. Где-то вдалеке, в районе озера, слышались выстрелы из пистолетов. — Стреляют, опять стреляют... Никакого терпения не хватает, не могу больше с мафией якшаться. Вот возьму, плюну на все, сделаю само-

лет и улечу в Россию. Говорят, генерал еще сражается где-то в Сибири... Ну вот, пришли. Заходи, сейчас мы им покажем, как гуляют славяне!

Они прошли через вертящиеся двери бара «Эльдорадо» и, преодолев несколько ступенек, спустились в салон — чуть более светлый, чем «Байкал», потому что здесь додумались за фонарями установить по два зеркала. Мишин подтолкнул Николая к свободному кабинету, сел напротив него и сразу же заколотил кулаком по столу.

— Эй! Эй, есть здесь кто-нибудь? Обслужат нас, в конце концов?

Его рев возымел эффект. Возле столика появился белобрысый официант в потертом смокинге и любезно поклонился.

— Что желаете, мсье?

Небрежным жестом Иван поднял вверх синюю бумажку, зажатую между указательным и средним пальцами. Официант склонился еще ниже, чуть ли не сунув нос в купюру.

— Если не ошибаюсь, это пять рублей, мсье.

— Да! — торжественно провозгласил русский. — Мы счастливые обладатели пяти рублей и желаем их пропить в вашем недостойном заведении. Шампанское! Две бутылки для начала... и чтоб холодное! Икры, конечно, нет.

— Могу предложить вам великолепную свежую форель.

— Хорошо, пусть будет форель, — Мишин отпустил официанта царским жестом и подмигнул. — Между нами, заведение стало вполне приличным после того, как его купил Бомон. Шампанское всегда холодное. Лед доставляют прямо с ледника... Я тоже пробовал льдом заниматься, но получается

страшно дорого... А ты что замолчал? Ладно, расскажи, как прошел маршрут?

— Сегодня была облава, — неохотно пробормотал Николай. — Руководил лично Буше, даже «Вельтгершер» задействовали. Пока шел к вам, услышал, что они накрыли и другие места на границе.

— А, ерунда! — Мишин помолчал, пока официант ставил на стол ведерки со льдом и разливал шампанское. — Силу демонстрируют, перед Баумштедом пыжатыся. Твое здоровье! Поймали кого-нибудь?

— Да хотели одного. Но он застрелился.

Мишин присвистнул сквозь зубы.

— Надо же! Я его знаю?

— Я как раз хотел тебя спросить. По-моему, он пару раз заглядывал в «Байкал», и, если не ошибаюсь, он из людей мсье Луи. На вид ему лет сорок пять, полноватый, с жидкими волосами и шрамом на левой щеке.

Голоса в зале, звон бокалов и хриловатый смех словно удалились куда-то очень далеко. Мишин выглядел трезвей, чем обычно. Пальцы его медленно барабанили по столу.

— Так... — сказал он. — Вот, значит, какое дело. И ты там был? Ты еще легко отделался, Ник, легко отделался...

Николай почувствовал, как у него на шее вздымаются волоски. Раз и Иван начал называть его Ником, значит, дело и вправду неважно.

— Кто это, а? — продолжал настаивать он. — Ты знаешь?

Мишин перестал барабанивать по столу, поднял бокал и сосредоточенно уставился на поднимающиеся кверху пузырьки шампанского.

— Вообще-то имени его я не знаю... Но он из лю-

★ дей мсье Луи, ты прав. Два раза использовал «Байкал» для явки... и этим мои сведения о нем ограничиваются. Но поверь моему опыту, Ник, поверь интуиции старого человека... ты ведь знаешь, что до Коллапса я работал на КГБ?.. Поверь моей интуиции, тут затевается такая заварушка, что чем меньше знаешь, тем лучше.

— Значит, это была не просто облава?

— Да какая там просто облава, сынок! Если бы это было так, Буше сам и пальцем бы не пошевелил, не то что «Вельттершер» задействовать. Уясни себе раз и навсегда, наш бизнес идет как по маслу. Чаше всего мсье Луи сам решает, кого надо убрать, остальное — дело мелких полицейских. Аренс не вмешивается, пускает все на самотек. И знаешь почему?

Мишин помолчал, отпил глоток шампанского, продолжая разглядывать бокал. Напоминание об облаве изменило его странным образом. Из-под маски весельчака, разбойника и сентиментального пьяницы вдруг выплыл облик того, кем он был на самом деле, — холодного, сосредоточенного, умного и расчетливого человека. Бывшего шофера российской миссии при ООН и сотрудника КГБ.

— Знаешь почему? — напирал он. — Потому что Коллапс вернул нас в эпоху баронов, и история повторяется почти один к одному. Они все бароны — и Аренс, и Баумштед, и Триумвират докторов, и бесчисленное множество мелких князьков по всему миру. До эпохи абсолютизма еще далеко, ибо могущество их держится на неустойчивом балансе сил. Сегодня самое главное — это крестьяне, без них города не продержались бы и недели, опять бы все затопила анархия, как в первое время после Коллапса. Но чтобы признать власть Аренса, крестьяне тоже должны что-то от нее иметь. И имеют — иллю-

зию безопасности, более или менее относительный порядок, защиту от других баронов. Для нас пугалом служит Баумштед, по ту сторону границы крестьян пугают повернутым на порядке Аренсом. Однако этот господин не такой уж и повернутый. Он отлично понимает, что нельзя перегибать палку. Мы для него отдушина. Контрабанда спичками, с одной стороны, смягчает топливный режим, с другой стороны — позволяет делать вид, что строгие санкции соблюдаются. Пойми и запомни одно — мсье Луи не противник Буше и Аренса, а их негласный соратник. Равновесие при этом идеальное, и знаешь, когда оно будет нарушено?

— Когда?

— Когда появятся условия для нового, стабильного равновесия. Когда кто-нибудь попытается объединить под своими знаменами разрозненные княжества и герцогства. Вот чего я боюсь, Ник. Мы только-только опомнились от хаоса, а карусель может закрутиться опять. Когда-то подобного рода события зрели веками, но теперь все по-другому. Стоит лишь немного очухаться, как мы тут же вспоминаем о былом величии и спешим — давай, давай, давай... Последние несколько лет мсье Луи уже не тот. Раньше к нему в имение можно было войти свободно, а теперь он опустил железный занавес. Теперь без приглашения и не попасть. Не знаю... Ничего не знаю, однако, если раньше времени началась большая игра, Аренс не будет колебаться. Просто вынужден будет поставить на карту собственную голову. Что же касается нас, мелких рыбешек... Как там поговаривал твой дед?

— Когда погонщики дерутся, ослы не лезут.

Мишин допил шампанское и с довольным видом налил еще.

— Вот она, славянская мудрость. По-русски это будет — моя хата с краю. Держись подальше от этих дел, Коля. Береги рубли, раз тебе выпала такая удача. И не вздумай отдавать их этому жулику... А вот и он, собственной персоной!

И правда, упорный меняла стоял у стола — решительный и непоколебимый, как солдат Старой гвардии в битве при Ватерлоо, его бледное лицо блестело, как луна в полумраке.

— Сколько? — рявкнул Мишин.

— Я... — человечек судорожно сглотнул. — Пятнадцать с половиной, мсье Бенев.

Иван Мишин хищно проревел, расстегнул тулуп-жилетку и выпятил живот. В зыбком свете фонарей маузер выглядел раза в два больше. Прилипла отшатнулся и отскочил к соседнему кабинету, сопровождаемый громогласным смехом богатыря.

— С ними только так, Коля, — поучительно произнес Иван. — А ты пей, черт, пей, чего носом клюешь? У тебя есть повод для радости — полный карман рублей. Видишь, как вокруг тебя увивается гнилая Европа? Душу готовы продать за рубли. Так бы оно и было, если бы Обновление удалось, я уверен. Эх, Коллапс... Будем здоровы!

Николай через силу отпил глоток шампанского под его недоверчивым взглядом. Его одолевал сон. Он пребывал в каком-то полусне, где монотонное бормотание Мишина смешивалось с воспоминанием о мостике через Созе... Красный полицейский дирижабль... глухая тишина заброшенного села... мальчишка с именем Джовани Стерца... грудь Джейн... спектры и ионизация... Эпицентр циклона, в сон вклинилась совершенно ясная мысль. Вселенная распадается, рушится повсюду, и мы в центре, в ожидании, когда сто миллиардов звезд рухнут на

наши головы... мы словно ничтожные песчинки в бесконечности... Какой смысл тогда в существовании этого мира, какой смысл всего вообще?

На мгновение ему показалось, что он вот-вот что-то поймет, что он на пути к разгадке тайны, объединяющей гибель Земли с философскими проповедями отца Донована. Как и тогда, два дня назад в мертвом селе, все его тело задрожало от этого чувства близости к разгадке. Наконец он очнулся оттого, что Мишин изо всех сил пытается его растряссти.

— Вставай, Коля, вставай! Скучно тут. Душно. Пошли лучше к мадам Хильде. Там настоящая жизнь... Не лезь в карман, я расплатился, даже сдачу дали. Доказали мы им наконец превосходство русского рубля.

Поднимаясь, Николай бросил взгляд на нетронутую форель, и у него свело желудок. «Последнего здоровья лишит меня этот русский медведь, — подумал он. — А тому хоть бы что. На двадцать лет старше меня, а перепьет молодого».

Холодный воздух улицы немного взбодрил его. Мишин быстро шагал в темноте, ведомый безошибочной интуицией пьяницы, при этом ни на секунду не умолкая:

— Какая ночь, а? Красота! Не было таких звезд до Коллапса. Ты еще маленький был, не помнишь, наверное. Дым, смог, толпы... Так что, если быть объективным, и от Коллапса есть некоторая польза. Одним махом устранил два самых страшных бича двадцать первого века — загрязнение окружающей среды и перенаселение. Жестоко, не отрицаю, но зато чистого воздуха вокруг сколько хочешь... — Он шумно принимаялся. — Правда, конским говном здорово несет. Но к этому привыкаешь. Давай, Ко-

ля, не отставай! Еще чуть-чуть, и мы на месте. У мадам Хильды хорошо, светло...

И правда, было светло. Заведение было похоже на роскошный маленький отель — с портье в ливрее, с красными ковровыми дорожками и зеркалами в коридорах. Но самым потрясающим было несметное количество подсвечников из полированной голубоватой меди с тремя горящими свечами в каждом. Огоньки, повсюду огоньки — неслыханная роскошь на фоне всеобщего ограничения на право жечь огонь; тем более потрясающая, если задуматься о том, сколько взяток надо дать, чтобы подкупить контролирующие органы. Слева был бар, небольшой зал со светло-бежевыми стенами, по которым были развешаны подлинные Пикассо и Матис. За изящными столиками в стиле Луи XV сидели всего несколько человек — хотя заведение работало до утра, завсегдатаи предпочитали приходить пораньше с вечера, чаще всего делая предварительный заказ. За стойкой из полированного красного дерева старый бармен Тони смешивал коктейли с ловкостью фокусника. В глубине бара камерный оркестр играл музыку прошлого века, что-то из Джона Леннона.

Госпожа Хильда поднялась из-за столика у входа и медленной походкой пошла им навстречу. По внешнему виду она совсем не походила на «мадам» — пепельно-русые волосы, стройная фигура, среднего роста, одетая в элегантный, но строгий черный костюм и белую блузку. За ней следовал шлейф ненавязчиво дорогих духов. Возраст не наложил на нее своего отпечатка; Николай подумал, что с тех пор, как с ней познакомился, она выглядела все такой же, с одинаковым успехом ей можно было дать как тридцать, так и пятьдесят лет.

— Добрый вечер, Ник, — проговорила она низким, с хрипотцой, голосом. — Привет, Мишин. Если опять будешь скандалить, лучше бы тебе было остаться в «Байкале».

На удивление галантным жестом богатырь взял ее руку и поднес к губам.

— Не будь жестокой, Хильда. Пить в своей пивнушке — все равно что спать с законной супругой: безвкусно и неинтересно.

Она попыталась было сохранить строгое выражение лица, но безуспешно.

— Не слышала, чтоб ты был когда-нибудь женат.

— Никогда, — серьезно кивнул Мишин. — Именно поэтому я так хорошо осведомлен о прелестях брака... Не беспокойся, дорогая, я не стану поднимать шум. Стар я для этого. Посижу тихонечко в каком-нибудь закутке, чтобы не пугать клиентов своим видом, выпью рюмочку коньяку, если угостишь хорошим... Я из-за него вот пришел. Он сегодня вернулся после тяжелой миссии, всю неделю жизнь его на волоске висела. Знаешь, что в таких случаях полагается?

— Эй, погодите! — попытался протестовать Николай. — Мне ничего не надо. Я устал и хочу просто отдохнуть.

— Не дергайся, Коля, — больно похлопал его по плечу Мишин. — Старые люди лучше знают, что тебе надо.

— Я пришлю ему Арлет, — деловито сказала хозяйка. — Она умеет снимать усталость.

— Зачем мне Арлет? — неловко пошутил Николай. — Если уж проводить с кем-нибудь ночь, то пусть это будет настоящая женщина, такая, как вы, мадам.

Шутка повисла в воздухе. Хильда слегка улыбнулась, и в ее взгляде смешались меланхолия, симпатия и уверенное чувство превосходства.

— Дорогой Ник, — серьезно заявила она, — я действительно могла бы доставить тебе огромное удовольствие, но это стоит слишком дорого. А если я захочу, чтобы ты доставил мне удовольствие... — Она помолчала, вздохнув. — Лучше не будем об этом. Поднимайся наверх, мой мальчик, комната 28. Арлет скоро придет.

Сконфуженный, с чувством, что кажется смешным и неловким, Николай поднялся по ступенькам. Коридор верхнего этажа тоже был покрыт красной дорожкой, но освещение было совсем слабым. Всматриваясь в голубоватые медные квадратики на дверях, он нашел номер 28 и вошел. Тяжелые шторы были опущены. Не было ни фонарей, ни свечей, и свет шел только от бушевавшего в мраморном камине пламени. Справа в полумраке бесплотно белел балдахин широкой средневековой кровати с витыми колоннами черного дерева. Николай посмотрел, покачал головой и опустился на медвежью шкуру у камина, ощущая всем телом тепло огня. Да, только ради этого одного стоило прийти. Пламя считалось более чем грехом и запрещенным удовольствием, оно было фантастической роскошью здесь, под носом Буше вместе со всеми его полицейскими инспекторами.

Дверь тихо отворилась, и в комнату вошла Арлет — низенькая пышная блондинка с невинным личиком и удивленными голубыми глазами. Одета она была во что-то красное, короткое и прозрачное; под одеждой были видны очертания округлого тела, расписанного по последней эротичной моде стрелками, направленными к стратегическим местам.

Покачивая бедрами, она подошла и опустилась рядом с ним на колени.

— Устал?

Николай кивнул, не отрываясь от огня.

— Тогда расслабься. — Ее пальцы легко прикоснулись к его шее и начали ее массировать. — Вот так...

— У мадам Хильды есть любовник? — спросил он неожиданно, сам удивившись своему вопросу. Но Арлет это не смутило.

— А ты не знаешь? — Голосок у нее был тоненький, почти детский. — К ней ходит Ален Буше. Каждую пятницу, в шесть вечера, как часы.

— Ах, Буше... — пробормотал Николай. — Тогда, конечно, она может позволить себе все это...

Наверное, он уснул, потому что, когда открыл глаза, огонь в камине догорал. В слабом сиянии догорающих углей склонившееся над ним тело Арлет выглядело красным, и зрачки светились, как у кошки.

— Извини, что разбудила, — прошептала она. — Тут один человек настаивает. Говорит, что это очень важно. Он согласен на шесть австралийских долларов, как ты ему предлагал.

«На сей раз я его точно прибью, — подумал Николай, наполовину разозлившись, наполовину развеселившись. — Достал со своим «мсье Бенев».

Он встал, толкнул дверь и замер на пороге с открытым ртом. Мишин, в распахнутой рубаше и совершенно пьяный, прижимал менялу к противоположной стене, подпирая подбородок бедняги длинным дулом маузера.

— Сейчас отправишься прямой наводкой на тот свет, — ворчал он мрачно и деловито. — Там самое место таким, как ты. Ууу, кровопийца проклятый!

Даже наедине с дамой не оставишь человека в покое!

— Смилуйтесь, мсье, — жалобно пыхтел тот. — У меня тоже есть дама, жена... больная. Туберкулез кости...

Мишин чуть опустил пистолет.

— Больная? — недоверчиво переспросил он.

— Да, туберкулезом кости. И четверо детей. Самый младший — хроменький. Ему всего три годика...

Краешком глаза Мишин заметил Николая и кивнул, чтобы тот подошел.

— Ты слышал, Коля? — грустно спросил он. — Больная жена и четверо малышей. А я, старый злодей, хотел пристрелить беднягу. Слушай, отдай ему эти рубли, а? По шесть австралийских долларов предлагает. Не жмись, сынок, голодная челядь ждет его дома.

— И при такой-то нищете болтается с кучей денег в карманах, — с сарказмом заметил Николай. — Откуда ты знаешь, что у него вообще имеется челядь?

— Имеется! — воскликнул мужичок, почуяв, что лед тронулся. — Детьми клянусь!

Мишин шмыгнул носом и уставился на друга влажными глазами, в которых читался немой укор.

— Вот видишь, детьми клянется. Помоги человеку, Коля, не будь алчным. Алчность до добра не доведет. — Внезапно он схватил его в охапку, вытащил из его кармана деньги и начал, листая, пересчитывать. — Так... Это оставь, это не нужно... Йены, марки, франки... А, вот и рубли, вот они, миленькие. Сколько тут?

— Триста десять, — ответил Николай. Он смирился, зная, что спорить с Мишиным, особенно когда тот пьян, бесполезно.

— Прекрасно! А теперь подсчитаем. Три по шесть... сколько будет?

— Тысяча шестьсот, — подсказал мошенник.

— Тысяча восемьсот, — поправил Николай. — Плюс еще шестьдесят. Давай деньги и проваливай!

— Сию секунду, мсье Бенев! Подождите, я сейчас! — Человечек засуетился, вытащил из кармана пачку банкнот и начал отсчитывать, слюнявя палец. — Десять, двенадцать, пятнадцать... Готово, вот вам тысяча девятьсот, не будем мелочиться. Приятного вам вечера, господа, приятного вечера!

Со вздохом облегчения мелкий жулик спрятал рубли и собрался было пойти к лестнице, но Мишин его остановил.

— Подожди, куда торопишься? Такую сделку надо обмыть. Не перечь, я знаю. Больная жена, дети и прочее. Я тебя надолго не задержу, только заскочим в «Эльдорадо». Там и так скоро закрываются.

Они пошли по коридору. Николай проводил их взглядом. Он уже не сердился на менялу, скорей сочувствовал. Нелегко тому будет отделаться от Мишина.

Арлет стояла на пороге комнаты, слегка поеживаясь от холода в своей эфирной одежонке.

— Сколько с меня? — спросил он.

— Нисколько, Мишин уже заплатил... Ты не останешься? Если нет настроения, можем просто поспать вместе.

— Нет, пойду, пожалуй. Спокойной ночи, Арлет.

Внизу было уже не так светло. Две из трех свечей в каждом из подсвечников были погашены. В опустевшем баре сидел только один клиент с волосами цвета стали и в старой военной форме. Отец Донован, узнал Николай, и подошел к его столику.

— Привет, отче!

Духовник устало поднял голову. На его сухощавом лице морщины обозначились более резко, чем обычно, но глаза были все такими же живыми, пронзительными и умными.

— А, Ник. Добрый вечер... или, скорее, доброе утро. Садись, сейчас Тони принесет кофе. Тони! Две чашки, пожалуйста.

— В странном месте встречаемся, — обронил Николай, присаживаясь напротив него.

Донован улыбнулся.

— В странном для меня, хочешь сказать. Не в таком уж и странном... Я был у Хильды, она по-своему неплохая женщина. Дала мне половину дневной выручки... много денег.

— На сиротский приют?

— Да, на приют... и на больницу.

Старый Тони подошел и поставил на столик кофейник, две чашки, молоко и сахарницу с кусковым коричневатого цвета сахаром. Отец Донован налил кофе.

— А ты, Ник? Успешно согрешил? Могу тебя исповедовать.

— Да мне и каяться-то не в чем, если, конечно, не считать грехом, что обменял рубли. По шесть австралийских долларов за рубль.

— Тебя надули, — покачал головой священник. — Курс уже подскочил до семи с половиной.

Размешивая сахар, Николай засмотрелся на маленькую черную воронку в белом фарфоровом круге чашки. Воронка, подумал он. Звездный вихрь. Эпицентр циклона.

— Отче, — тихо произнес он, — недавно я встретил... одного человека. Он сказал, что Коллапс, оказывается, произошел не только здесь, на

Земле. Мы, похоже, попали в центр бури, разыгравшейся во всей Вселенной.

Донован отхлебнул из чашки и медленно поставил ее на блюдечко. Движение было точным и уверенным.

— Не стану спрашивать, что это за человек, Ник... но будь осторожен. Общение с ним может быть опасным, даже очень опасным.

Николай, опершись на локти, устремил взгляд в лицо стареющего мужчины.

— Это правда? — продолжал настаивать он.

Голубые, странно теплые глаза Донована встретили его взгляд, не моргнув, спокойно и немного печально.

— Сравнение не точное, но по-своему верное. Я тоже об этом слышал, хотя, согласись, ведь я не физик и не астроном, чтобы проверить, так это или не так. Сейчас ты, наверное, спросишь меня, почему бог допускает, чтобы было разрушено творение его рук?

— Нет, — покачал головой Николай. — От разговоров во вселенских масштабах у меня начинает кружиться голова. Хочу спросить проще: какой смысл во всем этом? Зачем мы живем? Зачем ты, отче, тратишь свою жизнь на заботу о сиротах и больных, зачем проповедуешь крестьянам, которые в благодарность забрасывают тебя камнями? Какой смысл творить добро, если вихрь может снести все это в одночасье?

— Вопрос этот стар как мир, — закашлялся священник. — Человек задает его с тех пор, как осознал бренность своего тела. Какой смысл делать добро? Есть много ответов — и философских, и прагматических, но, по моему мнению, правильной всего было бы ответить на него встречным вопро-

сом: а какой смысл делать зло? И ведь зло-то никогда его себе не задает. Оно не размышляет, оно действует и находит награду в себе самом. Я бы даже сказал, что, в некотором смысле, оно более жизнеспособно, чем добро. Но стоит перестать бороться, стоит опустить руки, его победа станет молниеносной и неминуемой. Поэтому, когда мне тяжело, я представляю себе мир как боксерскую арену, где шанс на победу остается до самого финального гонга... или до нокаута. — Он тихонько засмеялся. — Разве не так, в конце концов? Даже когда рефери уже досчитал до девяти, шанс все еще остается.

Николай откинулся назад. На мгновение тревога отступила, рассеянная не столько ответом, сколько страстной силой и убежденностью священника.

— Беру свои слова обратно, отче, — сказал он. — Место нашей встречи вовсе не странное. Просто ты неординарный человек. Стоит тебе отправиться просить помощи на твои добрые дела, похоже, никто не может устоять. Крестьяне, мадам Хильда, Мишин, я, мсье Луи... слышал даже, что ты и до Аренса несколько раз добирался. У меня такое чувство, что если этой ночью на Землю спустится антихрист со всем своим воинством, ты и с него стрясешь франк-другой на приют.

— По крайней мере, попытаюсь, — улыбнулся Донован. — Думаю, его возможности значительно больше, чем у Аренса. — Он допил кофе и встал. — Давай прогуляемся, Ник. Я тебя провожу.

На улице было холодно. Ночь еще владела миром, но со стороны горизонта угадывались первые зыбкие лучи утра. Где-то на соседней улице лениво цокали конские копыта — полицейский патруль или запоздалый путник. Еще робкая, заря начала проявлять страшные лики брошенных зданий. По-

близости зиял, словно беззубый рот, развороченный вход в банк. Никто не рисковал заходить внутрь здания, даже бездомные собаки. Бумажные деньги давно разворовали, а внизу, в подземелье, лежали кучи радиоактивного золота.

Отец Донован шел медленно, прихрамывая из-за старой раны в правой ноге. Как же он ходит по горным тропам, заходя в села? — удивлялся Николай. И как ему удастся столько лет ускользать от патруля Аренса и Баумштеда?

— Это правда, что ты работал на американские спецслужбы? — спросил он.

Священник пренебрежительно махнул рукой.

— Старая история... Мишин тебе сказал? Ему доставляет удовольствие и на шахматной доске продолжать все ту же давнюю, бессмысленную борьбу — КГБ против ЦРУ. А все гораздо проще. Где-то четверть века назад группа шизофреников в фуражках из американской армии решила создать ЭКЮ.

— Что?

— ЭКЮ, — повторил Донован. — Emergency Counteraction Unit, отделение по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Или, говоря иными словами, группа командос, готовых по первому сигналу броситься в ад с автоматом в одной руке и прыскалкой со святой водой в другой... Не смейся, ничего удивительного, что они предусмотрели и то и другое, — просто чтобы не дай бог не ущемить глобальных интересов Дяди Сэма. Во всяком случае, при ЭКЮ было сформировано и религиозное спецподразделение. С тайного одобрения высших церковных кругов, заметь. При одном лишь условии: в критических обстоятельствах духовные лица сохраняли право отказа от применения ору-

жия. Во всем остальном мы были наравне с остальными. Три года нас тренировали, как бешеных, в рамках пресловутой ликвидации последствий, но мы так и не поняли, что конкретно имелось в виду. Кто-то предполагал, что идет подготовка к возможной высадке инопланетян. Потом... — Он вздохнул и провел растопыренными пальцами ладони по лицу. — Потом я ушел.

— Из-за ранения?

Донован молча шел вперед, слегка углубившись в себя, словно предаваясь воспоминаниям. Наконец он обратил взор на спутника и снова попытался улыбнуться.

— Что-то я разболтался в последнее время. Вот оно, вредное влияние Мишина, а?

— Теперь я лучше тебя понимаю, — произнес задумчиво Николай. — Ты по-прежнему готов прыгнуть в ад... или куда там? С автоматом в одной руке и прыскалкой...

— Без автомата, — перебил его священник. — Не забывай, такое право у нас было.

— Ладно, пусть без автомата. За это снимаю перед тобой шляпу, уважаю тебя и люблю почти как Мишина. Но вопросы, которые мучают меня, не религиозные и не философские. Они практические и простые. Наступает конец Вселенной...

— Подожди! — властно изрек Донован. — Остановись на мгновение и посмотри!

Они стояли в конце заброшенного городского сквера с разбитыми скамейками и раскрошившимся асфальтом аллей. В полумраке среди деревьев, сорняков, колючек и травы все, казалось, сливалось в непроходимую чащу, скрывающую в глубине кучи зловонного мусора.

— Почва, — продолжал отец Донован. — Гумус.

Он покрывает почти всю сушу мира слоем толщиной в метр, два, три, а иногда и больше. А ты задумывался когда-нибудь, что представляет собой гумус? Просто смесь микроскопических скальных частиц с истлевшими останками бесчисленного множества давно почивших божьих созданий. Наша Земля — колоссальная гробница, Ник. Попробуй представить себе этот неимоверный слой гумуса. Он питает зеленую одежду мира — растительность. Из него она черпает силы, чтобы давать жизнь листьям и забирать солнечную энергию. Потом травоядные прерывают жизнь растений, чтобы обеспечить собственное существование — и, в свою очередь, стать жертвой хищников. Хватит ли у тебя воображения, чтобы понять, что все это значит? Каждая секунда, каждое ничтожное мгновение несут миллиардам и миллиардам хрупких, чувствующих созданий страдание и смерть! И так в продолжение бесконечно многих лет. — Голос священника дрожал, прерывался от волнения. — Слово Вселенной недостаточно, чтобы вобрать в себя эту чудовищную пирамиду из боли и небытия. Почему? Почему, Ник? Какое может быть оправдание, если во всем этом не скрыта какая-то цель — невообразимо величественная и прекрасная, что-то такое, что, может быть, выше бога? Ты веришь, что он вдруг возьмет да и откажется от такой цели?

Николай оцепенел от смутного предчувствия откровения и близости со всем живым на свете, но стоило священнику замолчать, как это чувство быстро увяло, тронутое утренним холодом медленно умирающего города.

— Значит, единственное, что нам остается, это надеяться на бога, — разочарованно пробормотал он.

Отец Донован нетерпеливо притопнул ногой и пошел дальше по разбитому тротуару.

— Бог не благотворительное общество, мой мальчик! В конце концов, мы сами решаем в силу данной нам свободы воли.

— Подожди, отче! — возразил Николай. — Да ведь мы никогда не сталкивались ни с чем подобным. Все предыдущие бедствия были дуновением ветерка по сравнению с этим вселенским вихрем. Человечество прошло через множество кризисов — экологический, ядерный, энергетический, эпидемия электромагнитной аллергии в двадцатые годы... Но все они были вызваны самими нами, значит, был шанс как-то с этим бороться. Впервые угроза идет извне, причем со всех сторон. С тех пор как мы с тобой познакомились, ты мне твердишь одно и то же: добро, добро спасет мир. Как? Каким образом может сдержать стихию наше хрупкое человеческое добро или зло?

Донован опять остановился, прислонившись к стене, чтобы дать отдых больной ноге, и скрестил руки на груди.

— Трудный вопрос, — сказал он. — Попытаюсь ответить на него коротенькой притчей. Представь себе, что разразилась ядерная война. Но в результате войны погибло не все, что-то осталось, ну, допустим. Через много, много лет после Апокалипсиса где-то в руинах среди джунглей родился дикарь. Однажды, бродя среди деревьев, он наткнулся на странную пещеру с прямоугольным входом. Хорошая пещера, удобная, сухая... со множеством красных кнопок на стене. Дикарь устроился в пещере и жил там в свое удовольствие — насколько это возможно в подобных обстоятельствах. Ходил на охоту, разжигал огонь, жарил мясо. Но проклятое любопытство не давало ему покоя. Его мучил вопрос: а

что будет, если нажать на эти красные кнопки? Наконец не выдержал. Нажал. И пришел конец. Ни дикаря, ни кнопочек, ни пещеры... ни белого света! Ну, Ник, и кто, по сути дела, уничтожил мир? Может быть, дикарь? Абсурд! Сколько бы он ни махал своим каменным топором, он ничего страшного не мог бы сотворить с земным шаром, кроме как выкопать яму. И все же это сделал он. Нет, ничего не говори! Допусти лишь, на миг допусти, что все мы живем на красной кнопке Вселенной.

Николай размял плечи. Когда он собрался с мыслями, чтобы ответить, голос его прозвучал тихо и неуверенно:

— Ты... хочешь связать Коллапс всей Вселенной с неизмеримо более мелкой величиной — человеком. А доказательства?

— Да, конечно, доказательства... О том же твердит и один мой очень умный знакомый. Только иногда аргументы стоят меньше, чем сами вопросы. Не веришь? Тогда подумай над тем, что этот самый знакомый называет «принципом симультанности», иными словами — над тем странным фактом, что куда бы ни заглянули астрономы, они видят, что повсюду на звездах происходят одни и те же катастрофические изменения... Ну, я с тобой досюда. Зайду к Мишину и возьму лошадь. До свидания, Ник. Приятных снов.

Отец Донован кивнул, свернул направо за угол и, прихрамывая, пошел вверх по рю де Виктоар. Глядя на удаляющуюся спину, Николай постоял на перекрестке. Улыбнулся. До сих пор ему ни разу не удалось выиграть спор со священником, да и в будущем вряд ли удастся. Донован умел закончить разговор в самый невыгодный для противника момент, что постоянно приводило в бешенство Мишина.

Небо светлело. Поеживаясь от холода, он свер-

нул налево. Через несколько минут он наконец будет дома. С боковой улочки послышался стук колес, и на рю де Виктоар выехала телега молочника. Он махнул рукой и прокричал:

— Доброе утро, Гюстав. Дай головку сыра, из тех, что поменьше.

Молочник ослабил уздечку, подождал, пока лошадь остановится, и повернулся к нему.

— Шесть франков.

Николай сунул руку в карман, набитый банкнотами. Порылся, нащупал подушечками пальцев какую-то маленькую бумажку и вытащил. Потертая оранжево-коричневая банкнота достоинством в один рубль. Хотел сунуть обратно. Не жмись, подумал он, всю ночь денежными проблемами занимался, хватит на сегодня. И решительно протянул рубль молочнику.

Гюстав взял бумажку. Поднес ее к близоруким глазам, внимательно рассмотрел и вернул пренебрежительным жестом.

— Убери этот мусор, приятель. Я же сказал, шесть франков, или ты не расслышал?

— Постой, постой, — успокаивал его Николай с чувством превосходства. — Этот, как ты выразился, мусор, стоит, по меньшей мере, сто двадцать франков. Или ты не знаешь, что прошлой... нет, позпрошлой ночью у старого Розенхайма сторел дом?

Молочник смерил его взглядом с головы до пят.

— Представь себе, знаю. И еще знаю то, чего ты, похоже, не знаешь. Ночью Розенхайм продавал рубли, как бешеный. Через подставных лиц. — Гюстав рассмеялся, потом смех перешел в болезненный сухой кашель, и на глазах выступили слезы. — Хорошие... хорошие денежки, должно быть, поимел... от этого пожара.

Николай вынул пачку, нашел десять франков и молча заплатил. Он так устал за ночь, что даже удивляться не было сил. С маленькой головкой сыра он пошел дальше. За его спиной телега Гюстава опять загрохотала по брусчатке. Банкноты оттопыривали карман его брюк. «Утром куплю Мишину бутылку водки, — пообещал он. — Самую лучшую из тех, что найдется на черном рынке».

Старый шестиэтажный дом на рю де Виктоар в эти утренние часы выглядел мрачно со своей облупившейся штукатуркой, с неприличными надписями на стенах и выбитыми на нижних этажах стеклами. Не спеша, Николай подошел ко входу, приостановился, обрутав себя за неосмотрительность, и вынул пистолет. В темных коридорах осторожность никогда не повредит.

На сей раз, кажется, все в порядке. Не видно ни наркоманов, ни алкоголиков, ни мелких жуликов. Только неприятный запах в коридоре намекал, что недавно кто-то заскакивал сюда справить нужду. С пистолетом в руке Николай поднялся по грязным ступеням мимо зияющих дверных проемов разграбленных квартир. Кроме него, в доме жили только две семьи, но они жили выше. Всеобщая нестабильность заставляла людей искать спасения в высоте.

На четвертом этаже он остановился и полез в карман за ключами. Новые вмятины на железной двери свидетельствовали о чьей-то неудачной попытке залезть в квартиру. Дураки, пожал плечами Николай. Там нет ничего ценного, а железная дверь — не более чем защитная мера против нашествия вандалов. Хорошо еще, что не залепили какую-нибудь из трех замочных скважин. Два года назад это создало ему немалые проблемы.

Внутри было пыльно и душно, почти как в доме в

том заброшенном селе. Надо будет прибратся, подумал он, запирая дверь на две массивные щеколды. Потом глянул по привычке в «глазок» — собственное изобретение, зеркальная система перископов, сделанная таким образом, чтобы можно было предупредить попытку стрельбы с той стороны «глазка».

В коридоре стоял человек.

Свет в коридор проникал только через грязное окно лестничной площадки, так что, сколько ни старайся напрягать зрение, все равно ничего толком не разглядеть. Темный, высокий, слегка сутуловатый силуэт в широкополой шляпе. В руке что-то держит — палку или короткоствольное ружье, плохо видно.

Он оторвался от «глазка», протер глаза и опять прильнул к «глазку».

Человек исчез.

Николай приложил ухо к железной двери и затаил дыхание. Ему показалось, что он слышит шаги. Да, ошибки быть не могло! Тихие, осторожные шаги, которые удалялись и вскоре затихли. Кто это мог быть? «Грабитель, — кольнула его тревожная мысль. — Узнал про историю с рублями и решил меня потрясти».

Ощущая неприятный кисловатый вкус тревоги, он пошел закрыть окно и начал раздеваться. Только вытащил рубашку из брюк, как на ковер упал и покатился шарик из зеленой бумаги. Он нагнулся, взял его в руки и, медленно развернув, посмотрел. Сто долларов. От Мишина...

Вдруг на него нашел смех — облегчающий, очищающий, прогоняющий усталость последних дней. С улицы шел чистый, влажный и прохладный воз-

дух, лаская голую грудь и отгоняя прочь тревогу. Он скинул рубашку на пол и пошел к кровати.

Наконец-то он был дома.

7

— ...и потом Лукас выстрелил в меня, — сказал Николай.

Наступила тишина, которую нарушали лишь жалобные дребезжащие звуки — внизу на тротуаре кто-то играл на расстроенной шарманке. Мишин сосредоточенно набивал трубку. Трезвый, в свете дня он совершенно терял вид разбойника; в неизменном овечьем тулупе он скорее напоминал русского купца прежних времен откуда-нибудь из сибирской тайги. Кабинет тоже выглядел вполне прозаично без романтической роскоши со множеством свечей. Забытые свечи болезненно торчали в подсвечниках с налипшими на них бледными висюльками застывшего воска. В глубине комнаты под портретом генерала сидел отец Донован, рассеянно трогая стоящие на шахматном столике фигуры.

Мишин, положив локти на письменный стол, вытащил какие-то документы и подался вперед.

— Подожди, давай по порядку. Значит, так... Во время миссии в прошлом месяце ты встретил девушку по имени... как ее там?

— Джейн Диксон, — хмуро пробормотал Николай. — Из Австралии.

— Правильно. С этой Джейн Диксон из Австралии ты провел бурную ночь. Или я ошибаюсь? Неважно... Бурную или нет, ночь закончилась, и ты узнал, что дама исчезла. А за тобой по пятам, непонятно почему, увязалась целая свора головорезов Баумштеда. На волоске от смерти ты прорвался через

Горж де Созе — между нами говоря, парень, даже мне не стоило выдавать свой канал. Канал — это святое... Но не будем отвлекаться. Внизу, у озера, словно в твою честь, собралась славная компания во главе с самим Буше. На борту «Вельттершера». К их великому сожалению, добыча им досталась весьма скромная — всего один человек из людей мсье Луи, притом мертвый. После всех этих странных событий ты целый месяц молчишь по поводу встречи на Тотенвеге...

— Я не думал, что это так важно, — бросил Николай.

— Целый месяц молчишь, — настойчиво повторил Мишин. — Радуешься жизни. Неплохо себя обеспечил — благодаря моей финансовой прозорливости! — и думаешь, что первые признаки войны между мсье Луи и Аренсом дело второстепенное. Как и участие Баумштеда в этих событиях. Продолжаешь молчать даже после того, как в центре города на Буше было организовано покушение...

— Два покушения, — подал голос священник.

— Хорошо, два покушения. Если бы хотя бы одно из них было успешным... И вот сегодня случайно ты видишь на улице ту самую молодую особу в сопровождении не кого бы то ни было, а Лукаса, личного телохранителя мсье Луи. Предавшись романтическим воспоминаниям, ты идешь за красавицей. Она, однако, тебя замечает, говорит об этом Лукасу, и он, с присущей ему бесцеремонностью, пускает в тебя несколько пуль. Я правильно излагаю события?

Николай напрягся. «Не люблю, когда он становится таким, — подумал он. — Сразу видно, что работал на КГБ».

— После этого, полагаю, оба они исчезли, — продолжал Мишин. — Куда?

— Они шли в сторону набережной. Может, взяли лодку.

— Возможно, — согласился Мишин и повернулся к Доновану. — Ну, отче, что скажешь от имени американских секретных служб?

Священник обошел молчанием подковырку. Не спешил с ответом. На улице все так же уныло играла шарманка; по брусчатке цокали конские копыта. Николай ждал продолжения разговора и рассеянно смотрел через окно на ближние горные склоны, тронутые местами первым багрянцем осени. Чуть выше причудливо и зловеще чернел высокий конус Мон Брюле, Горелый пик, как называли его последние лет десять. Сбоку чернильным пятном медленно развевалось по ветру темное облачко. На вершине была расположена одна из многочисленных станций распыления угольной пыли. По уходящей вверх дороге медленно ползли едва заметные точки — повозки Службы огня, груженные не до конца сгоревшим углем, который свозили сюда со всей области.

— Что ты меня спрашиваешь? — сказал наконец Донован. — Все ясно, думаю, что даже Ник уже начал понимать, что к чему. Схватка между Луи и Аренсом перешла в новую фазу, а появление Джейн Диксон послужило... можно сказать, взрывателем, нет, это не совсем точно. До взрыва еще дело не дошло. Скажем так, мисс Диксон послужила искрой, которая поджигает фитиль.

— Угу, — кивнул Мишин. — И теперь фитиль уже догорает.

Он чиркнул спичкой и зажег трубку. Какое расточительство, подумал Николай, десять франков вылетели в трубу.

— Хорошо, Фред, — задумчиво продолжал богатырь, пуская густые голубоватые струйки дыма. — Все это мне тоже известно, больше того, я давно этого ждал. Двоевластие всегда взрывоопасно. Но скажи, что такого особенного в этой австралийке, кроме того, что она проделала, может быть, самое дальнее из всех мыслимых путешествий последних лет?

— В ней самой? Ничего. — Донован слегка улыбнулся, видя, как у Мишина от удивления вытягивается его широкое лицо. — Ты и сам был близок к этому выводу, дружище. Джейн Диксон форсировала развитие кризиса не в силу своей какой-то особой ценности, а в силу того, что она символизирует науку.

Снова пауза. Мишин яростно пыхтел трубкой, заглушая скрежетание шарманки.

— При чем тут наука? — взорвался он наконец. — Борьба за власть!

— Знание — сила, — парировал священник. — Это не я сказал, а один умный человек много веков назад.

Иван Мишин помолчал, нервно моргая. Что-то неуловимо изменилось в нем, и Николай почти физически ощутил, как под прямыми русыми прядями волос молниеносно работает холодный, расчетливый ум.

— Так... — медленно протянул Мишин. — Так, так. Значит, опять цитируем крылатую фразу Фрэнсиса Бэкона¹. Прикладная наука, а? Доброе старое человечество опять меня удивило, я не верил, что дойдет до этого раньше, чем лет через сто. И кто этот человек? Новый Архимед? Может быть, новый Ньютон... или Эйнштейн? Где? У мсье Луи?

¹ Английский философ и писатель (1561—1626).

— К сожалению, я не имею права отвечать на этот вопрос, — покачал головой Донован.

— И не надо, я догадливый. Но ты, по крайней мере, должен сказать, на какой стадии находятся разработки. Это дело подобно динамиту, Фред, сам понимаешь. Если такой человек действительно существует, Аренс будет готов ходить по колено в крови, лишь бы наложить на него свою лапу. Баумштед тоже. Об остальных и говорить нечего. Ну?

Отец Донован зябко потер ладонь о ладонь.

— Для кризиса еще рано. Игра постепенно грубеет, однако, думается, до настоящей схватки дело дойдет месяца через два-три. Кто бы ни попытался тягаться с мсье Луи — Аренс или Ален Буше, потому что не исключено, что у Буше есть свои планы, — прежде ему следует хорошенько подумать. А тебе советую подготовиться. Перевести наличные деньги в более крупные купюры, обеспечить надежный канал, с тем чтобы их можно было потом получить... Хотя что я тебе говорю, ты все это не хуже меня знаешь.

— А что ты посоветуешь нашему молодому другу?

Оба посмотрели на Николая так, словно видели его впервые и пытались оценить, сколько он стоит.

— Спокойно возвращаться домой, — сказал Донован. — Думаю, серьезная опасность ему не грозит. Его участие в этой истории было самым минимальным, периферийным. Если бы было что-то из ряда вон выходящее, Буше не оставил бы его в покое столько времени.

Мишин кивнул и принялся разжигать почти погасшую трубку.

— Похоже на то... Слышишь, что советует тебе старый человек, Коля? Возвращайся домой... и поаккуратней там! Никаких романтических историй с молодыми дамами. Если приспичит, сходи к мадам

Хильде, ее девочки не вмешиваются в мировую политику. Ладно, иди. А я попробую обыграть в шахматы старого хрыча иезуита и встряхнуть из него еще что-нибудь.

— Не выйдет у тебя ни то, ни другое, — возразил отец Донован. — До свидания, Ник. Все-таки будь осторожен.

Находясь все еще под впечатлением услышанного, Николай, как во сне, вышел из кабинета, спустился по лестнице и прошел через пустой мрачный салон, где Жано уныло подметал пол между столиками. На улице его ослепил свет ясного сентябрьского утра, и он, щурясь, свернул налево. Печальная мелодия шарманки лилась вдоль тротуара. Сквозь прикрытые веки Николай взглянул на шарманщика — старый слепой в черных очках, с торчащими седыми волосами и бородой, одетый в заштопанное, грязное пальто. Странно, но ботинки и брюки почему-то выглядят новыми, отметил он, но не успел оглянуться, как старик отбросил шарманку в сторону, одним прыжком подскочил к нему и молниеносно сунул в подбородок что-то твердое и холодное.

— Не шевелись! — голос был не стариковский, а живой, резкий и угрожающий.

Прежде чем он успел отреагировать, кто-то завел ему руки за спину, и на запястьях щелкнули наручники. С соседнего перекрестка галопом выскочили два коня, впряженные в черную карету с узкими окошками. Стоящий на козлах кучер дернул поводья. Повозка остановилась, двери сзади отворились, и двое из нападавших грубо втолкнули Николая внутрь. Он всей своей тяжестью плюхнулся на живот, изо всех сил вертя шеей, чтобы не удариться лицом в дощатый пол. Возле его носа оказались чьи-то давно не чищенные ботинки. Двери закрылись, и

стало темно. Колеса застучали по брусчатке, карету затрясло. Все продолжалось не более тридцати секунд.

«Ловушка, — подумал он. — Донован явно ошибся. Каким-то образом я оказался замешанным в этой игре гораздо глубже, чем предполагал. Буше и сейчас обо мне не забыл...»

— Вставай!

Кто-то помог ему подняться с пола и сесть на узкую грубую скамью в глубине купе, спиной к кучеру. В зыбком свете, проникающем сквозь решетки, он увидел, что внутри, кроме него, находятся еще двое. Один быстро обыскал его, забрав пистолет и нож. Другой держал автомат и безучастно насвистывал сквозь зубы какую-то мелодию.

С руками за спиной было страшно неудобно устойчиво сидеть на подсакивающей скамье. Упираясь в пол расставленными ногами, он пытался удерживать равновесие, поглядывая одновременно сквозь узкое оконце. Здания были знакомые. С рю де Виктор они свернули на бульвар Максимильена. К Префектуре, решил Николай Бенев. Все ясно.

Через несколько минут повозка остановилась, как он и предполагал, в тенистом дворе Полицейской префектуры, огороженном со всех сторон высокими стенами. Дверца отворилась, и охранники вытолкали его наружу. Николай неловко спрыгнул на землю и огляделся. Вокруг было полно карет и лошадей, между ними сновали вооруженные полицейские. Ему казалось, что сегодня здесь как-то слишком оживленно, хотя сравнивать было не с чем, никогда прежде он здесь не бывал.

Его повели налево, к узкому входу с едва державшейся на петлях дверью, потом по крутой лестнице, по мрачному коридору второго этажа и нако-

нец привели в просторную комнату с окнами во двор. Регистратура.

Формальности длились невероятно долго. За письменным столом в углу чиновник с усами моржа терпеливо заполнял бланки, в то время как другие трое суетились вокруг Николая с измерительными инструментами и диктовали бесконечное множество данных по старой системе Бертильона. Потом ему пришлось четверть часа сидеть неподвижно, чтобы полицейский художник сделал его портрет в профиль и анфас. Ему не задали ни единого вопроса, видимо, знали, с кем имели дело. Но то, что с него сняли наручники и так долго с ним возились, до некоторой степени успокаивало. Вряд ли они стали бы тратить чернила только ради удовольствия получить тщательно обмеренный труп.

— Готово, — констатировал наконец моржовый ус, подписывая что-то в уголке рисунков. — Можете забирать.

Охрана опять вывела его в коридор. По другой, еще более узкой лестнице он спустился в подполье, едва освещенное висящим на стене фонарем, под которым неподвижно сидел сторож с ружьем на коленях. Он даже не взглянул на двух своих коллег, пока они открывали одну из множества камер и заталкивали туда пленника. Потом железная дверь захлопнулась, и впервые за последний час Николай остался наедине со своими тревогами.

Камера была тесная, с влажными бетонными стенами, на которых красовались сотни надписей, нацарапанных острыми предметами, ногтями или просто грязными пальцами. Под самым потолком торчала разбитая лампочка внутри покрытого паутиной проволочного абажура. Маленькое окошко с тяжелой железной решеткой было на уровне земли

и смотрело во двор. Сквозь грязное стекло была видна подпрыгивающая лошадиная нога, отгоняющая надоедливых мух. В камере не было никакой мебели, кроме голых дощатых нар и гнусного на вид ведерка в углу. Ежась от холода и смутных страхов, Николай попытался рассуждать логически.

Игра шла по-крупному, как утверждали Мишин и Донован, да он и сам это понимал. Речь уже не шла о нескольких партиях спичек или перетягивании одеяла между мафиозными кланами и так называемой законной властью. Если действительно появился человек, который мог бы стать родоначальником новой науки, то его мозг стал бы ключом к мировому господству, к возрождению цивилизации и, может быть, даже — почему бы и нет, черт побери! — к преодолению загадочной вселенской угрозы. При таких авансах Аренс пойдет на любой риск. Во всяком случае, он не станет церемониться с каким-то мелким контрабандистом, даже если тот один из лучших в своей профессии.

«Но какое я имею отношение ко всей этой истории, — спросил Николай. — Джейн?» Может быть, именно встреча с ней стала основной причиной интереса к его персоне? Только откуда они могли пронюхать о той ночи в мертвом селе? Ну, для них это не проблема, решил он. Особенно если они договорились с Баумштедом. Бандитское соглашение, разумеется. До тех пор, пока не добьются цели. Потом вцепятся друг другу в глотки, однако весь вопрос в том, где будет он в это время — в тюрьме, на свободе или на глубине двух метров под землей?

Он вздрогнул. Кто-то шел по коридору. Шаги были легкие, тихие, едва слышные, и все же, непонятно почему, его объела необъяснимая тревога. Ему показалось, что когда-то он их уже слышал, вот

так же, за железной дверью... но где? Мгновенный проблеск в памяти вернул его в ту пьяную ночь с Мишиным, месяц назад. Человек за дверью?

Загремела наружная щеколда. Дверь камеры отворилась, и в слабом свете фонаря показался темный, высокий, чуть сутуловатый силуэт в широкополой шляпе и длинном расстегнутом пальто. Крути черных очков придавали бледному лицу вид мертвеца. Войдя, слепой шарманщик остановился у противоположной стены и несколько секунд стоял неподвижно.

— Кто вы? — спросил с тревогой Николай. — Что вы от меня хотите?

Слепой молчал. Не спеша он снял пальто и бросил его на нары. Под пальто оказался удивительно элегантный серый костюм. Вслед за пальто полетела шляпа, седой парик, искусственная борода, очки... и Николай сдавленно вскрикнул:

— Буше!

— Вижу, нет необходимости представляться, — спокойно изрек полицейай. — Тем самым ваш первый вопрос, Бенев, отпадает сам собой. Ответ на второй также должен быть очевидным для такого умного человека, как вы. Я собираюсь использовать вас в деле ликвидации одной преступной организации.

«Не могу поверить, что все это происходит со мной, — подумал Николай. — Не могу, и все тут. Сейчас он попросит меня помочь им схватить Мишина, и это будет конец, потому что я никогда на это не пойду. Пусть что хотят со мной делают. Ваня тоже никогда бы на такое не пошел. Встал бы с этих проклятых нар и плюнул бы ему в рожу. Но почему я не могу встать, почему ноги словно ватные?»

— Не стоит спешить с выводами, — продолжал

Буше холодным, без всякого выражения голосом, словно монотонно учил таблицу умножения. — Вы, вероятно, думаете, что я попрошу у вас оказать содействие в пресечении противозаконной деятельности какого-нибудь Мишина... или отца Донована, которого, между нами говоря, глубоко уважаю. Нет, Бенев. Хороший полицейский должен знать, от кого и что можно ожидать. Попытка привлечь вас к такого рода сотрудничеству толкнула бы вас на нелепые мелодраматические поступки. А поскольку я не являюсь хозяином любительского театра, то предпочитаю избегать излишних эмоций и использовать ваши специфичные особенности там, где это будет наиболее полезно.

«Позер, — с ненавистью подумал Николай. — Мерзкий самовлюбленный позер. Интересно, что он делает с мадам Хильдой каждую пятницу ровно в шесть? Не удивлюсь, если он окажется мазохистом. Очень на него похоже».

— Не отвлекайтесь, Бенев, — слегка повысил голос Ален Буше. — Смею утверждать, что от этого разговора зависит ваше будущее, и не только ваше. Поэтому напрягите мозги и скажите, что вы слышали об иоаннитах.

Николай вздрогнул. Ногти его невольно впились в край нар.

— Об иоаннитах? Да я никогда...

— Не смешите меня! — обрезал его полицейский. — Я знаю, что вы не имеете ничего общего с этими одержимыми... Просто хочу знать, что вам о них известно.

— Ну, иоанниты... — Николай помедлил, пытаясь собраться с мыслями. Он понимал, что от его ответа зависит многое. И самое неприятное, что он не мог решить, стоит ему демонстрировать осведом-

ленность или нет. — Религиозная секта, так? Они считают, что Страшный суд, описанный в Откровении Иоанна, уже начался и что любая попытка спастись противоречит божьему провидению. Насколько я слышал, они хотят уничтожить мир путем ядерного взрыва угольных копий в Англии или Франции... — Он снова заколебался, потом решил рискнуть. — Для этого им нужны бриллианты...

— У них есть бриллианты, — перебил его Буше. — Есть все, что им нужно, чтобы взорвать угольные пласты в Уэльсе и послать нас к чертям вместе со всем земным шаром. И только одного им не хватает. Как вы думаете, чего?

Николай молча пожал плечами. Не было никакого смысла гадать, вряд ли он найдет правильный ответ. Да полицейского, похоже, не особенно интересовало его мнение.

— Знаний, Бенев, — объяснил Буше терпеливым тоном учителя. — Самого дефицитного товара в наше сложное время. Знаний. Вы сказали, что для осуществления ядерного взрыва им нужны бриллианты. Хорошо, допустим. Сколько бриллиантов? Что они будут с ними делать, чтобы вызвать цепную реакцию углерода? Какова должна быть критическая масса? Молчите. К счастью, иоаннитам это тоже неизвестно. Иначе мы с вами, мон ами, давно превратились бы в облачка пара. Но они не имеют представления, как добиться желаемого результата. И, похоже, точно этого не знает никто после прискорбной смерти Жака Бержерона. Итак, мы уперлись в следующий вопрос, на который я надеюсь получить от вас ответ. Что остается делать благочестивым иоаннитам в такой ситуации?

— Провести эксперимент, — бросил Николай.

— Превосходно! Вполне логичное решение. —

Будучи не глупее нас, господа иоанниты сначала попытались собрать как можно больше информации об Арденнском взрыве. Однако мои французские коллеги знали свое дело хорошо... даже слишком хорошо. В результате остались только известные вам слухи о критической массе, что-то около тонны, и роли бриллиантов как катализатора процесса. Очевидна необходимость в проведении эксперимента. И, насколько мне известно, иоанниты действительно пытались осуществить ядерный взрыв — один раз в Италии и два раза в Германии. И в обоих случаях явно потерпели неудачу, потому что недавно решили попытать удачи еще раз. Уже на нашей территории. При этом с помощью одного мелкого контрабандиста, с которым я имею честь беседовать.

Николай вскочил с нар и тут же замер. Из трости Буше выскочило длинное блестящее лезвие, направленное ему в горло.

— Спокойно, мон ами, — приказал полицейский. — Сядьте удобно и не перебивайте меня неуместными эмоциональными вспышками. Дышите глубже и ровней, это помогает. Может, вы хотите что-то возразить? Может быть, хотите сказать, что некто Гастон не предлагал вам пронести пятнадцать килограммов бриллиантов?

— Я отказался, — глухо пробормотал Николай, снова садясь на неструганные доски. — И вообще... откуда вы знаете?

Буше улыбнулся. Хотя и холодная, улыбка все же была первым проявлением нормальных человеческих чувств с того момента, как он вошел в камеру.

— Такая у меня профессия, Бенев. Чего я только не должен знать. А что касается отказа... я вас понимаю. Бриллианты вещь опасная, за них линчуют на месте. И все же вы не правы. Подумайте хоть не-

много о душевных терзаниях бедных иоаннитов. Все готово для эксперимента, драгоценные камни в наличии, осталось только их доставить. Однако никто не желает оказать им такую мелкую услугу. Каково? Лично меня глубоко трогает подобная преданность идее, какой бы эта идея ни была. Поэтому я решил, что кто-то все же должен это сделать. И этот кто-то вы, Бенев.

На этот раз острие опередило порыв Николая вскочить с места, и он остался сидеть на нарах, лишь слегка подавшись вперед.

— Вы, очевидно, не согласны, — покачал головой полицейский. — Да, мон ами, деньги развращают человека. В вас угас дух предпринимательства с тех пор, как вы стали богаты благодаря разорению старого Розенхайма. Между прочим, вы знаете, что прошлой ночью и новый его дом сгорел... к сожалению, на этот раз действительно вместе с хозяином. Я подозреваю, что кто-то не простил ему шутки прошлого месяца. И поскольку старый ростовщик после рублей начал коллекционировать австралийские доллары, теперь вы стали еще богаче. Но это не помешает вам сделать то, о чем я прошу вас самым учтивым образом.

— Вы не можете меня заставить! — мотнул головой Николай.

— Неужели? Хорошо, давайте вместе поразмыслим над тем, какие доводы вам необходимы, чтобы ответить согласием на мою просьбу. Материальные? Это я исключаю, поскольку, как уже было сказано, теперь вы богатый человек. Между делом, один совет — поставьте новые замки на двери вашей квартиры, лично я без проблем туда вхожу... Итак, материальные стимулы отпадают. А моральные? Вы наверняка не горите желанием помочь

мне или генеральному секретарю Аренсу. Но подумайте, против кого будет нацелена акция. Группа французов, готовая на все, чтобы достичь своей безумной цели. Они хотят уничтожить всю Землю — и уверяю вас, сколь фантастично это бы ни выглядело, это не так уж невозможно. В профессии полицейского самым трудным всегда было предотвращение действий фанатиков-самоубийц.

Николай молча покачал головой.

— Понимаю, — кивнул Буше. — Эгоизм сильнее забот о судьбах мира. Пусть другие сделают это благодарное дело, говорите вы. Очень хорошо. Тогда остается последний и самый мощный довод. Страх. Смею предположить, что вы не станете сомневаться, если я заявлю вам, что располагаю достаточным количеством улики, чтобы осудить вас на смерть сию же минуту. Да и сама доверительность нашей беседы служит веской причиной, чтобы убрать вас в случае отказа. Вы разумный человек, Бенев, и должны понимать, что из этой камеры вы выйдете только как курьер иоаннитов.

— Но я же могу сбежать, — возразил Николай.

— Естественно. Однако уверяю вас, что, несмотря на территориальную ограниченность Вельтбурга, радиус моего действия весьма велик. Полицейские всего мира подобно пролетариям старика Маркса — объединяются. В случае, если и этого намека недостаточно, попытаюсь провести психологический анализ. Вы эмоциональная и одновременно замкнутая личность. Такие люди ограничивают свое общение и прячутся в скорлупу. Или создают вокруг себя броню, как вам больше нравится. Увы, у любой брони есть свои слабые места. Это может быть глубокая привязанность, я бы даже сказал, любовь, к одному или нескольким друзьям. Мы оба

знаем, о ком идет речь. Знаем и о том, что может с ними случиться, если вы решите увильнуть, не связавшись с иоаннитами. Ну, признайтесь, разве я не прав, предполагая, что у вас есть все основания для сотрудничества с нами?.. Впрочем, нет, не говорите ничего. Я не люблю слишком давить на психику. Разговор был содержательным, выводы сделаны, и мне не остается ничего другого, кроме как вернуть вам личные вещи и попросить следовать за мной.

Буше подошел к нарам, поднял ветхое пальто и достал из карманов пистолет и нож, конфискованные его людьми час назад. Не глядя на пленника, он отдал ему оружие и медленно вышел в коридор. Для него разговор действительно был окончен. Он считал, что предусмотрел все возможные контраргументы своей жертвы... и самое неприятное, что Николай, застегивая ремень и анализируя произошедшее, сколько ни старался, так и не смог найти ни единой трещины в железной логике Буше. Сеть была соткана безупречно. Не было иного выхода, кроме как подчиниться.

— Жду вас, Бенев, — напомнил о себе Ален Буше.

«Мишин, — подумал Николай, шагая по коридору вслед за полицейским. — Только Мишин может придумать что-нибудь в противовес его планам. Они очень похожи друг на друга в некоторых вопросах. Бог свидетель, я не хочу играть в игры Буше, даже против иоаннитов. Мы все знаем, как это бывает — начинаешь честным и порядочным, а потом, оглянуться не успеешь, как превратился в рядового стукача. Не хочу!»

Двор Префектуры встретил его все таким же оживлением. Буше махнул рукой часовым, чтобы они открыли главные ворота, и повернулся к Николаю:

— До свидания, Бенев. Я не даю вам время на размышление, потому что уверен в вашем ответе. Уверен настолько, что еще несколько дней назад позволил себе послать весточку от вашего имени. Все оговорено, даже сумма, которую вы получите от иоаннитов. От вас требуется одно — завтра утром быть у себя дома. Итак, до завтра.

Еще не придя в себя после случившегося, Николай очутился на улице. Он никак не мог поверить, что попал в капкан, из которого невозможно вырваться.

* * *

Мишин появился поздно вечером, мрачный и усталый. Его борода была взлохмачена больше обычного. Вместо ответа на робкое приветствие Николая он подошел к письменному столу, достал початую бутылку водки и сделал огромный глоток. Потом стал молча ходить взад-вперед. Вдруг остановился и изо всех сил шарахнул ладонью по столу.

— Отказал! Представляешь? Один раз решил попросить о чем-то мсье Луи, а он отказал!

— Значит, канала мне не будет?

Иван Мишин опять опрокинул бутылку. Даже сквозь бороду было видно, как вздымается его кадык. Слегка успокоившись, он сел за стол и впился глазами в свои сжатые кулаки.

— Не только канала не будет, но он категорически настаивает, чтобы ты выполнил задание. Сказать тебе, как это называется, парень? Дамский гамбит. Бог ее знает, что за игра, но никакого сомнения, что ведется она между мсье Луи и Буше. Вероятно, они оба знают о важности дебюта. От гамбита можно отказаться, но тогда инициатива переходит в руки

★ противника. Поэтому мсье Луи принял условия игры и готовится нанести ответный удар. А ты... у тебя просто нет выбора, Ник. Ты попал в самую гнусную ситуацию, которая только может быть при закулисных махинациях. Двойной агент с абсолютно прозрачным прикрытием.

— И что ты посоветуешь?

Мишин тяжело вздохнул:

— Совет нужен, когда есть из чего выбирать. Ты должен подчиниться, и все. Иначе не один, так другой тебя достанет. Не говоря уж об иоаннитах. Честно говоря, не знаю, что бы я сделал на твоём месте... Хотя знаю. Напился бы.

И он потянулся к бутылке...

8

В тесной комнатке тянуло пронизывающим, влажным холодом, но по лицу человека, сидящего за столом напротив, текли крупные капли пота. Время от времени он вытирал лоб большим носовым платком в красно-белую клетку, потом поводил ухом, пытаясь расслышать что-то сквозь монотонный рокот реки, доносящийся из-под дощатого пола. Лучи заходящего солнца золотили узкое окошко и бросали мягкие блики на его лоснящиеся обвисшие щеки.

— Опаздывает, — сказал он в сотый, наверное, раз.

Николай прислонился к деревянной стене, пытаясь прогнать тревогу. Все действовало ему на нервы — и шум воды, и вынужденное ожидание в этой глухой водяной мельнице, и монотонные, лишённые всякой изобретательности жалобы Германа. Хорошо ещё, что мукомолов не было. Ему вполне хватало компании трусливого толстого мельника,

который каждую минуту подбегал к двери проверить, не появился ли посланник Гастона. По большому счету, бояться ему было нечего. Канал был надежный, пользовались им редко — вероятно, после встречи с Германом никто не горел желанием встретиться с ним еще раз. Вдобавок ко всему он отличался еще и безмерной алчностью.

— Если в селе пронюхают, плохи наши дела, — проворчал мельник. Об этом он тоже нудел постоянно.

Николай встряхнул головой, оперся ладонями о стол и поднялся.

— Надоело мне тут сидеть. Пойду на улицу.

Герман тоже вскочил на ноги. Был он низкого роста, толстый, что-то лягушачье было в его фигуре. И опять у него на лбу выступил пот.

— Не надо! Тебя могут увидеть.

— Заткнись! — грубо обрезал его контрабандист. — Кому в башку придет тащиться сюда в такое время?

Мельник вздохнул и проводил его до двери умоляющим влажным взглядом. «Черт бы тебя побрал, — подумал Николай. — И хочется, и колется... А торговался-то, чтоб ему пусто было, прежде чем согласился...»

Он перешагнул через порог и вышел на утрамбованную телегами площадку перед мельницей. На улице было теплей. С обеих сторон поднимались крутые лесистые склоны. Ветер шумел листвой, ему подпевал рокот реки, и сквозь этот монотонный шум внезапно слышался слабый цокот подкованных копыт. Кто-то поднимался по старой каменистой дороге.

Расстегивая кобуру, Николай отбежал чуть вниз

по наклону к широкому омуту, над которым было закреплено мельничное колесо. Высокий, заросший травой берег служил надежным прикрытием, в случае необходимости отсюда можно было незаметно улизнуть, поднявшись на косогор или спустившись вниз к реке. Здесь ему было гораздо спокойней, чем в четырех стенах.

Цокот стал слышней. Николай осторожно раздвинул траву руками и увидел, как из-за поворота выходит худенький паренек, ведущий за поводья тощего ишака. Несмотря на расстояние, он его узнал. Это был тот самый парнишка. Джовани Стерца.

Круглая жирная физиономия Германа мелькнула в дверях и тут же юркнула обратно. Парнишка приближался не торопясь, размеренной походкой горца. Выглядел спокойным. «Из него выйдет человек, — подумал Николай. — Далеко пойдет, если не убьют. И как он выкрутился тогда со своим ишаком? Я бы не смог...»

На всякий случай он, не сходя с места, подождал, когда Джовани подойдет ближе. Но все было в порядке, не заметно было ни засады, ни слежки. Мальчишка повернулся к нему, осмотрел с головы до ног и махнул рукой. Почувствовав, что поводья отпущены, животное остановилось.

— Привет, — сказал Николай. — Значит, ты уже стал профессионалом, а?

Джовани пожал плечами и принялся снимать с вьючного седла ишака тяжелый брезентовый мешок с пришитыми к нему лямками. Поставив его на землю, он ткнул в него пальцем.

— Осторожней с печатью. Не повреди, это их условие.

Сверху мешок был крепко завязан веревкой и запечатан красным воском, на котором виднелся

странный знак — буква J с двумя перекрестьями справа и слева. Символ иоаннитов.

— Как поживает Гастон? — попытался разговаривать мальчишку Николай.

— Он мертв.

От его спокойного голоса у него по спине побежали мурашки. Ему вдруг показалось, что весь холод ущелья поднялся, чтобы обрушиться ему на спину.

— Как? Когда?

Джовани лишь слегка сузил глаза.

— Десять дней назад. Засада. Кто-то его сдал. Деде ищет подставу. Он убрал Рыжего и теперь стал шефом банды, имей в виду. — Парень помолчал, потом в его голосе зазвучали неожиданно теплые нотки: — Классый был человек Гастон, без него не так. Последнее время все злился, что не может найти курьера, чтобы передать эту партию. Сам собирался.

Нервно потирая руки, толстый Герман появился на пороге пристройки. Глазки его бегали, словно он боялся, что прямо сейчас на мельницу ворвется толпа разъяренных крестьян.

— Все в порядке?

— В порядке, да перестань ты дрожать, — презрительно успокоил его Николай. — Мы скоро уходим.

— А деньги?

Джовани дал ему тоненький свиток банкнот. Недоверчивый мельник два раза их пересчитал, внимательно и с явным удовольствием. Наконец убрал пачку, глубоко вздохнул для храбрости и шагнул, руки в боки.

— Маловато. Добавить бы надо... еще пятьсот марок. Я вас не отпущу, пока не получу свое.

— Получишь — пулю, — злоюще пообещал парнишка. — Сгинь!

Под угрожающим блеском его темных глаз толстяк сдулся, как воздушный шарик. Бросая через плечо боязливые взгляды, он юркнул в пристройку, захлопнул дверь и только после этого осмелился разразиться потоком немецкой брани.

Николай протянул руку.

— Ну, кажется, пора в дорогу. До свидания, Джовани.

Парень сдержанно пожал ее, словно не смея даже в этот жест вложить чувство.

— До свидания. Будь осторожен.

Кивнув, Николай закинул тяжелый мешок за спину и зашагал вверх. Сзади по камням зацокали копыта ишака — медленно и печально, словно сочувственное цыканье языком. Надо же, как меняются роли, мелькнуло у него в голове, пока он шел через речушку по прогнившему мостику за мельницей. Месяц назад он предупреждал Джовани Стерца быть осторожным, теперь мальчишка отвечал ему тем же, словно успел повзрослеть за такой короткий срок.

За мостом начиналась тропа, но Николай свернул направо и пошел вдоль течения через груды крупных округлых камней и зарослей репейника, раскидавшего широкие мясистые листья. Солнце скрылось за высоким хребтом, и во влажной долине воцарился холодный вечерний полумрак. Надо было торопиться, приближалась ночь. Рокот воды из каменного русла немного притуплял его мрачные мысли. Да, мальчишка безусловно вырос. Но надо признать, что и сам он изменился со времени их последней встречи. Там, у разграбленного фургона со спичками, он мог считать себя вольным и независимым скитальцем, одним из лучших курьеров. Сегодня он подчиненный Буше. Как сказал бы

Мишин, двойной агент с абсолютно прозрачным прикрытием. Интересно, уловил парнишка разницу? Может быть...

Пройдя вперед еще метров сто, он, свернув от речушки, стал подниматься вверх по круче, через густой буковый лес, скользя временами на толстом ковре из оглушительно хрустящих сухих листьев. Работа была такой же, как в доброе старое время, и лес был тот же самый, но сейчас никакого удовольствия от хождения по горам и долам он не испытывал. Чувство самоуважения, собственного достоинства исчезло без следа. Он всегда презирал стукачей и знал, чего те заслуживают, — пули и камня в рот, такова была древняя сицилийская традиция. «Сбегу, — поклялся он. — Сразу же по возвращении в Вельтбург, и пусть будет что будет! Решено, смываюсь. Не на юг, там у мсье Луи солидные связи. Может быть, на восток? В Болгарию, а почему бы и нет? Только придется быть осторожным при переходе через Румынию, о Румынии ходят скверные слухи. Или подбить Мишина отправиться в Россию? Разве не об этом он мечтал? Вместе как-нибудь прорвемся».

Деревья поредели, стало чуть светлей, и впереди открылась широкая поляна, над которой висело надутое брюхо небольшого дирижабля. От гондолы во все стороны были протянуты веревки, привязанные за стволы деревьев, словно кто-то собирался раскинуть здесь гигантский шатер. В центре поляны двое пилотов, услышав шум, тревожно навели автоматы. Карл, тот, что повыше, узнал идущего, опустил оружие и ткнул локтем коллегу:

— Отбой. Свои.

В его голосе Николай уловил презрительные нотки, или ему это только показалось? Он вздох-

нул. Вряд ли показалось... Пилоты вели себя с ним учтиво, они знали, кто он, знали в общих чертах о его задании и сделали соответствующие выводы. Никто не любил предателей, даже полицейские.

— Здорово опаздываешь, — грубовато бросил другой авиатор со смешным именем Бонифаций.

— Не страшно, — успокоил его Карл. — Шестьдесят километров, оглянуться не успеешь, и мы на месте. Ветер попутный. Давайте подниматься.

Бонифаций перекинул автомат через плечо, ухватился за веревочную лестницу и ловко поднялся до квадратного люка в днище гондолы. Когда он скрылся, Николай последовал за ним. С объемистым мешком за спиной подниматься было трудно. Ему показалось, что Бонифаций тихонько выругался в его адрес. Хорошо еще, что нижний конец лестницы был закреплен воткнутым в землю колышком и его не слишком сильно мотало.

Наконец он пролез через люк, занял место в середине тесной плетеной гондолы и, поставив мешок рядом с собой, начал надевать тяжелый комбинезон с подпушкой из овчины и обувать теплые унты. Внизу Карл обегал поляну, развязывая одну веревку за другой, а Бонифаций быстренько затаскивал их наверх. Дирижабль плавно закачался, словно бакен на спокойных морских волнах. Нос начал разворачиваться по ветру. Когда осталась только одна веревка с задней стороны гондолы, Карл подбежал к лестнице, двумя пинками выбил колья и, не обращая внимания на сильную качку, стал, ловко переставляя руки и ноги, подниматься вверх. Вскоре его голова показалась в люке.

— Руби! — крикнул он через плечо, пробираясь мимо Николая на свое место в носу дирижабля.

С ножом в руке Бонифаций подался назад, пере-

гнулся через борт, и внезапно дирижабль резко подскочил вверх, как понесший конь. Поляна стала быстро уноситься назад. Стало совсем тихо, ветер будто замер. Через открытый люк открывалась глубокая бездна, по дну которой стелился темнеющий осенний лес. Слегка опьяненный этой картиной, Николай нагнулся и закрыл люк дощатой крышкой. Потом сел на мешки с песком, служащие балластом, и загляделся на синевато-зеленую речную долину, где среди теней была едва видна мельница, маленькая, словно игрушечная.

Зажатый между баками со спиртом и водой, Бонифаций пытался зажечь комок пропитанных маслом ниток. Ему пришлось три раза чиркнуть спичкой, пока нитки не загорелись. Быстрым движением он закинул комок в печь парового двигателя, захлопнул дверцу и заботливо спрятал использованные спички в отдельный коробок — для отчета, сообразил Николай.

Солнце впереди зависло над горизонтом, и его гаснущие лучи заливали золотом и пурпуром редкие облачка. Холодный воздух был кристально чист; приближающаяся ночь наполняла его прозрачной синевой. Дирижабль скользнул низко над поросшим травой хребтом, на котором торчали останки какого-то бывшего военного объекта, возможно, радиолокатора.

— Есть давление! — прокричал сзади Бонифаций. В разреженной атмосфере его голос прозвучал резко и пискляво.

— Давай полный вперед! — ответил с носа Карл.

Паровая машина тяжело пыхнула, запыхтела все быстрее и быстрее, два пропеллера над гондолой вздрогнули, закрутились и через секунду стали прозрачными. Навстречу вновь полыхнул прони-

зывающий ветер. Склон, покрытый желто-зеленым ковром лесов, остался позади, и дирижабль завис уже над следующей долиной, где черные тени сливались, словно сюда стекался весь мрак со все еще блестящих по правую сторону высоких снежных пиков.

— Скинь правый на одну десятую! — велел Карл. Он сверил направление по компасу и довольно кивнул. — Хорошо! Теперь снова включи на полную.

Они летели параллельно главной горной цепи, над отрогами ответвляющихся от нее более низких хребтов. Бонифаций следил за манометром и время от времени заглядывал в маленькое окошечко в печной дверце, за которой плясали голубоватые язычки пламени. Карл склонился над старой потрепанной картой. Двигатель деловито пытел, оставляя в небе за дирижаблем пушистый белый след конденсируемого пара. Опершись локтями о край гондолы, Николай пытался узнать места, знакомые по предыдущим переходам. «Вот лысая вершина Тет де Моан... вот едва заметная коробочка заслона Вийо Шале... вот, если не ошибаюсь, высокий проход Коль Бризе, где два года назад мы с Диком Гароу удирали от пограничного патруля... Но теперь все было иначе. Всего месяц назад я с ужасом вжимался в траву, следя за перестрелкой Баски с полицейским дирижаблем, а сегодня сам сижу в дирижабле, как покорная пешка Алена Буше».

Он откинулся назад и закрыл глаза. Надо бежать сразу же по возвращении в Вельтбург, до того, как хватится Буше. Другого выхода нет. Нынешняя миссия была для него приемлемой, даже похвальной в некотором смысле. Но и дураку понятно, что это только начало. Двойной агент с абсолютно про-

зрачным прикрытием... Николай мрачно улыбнулся. Для него, во всяком случае, не было ничего прозрачного. Он не знал, что общего у иоаннитов с мсье Луи — Мишину тоже не удалось разгадать этот ход, — но он чувствовал, что в игре двух противников его безжалостно используют, а потом жертвуют, как ненужную шахматную фигуру. «Надо посоветоваться с отцом Донованом, — подумал он. — Он человек умный, может лучше меня разобраться во всей этой запутанной истории».

Его теплое дыхание отражалось от поднятого воротника, и влажные завитки излучали запах овчины. Решение принято, и не о чем больше тревожиться. В небесной тишине его обьяло чувство легкости и покоя. Земля осталась где-то далеко внизу со всем своим коварством и невзгодами. По телу разливалась приятная дремота.

Казалось, он только что прикрыл глаза, но когда Карл потряс его за плечо, вокруг царила студеной горная ночь. По обеим сторонам дирижабля двигались отвесные стены скал — причудливое переплетение длинных черных теней и острых синеватых граней под лучами восходящей луны. Временами в низине поблескивали сохранившиеся остатки разбитого и потрескавшегося асфальтового покрытия. Тянувшаяся за гондолой завитушка пара сияла, как полированная поверхность металла. Мотор работал еле-еле: правый винт крутился лениво, нагрузка на левый была чуть больше, с его помощью выправлялся крен из-за бокового ветра.

— Подлетаем, — крикнул Карл в сторону кормы. — Приготовить бомбы.

— Вряд ли понадобится, — лениво отозвался Бонфаций из темноты под баками. — Шеф договорился, чтобы люди Баумштеда нас пропустили.

— Не рассуждать, — огрызнулся Карл. — А то ты не знаешь, чего стоят их обещания... А ты держи вот это. Умеешь с ним управляться?

Николай ощутил в руках что-то тяжелое и холодное — старый легкий пулемет с провисшей лентой с патронами.

— Умею, — пробурчал он со вспухшим ото сна языком.

Они пролетали над самой высокой точкой прохода. У подножия скалы с левой стороны мигали огоньки — окна бывшего придорожного ресторана, превращенного Баумштедом в пограничный пункт. Николай схватил пулемет за отверстия в амбразуре, оперся прикладом о днище гондолы и высунул голову наружу. Окна приближались, но все выглядело спокойно, словно никому не было дела до освещенного луной дирижабля. Ему казалось, что он ощущает, как с каждым метром полета растет напряжение его напарников, как наполняется им вся гондола, распространяясь безмолвно на астматическое пыхтение моторов. Пограничный пункт был уже под ними, и пока ни единый выстрел не нарушил покоя ночи. Наконец свет уплыл назад. Остался позади и проход, склоны резко ушли вниз вместе с извилистой дорогой.

Карл шумно вздохнул:

— Ну, кажется, обошлось. Теперь еще пять километров на север-северо-запад. Левый — восемь десятых, правый — семь.

В печи загудел огонь, машина увеличила скорость. Темная горная гряда вздрогнула и стала быстро удаляться. Под ними опять распростерся мрачный лабиринт из долин и хребтов, напоминающих в ночи скелет титанической рыбы.

— Вижу цель! — вдруг со стороны носа раздался

голос Карла. — Левый — пять десятых, правый — три с половиной. Приготовиться к снижению!

Дирижабль плавно замедлил ход и слегка повернул налево. Николай оставил пулемет и посмотрел вперед. Они постепенно теряли высоту. Перед носом гондолы чередовались все те же озаренные голубоватым светом луны возвышения и черные, как сажа, долины. На фоне одной из таких теней мигали три красноватые точки, образующие вершины равностороннего треугольника. Они приближались, превращаясь в язычки пламени в середине глубокой круглой котловины. Чуть выше, на окраине леса, сновали искорки поменьше.

— Убавь мощность на половину десятых, — велел Карл. — Так держать. Путнику надо переодеться.

Николай неловко стаскивал с себя комбинезон, время от времени поглядывая вперед. Они летели совсем низко над кронами буков, и теперь лес закрывал сигнальные огни.

— Левый — полторы, правый — одна! Зависаю! — воскликнул Карл, и сию же секунду между ветками показалось пламя факелов. — Спускай тросы!

Длинные черные змеи полетели во мрак за бортом. Деревья под гондолой исчезли, появился пологий склон, слабо освещенный десятком факелов. Несколько темных силуэтов подбежали к веревкам, привязали их к стволам деревьев. Дирижабль затрясся.

— Стоп машина! — приказал Карл.

В наступившей тишине послышался шум листвы. Внизу приглушенно разговаривали. Николай встал с балласта, открыл крышку люка и закинул мешок за спину. Со стороны носа к нему подошел Карл. Свернутая веревочная лестница полетела вниз.

— Знаешь инструкции, — прошептал пилот. — Передаешь товар и тут же уходишь через хребет. Прямо на север, там тебя будут ждать люди шефа.

Николай кивнул, поежился от холода и поискал в ясном небе Большую Медведицу. Отыскал Полярную звезду. «Туда, — решил он, пролезая через лок и нащупывая ногой перекладину лестницы. — В этом направлении, хотя я все меньше и меньше понимаю смысл всей этой операции. Это не облава, иначе их давно бы изловили. Если бы за всем этим стоял не Буше, а кто-то другой, я бы не поверил, что он подкуплен иоаннитами».

Снизу лестницу натянули, и спускаться было легко. Через минуту Николай ступил на землю, развернулся и пошел к группе людей, неподвижно стоящих с факелами в руках. Один из них сразу же привлек его внимание — высокий мужчина, одетый в грубую монашескую рясу с откинутым капюшоном. В дрожащем свете пламени его бородатое лицо выглядело строгим и резким, словно высеченным из камня. На выступающем лбу темнела татуировка, уже знакомый знак, такой же, как на печати: буква J с двумя перекрестьями по обеим сторонам от нее. Черты остальных пятерых были скрыты в тени капюшонов, но контрабандист знал, что у них на лбах он бы увидел тот же знак, обрекающий их на вечное изгнание. За подобную татуировку полагалась немедленная смерть — и именно потому иоанниты так гордились ею, как символом веры и презрения к жизни.

В двух шагах от высокого Николай остановился, смущенно переступая с ноги на ногу. Он ждал, что ему что-нибудь скажут, но группа иоаннитов лишь напряженно и бесстрастно смотрела на него поблескивающими в ночи глазами.

— Добрый вечер, — кивнул он наконец, чтобы нарушить тягостное молчание. Снял мешок и поставил его возле себя.

Ответ человека с откинутым капюшоном прозвучал глухо и монотонно:

— Ему, возлюбившему нас, и омывшему нас от грехов наших кровию Своею, и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков!

— Аминь, — изрекли нестройным хором остальные монахи, стоящие рядом.

Было что-то злое в этих словах, в средневековых рясах и пламени факелов среди мрака. Чтобы отогнать страх, Николай сделал глубокий вдох. Ему следует разыграть роль алчного контрабандиста, которого не интересует ничего, кроме оплаты.

— Мне пора, — попытался было настаивать он. — И мои люди спешат. Давайте деньги и заберите товар.

Высокий иоаннит воздел руки к небу, и складки рясы провисли на его костлявых запястьях.

— Се, гряду скоро, и возмездие мое со мною, чтобы воздать каждому по делам его. Так говорил Спаситель, и да свершится воля Его. Брат Амадеус, вознаграждение!

Один из монахов выступил вперед с пачкой австралийских долларов. Николай взял деньги и, не проверяя, сунул в карман куртки. Ему было не до проверки, хотелось как можно быстрее отделаться от этих свихнутых фанатиков. Он собирался развернуться и пойти в направлении леса, когда обе воздетые к небу руки полетели вниз подобно черным крыльям. Высоко в кронах ближайших деревьев оглушительно прогремели два выстрела. Из-под ряс иоаннитов, как по волшебству, возникли писто-

леты. Застыв неподвижно, с инстинктивно поднятыми руками, Николай услышал, как за его спиной что-то тяжело рухнуло на землю. Со стороны гондолы долетел сдавленный предсмертный хрип.

— Брат Амадеус и брат Амброзий, проверьте пилотов! — повелел высокий. — Брат Дезире, забери оружие у пленника!

Пока монах старательно его ощупывал, Николай рискнул слегка повернуть голову назад кверху. Двое поднимались к гондole дирижабля, на краю которой безжизненно висел труп Карла. Двое других с заброшенными за спину карабинами спускались по стволу высокого бука. Он не видел, что происходит у него за спиной, но был уверен, что там лежит Бонифаций.

— Да что происходит, люди? — попытался было протестовать он пересохшим горлом. Даже самому ему этот голос казался слабым и неубедительным. — Такова ваша плата за услугу?

Повелительным жестом высокий заставил его замолчать.

— Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще.

«Да они просто сумасшедшие, — в отчаянии подумал Николай. — Ну разве можно найти общий язык с ненормальными людьми?»

Обезоруженный, под дулами четырех пистолетов, он чувствовал себя голым и беззащитным. Что могли означать загадочные слова предводителя иоаннитов? Что их не волнует, что он поступил с ними порядочно? Или они заведомо приговорили его к смерти? Тогда почему не застрелили вместе с пилотами? Что им еще от него надо?

Кто-то грубо подтолкнул его сзади, и он покорно

зашагал в сторону трех костров. В красноватом свете огня он увидел другие человеческие фигуры, стоящие вокруг груды сундуков или коробок. Черт возьми, похоже, действительно все готово для их проклятого эксперимента! Пока у них ничего не вышло, как утверждал Буше. Но если на сей раз выйдет, то место это станет зараженным на много километров вокруг. Немедленно бежать!

Он посмотрел вокруг и понял — шансов нет. Амадеус и Амброзий присоединились к группе, что, без сомнения, означало, что оба пилота мертвы. Никто из восьмерых не убрал оружия, даже брат Дезире, который нес на плече мешок с бриллиантами.

Метрах в пятидесяти от огней высокий остановился и молча указал на одиноко растущий бук. Со всех сторон в одежду Николая вцепились костлявые пальцы. Через секунду его подтолкнули к толстому стволу. Грубо завели руки за спину и связали кисти рук веревкой.

— Эй! — закричал он. — Что вы делаете? Я не хочу торчать здесь, мне надо идти!

Вместо ответа иоанниты продолжали обматывать его веревками. Предводитель медленно подошел. Сейчас в его взгляде горел лихорадочный, безумный огонь, он был ярче, чем пламя факелов, отражающихся в его зеницах.

— Слова сии истинны и верны, — напевно проговорил он, словно в трансе. — Я есмь Альфа и Омега, начало и конец. Жаждущему дам даром от источника воды живой.

Николай вдруг понял, что скрывается за этими словами из Библии, и ему показалось, что он превращается в полый сосуд, заполняемый кусочками льда. Иоаннит считал, что совершает благодеяние, приобщая его к их самоубийственному начинанию.

Безумцы, безумцы, безумцы. Он изо всех сил напряг мускулы в бессмысленной попытке освободиться от прочной хватки веревок.

— Отпустите меня! Я не хочу умирать, сволочи!

Ничто не помогало. Связали его крепко. Высокий укоризненно покачал головой.

— Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою. — Он повернулся к своим спутникам и повысил голос: — Блаженны те, кто омоет одежды свои, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. И Дух, и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром.

Словно по сигналу, иоанниты начали стаскивать грубые одежды, оставаясь в белых длинных балахонах. Предводитель опять указал на дерево.

— Брат Амброзий! Напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего. Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников. — Он вновь взглянул на Николая и добавил почти нормальным человеческим голосом: — Семи, семи, семи... И спрашивается, почему не азот, седьмой элемент, но шестой, углерод, становится орудием провидения божьего? Число скрыто, брат мой, скрыто от глупцов и неверных. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть. Понимаешь теперь великую тайну? Так разве основа человека не шестерка углерода, замененная в Евангелии соседним числом затем только, чтобы лишь посвященный мог догадаться?

— Пусти меня, — безнадежно попросил Николай. — Я не из ваших.

Не успев договорить, он уже понял, что все бесполезно. Иоанниты смотрели на него с сочувствием, как любящий родитель смотрит на больного ребенка, который отказывается выпить горькое лекарство.

— Кого я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся. — Высокий повернулся спиной и крикнул: — Идите и вылейте семь чаш гнева божия на землю!

Наступила тишина. Даже ветер перестал шуршать листвой. Иоанниты медленно, словно роботы, потянулись в направлении огня, где их ждали остальные, тоже одетые в белое. Брат Амброзий воткнул факел в рыхлую землю и сел ближе к дереву с бумагой на коленях и пером в руке. Что он собирается записывать? И какой смысл делать это, если ядерный взрыв, который они намереваются произвести, испепелит все, включая записки? Нет, в поведении этих безумцев была некоторая логика. Наверное, они допускали, что у них опять ничего не выйдет, и решили запротоколировать ход эксперимента, чтобы потом провести анализ.

Николай присмотрелся к Амброзию. Иоаннит выглядел совсем молоденьким, вряд ему было больше двадцати лет. Из-за длинных русых волос и жидкой рыжеватой бороды его лицо казалось обрамленным светлым ореолом. В полумраке глаза его лучились голубоватым блеском, похожим на блеск только что отполированной меди. И охота ему в столь раннем возрасте добровольно идти на смерть? Может быть, он все же окажется чуть разумней остальных?

— Эй, Амброзий, послушай! — прошептал он и вздохнул от внезапно появившейся надежды, когда

юноша повернул голову в его сторону. — Слушай меня хорошенько, приятель. Ты должен меня развязать. Никто и внимания не обратит, сейчас самое время уходить. Перейдем через хребет, и мы спасены. — Говорил он лихорадочно, торопливо, не выбывая слов. — Там жизнь, парень. Что ты видел в жизни? До Вельтбурга и пятидесяти километров не будет. Можем вместе туда пойти. Деньги у меня есть, много денег. Я все тебе дам — женщин, вино, гашиш, развлечения. Ну что ты выиграешь, оставшись здесь? Они без тебя обойдутся. Зачем тебе умирать?

Он замолчал, чтобы перевести дух, и в тишине раздался тоненький, почти детский голосок Амброзия:

— Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень, и на камне написано новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает.

— Но я не хочу умирать вот так! — в ярости возразил Николай. — Неужели в тебе нет хоть капельки христианского милосердия?

На миг иоаннит задумался, потом кивнул и медленно встал. «Поддается, — торжествуя подумал пленник. — Получилось! Вырвусь, может быть, время еще есть...»

Он был настолько уверен в успехе, что не сообщил, что происходит, пока юноша не закончил рисовать знак у него на лбу.

— И узрят лице Его; и имя Его будет на челах их, — тихо изрек Амброзий, отходя назад.

— Да в гробу я видал твои цитаты! — прокричал Николай Бенев. — Ты что, не можешь говорить по-человечески, недоносок вонючий?

Вместо ответа иоаннит оторвал кусочек ткани

от полы и заткнул ему рот. Потом опять сел на землю.

От обжигающего чувства беспомощности Николай простонал и ударился затылком о ствол дерева. Боли он не почувствовал, только в черепе глухо зазвенело. Это конец! Упущен последний шанс.

— Первая коробка, пять килограммов, — раздался спокойный голос монаха.

Внизу, там, где кострами были обозначены вершины треугольника, человек с небольшим сундучком в руках выступил вперед, нагнулся и высыпал его содержимое на землю. Второй бросил в черную кучку горсть искрящихся бриллиантов. Слева уже подходил третий иоаннит с таким же сундучком в руках.

«Смолотый древесный уголь, — с ужасом подумал Николай. — Чистый углерод... хотя чистый ли? Господи, не могу поверить, что это так элементарно! Не может быть, у них ничего не выйдет, не должно! Буше говорил, что у них уже было три неудачные попытки. И теперь не выйдет. Это же просто нелепость — верить, что тонна смеси угля с бриллиантами способна взорваться подобно атомной бомбе. Кто вообще распустил подобные слухи? Но у Бержерона-то получилось... Чепуха! Жак Бержерон мертв, расстрелян пятнадцать лет назад. Остальное просто слухи. Кто видел этот Арденнский взрыв? Кто может гарантировать, что взрыв был действительно ядерный?»

Но мысли не помогали. Ужас растекался по всему телу ручейками пота со странно резким, животным запахом. Несмотря на все доводы, что-то подсказывало ему, что пройдет несколько минут, и котловина превратится в озеро ослепительного, невообразимо жаркого огня, от которого плавятся да-

★ же скалы. Хотя он вряд ли что-то почувствует, смерть, скорей всего, будет мгновенной. Он знал, что существуют десятки, сотни видов гораздо более мучительной гибели, но вместо успокоения эта идея заставляла его конвульсивно дергаться в попытке освободиться от веревок.

— Восемнадцатая коробка, пять килограммов, — пробормотал рядом с ним молодой иоаннит, усердно царапая пером.

Восемнадцать на пять — девяносто, подсчитал Николай. Какова должна быть критическая масса? Около тонны, по слухам. Только вот... можно ли этому верить? Ну а если достаточно и двухсот или трехсот килограммов? Со времени Углеродной аферы никто еще не решился проверить. Никто, кроме иоаннитов...

Внизу безумцы сновали между кострами все быстрее и быстрее, не говоря ни слова. Их белые одежды покрылись темными пятнами, облачка черной пыли клубились у них под ногами. Падающие бриллианты поблескивали в воздухе подобно крупным каплям дождя. Куча росла, угрожающе раздуваясь.

— Двадцать шестая коробка, пять ки...

Стон.

Николай испуганно повернул голову. Скорчившееся тело Амброзия лежало неподвижно рядом с факелом. Возле него стоял Буше — неузнаваемый, длинные волосы растрепаны, костюм разорван. В руке он сжимал трость с набалдашником в виде шара из слоновой кости. На торчащем лезвии темнело кровавое пятно. Еще секунду полицейский стоял как каменный, уставясь на труп иоаннита, потом скрылся за деревом и яростными ударами начал кромсать веревки.

— Они нас не видят, — тяжело дыша, прошептал он. — Свет мешает.

Веревки упали к ногам Николая. Холодное лезвие просунулось между кистями рук, натянуло и разрезало веревки. Он отделился от ствола и шагнул вперед словно пьяный. Мелькавшие в его голове страшные мысли, казалось, до конца выхолостили запас его душевных сил. Он не испытывал даже страха, лишь тупо и как-то абстрактно удивлялся, что в последний момент ситуация изменилась.

— За мной! — процедил Буше и, пригнувшись, побежал вверх по склону в направлении черной стены леса.

«Все бесполезно, — подумал Николай, заставляя передвигаться свои словно ватные ноги. — Слишком поздно. Не добраться нам до хребта, не успеем...»

Полицейский оглянулся через плечо. Злая волчья гримаса исказила его лицо. Он резко остановился, двумя прыжками вернулся назад и сильно ударил по лицу оцепеневшего контрабандиста.

— За мной, сопляк безмозглый! К дирижаблю!

От пощечины ли или от упомянутого дирижабля Николай почувствовал, что способен действовать. Он совершенно не собирался погибать в этой долине вместе с безумцами, бормочущими цитаты из Библии. Он хотел жить. У них еще оставался шанс выбраться. Достаточно было всего нескольких минут.

Движимый внезапным приливом энергии, он побежал за полицейским. Луна скрылась за плотными облаками, и по склону разливался плотный мрак. Черная, колышущаяся масса дирижабля над высоким хребтом была едва заметна. Николай не видел, куда бежит, каждый шаг бросал ему под ноги какое-нибудь новое препятствие, и он чудом удерживал равновесие, перепрыгивая через камни, выпутыва-

ясь из петель переплетающихся трав, в сумасшедшем, нечеловечески быстром беге по крутизне. Потом вдруг увидел первые деревья и чуть не натолкнулся на Буше, который нагнулся над какой-то бесформенной кучкой — труп Бонифация, понял молодой человек.

— Возьми вот это!

Он почувствовал рукоятку ножа. «Зачем мне нож?» Думать времени не было. Полицейский уже поднимался по лестнице. Чтобы уменьшить качку, Николай зашел с другой стороны. Ухватился одной рукой, пытаясь другой сунуть нож за пояс, но не смог. Тогда он схватил лезвие в зубы, поморщился от скрежета металла и подпрыгнул.

В темноте он не видел перекадин лестницы, но (как и во время недавнего бега) какая-то инстинктивная уверенность безошибочно направляла каждое его движение. Он поднимался к лесу спиной, и взгляд его опять упал на площадку между огнями. Иоанниты сновали туда-сюда все так же неустойчиво, только теперь их движения казались чуть более замедленными, или, может быть, ему это просто казалось из-за стремительного бега секунд. Черная куча стала огромной, чудовищной, готовой в любой момент исторгнуть испепеляющие молнии.

Люк. Пальцы Буше схватили его за запястье, словно клещами, и дернули с невероятной силой вверх. Крышка захлопнулась.

— Умеешь управлять дирижаблем?

— Нет.

Полицейский презрительно хмыкнул.

— Хорошо, я сам этим займусь. Руби канаты. Задние в последнюю очередь.

Неожиданный порыв ветра закачал гондолу. Спотыкаясь о мешки с балластом, Николай пробе-

жал вперед, чтобы найти место, где крепится канат, и обрубить конец. Прочные нити не поддавались.

— Спички есть? — донесся сзади голос полицейского.

— Нет... Там должны быть, Бонифаций держал их где-то возле двигателя.

Наконец сопротивление каната ослабло. Слава богу, нож был хорошо наточен. Последние нити порвались, и канат полетел вниз в темноту. Не теряя времени, Николай переместился влево.

— Черт возьми, где же спички? — вновь раздался голос Буше. — Куда он их задевал, этот вонючий... А, вот они!

Второй канат тоже обрублен. Дирижабль слегка взметнулся вверх. А сколько там всего канатов? Шесть? Да, похоже, шесть. Он невольно бросил взгляд в сторону иоаннитов, суесящихся возле страшной черной кучи, потом повернул к правому борту. Он услышал, как за его спиной, нетерпеливо пыхтя, Буше чиркает спичкой.

— Merde! — выругался полицейский. — Не горят!

Николай смекнул, в чем дело.

— Это сгоревшие спички! — крикнул он, рубя третий канат. — Ищи другой коробок!

Четвертый канат. Ален Буше все еще шарил возле двигателя.

Пятый канат. Дирижабль развернул нос. Молодой человек хотел пройти назад, но Буше оттолкнул его на середину гондолы, поднял трость и одним махом срезал последнюю петлю.

— Сбрасывай балласт! Не смотри вниз!

Летят. Боже правый, они летят! Живые! Николай нагнулся, подхватил тяжелый мешок и перевалил его через борт. Огни внизу удалялись. Несколько

★ маленьких темных фигурок лежали на освещаемой кострами площадке, еще две или три еле-еле волочили ноги, подходя к ее центру, к черной куче, которая, казалось, начала излучать зловещее красноватое сияние.

Буше нашел спички, и огоньки гасли один за другим в его ладонях.

— Не смотри, идиот!

Но Николай смотрел вниз как замороженный, не в силах оторвать взгляд, даже когда приходилось нагибаться за очередным мешком с песком. Что-то происходило со зрением, и он видел сцену с поразительной ясностью, несмотря на увеличивающееся расстояние. Угольная куча действительно тлела, распространяя вокруг кровавое зарево, которое превращало белые одежды лежащих иоаннитов в кардинальские мантии. Последняя тройка вышла вперед.

Звякнула печная дверца. Наконец-то Буше удалось запустить двигатель.

— Ложись!

Он собрался выполнить приказ, но тело не слушалось. словно по какой-то собственной, неподвластной разуму программе, оно продолжало нагибаться за новыми мешками, а голова автоматически поворачиваться, чтобы не пропустить ни мгновения губительного зрелища. Первый иоаннит пошатнулся в нескольких шагах от кучи, упал, скорчился у рассыпанного сундучка. Второй, споткнувшись о него, бессильно рухнул на землю. Оставался последний — предводитель, с уверенностью подумал Николай, хотя с такого расстояния невозможно было точно определить. Красноватое сияние усиливалось, забивая пламя костров. Качаясь, словно пьяный, иоаннит прошел мимо неподвижных тел, упал

на колени, поднялся и последним усилием воли бросился вместе с сундучком в центр разгорающегося пекла.

В страшный миг вселенской, ледяной тишины в котловине вырос шар ослепительно адского огня, ночь превратилась в день, и на круче отчетливо проявилось каждое деревце, каждый листочек. И на дирижабль со зверским ревом обрушилась ударная волна взрыва. Николай отлетел к противоположному борту, от страшной боли в спине у него перехватило дыхание, и он распластался на полу. По соседним горным вершинам прокатилось эхо взрыва. Гондола качалась, словно маятник, что-то скрежетало и трещало, но они остались живы, невероятно, потрясающе, живы!

Он почувствовал руки Буше, которые помогли ему подняться.

— Как ты?

Боль в спине стала утихать. Переломов не было. Тишина мешала ему думать, стискивала мозги со всех сторон.

— Это был не ядерный взрыв, — глухо сказал Николай.

Полицейский кашлянул:

— Очевидно. Очередной провал, но они на правильном пути. Рано или поздно они своего добьются.

Ветер усиливался, свистел в стропях, в ивовых прутьях гондолы, заглушая шум двигателя. Луна показалась из-за рваных облаков и снова скрылась. Буше встал.

— Пора убираться отсюда. Черт его знает, сколько радиоактивного мусора носится в этом воздухе. — Его голос вновь стал металлическим и властным. — Иди на нос и следи за курсом. Двести восемьдесят градусов запад-северо-запад.

Лишь теперь Николай почувствовал холод. Дрожа, он наугад шагнул вперед, и ботинок зацепился за что-то на полу. Он нагнулся. Пальцы наткнулись на охлаждающий ствол пулемета.

Вот и решение, мелькнуло в уме. Это выход, спасение от рабской зависимости. Один выстрел, и конец! Больше никто не услышит об Алене Буше, никто не найдет его хладный труп в горах. Он должен это сделать!

«Но ведь он спас меня, — возразил внутренний голос. — Жизнью рисковал ради меня».

«Чепуха, — сказал Николай. — Буше в роли спасителя! Да он ломаного гроша за меня бы не дал, если бы я не был участником в его непонятной игре. Этот тип — просто маниакально упрямый полицей, который понятия не имеет, что такое жалость и сочувствие».

Его пальцы обхватили дуло пулемета. Другой рукой он нащупал приклад. Почувствовал, как напрягаются мышцы на слегка согнутой спине. Он был готов резко выпрямиться, развернуть дуло и нажать на спуск.

И в этот момент сквозь шум двигателя до него донесся спокойный голос:

— Если ты решил меня убить, советую подождать, по крайней мере, до приземления. Останешься без пилота, тебе — крышка.

Безупречная логика. Холодная и не по-человечески расчетливая, как и сам Буше. Николай вздохнул, оставил пулемет и прошел вперед, где на приборном щитке слабо фосфоресцировали несколько циферблатов.

— Курс? — крикнул голос с кормы.

Он пригляделся, увидел кружок компаса.

— Почти запад. Двести шестьдесят восемь.

Винты меняли направление. Дирижабль медленно начал разворачиваться направо. Стрелка дрогнула и поползла по широкому кругу циферблата.

— Строго запад, — объявил Николай. — Теперь на два градуса северней... пять... восемь... двенадцать... Чуть назад... Готово, ровно двести восемьдесят!

— Высота?

— Тысяча восемьсот метров.

— Хорошо, — довольным голосом отозвался Буше. — Продолжай следить за курсом и высотой. Если будут отклонения, сразу же сообщай мне... К твоему сведению, шансов у нас не так уж много. В баке трещина, горючее вытекает. Ночной полет, мон ами, ночной полет без горючего, без видимости и при сильном ветре. Так что не стоит жалеть об упущенной возможности. Ничего удивительного, если мы оба не доживем до утра.

Странно, в голосе полицейского не было ни намека на тревогу. Скорее, он радовался, таким извращенным образом, риску и смертельной угрозе. Как наркоман, подумал Николай. Только вместо того, чтобы накачиваться гашишем, морфием или алкоголем, подвергает свое тело напряжению, чтобы насладиться адреналиновой волной.

Луна опять показалась низко над горизонтом, почти напротив них. На мгновение его охватило чувство, подобное тому, которое толкает ночных бабочек лететь на огонь свечи — чувство, что некая гипнотическая, всемогущая сила овладевает всем его существом, затягивая в загадочную светлую дыру на черном небосклоне. Болезненно засосало под ложечкой, и, чтобы избавиться от головокружения, он закрыл глаза, а потом отвел их от луны. Дирижабль летел над мрачными хребтами

горных вершин на высоте ниже трехсот метров. Далеко справа, почти параллельно курсу их следования, смутно поблескивали воды длинного Вельтбургского озера.

Он посмотрел на табло и вздрогнул.

— Высота тысяча семьсот метров!

— Ясно. Выправим, — ответил Буше и добавил зловещим голосом: — Пока.

Двигатель заурчал более мощно, и Николай почувствовал, что они начали подниматься. Он опять взглянул на табло.

— Тысяча семьсот пятьдесят... восемьдесят... Тысяча восемьсот... Эй, мы продолжаем подниматься! Тысяча восемьсот пятьдесят.

— Знаю, — резко оборвал его полицейский. — Молчи!

Что-то случилось с двигателем. Он работал явно с перебоями. Николай оглянулся назад и увидел, что светлый кружок на печной дверце еле помаргивает. И вот, прямо у него на глазах, моргнул последний раз и погас. Кончилось горючее.

— Сбрасывай оставшийся балласт, — велел Буше. — И все, что только можно. Газ вытекает, видимо, где-то порвалась обшивка.

На дне лежали только два мешка с песком. Один за другим Николай сбросил их за борт. В слабом сиянии заходящей луны он увидел, как Буше перекатывает за борт какие-то круглые предметы — бомбы, сообразил он. Он посмотрел на дно гондолы и в двух шагах от себя заметил еще один мешок, он был больше предыдущих. Только потянувшись к нему, он догадался, что это труп Карла, отброшенный сюда в момент взрыва. Он встал на колени, вцепился в кожаную куртку пилота и с трудом вытолкнул тяжелое тело на край гондолы. Что-то грубо

ударило его по плечу, он поморщился от боли, но продолжал свое дело. Труп вдруг перекатился через борт. На секунду он увидел то, что ударило его, — автомат Карла. Рука метнулась вперед, но было поздно. Оружие вместе с хозяином поглотила бездна. Николай встал, посмотрел через борт и, естественно, не увидел ничего, только далеко позади на мрачных склонах вспыхивали и гасли взрывающиеся бомбы.

Раньше надо было подумать об автомате. Оружие может понадобиться после приземления. Он все еще не собирался отказываться от своего плана, хотя теперь, когда прошел первый всплеск эмоций, сильно сомневался, что может хладнокровно расстрелять безоружного человека. Никогда в жизни он этого не делал.

Оставался пулемет. Он осторожно постучал по нему носком ботинка, и в это время Ален Буше подошел с кормы.

— Отойди. Я беру управление. Надо добраться до равнины, посадка в лесу — верная смерть.

Отодвигая пулемет ногой в сторонку, Николай прижался к стене гондолы, чтобы уступить ему дорогу. Буше прошел вперед, склонился над пультом, схватившись за рычаги управления хвостовыми стабилизаторами. Вцепившись в край гондолы, молодой человек смотрел, как внизу пролетают леса и хребты. Они теряли высоту, для того чтобы это понять, приборы были не нужны. Ветер относил их в сторону озера. Там, на берегу, возможно, удастся найти место для посадки, но все зависит от скорости и величины пробоины, через которую вытекает газ.

— Водяной бак! — подал голос полицейский. — Найди кран и открой его!

Николай побежал назад. Который из двух баков

водяной? Ударил правый, под кулаком раздался глухой звук. Пусто. Значит, левый. Он ощупал цилиндрическую металлическую поверхность, нашел какие-то трубки; нет, это не то. Где этот кран? Спереди? Снизу? Да, может быть, снизу. Он скользнул ладонью под бак, и заветный кран действительно оказался там. Отвинтил его, и из бака с бульканьем полилась холодная струя.

— Попробуй оторвать баки, — распорядился Буше. — Если не сбавить вес, разобьемся.

Николай тихонько выругался. Как это сделать в темноте, быстро и без инструментов? Он опять ощупал спиртовой бак. Четыре металлические скобы — две прикреплены к двигателю и две — к краю гондолы. Оловянная трубка подачи топлива поддавалась легко. Дернув несколько раз, он отодрал ее, и в воздухе разнесся острый запах спирта. Так, теперь боковые опоры. Он схватился за одну из них и потянул изо всех сил. Железо согнулось, плетеный кран корзины сухо затрещал и вдруг раскрошился. Николай ударился спиной о двигатель, перевел дух и потянулся к следующей скобе.

— Быстрее! — поторопил его Буше. — Падаем!

Они летели низко над голым плато. Напротив, казалось, совсем рядом, черной стеной поднимались деревья. Не успеем, подумал Николай, выворачивая вторую опору. Бак провис, качаясь на боковых железках, но с ними было гораздо сложнее. Болты держали крепко. Скоба гнулась, раня ему руки. Сколько остается времени до падения? Секунды? Края одной опоры наконец оторвались от обшивки парового двигателя. Николай отлетел назад, качнулся, но удержал равновесие. Бак криво висел перед ним. Из последних сил он собрал весь запас энергии и, направив ее на ненавистное железо, сам

не понимая как, перекинул эту немыслимую тяжесть через голову. Потом рухнул на колени и увидел на фоне звезд черные кроны деревьев впереди по курсу, всего в нескольких метрах от носа дирижабля. Сцепив зубы, он приготовился к удару, но чудесным образом деревья пронеслись под гондолой и ушли назад. Плато кончилось, внизу показался крутой склон, спускающийся к озеру.

Николай опустилсся на дно. Ему было все равно, что с ним будет, ему хотелось лишь покоя и хотя бы незначительной передышки. По ладоням текла кровь. Фантастическая тишина вокруг успокаивала, навевала сон своим ласковым убаюкиванием...

Прошло бесконечно много времени, может быть, две или три минуты, когда его разбудил резкий голос полицейского:

— Не спи! Вставай и готовься к веселью!

Вставать не хотелось. Было так приятно лежать, ни о чем не думая. «Плевать, — сказал он про себя. — Нет сил. Пошел к черту этот Буше, сколько можно отравлять мне жизнь?»

И обнаружил с удивлением, что, несмотря на нежелание, начал подниматься. Они летели вдоль берега озера, но лесная чаща простиралась до самой воды. Садиться было некуда. Они были уже совсем низко, оставалась всего минута или две.

— Готовься к прыжку! — крикнул с носа полицейский.

Николай изумленно потряс головой. Прыгать? Куда, в лес, что ли? Это чистое безумие, самоубийство. Плетеные стены корзины смогут хотя бы отчасти смягчить удар.

Неожиданно деревья впереди пропали. Дирижабль затрясся от удара о последние кроны и полетел в считанных метрах над поверхностью маленького

заливчика. Стремительно приближался противоположный берег. Буше ловким движением встал на край, держа в одной руке тросточку, а другой пытаясь уцепиться за какой-то трос.

— Прыгай! — крикнул он и бросился во мрак.

Николай последовал за ним инстинктивно, не раздумывая. Через секунду он летел в воду, а дирижабль неся над ним гигантской тенью смертельно раненного чудовища. Его тело потряс тупой, мощный удар, раздался плеск воды, и со всех сторон тело обдало холодом. Он почувствовал под ногами мягкое сопротивление илистого дна, потом опора стала более надежной, и он понял, что ушел по грудь в воду залива. Где-то в темноте оглушительно трещало крошащееся дерево, рвалась прорезиненная ткань. Потом шум затих, лишь сзади слышался плеск плывущего полицейского.

Помогая себе руками, Николай медленно стал продвигаться вперед. Постепенно становилось все мельче, вот вода дошла до пояса, до колен, до лодыжек... Ему казалось, что за пару минут он стал вдвое тяжелее. Ботинки выпростались из ила с противным чавкающим звуком. Холодный ветер задувал в каждую щелочку на его мокрой липкой одежде. Наконец он выбрался на берег и устало сел на траву. Даже дрожать не было сил, а тепло тела быстро улетучивалось в ночной холод.

— Вставай, — потрепал по плечу полицейский. — Замерзнешь. Надо добраться до Вельтбурга, тут недалеко.

Николай утвердительно засопел, пытаясь встать. Одеревеневшие мышцы ног послушались лишь с третьего раза. Насколько можно было видеть в темноте, Буше тоже был не в лучшем состоянии, хотя голос его оставался по-прежнему спокойным.

Они зашагали вперед мимо висящих на ветвях остатков дирижабля. Через несколько минут были на тропинке, которая вывела их на петляющую проселочную дорогу.

От возвращения в Вельтбург у Николая остались весьма смутные воспоминания — о том, как светлело небо, как он дремал по дороге, а полицейский постоянно его одергивал, как он ругался про себя. Казалось, у дороги вдоль озера не будет конца. В некоторых местах от нее ответвлялись дороги, ведущие к ближним селам, и на одном из таких поворотов их догнала телега. Отупевший от усталости и холода, Николай слышал, как Буше торгуется с крестьянином — похоже, они договорились о ста франках, — но какое значение имела сумма, важно было залезть наверх и забыться на мешках с картошкой...

Очнулся он на рю де Виктоар. Стоял, качаясь, на разбитом тротуаре, и пытался вспомнить, как он слез с телеги, которая ехала дальше по улице.

— Доброе утро, — раздался рядом простуженный голос Буше. — Идем, дружок. Провожу вас еще немного, а потом наши пути разойдутся. На прощание дам вам несколько маленьких советов. Вы должны знать, что слух о вашем участии в эксперименте иоаннитов в самое ближайшее время распространится по всему городу. Не удивляйтесь, сплетня спланирована заранее, и распространять ее будут мои люди.

Николай остановился и сжал кулаки.

— Зачем?

— Идите, идите, — спокойно подвигнул его полицейский. — Не думайте о насилии, оно никогда не помогало в сложных ситуациях. К сожалению, в данный момент я не могу раскрыть вам цель своего

поступка — весьма недостойного, должен признать. Но поэтому с удовольствием проанализирую ту сложную ситуацию, в которую вы попали. Во-первых, следует пояснить, что иоанниты отнюдь не кучка фанатиков. У них есть надежно законспирированные агенты в каждом из крупных городов, в том числе и здесь, в Вельтбурге. Весть, что откуда-то просочилась секретная информация, неизбежно приведет их к вам. И поскольку они склонны к радикальным действиям, то решат устранить вас раз и навсегда. У вас есть только два выхода — обратиться за защитой к властям и бежать.

— Вы, естественно, не возьмете меня под защиту, — горько улыбнулся Николай.

— А вы догадливы, — кивнул полицейский. — Мои люди не станут оказывать вам помощь. На вашем месте я бы не задерживался в Вельтбурге. Наиболее разумным сейчас было бы...

Он не закончил фразу. Они дошли до дома, в котором жил Николай, и увидели, как из мрачного входа показались трое в черном с капюшонами на головах. Буше бросился к противоположному тротуару. Перед ним, словно из-под земли, выросли еще двое с пистолетами в руках. Тросточка полицейского взлетела вверх, раздался щелчок, и один из нападавших упал назад. Второй выстрелил дважды, но Буше с ловкостью кошки отскочил в сторону — пули его не задели — и, пригнувшись, устремился вперед с высоко поднятой рукой. Блестящее лезвие скользнуло по шее человека, оставляя за собой зияющую красную борозду. Сейчас уже стреляли первые трое. Буше бежал по улице зигзагами с виртуозными прыжками вправо-влево, как огромная бабочка. Звуки выстрелов, отражаясь от высоких стен, создавали гулкое эхо. Ведь ускользнет,

сволочь, подумал Николай. И правда, полицейский юркнул в какой-то мрачный подъезд. Еще несколько пуль раздались в полумраке вслед ему, потом канонада стихла. Дальнейшее преследование было бессмысленно.

Трое преследователей в черных капюшонах повернулись к Николаю, и он спокойно стал ждать, когда к нему подойдет тот, кого он узнал с первого взгляда — крупного и широкоплечего, вооруженного огромным маузером.

Мишин.

9

Ужас заставлял его напрягать мускулы до изнеможения в попытке вырваться из пут веревок. Впереди была смерть, там, между тремя кострами, куда иоанниты все быстрее таскали свои сундучки, вываливая их содержимое в растущую черную кучу. Сыплющиеся бриллианты блестели в воздухе, как дождевые капли. Где-то поблизости монотонно гудел голос брата Амброзия. Двадцать четвертая коробка, пять килограммов... двадцать пятая коробка, пять килограммов... двадцать шестая коробка, пять ки...

Стон. Скрюченное тело Амброзия рядом с факелом. Буше с тростью в руках. Кровавое пятно на блестящем лезвии.

Что-то происходило с головой Николая. Страх пропал, сменившись бесстрастным подсчетом, словно в него вселился дух убитого юноши. Двадцать восьмая коробка, пять килограммов... двадцать девятая коробка, пять килограммов... тридцатая ко...

Веревки падали под яростными ударами полицейского.

Тридцать вторая коробка, пять килограммов... тридцать третья коробка, пять килограммов...

Жестокая пощечина. Ощутив внезапный прилив энергии, Николай бежит за Буше под плотными облаками, закрывающими луну. Черную массу дирижабля едва видно над низким горизонтом.

Сорок пятая коробка, пять килограммов... сорок шестая коробка, пять килограммов...

«Я сошел с ума», — подумал он, но страха не испытал. Руки ловко перехватывают одну за другой перекладыны веревочной лестницы, а голос в голове продолжает считать с холодным упрямством. Пятьдесят четвертая коробка, пятьдесят пятая... пятьдесят шестая...

Все остальное, даже его собственная жизнь, отступило на задний план перед быстро растущими числами. Гондола дирижабля качается у него под ногами. Восьмидесятая коробка... Прочные нити троса не поддаются, он сильнее ударяет ножом. Буше ищет спички рядом с двигателем. Девяностая коробка... Трос летит вниз в темноту. Николай бросается влево, к следующему. Сто первая коробка... Дирижабль слегка взмывает вверх. Ален Буше чиркает спичками, нетерпеливо пытаясь. Сто десятая коробка... Внезапная догадка заставляет Николая крикнуть. Спички сгоревшие. Полицейский продолжает шарить возле паровой машины. Сто девятнадцать... Лезвие трости одним махом перерубает последний канат. Сто двадцать шесть... Сбрасывай балласт! Не смотри вниз! Сто тридцать две... Огоньки гаснут один за другим в ладонях Буше. Сто тридцать девять... Мешки с песком летят за борт. Фигурки иоаннитов становятся крошечными. Сто сорок три... Не смотри, идиот! Последняя тройка выступает вперед... Двое уже лежат на земле, остал-

ся лишь один. Он падает на колени, приподнимается и из последних сил бросается в угольное пекло.

Сто сорок девять...

Время остановилось.

— Можешь просыпаться, Ник, — тихо и настойчиво произнес чей-то голос. — Просыпайся. Все закончилось.

Он открыл глаза.

Первое, что он увидел, было лицо отца Донована. Священник сидел напротив него, за изящным столиком, на котором стояли кофейник и три кофейные чашки. Три... Николай поморщился. Когда он, совсем недавно, соглашался на сеанс гипноза, они были только вдвоем со священником. Он поднял голову и увидел у стены напротив третьего человека — худощавого, среднего роста, с бледным лицом и седыми волосами. Пронзительный взгляд его черных глаз невозможно было забыть даже спустя двадцать лет, и Николай невольно вскрикнул от изумления:

— Бержерон!

Донован слегка улыбнулся и повернулся к французу:

— Мировая слава... Ну, Жак, что скажешь?

— Осточертела мне эта слава, — пробурчал сердитым голосом Бержерон, усаживаясь в кресло рядом со священником. — Кого не встретишь, все спрашивают: а почему это ты жив? Даже жалею порой, что мне удалось выпутаться из этой истории в Арденнах.

Николай быстро отвел глаза, переведя их на полированную поверхность столика. Жак Бержерон жив! Еще не до конца понимая задуманную Буше игру, он был уверен в конечной цели этой игры — завладеть знаниями гениального физика.

— Не уходи от темы, Жак, — произнес мягко отец Донован. — Что ты можешь сказать по поводу услышанного?

— Да что сказать? Во-первых, я не уверен в твоих способностях гипнотизера.

— А я уверен, — заверил его священник. — Меня учили этому в ЭКЮ, а там преподаватели свое дело знали, гарантирую.

— Хорошо, допустим. А точность подсчета тоже можешь гарантировать? Все-таки человек был в трудном положении, бежал, спасая свою жизнь, и почти не смотрел назад.

Последствия гипноза проходили, и Николай уже не удивлялся, что из гондолы дирижабля он перенесся в эту маленькую, скромно обставленную комнатку без окон. Не удивляло его и электрическое люминесцентное освещение. Раз Бержерон жив, от него можно было ожидать чего угодно...

— Гарантирую на девяносто процентов и даже больше, — сказал Донован. — Для подсознания подобная задача не так трудна, как может показаться. А твое подсознание, Жак, уводит тебя от ответа, потому что он тебе не по душе. Ничего страшного, я подсчитаю вместо тебя. Сто сорок девять на пять — будет семьсот сорок пять килограммов критической массы.

— Не критической! Субкритической, запомни это раз и навсегда и не носи чепухи. Это как прошлым веком в Чернобыле. Эти идиоты идут ошибочным путем, и если будут продолжать в том же духе, настоящего ядерного взрыва им не произведсти. Значит, в счет закралась ошибка!

— Может быть, — кивнул священник. — И все же критическая масса углерода снижается, так?

— Снижается, снижается! — Жак Бержерон

тряхнул головой, и длинные волосы закрыли часть лица. — По моим нынешним расчетам, она должна составлять девятьсот килограммов. Тем лучше, в конце концов. Кривая постепенно сглаживается и где-то все-таки остановится.

— Лучше с твоей точки зрения, — заметил Донован. — Но не с моей.

— Какое значение может иметь твоя точка зрения? Ты идеалист, отче. Вот спроси у него! — Жак ткнул своим длинным, костлявым пальцем в грудь Николая. — Спроси простого человека, согласен он со мной или нет, и он скажет, что согласен.

Священник откинулся назад и скрестил руки.

— Давай, попробуй его убедить. Даю тебе полную свободу действий, но потом придет моя очередь высказаться.

— Идет! — Физик хлебнул кофе и устремил пламенный взгляд на Николая. — Раскрой уши, приятель. Знаешь, почему рухнула цивилизация? Электричество было основой всей человеческой мощи. После Коллапса, когда мы потеряли медь, возможность восстановить потенциал еще оставалась, не хватало одного — простого и надежного источника энергии. Нефть стала недостижимой. Огонь был запрещен. Солнечная энергия требует слишком сложных технологий. Но существует явление, которое я исследую уже в течение пятнадцати лет...

— Радиоактивная самоиндукция, — вклинился отец Донован.

— Не перебивай! Пусть человек сам решит. Итак, радиоактивная самоиндукция. Новое явление, противоречащее всем нашим предшествующим знаниям... как и многое другое после Коллапса. Объясняю совсем просто. Существует множество нестабильных элементов и изотопов, но двадцать

лет назад радиоактивность была свойством отдельных атомов. Она не зависела от внешних условий. После Коллапса же с атомами углерода стало происходить нечто странное. Они, похоже, взаимодействуют между собой, и когда их суммарная масса преодолевает некий порог, приобретают радиоактивные свойства. Почему? Не знаю, признаюсь честно. Мы живем в новом мире, где действуют новые законы природы, и делом будущих физиков будет эти законы открыть. А наше дело решить, на какой базе будут творить эти будущие физики. Придется им начинать с нуля, или у них будут современные лаборатории. Попытайся представить себе, что представляет собой эта самоиндукция. Наваливаешь кучу угля — и ты на пороге цепной ядерной реакции. Разбрасываешь эту кучу — и остается безвредная черная пыль.

— Но это означает... — пробормотал Николай, сам толком не зная, что хочет сказать.

— А это означает, что после жестокого удара природа преподносит нам неожиданно щедрый подарок. Она дает возможность создания удобной, чистой и почти безопасной ядерной энергетики. Здесь, в пятидесяти метрах под нами, — физик ткнул пальцем в пол, — стоит такой реактор. Создан он с огромным трудом, ценою проб и ошибок, но все же создан. И с него может начаться возрождение человеческой цивилизации, новой науки, будущего.

— Опять по старой проторенной дороге, — вступил в разговор священник.

Бержерон ударил кулаком по столу.

— Да, черт побери, по старой дороге! Что может нас остановить?

— Парадокс симультанности, — тихо сказал отец Донован.

На мгновение в комнате наступила тишина. Потом Николай поднял руку.

— Подожди, отче. Ты уже упоминал об этом. Что это за парадокс такой?

Священник снова улыбнулся.

— Нечто гораздо более странное, чем радиоактивная самоиндукция. В сущности, тебе почти все известно. Астрономические исследования показывают, что Коллапс отнюдь не локальное явление. Он коснулся всех звезд во Вселенной. А отсюда следуют два поразительных вывода, которые противоречат всякой логике. Во-первых, нарушен нормальный ход времени. Если бы Коллапс произошел одновременно во всей Вселенной, мы бы этого не заметили, потому что свет далеких звезд идет до нас тысячи и миллионы световых лет. И все же астрономы категоричны в своих выводах. Неразрешимая загадка, а, Жак?

Физик сердито зарычал.

— Вторым вывод напрашивается исходя из первого, — продолжал Донован. — Куда бы мы ни взглянули, происходящие изменения повсюду одинаковы. А это может означать только одно: мы в центре событий... в центре чуда, ибо кроме как чудом это не назовешь. И я спрашиваю себя: что такого особенного в нашей маленькой Земле? Что за сила протянула руку сквозь пространство и время, чтобы изменить всю Вселенную — не одновременно, подчеркиваю, а так, чтобы это выглядело одновременным лишь в наших глазах?

— Опять вспомнишь притчу о дикаре и кнопке? — осведомился мрачно Бержерон.

— Нет, не стану. Ник уже слышал ее. Но что бы ты ни говорил, неизбежно напрашивается вывод,

Жак. Безумный, по-твоему, вывод. Хорошо, пусть безумный. Факты подводят к нему. Во Вселенной произошло чудо. Мы в самом центре. Почему бы тогда не допустить на миг, что мы и явились его причиной? В конце концов, бог сотворил мир по своему образу и подобию. Было бы нелогично не наделить его своей мощью.

— Или мощью сатаны, — добавил Николай.

— Да, или мощью сатаны. Это две стороны одной и той же силы. Не смотри на меня с удивлением, Ник, тебе надо бы было это знать. Ведь в годы раннего Средневековья именно твоя родина была одним из очагов манихейской ереси?¹

— Злоупотребляешь красноречием, отче! — распаляясь, возразил физик. — Мы с тобой начали спор и избрали арбитра. Я изложил свои аргументы. Возражай по существу, не увиливай в сторону.

— Хорошо... — Отец Донован оперся ладонями о стол и наклонился вперед. — Позиция чистой науки ясна. Надо приспособливаться к новым условиям, овладевать силами природы и идти проторенной дорогой. Вернуть былое величие, опять стать венцом творения. Именно в этом и заключена ошибка, Жак! Мы ничего не добьемся, даже если станем сверхмогущественными. Чтобы вернуть величие, первое, что надо сделать, это изменить самих себя. Мы веками шли гибельным путем — путем насилия над природой и ближним. Другой линии, линии гармонии с бытием, следовали лишь отдельные племена — эвенки, индейцы, чукчи, полинезийцы...

— Примитивные народы, — презрительно фыркнул Бержерон.

¹ Дуалистическое учение, оказавшее сильное влияние на богословие.

— Да, примитивные, — добродушно согласился Донован. — Не стоит их недооценивать, сын мой. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Он вынул свое портмоне и достал оттуда старую цветную фотографию, наверное, вырезанную из какой-нибудь книги. Николай наклонился, чтобы рассмотреть ее получше.

Желтые пески пустыни, из которых вырастали низкие серо-черные скалы. На переднем плане темнели несколько камней с широкими отполированными углублениями в верхней части. В эти углубления были вложены гладкие каменные шары.

— Ручные мельницы, — совсем тихо, почти шепотом произнес священник. — С их помощью молили пшеницу. Это единственные молчаливые свидетели некогда плодородной Сахары. Тысячи лет назад там текли несколько рек, более могучих, чем Нил. Потом туда пришел человек — примитивные народы, как ты их называешь, Жак, — и неразумным ведением земледелия и скотоводства уничтожили огромные территории. Сначала проходили стада коров, за ними овцы, которые способны щипать даже самую мелкую травку, наконец, стада неприхотливых коз довершали начатое. После них оставалась пустыня. Так человек совершил первую экологическую катастрофу в своей истории. Первую, но далеко не последнюю. В нас заложены семена зла, и до тех пор, пока мы от них не избавимся, все будет напрасно. Ты говоришь мне о простых и безопасных ядерных реакторах. Согласен, возможно, с их помощью тебе удастся возродить цивилизацию и даже добиться стократного успеха, но ведь эти реакторы могут превратиться в простые и доступные любому безумцу атомные бомбы. Сколько времени можно будет надежно хранить их гибель-

ную тайну? Вряд ли долго, ибо, как сказано в Евангелии: и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Вот так-то, Жак. Если не задумываться прежде о добре и зле в человеке, наука не поможет.

— Согласен, отче. — Бержерон повертел пустую чашку и, не стесняясь, хлебнул прямо из кофейника. — Пока все в твоих рассуждениях было нормально. Мы способны уничтожить планету, что доказывалось неоднократно. Но ты хочешь доказать мне, что мы способны уничтожить всю Вселенную. Как, черт побери, как? Объясни, если можешь.

Отец Донован вздохнул.

— Я не заставляю тебя поверить в бородатого боженьку на облаке или в святых с арфами и пальмовыми ветвями в руках. Просто допусти, что добро и зло в каждом из нас могут иметь огромную силу. Вселенная необъятна — и несмотря на это, нам удастся охватить ее своим ничтожным человеческим сознанием. Назови это как угодно, я не стану с тобой спорить. Для меня это божья искра, которая уравнивает нас с Создателем. И пусть у каждого из нас она ничтожно мала, но почему не допустить, что и она может породить эффект, подобный твоей радиоактивной самоиндукции? Шесть миллиардов Вселенных, уместающихся в нашей голове, — это рано или поздно должно оказать влияние на истинную Вселенную. Во зло или добро. И, увы, зло в нас оказалось сильнее. Не знаю, может быть, мы все вместе, подсознательно, решили, что пора очистить мир от своего присутствия. Однако в своей неизмеримой гордыне мы избрали смерть, с помощью которой готовы и его увлечь вслед за собой. А может быть, именно то добро, которое еще осталось в не-

которых из нас, удерживает нас на грани? Наш долг раздувать гаснущее пламя этого добра, чтобы оно горело... в надежде на спасение. Ибо если действительно мы виноваты в том, что произошел Коллапс, то мы просто не имеем права умереть.

Бержерон яростно сунул пальцы в свои длинные волосы.

— Это не более чем безумная гипотеза, отче, я уже говорил. Я не могу ее опровергнуть, а ты не можешь защитить. Давай доказательства, все остальное — пустой звук!

— Не дам! — отрезал Донован неожиданно гневно. — Даже будь они у меня, все равно бы не дал, потому что ты все равно не поверишь или назовешь их непонятными физическими явлениями, как парадокс симультанности. Для меня это чудо. Для тебя — загадочный процесс. Только вера может спасти нас, а с доказательствами это уже не вера.

— Попросту говоря, ты не можешь предложить ничего в поддержку твоих утверждений.

Священник прикрыл глаза. Его голос зазвучал глухо и задумчиво:

— Хорошо... Попробую рассказать тебе одну историю, хотя знаю, что и это тебя не убедит. Слушай, Жак. Я уже говорил, что в прошлом служил в секретной военной части, называемой ЭКЮ. Я был там не единственным священником, кроме меня было еще несколько, каждого, прежде чем принять, как говорится, под микроскопом рассматривали. Но был среди нас один... совершенный, трудно найти подходящее слово. Его звали Майкл, и вырос он в бедных кварталах Детройта. Не стану его описывать, да и трудно было бы это сделать. Повторяю, мы все были как на подбор, но он выделялся какой-то потрясающей душевной силой. В нем более ярко

горела божья искра, или добро, или как угодно это назови. Говорят, что добро недостаточно сильно. Ложь! Майкл был необычайно сильный — и физически, и духовно. И именно я оказался рядом с этим человеком, когда нас подняли по тревоге в день Коллапса. В сущности, вначале нас отправилась целая группа в защитных костюмах и прочее. Но когда до критического срока оставалось всего четыре часа, начали поступать сведения о сверхсекретных военных базах, где еще ничего не было сделано. Мы были в числе добровольцев, которые вызвались отправиться туда.

— С голыми руками, — уточнил Николай.

Отец Донован кивнул.

— Да, с голыми руками. Но это нас не пугало, ведь нас для таких случаев и готовили. Нам с Майклом достался совсем маленький секретный склад, где было всего четыре бомбы. Персонала там не было — полная автоматика. Это было в каком-то захолустном уголке штата Невада. Нас доставили туда самолетом, мы прыгнули с парашютами, а самолет полетел дальше с другими добровольцами. Но мне не повезло... а может, наоборот, не знаю. Нам забыли сказать, что база охраняется стрелковым роботом — кровожадной такой машинкой на колесиках, единственной задачей которой было уничтожать все живое в радиусе мили. Первой же автоматной очередью он ранил меня в ноги. Мы залегли, Майкл меня перевязал, но дальше оставаться со мной не мог. В конце концов, мы оба шли на верную смерть.

Священник вздохнул и покачал головой. Его невидящий взгляд блуждал где-то далеко за пределами комнаты.

— Майкл справился с роботом. Потом вошел на территорию базы — хорошо еще, что коды входа

нам сообщили. А я остался лежать среди камней и сухих кустов. До конца оставалось три часа. Нас снабдили маленькими сверхмощными радиостанциями, и даже из-под земли Майкл периодически выходил со мной на связь. Он обнаружил склад инструментов и начал разбирать бомбы.

Николай невольно вздрогнул, представляя себе, как молодой священник лежит в пустыне с окровавленной ногой и потрескавшимися губами, а часы в это время отсчитывают минуты до конца света.

— Из штаба обещали, что меня подберет вертолет, — продолжал отец Донован. — Я не особенно им поверил, слишком далеко мы были от штаба, да и неразбериха в этот день была невероятная. Я лежал и слушал, как Майкл разговаривает с бомбами. Связь была не слишком качественной, особенно после того, как он управился с первой бомбой. Да и я время от времени терял сознание. Но все же слышал его. Радиостанция трещала ужасно — ионизация, ты ж понимаешь. Иногда я слышал лишь отдельные слова, иногда помехи заглушали все, но общий смысл был мне ясен. Он не просто боролся с бомбами, он пытался победить их, включая свою волю, приказывая им не взрываться, пока он не вынет запал. Приказывал и самому себе — выстоять до конца...

Отец Донован замолчал. В тишину ворвалась растущая тревога тех последних минут перед страшной неизвестностью. Николай вытер мокрые ладони о брюки.

— А дальше? — поторопил священника Бержерон.

— Дальше... Вертолет все-таки прилетел. В последние минуты и с одним пилотом. Пилот был тещасцем и страшно ругал «этих трусливых сукиных

сынов, которые бросают человека умирать в пустыне». Майкл управился с тремя бомбами, оставалась четвертая. Я попытался уговорить его уйти оттуда. Он долго не понимал, что я от него хочу, но наконец понял и отказался. Так или иначе, через несколько часов ему все равно умирать. Сказал, что ему осталось еще немножко, а нам лучше улететь. Что я делал в эти минуты, вспомнить не могу, буянил, наверное. Так или иначе, очнулся я в вертолете. Радиостанция была со мной, и я слышал, как Майкл продолжает отдавать приказания бомбам, хотя язык его уже почти не слушался. А время вышло. Понимаешь, Жак, предсказанное тобой время вышло, а Майкл продолжал бороться с Коллапсом. Сначала я просто не поверил часам. Но пилот поддерживал связь со штабом и подтвердил, что час Ч прошел. Начали поступать сообщения об отдельных взрывах в России, в Бразилии, у нас в Штатах. Все неуничтоженные заряды взорвались, как по команде, в точно указанное время. Лишь там, в пустыне Невада, человек добился невозможного. С помощью воли и упования на бога — ибо он был истинно верующим христианином из тех, кого я когда-либо встречал. Или назовем это просто верой в добро... — Из груди священника донесся тяжелый вздох, и он оглядел комнату таким взглядом, словно не понимал, как он сюда попал. — Я был тогда похож на сумасшедшего. Смеялся и плакал, ругался, кричал в радиоаппарат, а Майкл меня не слышал и сквозь треск и помехи продолжал бормотать что-то несвязное. Так продолжалось еще минуту или две, потом вдруг странно спокойным голосом он произнес: «Бесполезно... Руки не слушаются... Прости меня, Господи, и прими...» В эфире раздался оглушительный треск, и за горизонтом полыхнула белая, режущая глаза

вспышка. Пилот понял, что произошло, и резко пошел на снижение, чтоб нас не накрыло ударной волной...

Отец Донован снова притих. Это молчание было исполнено какого-то особого, торжественно глубокого смысла, и Николаю едва хватило смелости, чтобы его нарушить:

— Ты кому-нибудь об этом рассказывал?

Священник покачал головой и печально улыбнулся.

— Нет... Все же в ЭКЮ нас подбирали и по уму. Какой смысл было рассказывать? Посчитали бы бредом тяжело раненного человека. Позже, когда я ушел из армии, решил добраться до папы и все ему рассказать. Только мне не повезло... С большим трудом моим хорошим знакомым удалось пробить у него аудиенцию, и я уже был на пути в Европу, когда в Риме произошло покушение с применением ядерного оружия. Потом последовали катастрофа за катастрофой... и я остался здесь...

Тишина. Долгая и полная раздумий. Бержерон закашлялся, пытаясь подобрать слова.

— Отче... мне бы не хотелось тебя обидеть, но... это не может служить доказательством. Еще древние римляне говорили: один свидетель — еще не свидетель. Пойми меня правильно, я не сомневаюсь в твоей искренности, но тогда ты был ранен, наверняка у тебя была высокая температура. Вполне мог ошибиться в минутах, перепутать что-то. Да даже если и не ошибся... А ты знаешь, что еще в конце прошлого века ставились эксперименты по воздействию пси-энергии на ядерные процессы?

— Иного я от тебя и не ожидал, Жак, — как-то слишком легко согласился отец Донован. — Что ж, такая твоя работа — сомневаться. Для тебя важно

все установить точно. А я просто верю. Верю, что, может быть, именно толика добра в сердцах людей все еще удерживает нас на краю пропасти. Как в Ветхом Завете, помнишь? Если найдется хотя бы десять праведников, Содом будет спасен. Каждый из нас — тоненькая ниточка в толстом спасительном канате Добра. Сколько надо нитей для того, чтобы канат был прочным? Не знаю и могу лишь бороться в силу своих слабых человеческих возможностей, чтобы сделать его прочней.

На столике в углу зазвонил телефон. Священник встал и подошел к аппарату.

— Да? Да, я... Здесь, конечно... Хорошо, Луи, скоро буду. — Он положил трубку и обернулся. — Мсье Луи хочет видеть тебя, Ник. Пошли.

Николай встал и пошел к двери. Коридор резко контрастировал с уютной комнаткой, в которой они беседовали. Голые бетонные стены с протянутыми по ним связками толстых кабелей, черные железные двери с белыми номерами, редкие электрические лампочки по щербатому потолку — все это создавало подавляющее чувство нестабильности и тесноты. Резиновая дорожка на полу заглушала шаги.

— Эти подземелья давно здесь? — спросил молодой человек, идя вслед за священником.

— Давно, — ответил отец Донован, не оборачиваясь. — Дом построен в восемнадцатом веке. Сто лет назад, еще во время первого атомного кризиса, дед мсье Луи превратил подземелье в противоядерное бомбоубежище. Его сын продолжил начатое, да и внук неплохо постарался, так что теперь под именем простирается целая крепость. Но в последние десять лет основные усилия были брошены на заме-

ну электрического оборудования. И, естественно, на реактор Бержерона.

— И Буше ничего не пронюхал? — недоверчиво воскликнул Николай.

Отец Донован остановился перед дверью лифта и потянулся к кнопке вызова.

— Сначала особых подозрений это не вызывало. В принципе, электричество доступно каждому, были бы деньги. На алюминиевые проводники, на квалифицированных электриков, на взятки. Остальное — вопрос времени. Да и мсье Луи умеет хранить тайну.

Дверь отворилась. Они вошли в лифт, священник нажал верхнюю кнопку, и Николай опять ощутил почти забытое чувство толчка вверх. Как давно он не ездил в лифте? Больше восемнадцати лет — с тех пор, как рухнула цивилизация, уступая сцену вихрю насилия, подлости, голода и нищеты.

Кабина остановилась и открылась. Перед ними возник коридор, заканчивающийся высокой белой дверью, у которой стоял неподвижно, словно статуя, телохранитель Лукас... Его синий, без всякого выражения взгляд небрежно скользнул по Николаю, будто он даже не вспомнил, что недавно стрелял в него. Потом — просто чудо! — Лукас улыбнулся отцу Доновану и слегка кивнул.

— Входите, отче. Шеф вас ждет.

Они очутились в просторном помещении со сводчатым потолком, под высоко висящей люстрой со свечами — не хотели демонстрировать, что у них есть электрическое освещение, смекнул Николай. Белые стены были украшены позолоченными гипсовыми орнаментами и фресками, изображающими сцены из сельской жизни. За широкими проемами окон слева виднелись горные склоны, часть

озера и высокая каменная ограда, окружающая двор. Мебели было мало — несколько диванчиков и столиков у стен, стулья и тяжелый письменный стол красного дерева, из-за которого на них смотрел мсье Луи. Кроме него в кабинете был еще один человек — Мишин, сидевший спокойно и смирно в углу, словно не хотел бросаться в глаза.

— Добрый день, господа, — любезно приветствовал вошедших хозяин и указал на два стула у стола. — Садитесь, пожалуйста.

Подходя ближе, Николай с любопытством присматривался к хозяину кабинета. Мсье Луи был очень стар, наверное, ему было лет около восьмидесяти. Возраст выдавали костлявые кисти рук, из-за чего рукава элегантного клетчатого костюма казались слишком широкими; прозрачная, как пергамент, кожа, покрытая старческими пигментными пятнами; глубокие морщины, делавшие его лицо похожим на вспаханную пашню. Но, несмотря на груз лет, в нем не чувствовалось слабости. Старик сидел прямо, с высоко поднятой головой, прислонившись спиной к спинке стула. Густой снежно-белый ежик волос, крупный орлиный нос и живой взгляд темных глаз придавали его лицу благородство и даже красоту — наверное, он до сих пор нравился женщинам не только из-за богатства.

Устраиваясь на стуле, Николай обратил внимание на огромную картину за спиной мсье Луи. Ребенком он видел ее в музее Прадо — портрет Карла V работы Тициана. В блестящих металлических доспехах и шлеме, император скакал на лихом жеребце в таинственном мрачном лесу. В руке он сжимал копье, направленное вперед на невидимого зверя или противника.

Мсье Луи заметил его взгляд.

— Нравится? — спросил он с оттенком некой гордости обладателя. Голос у него был тихий и мягкий, без старческой хрипотцы.

— Я видел ее в Мадриде, — сказал Николай.

— Да, конечно. Прадо... я купил ее лет десять назад. Непонятно, как она сюда попала. Надо признать, мсье Бенев, я не перестаю удивляться, что даже в самые тяжелые времена торговля произведениями искусства не прекращается. Похоже, в человеке есть что-то такое, что заставляет его ценить картины наравне с хлебом. — Старик встал, медленно обошел письменный стол и повернулся к портрету. — Взгляните на него. Посмотрите на его лицо, видите эту странную улыбку безудержного стремления вперед? К цели, какова бы она ни была... Иногда мне кажется, что мастер вложил в свое творение гораздо больше, чем думал вначале. И не похожи ли мы все на этого давно почившего властелина? Скачем к своей цели, порой даже ценой жизни. В молодости стремимся к деньгам и удовольствиям, позже — к власти. Но приходит старость, и с высоты прожитых лет человек понимает, что все это — суета. Тогда остается только один серьезный вопрос: что я завещаю людям? Я счастливый человек, мсье Бенев... Судьба отмерила мне полной мерой и удовольствия, и деньги, и власть. А когда пришло время вечного вопроса, появился ответ в лице Бержерона. И я могу оставить людям зародыш будущей цивилизации и сберечь всему человечеству десятилетия, может быть, века.

Мсье Луи вернулся на свое место за письменным столом и помолчал, рассматривая свои длинные костлявые пальцы. Потом вновь заговорил:

— Я все это вам говорю, потому что, в отличие от нашего общего друга Буше, у меня есть некоторые

моральные принципы. Я понимаю, насколько обидно быть пешкой в тайной игре, и считаю, что должен вам кое-что объяснить. Итак, Бержерон мой гость уже более десяти лет. Он отшельник по натуре, так что мне не составило особого труда скрыть его присутствие. Труднее оказалось спрятать в воду концы моих связей с учеными всей Европы... и даже других континентов. Несколько раз мы оказывались на грани провала, как, например, в случае с вашей знакомой мисс Диксон.

— Джейн! — встрепенулся Николай. — Где она? Старик улыбнулся тепло, с пониманием и сочувствием.

— Уехала... Мы все к чему-то стремимся, не так ли? Для нее самое важное донести научные знания до того, кто может ими воспользоваться. Она попытается попасть в Америку... Но давайте оставим мисс Диксон в покое. Я говорил о том, что из гнезда преступности мое имение постепенно превратилось в нечто гораздо более опасное — в нелегальный научный центр. Мне удалось собрать отличных специалистов и среди всеобщего упадка создать островок цивилизации. Не хочу вспоминать о трудностях, вы сами можете представить, сколько проблем создает переработка одного-единственного электромотора, а что говорить о более сложных системах. Настоящие же трудности, однако... настоящая угроза исходила от Аренса и Буше — людей властолюбивых и коварных, способных забыть об интересах человечества в угоду собственному мелочному тщеславию. До некоторых пор мне удавалось их сдерживать благодаря моим связям с мафией. Полгода назад, когда стало ясно, что это уже не помогает, я начал перебрасывать людей и капитал на Сицилию. Там у меня есть влиятельные зна-

комые, которые в известной степени разделяют мои взгляды, не забывая, естественно, и о собственных интересах. Думаю, мне удастся начать все заново.

— Но какое отношение имею ко всему этому я? — спросил Николай.

— Совершенно никакого. Сначала Буше заинтересовался вами, ибо предполагал, что вы связаны с научной организацией. Потом, поняв свою ошибку, он решил использовать вас в качестве приманки. Из разных источников ему стало известно, что я собираю информацию об экспериментах иоаннитов. Надо было увязать вас с их деятельностью, а потом подтолкнуть ко мне. Таким образом, он мог быть уверен, что внедрил своего человека в организацию. А я не смог бы ему помешать, даже если бы раскусил, в чем дело, ибо (по меткому выражению мсье Мишина) согласился разыграть дамский гамбит. Единственная помеха — Гастон — был умело устранен людьми Буше. Но в спешке уважаемый полицейский допустил маленькую ошибку. Идиотскую ошибку, как это порой бывает при отработке даже весьма продуманных планов. Слух о вашем участии в акции был распространен еще до ее осуществления. И все же, если не считать этого незначительного дефекта, гамбит был разыгран безупречно. Дорогой Буше не знает только одного — что через пару-тройку дней ему просто будет не с кем играть. Эвакуация почти завершена. Скоро отбываю и я. За три года мои мастера восстановили такое, чем вряд ли располагает еще кто-нибудь в Европе — транспортный самолет «Скайхорс 2015» с вертикальным взлетом. Сейчас он внизу, в подземелье, ждет команды доставить нас на Сицилию. Он может взять туда и вас, Бенев. Место есть, да и в

отмеренные судьбой оставшиеся годы мне будут нужны надежные люди. Что вы на это скажете?

Николай повернулся к Мишину.

— Соглашайся, Коля, — кивнул богатырь. — Я лечу. Буше не простит тебе провала. Ты согласен, правда? Он согласен, мсье Луи, и спрашивать нечего.

На мгновение вопросительный взгляд старика задержался на лице Николая.

— Хорошо... Так я и предполагал. Осталось убедить нашего старого отца Донована.

— Я не полечу, Луи, — тихо сказал священник. — Мы уже говорили об этом. Да и чем я могу тебе помочь? Я не ученый, не мафиози.

— Не одобряешь мои планы, — огорченно покачал головой мсье Луи.

— Ошибаешься, — возразил Донован. — Оба вы с Бержероном ошибаетесь. Я никогда не отрицал необходимости возрождения цивилизации. Просто считаю, что, пока вы строите ее на материальной основе, кто-то должен позаботиться и о душах людских.

— Значит, остаешься из-за детского приюта?

Священник кивнул.

— Из-за него... и всего остального.

Мишин вскочил с места — смешной, нелепый и до боли трогательный в своем порыве.

— Полетели, отче! Мы тебе и там найдем сирот. Сто, тысячи... Крестьяне будут тебя боготворить...

Он не закончил. Его одновременно прервали два звука — внезапная стрельба за окном и звонок телефона на письменном столе.

Мсье Луи поднял трубку.

— Да? Спокойно, Альфонс, спокойно... Так... Да, понимаю... Без паники, ничего страшного. Действуй по плану номер два. Пилоты и эвакуируемые

должны немедленно спуститься к самолету. Особое внимание обрати на Бержерона и его бумаги... Да, именно так. Охрана остается на местах в течение получаса, потом все уходят, как договаривались.

Он положил трубку и невозмутимо встал из-за стола. Стрельба на мгновение затихла, потом разгорелась с новой силой.

— Нас атакуют, — пробормотал старик. В голосе не чувствовалось тревоги, казалось, развернувшиеся события скорее его развеселили. — А Буше-то оказался хитрой бестией, я его явно недооценил. Он играл не в шахматы, а в покер... каково, а? Все его ходы были блефом, он хотел, чтобы я поверил, что он еще не готов к нападению. Ну, нам пора, господа.

Широким и удивительно легким для его лет шагом он пошел к двери, где стоял непонятно когда вошедший Лукас.

— Бедняга Буше, — засмеялся тихонько мсье Луи, пока заходил в тесную кабину лифта. — Рисковать всем... и, в конечном счете, остаться с носом. Мне жаль его.

В подземелье их уже ждали несколько человек, среди которых нервно переступал с ноги на ногу Бержерон с черным чемоданчиком в руке. План срочной эвакуации явно был отработан безупречно. Алену Буше достанется имение с ядерным реактором — без специалистов, которые могли бы объяснить, как со всем этим управляться.

Мсье Луи сделал три шага по коридору, потом остановился и обернулся к отцу Доновану.

— Есть еще время подумать. Не летишь? Ладно, хорошо. Я понял. Можешь взять моторную лодку, она мне больше не понадобится. Прощай, дружище. Молись за меня.

— Буду молиться, — пообещал священник и от-

крыл железную дверь, за которой был виден длинный, плохо освещенный туннель.

— Подожди, отче, — сказал Николай. — Я с тобой.

Вдруг его обуял страх. Когда он принял это решение? Почему секунду назад даже не подозревал, что может поступить так безумно? И чем, чем мог он помочь, поставив свою жизнь на карту? И все же он четко понимал, что уже ничто не заставит его вернуться на легкий, спасительный путь. В спокойных, задумчивых глазах священника он увидел, что тот тоже все понял.

— Ты с ума сошел! — вспыхнул Мишин. — Да Буше уже к вечеру сведет счеты с вами обоими!

— Поздно уговаривать, Мишин, — властно проговорил мсье Луи. — Каждый делает свой выбор. До свидания, Бенев. Если когда-нибудь окажетесь на Сицилии, заходите, буду рад вас видеть.

Он резко повернулся и зашагал по коридору в сопровождении своих людей и русского богатыря, который все оглядывался и тихо ругался. Несколько секунд Николай неподвижно стоял возле лифта, глядя, как они удаляются, потом побежал догонять отца Донована.

— Зачем ты это сделал? — спросил священник, услышав его шаги за спиной.

Николай тряхнул головой. Было невероятно трудно подобрать слова, чтобы высказать то, что он сейчас чувствовал.

— Потому что... Просто не мог оставить тебя одного. Мне казалось, что если я улечу, то это будет предательством. Вот ты тут говорил о добре, которое держит мир на грани пропасти. Если ты прав... тогда человек должен думать не только о себе, ведь так? Тогда все приобретает иной смысл... не знаю,

понимаешь ли ты, что я хочу сказать? И даже глупый, наивный поступок важен... Знаю, что все это звучит нелепо... но, как бы в данный момент мое решение оказалось самой главной нитью в бесчисленном множестве остальных нитей того самого каната.

— Может быть, Ник, — задумчиво пробормотал Донован. — Может быть...

Туннель вывел их в небольшой подземный зал, в середине которого темнел прямоугольный бассейн. На поверхности воды легко покачивалась моторная лодка, о которой говорил мсье Луи. Слева узкий канал вел к озеру, и сквозь выходное отверстие сюда проникал красноватый свет заката. У кромки бассейна стояли два бака с бензином. Чистое расточительство, подумал Николай, автоматически, по привычке контрабандиста подсчитывая, что один такой бачок мог бы обеспечить ему безбедную жизнь как минимум года на два.

Отец Донован вскочил в моторную лодку, проверил бак и махнул рукой.

— Садись, парень! Уходим, пока есть время.

Сев рядом с ним впереди, Николай испытал еще одно, почти забытое чувство — мощная вибрация двигателя, которая растрясла лодку и заполнила могучим пульсирующим ревом маленький зал. Вода в бассейне закипела. Сначала неохотно, потом все быстрее, лодка скользнула по каналу к светлеющему отверстию. Через мгновение мрачный туннель остался позади, рядом блеснуло свинцово-синее зеркало озера, и отец Донован свернул направо — на восток, в сторону от Вельтбурга.

Но дорога не была гладкой. Им перегородили путь четыре лодки, четыре старые спортивные яхты, битком набитые вооруженными полицейскими.

Сзади, со стороны города, двигались еще с десяток подобных судов.

— Держись, Ник! — прокричал отец Donovan. — Проскочим!

Мотор взревел, нос развернулся вперед, и мощным толчком спину Николая приклеило к спинке сиденья. Яхты приближались с головокружительной скоростью. Дула автоматов были нацелены прямо на них. «Не проскочим», — подумал молодой человек. Вереница мелких фонтанчиков пробежала по воде в нескольких метрах от носа моторной лодки. Конец, конец! Следующие выстрелы будут точными, в упор. Но выстрелов не было, и дрожащий от ледящего ожидания Николай Бенев присмотрелся к яхтам. Полицейские стояли словно каменные и изумленно смотрели в сторону берега. Он тоже взглянул туда, и хотя знал, что может там увидеть, от потрясающего зрелища у него перехватило дыхание — над замком медленно поднимался огромный белый самолет.

Усилием воли Николай заставил себя смотреть вперед. Яхты были совсем близко. Все полицейские продолжали смотреть вверх... все, кроме одного.

Буше!

На мгновение их взгляды встретились. В глазах полицейского пылала бешеная злоба обманутого хищника. Я проиграл, говорили эти глаза. Потерял все, и кто-то мне за это должен будет заплатить, даже если мне придется погибнуть, я обязан отомстить.

Тросточка в его руке была направлена на беглецов. В реве мотора выстрела не было слышно, но на защитном лобовом стекле, чуть слева от отца Donovan, расцвела белая звездочка. Полный ненависти взгляд Буше скользнул по ним и остался сзади.

Люди на яхтах очнулись. Сквозь рокот двигателя стали слышны приглушенные выстрелы, пули пробивали воду где-то совсем рядом, Николай ощущал всем телом, как они барабанили по корпусу лодки, но с каждым метром росли их шансы на спасение. Лодка летела напрямик на выдающийся в озеро мыс, заросший кустарником. Со всех сторон сыпался град пуль. Дно пронзительно проскрипело по песчаной мели, лодка подпрыгнула в воздухе, плюхнулась в воду по другую сторону мыса среди гейзера брызг и сразу же свернула вправо, под прикрытие густой растительности. «Живы, — торжествующе подумал Николай, пока они неслись с головокружительной скоростью вновь на восток. — Живы! Проскочили, и мсье Луи улетел, и Мишин... Может, и свидимся когда-нибудь».

Он оглянулся назад. Яхт видно не было. Да и смысла в погоне не было никакого, ясно ведь, что дело это безнадежное. Моторная лодка летела параллельно поросшему лесом берегу. Он повернулся влево и только было собрался похлопать отца Донована по плечу, но рука застыла в воздухе. Священник лежал с откинутой назад головой, а на груди у него растекалось кровавое пятно.

Николай лихорадочно схватился обеими руками за воротник старой военной формы и дернул. Пуговицы отлетели. Он разорвал футболку, и в лицо ему плеснула тонкая горячая струйка. Рана от малокалиберной пули выглядела совсем крошечной, но пуля явно задела важную артерию, потому что ярко-красная кровь била порциями. В отчаянии он зажал ранку пальцем, зная, что это бессмысленно, только немедленная операция могла бы дать некоторую надежду. Под рукой его мягко пульсировала утекающая жизнь.

Неожиданно на лицо его упала тень. Чудовищный толчок подкинул лодку, словно игрушку, небо и озеро закружились в бешеной карусели, среди грохота и треска Николай отлетел вперед, и на тело его со всех сторон посыпались жестокие удары. Что-то с убийственной силой рухнуло на ребра. Обжигающая боль на мгновение перекрыла дыхание. В глазах почернело, но, похоже, сознания он не потерял, потому что постепенно осознал, что лежит на боку среди поломанных веток какого-то куста. Поблизости, легко покачиваясь, торчал нос моторной лодки.

При каждом вздохе боль в правом боку резала, словно бритва. Наверное, ребро сломано. Преодолевая боль, он поднялся на колени в попытке найти отца Донована. Почти сразу заметил его, лежащего на спине среди кустов. Кусая губы и не переставая тихонько стонать, Николай доковылял до него. Распахнул одежду. Кровь заливала всю грудь священника, но уже не била фонтаном, а едва струилась из раны. Никакой надежды, словно в тумане, подумал он, глядя с изумлением, как что-то золотое сверкает в липкой алой крови. Внутреннее кровоизлияние... Верная смерть... И крестик, такой же, как у Баски...

Бенев невольно глубоко вздохнул и ахнул — одновременно от удивления и боли в сломанном ребре.

Крестик был не такой!

Этого не может быть, произнес он про себя. Настоящего золота давно нет, лет двадцать уже. Золото не должно блестеть, оно теперь черное и радиоактивное.

Но это горело огнем, как звезда, как восходящее солнце!

Отец Донован открыл глаза. С трудом поднял го-

лову и посмотрел себе на грудь. Улыбнулся, и на губах его выступила кровавая пена.

— До... доказательство, Ник, — прохрипел он. — Доказательство, которое нужно было Бер... Бержерону... Ты поверил... без... доказательств... Возьми его, он твой...

Он хотел сказать еще что-то, но изо рта его вырвалась темная струя крови. Дрожь прошла по всему его телу, и священник неподвижно опустился. Голубые глаза бесстрастно смотрели в ржавое вечернее небо, словно искали там ответа на какой-то вечный вопрос.

Николай долго стоял на коленях возле мертвеца. Наконец, собравшись с силами, протянул руку, чтобы закрыть ему глаза. Он был сам не свой — не мог ни думать, ни чувствовать, не мог даже оплакать человека, которого, он понял это только теперь, так любил.

Крестик... Блестящий крестик из чистого золота, сохранившийся благодаря доброте священника... Только это и осталось. Николай потянулся, чтобы взять его, почувствовал пальцами металл, еще теплый и липкий от крови убитого...

И золото почернело.

Свирепая безнадежность прорвалась глухим животным полустоном, полуревом. Он вскочил на ноги и, покачиваясь, пошел сквозь кусты, не разбирая дороги, наобум, только бы подальше от черного металла, который навсегда отлучал его от отца Донована. В голове у него пульсировали бессвязные мысли. Зло и добро... вера... Коллапс... если найдется хотя бы десять праведников в Содоме...

Сколько осталось праведников без Донована?

Очнулся он, сидя на берегу. Некоторое время смотрел со странным чувством вины на какое-то

темное пятно на противоположном берегу залива. Попытался сфокусировать взгляд, но мешали слезы. Он вытер их рукой, повнимательней присмотрелся к громадной бесформенной тряпке, повисшей на ветвях деревьев, и наконец узнал. Дирижабль. По иронии судьбы, он опять попал туда, где совсем недавно завершился их опасный полет с Буше... проклятый полет, из-за которого он не смог прикончить полицейского, — и теперь вина в гибели отца Донована лежала на нем, только на нем одном.

Боль в сломанном ребре давала о себе знать, но когда он пошел вдоль залива, шаги его были тверды и уверенны.

Он знал наверняка, что ему теперь делать.

10

Николай Бенев лежал на холодном каменном полу и наблюдал за улицей через давно разбитую витрину. Его лихорадило. Он провел почти всю ночь в лесу до того, как на рассвете пробрался сюда и весь день прятался в заброшенном здании банка. Ну, ждать ему оставалось недолго. Он посмотрел на часы. Без пяти шесть. Каждую пятницу ровно в шесть вечера, как говорила Арлет. Сегодня была пятница...

Осторожно, чтобы не разбудить боль, он повернулся на бок и вновь проверил пулемет. Все в порядке. Со стороны витрины заведение мадам Хильды было видно как на ладони. Удобная позиция. Отсюда с легкостью можно подстрелить Буше точно перед входом, но он знал, что не станет этого делать. Все произойдет совсем иначе. Надо, чтобы полицейский его видел, понял, что происходит, — и только потом умер.

А дальше?

Он не думал о том, что будет дальше. Лихорадка путала его мысли, то возвращая к мертвым глазам Донована, то бросая вперед, к какому-то неопределенному будущему, в котором он непременно доберется до Сицилии, до Мишина. И до Бержерона, естественно... Наивный физик Бержерон, который двадцать лет назад разгадал Коллапс, а теперь никак не может понять простой истины, что только Добро удерживает мир на грани пропасти... Нет, Бержерон не виноват... Немногие поверили бы без доказательств... да и с доказательствами... Сколько праведников осталось в Содоме?

Они должны быть, сказал он себе. Где-то непременно должны быть, если эта планета еще не полетела ко всем чертям. Они, возможно, даже не знают, что именно на них и держится Вселенная, в то время как остальные из всех сил жмут на красную кнопку. Как построить новый мир из такого прогнившего материала, Бержерон? Чем поможем тебе мы — контрабандисты, воры, грешники, убийцы? Под нашими пальцами чернеет золото, человеке, от нашего дыхания синеет медь и наши шаги разрушают Вселенную. Есть ли сила, способная нас изменить, сделать такими, как отец Донован?

Шаги.

Он не стал выглядывать. Просто бросился через разбитую витрину, потому что узнал идущего. Боль снова дала о себе знать, но он подавил ее усилием воли. На боль нет времени. Сейчас было важно лишь одно, лишь одно, лишь одно...

Расставив ноги, запыхавшийся и мокрый от пота, Николай стоял на тротуаре с пулеметом в руках. Впереди, метрах в десяти, не больше, замер Буше.

«Секунду, — подумал Николай Бенев в ленивом,

густом, как сироп, времени. — Даю ему секунду, чтобы он осознал. Потом стреляю».

В серых глазах полицейского мелькнула искра понимания.

Сейчас!

Пулемет молчал.

Молодой человек отвел глаза. Все в порядке, должно быть в порядке после столь тщательной проверки. Почему же он не стреляет? Почему палец не может шевельнуться?

Тросточка в руке Буше начала подниматься.

Стреляй, черт возьми, стреляй, мысленно приказывал себе Николай Бенев, словно мертвое железо могло подчиниться его воле. Почему нет сил сделать такой простой жест? Просто согнуть указательный палец...

Тросточка прошла половину пути.

«Дурак, — обругал себя Николай, — что ты делаешь? Да ведь он грохнет тебя, как загнанную курицу! Уж не считаешь ли ты себя одним из праведников в Содоме? Нет, ты не праведник! Нет, и никогда им не станешь! Слышишь, никогда не станешь, хоть тресни! Стреляй!»

Тросточка целилась прямо в него.

Инстинкт толкнул его внутрь, в спасительный полумрак банка. В полете он почувствовал, как что-то обожгло ему бедро, и только после этого послышался сухой щелчок выстрела. Подкованные ботинки загрохотали по грязному каменному полу. Правая нога подвернулась, он упал на колени, но тут же вскочил и захромал дальше. Сгнившие деревянные ниши... тенистый коридор... ступени вниз...

За спиной раздавались мерные шаги Буше.

Западня, подумал Николай, спускаясь по лест-

нице и опираясь на пулемет. Нет выхода. Внизу лишь радиоактивный мрак и ничего другого.

Мрак уже окружал его со всех сторон. Впереди едва виднелась зияющая пасть огромной металлической двери. Он через силу переступил высокий порог, остановился и огляделся. В мутных лучах, проникающих со стороны лестницы, он увидел кучи золотых слитков, черных как сажа, как ночь, как смерть.

Шаги Алена Буше приближались.

Пулемет был единственным спасением, но сейчас он ему не поможет. Что тогда? Забросать полиция камнями? К черту, здесь и камней-то нет! Только куски проклятого радиоактивного металла.

Он потянулся рукой вбок, нащупал ладонью холодную тяжесть золота. Последняя надежда... Жалкая надежда жалкого неудачника, который должен погибнуть здесь, как предсказал некогда Баска...

Свет со стороны лестницы стал как будто ярче. По слиткам пробежал отблеск, настоящий блеск золота — как огонь, как звезда, как восходящее солнце.

Как крестик отца Донована.

«Господи, — взмолился он, — услышь меня! Не знаю, бог ты, или Добро, или Красная кнопка Вселенной. Кем бы ты ни был, чем бы ни был, услышь меня и ответь! Неужели именно мне отведена роль праведника в Содоме? Неужели я смогу, выйдя отсюда, как отец Донован, распространять простую истину, что без Добра все наши усилия обречены?»

Нет ответа. Только шаги спускающегося по лестнице Буше.

Николай выронил слиток. Поднял пулемет и направил дулом на лестницу.

«Ответь мне, Господи!»

И пока мысленно формировался этот крик, он

понял, что даже если существует бог, или Добро, или Красная кнопка Вселенной, ответа не будет, не будет потому же, почему отец Донован отказался доказывать что-то Бержерону.

Он должен ответить сам. Путем страшного выбора.

Стрелять, чтобы спастись, — и навсегда потерять то, что только что приобрел.

Или не стрелять.

Ждать.

И надеяться на чудо, случайность, спасение.

По его обкусанным губам текла кровь. Пулемет в руках, казалось, собрал всю тяжесть Зла Вселенной.

— Может быть, — прошептал он и повторял, повторял, словно магическое заклинание, которое непременно должно ему помочь сделать правильный выбор: — Может быть, может быть, может быть, может быть...

Может быть...

ЧЕРВЬ НА ОСЕННЕМ ВЕТРУ

ПОВЕСТЬ

Бабочкой ему уже
Никогда не стать. Дрожит напрасно
Червь на осеннем ветру.

Старинное японское хокку

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХОД ПЕШКОЙ

1

...и одиночество.

 старом доме было тепло и по-особенному уютно, как бывает только в деревянных домах в плохие промозглые дни. В воздухе висел едва уловимый запах пыли, пробуждавший воспоминания о давно прошедших мгновениях покоя и умиротворения. По зачерненным ночью стеклам окон бесшумно струилась серебристая влага. Зато в крышу дождь лупил вовсю, будто задавая ритм ветру, с истошным воем метавшемуся меж редкими деревьями. Горизонт время от времени расцвечивали молнии.

Но и молнии, и сам горизонт были так недосыгаемо далеки, что раскаты грома умирали где-то на полпути к дому.

Монотонная дробь дождевых капель почти заглушала тихое потрескивание догорающих в камине дров. Время от времени рдеющие головешки вдруг выбрасывали голубоватые язычки пламени, рождая на бревенчатых стенах тревожные тени.

В такие вечера одиночество ощущалось особенно остро. Оно угадывалось в сумерках, лениво колыхаясь, словно старое вино в бокале темного стекла, слегка приоткрой губы — и оно вольется в тебя.

Никто не постучится в двери, не прильнет лицом к окну, никто не нарушит тишины. Потому что единственный человек этого мира был здесь, в этой комнате. Смакуя свое одиночество, наслаждается мгновениями, у которых нет ни конца, ни начала. Блаженное вневременье!

Из кухни доносились пряные ароматы трав. Что за удовольствие расслабиться в кресле в предвкушении чашки чаю! И уже чувствуешь, как губы коснутся фарфора, как побежит огненный ручеек любимого напитка, заполняя глубины твоего существа... Дверь распахнулась, и терпкое благоухание заполнило комнату, дотянувшись до самых дальних ее уголков, обволокло кресло и сидящего в нем человека.

— Дебора, — с нежностью прошептал он, не открывая глаз. Аромат кружил голову, становясь все более густым и влажным. Скрипнула половица. Хотя нет, это не Дебора. Ее движения всегда бесшумны.

Гибкое мускулистое тело скользнуло к нему на колени. Шершавые подушечки лап коснулись руки, лишь на миг обнажив острые когти.

Грэм Троол разлепил веки и глянул вниз. Пантера, расположившаяся на его коленях, казалась в полумраке смутной черной тенью, и только пара зеленых глаз — чистой воды изумруды! — фосфоресцировали, отражая язычки каминного пламени.

К креслу подкатился маленький кухонный робот, держа в манипуляторах поднос. Ага, вот, значит, кто скрипел половицами.

Чтобы дотянуться до чашки, Грэму пришлось слегка сдвинуть Дебору в сторону (ух, тяжелая, однако!). Какое-то мгновение он наслаждался, держа чашку перед лицом и втягивая носом душистый пар. И только после этого сделал первый глоток. Пантера внимательно следила за его движениями,

громко урча. А это означало, что Дебора бесконечно счастлива, ведь ей удалось подарить, хоть и при помощи робота, приятные минуты единственному другу. Свернувшись клубком на коленях человека, она осторожно, сдерживая природную силу, выпускала и снова втягивала стальные когти. Если счастье и в самом деле существует, то смело можно утверждать: Грэм и Дебора были абсолютно счастливы в этот вечер. Больше всего на свете Грэм ценил уединенность и покой. Быть может, потому, что нечасто удавалось насладиться ими. И он старался впитать каждую минуту тишины, оказываясь здесь, вдалеке-далёке от людей, от изнурительных миссий...

Миссии... Слово, родившись в мозгу, сработало как пароль, пробудив память. Грэм Троол — командир и единственный участник Исследовательской группы № 7. Единственный, ведь Дебора не являлась штатным членом команды. Мысли текли, перебирая четки воспоминаний... Одиннадцать миссий на планеты Дальнего Космоса... Новые цивилизации, и не всегда гуманоидные... Смертельная опасность... и безумное напряжение...

Дебора мягко прыгнула с коленей и улеглась у камина, положив голову на лапы. Замерев, она всматривалась в мерцающие угли под тонким покровом пепла. Грэм сделал еще глоток, но прежнего удовольствия не получил. Робот, забрав чашку, неспешно покотил к выходу. Мягко и ритмично хлестала по полу хвостом Дебора, а Грэм, всматриваясь в отсветы огня, пляшущие на гладкой, блестящей шерсти пантеры, безуспешно пытался обрести вдруг исчезнувшее чувство безмятежности. Непонятная тревога овладела его существом, не давая расслабиться. Но только что это? В чем источник внезапной тревоги?

Ах да! Воспоминания!

Странно, человек тащит за собой груз своего прошлого, даже не ощущая тяжести. Даже пытаюсь что-то вспомнить, он, чаще всего, просто перебирает заметки, за которыми скрываются собственно воспоминания — яркие и выцветшие, а то и вовсе стершиеся, от которых лишь и осталось ни о чем не говорящее название. Следом за самым первым школьным днем ведь был и второй, но в памяти почему-то отпечатывается именно тот, первый, — с улыбающимися учителями, букетами цветов и традиционным медным колокольчиком. А кто-нибудь сможет вспомнить в деталях следующий день, уже будничный? Вместо воспоминаний сохранился лишь потертый ярлычок с сухой надписью: «Мой второй учебный день». Да разве ж дело только в школе?.. В конечном итоге, человеческий мозг — не бездонный колодец, а способность забывать — скорее счастье, чем беда.

Грэм поднялся и в сладостной истоме потянулся — так, что даже затрещали мышцы его двухметрового тела. Надо бы освежиться — расслабленное состояние дурно влияет на его память. Грэм испытывал странное чувство, будто реальна только эта комната, а сонм воспоминаний, теснящихся в голове, — всего лишь иллюзорные ярлычки, за которыми нет содержания. Такая вот иллюзия... и, вероятнее всего, совершенно безвредная. Порожденная одиночеством и полумраком. Зато чувство раздраженности было более чем реальным. Отдых перестал приносить ему удовлетворение.

Приблизившись к окну, он широко распахнул створки. В комнату проникла освежающая влага, а следом — удивительные запахи мокрой земли и листьев.

Ледяные капли дождя обожгли разгоряченное лицо. Вот она — зримая и осязаемая реальность окружающего мира, где ночь стремится, но не в силах до конца растворить в себе силуэты могучих деревьев, где небо обрушивается на землю водой, превращая почву в хлюпающее, чавкающее месиво, где новорожденные потоки, бурля и пенясь, устремляются вниз по склонам.

Прохлада, словно ножом, срезала пелену наваждения.

— Холодно, Грэм, — с ленивым кокетством промурлыкала за спиной Дебора.

Не оборачиваясь, он улыбнулся. Столь внезапно пробудившаяся память, словно вымаливая прощения, напомнила ему забавный эпизод. Дебора, тогда еще совсем юный чертенок с крохотным хвостиком и приплюснутой мордочкой, ерзает у него на руках, пытаясь покрепче ухватить пока еще неловкими передними лапами бутылочку с соской. А по каюте расплываются белые молочные пузыри. Лицо и руки Рэма в молоке, ему так хочется помочь этому славному черному котенку, но чем больше он старается, тем почему-то больше новых молочных шариков разлетается по отсеку. Молоко никак не желает перетекать из бутылочки в пасть. Зажмурившись, зверушка морщится и недовольно ворчит: «Мааа...бббб...ггггг...»

— Вот дьявол! — не выдержала пантера. — Ты решил меня заморозить? Я же простужусь!

Грэм промолчал. Тогда она грациозной поступью хищника приблизилась к окну, встала на задние лапы и прикрыла створки. Но защелку повернуть не смогла. Пришлось это сделать Грэму. Он прислонился спиной к стене, с удовольствием наблюдая, как прошествовала Дебора на свое место у

★ камина. Да, это изящное существо совсем не похоже на того неуклюжего и очень несчастного малыша, которого когда-то Грэм забрал из Института сапиенсологии. Дочь Великого Трефа, одного из первых наделенных разумом леопардов, и обыкновенной черной пантеры. От отца она унаследовала разум, а от матери — умопомрачительное антрацитно-черное тело.

Чутье подсказывало самке, что за обычной внешностью ее первенца кроется нечто странное, пугающее. Целую неделю она отказывалась кормить своего детеныша. Именно тогда и увидел ее Грэм.

Очень скоро ажиотаж вокруг потомков разумных леопардов пошел на убыль, поэтому сотрудники института даже обрадовались, когда появилась возможность переложить бремя забот о беспомощном звереныше на кого-то другого. Так маленькая Дебора оказалась в космосе. Она быстро привыкла к невесомости и перегрузкам и даже научилась самостоятельно влезать в специально для нее сконструированный скафандр. В глубине души она верила, что Грэм ее отец, а может, даже и брат (эти люди на многое способны!).

Грэм вышел из комнаты, оставив пантеру у тлеющего камина. Он не стал зажигать свет в коридоре — темнота ему не помеха в знакомом с младых лет старом доме, построенном еще отцом. Он мог бы обойти все коридоры и комнаты дома с закрытыми глазами, ни разу не ударившись об углы.

Пол под ногами нещадно скрипел, но каждая доска его обладала своим голосом и выводила собственную грустную мелодию. В солнечные деньки половицы скрипели, пожалуй, немного веселее. Но едва небо затягивали тучи, звук менялся, становил-

ся протяжнее и глуше, будто коридор по-стариковски жаловался на мерзкую погоду...

Дверь тоже отворилась со старческим скрипом. Но мелодия ржавых петель нравилась Грэму, поэтому он их никогда не смазывал. Они первыми приветствовали его по возвращении из миссий, они же провожали в дальний путь, когда предстояла долгая разлука с любимым домом. Грэм улыбнулся, ласково провел ладонью по грубому дереву и уселся на приступок.

«Древнее родовое гнездо, — с иронией подумал он. — Целая планета, отданная во владение последнему из рода Троолов. Хм, прямо-таки аристократическая история!»

Конечно же, аристократизм тут ни при чем. Просто планета находилась в стороне от основных космических трасс и вдобавок была напрочь лишена каких-либо полезных ископаемых. Так что для колонизации она ровным счетом не представляла никакого интереса. Она удивительно напоминала Землю той эпохи, когда человечество только выбралось из колыбели. Да и только. Подобных планет в Галактике тысячи. Так что единственное богатство этого мира — его уединенность, а ценителей одиночества во Вселенной вряд ли много сыщется...

Старый, тихий, хорошо знакомый мир... Всю планету не обойдешь, и все-таки Грэм постарался узнать о ней как можно больше. До чего же приятно вот так сидеть на крыльце в дождливую ночь и перелистывать в памяти те давние путешествия по планете — сначала в одиночку, потом вместе с Деборой... Тело вдруг вновь ощутило ту ломящую усталость, которую он когда-то испытывал после долгих переходов, а перед глазами зримо проявились залитые солнцем девственные поляны.

«Странный сегодня вечер», — подумал Грэм.

И в самом деле, странный. Калейдоскоп воспоминаний закружил в голове, кадры полузабытого прошлого становились все отчетливее и ярче... Гигантский горный водопад, ревущий далеко на западе отсюда. Вода с грохотом и шипением рушится с высоты, а между скалами зависло сверкающее на солнце облако водяной пыли. И трава вокруг такая мокрая, словно после дождя, а Грэм стоит под вечной радугой и, задрав голову, втягивает в легкие насыщенный влагой воздух... За плечами тяжелый ранец, внизу, в ущелье, клоочет, пенится река. Зато чуть дальше, среди скал, царит в мире густой тени и ковров шикарного зеленого мха, где краски теряют свою яркость, а оттенки наполняются таинственностью.

Водопад остался за спиной, перед Грэмом было единственное здесь яркое пятно — мелкие красные ягоды, облепившие узловатые ветви приземистого корявого дерева... И вот — без всякого перехода — Грэм уже на одном из многих своих привалов. Поляна в вековом лесу, кроны деревьев тронуты первыми утренними лучами, кофейник дымится на костре, который он разложил в кругу вчерашнего пепла...

Это было похоже на опьянение. Он вновь переживал почти забытые мгновения, и это было так явно, так зримо! Из одной сцены прошлого он переносился в другую за долю секунды. Лето на берегу полноводной реки. Почерневший от загара Грэм нагишом блаженно растянулся на раскаленном песке. Перед лицом торчит одинокая травинка, по которой сползает какое-то рыжее насекомое. Внезапно по разгоряченной спине полоснуло холодным, и Грэм, будто распрямившаяся пружина,

вскакивает на ноги. Дебора — совсем еще котенок — ужасно довольна, она жмурится на солнце и смеется, выставляя на обозрение острые зубы и розовое, все в бороздках, небо. Бросив взгляд на ее мокрый хвост, Грэму становится все ясно, и он со смехом бросается на юную пантеру, тащит ее к реке, а та отчаянно колотит его в грудь мягкими лапами, делая над собой усилие, чтобы не выпустить когти, но вырваться ей все равно не удастся... Бескрайние степи. Вдвоем они продираются сквозь заросли высоченной травы. У Деборы на спине тоже ранец. Если равенство — так уж во всем, пусть даже пантера еще совсем ребенок и ей не по душе обязанности. Солнце катится к зеленому горизонту. Легкая синева окрашивает траву, скоро можно будет устроить привал и поужинать... Возвращение домой, лучи заходящего солнца бьют в глаза, и ступени веранды приходится нащупывать, темнота же в коридоре поначалу просто непроницаема, но это их дом, где все знакомо до последнего закоулка, он пахнет деревом и пылью. И вот они уже внутри, Дебора программирует кухонного робота на приготовление большущего омлета, а Грэм складывает ранцы и снаряжение в кладовку, в которой царит тот особый бардак, в котором можно сразу же отыскать все необходимое; после обеда Дебора спит, но не по-кошачьи, а на спине — лапами кверху. И вот — следующий год. Дебора тогда сломала переднюю лапу. Грэм бережно несет пантеру на руках, чтобы наложить шину, а Дебора, забыв от боли человеческую речь, упирается ему лапами в грудь и жалобно скулит; но все это уже в прошлом, лапа зажила, а они прогуливаются теплым осенним вечером вокруг дома, под ногами шуршит разноцветная

листва, и первые бледные звезды медленно проявляются на все еще светлом небе...

Такое было с ним впервые, когда воспоминания ворвались в него стремительным, сокрушающим все на своем пути потоком. Но это не вызвало каких-то неприятных ощущений. Напротив, в суматошной цепочке видений он обнаружил некое очарование, ему хотелось вспоминать еще и еще. Вытянув ноги, он так и сидел на пороге веранды, пока воспо...

2

...проснулся. Мягкое и теплое тело Деборы прижималось к его спине. Но вставать он не спешил, хотя солнце было уже высоко и его лучи, просачиваясь сквозь пыльные стекла, ложились на пол светлыми прямоугольниками. «Надо будет помыть окна», — лениво подумал Грэм. Мысли о какой-нибудь работе очень способствуют получению особого удовольствия от ничегонеделания. Нет ничего приятнее на свете, чем знать, что у тебя есть масса дел, но спешить некуда — еще успеется. Наступит день, и, когда зуд хозяйственности вконец достанет тебя, ты в считанные часы переделаешь все, что так долго откладывал, вылижешь весь дом — от чердака до прихожей, а потом растянешься на диване, наслаждаясь истомой в натруженных мышцах.

Он бесшумно соскользнул с кровати и накрыл Дебору одеялом. Пантера даже не проснулась, лишь что-то промурлыкала сквозь сон. Двигаясь сквозь танцующие в потоке солнечных лучей пылинки, он старался не наступать на скрипучие доски. Он вошел в гостиную. Из погасшего камина доносился запах холодных углей. Матово светился в углу эк-

ран галактической связи. В полумраке прятались любительские картины, написанные Грэмом. Может, они и не являлись шедеврами изобразительного искусства, но ему все равно нравились, тем более что других зрителей здесь все равно не было. Кроме Деборы, но ее пониманию недоступен даже сам факт существования такого искусства, как живопись.

Равноправие во всем... Этот девиз родился у них как-то сам по себе. И оба следовали ему неукоснительно. Грэм вошел в кухню. Так, вчера вечером Дебора угадала его гастрономические желания, и теперь его очередь. Впрочем, не так уж трудно угадать, чего хотелось бы получить на завтрак пантере. Он склонился над плоской спиной робота. Когда-то Грэм специально заказал робота с достаточно крупными и удобными кнопками на панели управления — чтобы и пантера могла управлять им. Он набрал на панели заказ: большой сочный бифштекс для Деборы, а себе — кофе и пончики с кремом. Робот ожил, деловито загудел, а Грэм отправился в душевую.

До завтрака он как раз успеет принять душ и побриться. Автоматически вспыхнул молочный шар светильника. Грэм извлек из небольшой ниши депилятор и несколькими ловкими движениями провел им по щекам. Из зеркала на него смотрел тридцатилетний атлетически сложенный русоволосый мужчина. Он улыбнулся своему отражению. Порой Грэму казалось, что зеркала как-то неуловимо меняют его физиономию. Красавцем он себя не считал, хотя кто-то мог бы с этим и поспорить. Скульптурно правильная форма головы, высокий гладкий лоб, подвижные брови, голубые глаза, крепкая, почти квадратная челюсть с волевым подбородком... Пожалуй, шея несколько мощнее, чем следовало

бы, но этот недостаток вполне компенсировали широченные плечи.

Побрившись, он бросил в зеркало последний взгляд и отвернулся, испытывая смешанное чувство удовольствия и досады. В самом деле, что он тут устроил самолюбование!..

Сбросив пижаму, он шагнул в душевую кабину. Холодные колючие струи обожгли тело, прогоняя последние остатки сна. Грэм запрокинул лицо, подставляя его крепкой струе.

Несколькими минутами позже, закутанный в толстый махровый халат, он вышел из ванной комнаты и заглянул в гардероб. Его любимые, хотя и изрядно вылинявшие, синие штаны и бесформенный свитер автоматы за ночь тщательно вычистили. Быстро облачившись, он заглянул на кухню. Завтрак был на столе, робот деликатно отъехал в угол. Грэм составил блюда на большой поднос — в такое утро есть в помещении не хотелось.

Ловко балансируя подносом, он вышел на веранду и зажмурился от солнечного света. Поставив поднос на маленький деревянный столик, он огляделся. От веранды убегала по пологому травянистому склону едва заметная тропинка. Слева совсем близко подступал лес, после ночного дождя благоухающий свежей зеленью. Склон плавно переходил в бескрайнюю степь, залитую солнечным золотом. Безупречная синева неба сгущалась к горизонту, Грэм знал, что это всего лишь тени далеких гор.

Всего минуту-другую он с гордостью любовался на принадлежащий ему мир, а затем, обернувшись, он резким движением распахнул створки окна. Свежий утренний воздух влился в полумрак спальни, и Дебора сонно заворочалась под одеялом.

— Просыпайтесь, леди! — громко провозгласил Грэм. — Завтрак подан!

Глаза пантера открыла мгновенно — зеленые, внимательные, будто и не спала она вовсе, а только притворялась. Дебора грациозно спрыгнула с кровати и исполнила обязательный утренний ритуал: в струнку вытянув тело, припала грудью к полу, изящно приподняв заднюю часть. В сладком зевке раскрылась розовая пасть. Мгновение — и пантера бесшумно прыгнула в раскрытое окно, приземлившись у центрального столба, подпиравшего навес веранды. Дебора принялась сладострастно точить когти о дерево. Столб был испещрен глубокими бороздами, а посередине даже изрядно истончился, и Грэм все чаще подумывал о том, что пора бы сменить опору, а то — не ровен час — в один прекрасный день крыша веранды просто рухнет им на головы.

Покончив с гимнастикой, Дебора приблизилась к сервированному столику и, вытянув шею, втянула в себя аппетитный аромат жаркого. Розовый язык выскользнул из пасти и облизал морду.

— Мр-р, бифштекс просто восхитителен, — сладко промурлыкала пантера. — Грэм, ты настоящее сокровище!

Грэм пододвинул к столу кресло-качалку и удобнее устроился в нем. Дебора уже придавила лапой кусок мяса и, боком повернув мордочку, с громким урчанием приступила к трапезе.

Пончики были великолепны. Как и кофе. Хотя чревоугодником Грэм не был, но погурманствовать иной раз очень даже любил. А этим утром он к тому же испытывал просто-таки зверский аппетит, что неудивительно, поскольку накануне вечером не ужинал. «М-да, странный выдался прошлый вече-

рок», — подумал он, отхлебывая горячий душистый кофе.

На какой-то миг нахлынуло неясное чувство тревоги. Вспомнилось, как он вышел на темную веранду... а что было дальше — он напрочь не помнит, будто воспоминания канули в бездонную пропасть. Но ощущение неожиданной амнезии длилось лишь секунду. А потом — щелчок! — и все сразу вспомнилось: как вернулся в гостиную, где давно уже погас камин, как потрепал по холке Дебору и, охваченный навалившейся вдруг сонливостью, отправился спать. Все в порядке... Всего лишь временное «помутнение» памяти. Наверное, из-за вчерашнего «калейдоскопа» случился сбой. Да, память — не игрушка.

Доев последний пончик, он блаженно откинулся на спинку кресла. Неспешно, лениво подошла Дебора, явно намереваясь вспрыгнуть ему на колени.

— Пожалуйста, я попросил бы уважительнее относиться к моему пищеварению, — сказал Грэм.

Презрительно фыркнув, пантера растянулась на краю деревянной веранды. Воцарилась ленивая тишина. Солнце поднималось все выше, на человека и животное медленно наползала тень.

— Одного не понимаю, — нарушила молчание пантера. — Почему это до сих пор никто не позвонил и не нарушил наше сладостное безделье. Не к добру это...

Грэм пожал плечами.

— Ну, может, у них просто нет для нас поручений.

— Иди ты! Сам-то веришь в это?

И в самом деле, верится с трудом. В жизни Грэма была некая закономерность, которую он не мог понять: срочные спецзадания имели обыкновение сваливаться на него в самые неподходящие моменты. Обычно это случалось именно тогда, когда он

только-только входил во вкус заслуженного отдыха. В доме внезапно раздавалась мелодичная трель галактической гиперсвязи, а на экране проявлялось вечно уставшее лицо легендарного Хуана Ивановича Смита. Как всегда, он сначала извинялся за прерванный отдых, а затем, без всякого перехода, излагал неожиданно возникшую очередную ужасную ситуацию, разрешить которую без помощи агента Троола ну никак не представлялось возможным, но, конечно, если он занят и не может, то... Грэм, естественно, мог и покорно принимался за дело, хотя про себя матерился самым отборным матом. Так всегда начинались их миссии.

Неужто о нем забыли? Хм, это даже смешно... С ощущением, что совершает нечто нелепое, Грэм нехотя поднялся с качалки и направился в дом. Экран по-прежнему мутно поблескивал в полумраке гостиной. Достаточно одного прикосновения к клавише — и гиперсигнал пронзит космическую бездну, в мгновение достигнув Центра.

Он прикоснулся к клавиатуре. Но ничего не произошло. Экран даже не загорелся. Несколько секунд Грэм смотрел на пустой монитор, ожидая, что вот сейчас появится картинка и связь установится. В глубине души он еще надеялся, что все дело в какой-нибудь пустяшной помехе.

— Я же тебе говорила, — донесся из-за спины вкрадчивый голос Деборы, — что-то здесь не то.

Все-таки Грэм предпринял еще несколько попыток подключиться к галактической связи. Впустую. Он уже и сам понимал, что космические помехи тут ни при чем. Махнув рукой, Грэм плюхнулся в кресло, не в силах представить, что могло оборвать невидимый луч гиперсвязи. Передатчик исправен — вся эта аппаратура в принципе вечная, никакое

вмешательство извне, никакие «вирусы» не выведут ее из строя.

— Ну, хорошо, — наконец вымолвил он. — Раз уж ты накаркала на наши головы неприятности, нам не остается ничего другого, кроме как отправляться им навстречу. Все, вылетаем в Центр!

— Как скажешь... босс, — съязвила Дебора, явно недовольная решением напарника, и вышла из гостиной.

Тяжело вздохнув, Грэм отправился следом. Обогнав дом, они оказались на просторной площадке, приспособленной под небольшой космодром. Еще старик Балт Троол замостил ее обкатанными речными голышами. В бороздки между ними ветер нанес земли и семян, и теперь вся плоскость стартовой площадки заросла травой и полевыми цветами. Кажется, Природа посчитала вопросом чести доказать свою жизнестойкость в самом непригодном для этого месте. Даже толстые телескопические опоры приземлившегося здесь всего десять дней назад корабля уже обвивали вьюны.

Звездолет был невелик — чуть выше дома. Он имел форму необычного металлического гриба со сферической шляпкой, взгромоздившегося на три членистые лапки-опоры. К цилиндрической основе прилепилась лифтовая шахта, обрывающаяся под внешним люком у основания шаровидной кабины. Сверкающий металлом звездолет на фоне пасторального пейзажа выглядел чем-то чужеродным, но на Грэма его присутствие действовало успокаивающе, рядом с ним он ощущал свою защищенность. Он остановился у лифтовой кабины, запрокинул голову и долго любовался красавцем-кораблем.

И тут он заметил огоньки, похожие на пушистые семена земного чертополоха.

Они сверкали ослепительной зеркальной белизной, и во все стороны от них тянулись тонкие светящиеся нити. Центральное ядро каждого огонька было не больше ореха, но длинные сверкающие колючки занимали пространство размером с футбольный мяч.

Сотни таких светляков плавали в воздухе вокруг корабля. Казалось, прохладный ветерок крутит их в загадочном танце.

— Ох, не нравится мне все это, — в который уже раз произнесла Дебора. — Надо убираться отсюда, пока не поздно.

— Уберемся, — коротко отозвался Грэм. — Только на корабле.

Грэм шагнул вперед. Он успел сделать всего несколько шагов, как огоньки метнулись ему навстречу. Касаясь друг друга кончиками лучей, они образовали плотную преграду. Грэм в замешательстве остановился: не благоразумнее ли отступить? Все это слишком смахивает на осознанное противодействие. В то же время он понимал, что отступление ничего не изменит, интуиция подсказывала: огоньки не уберутся восвояси. В конце концов, у него не было ни малейшего желания ждать сложа руки, пока эти чертовы светляки позволят войти в его собственный корабль.

До лифтового столба было всего несколько метров, и Грэм решительно двинулся вперед, размахивая руками, словно отгоняя настырных комаров. Пальцы рук задели одного из светляков. Пронзительная боль мгновенно расплзлась по нервам до самого плеча, и парализованная рука безжизненной плетью повисла вдоль тела. Он хрипло вскрикнул и отскочил назад. Что-то надо было делать, но в голове царил гулкая пустота, и он машинально

★ продолжал пятиться назад. Краем глаза он заметил Дебору, которая, прижимаясь к земле, тоже отступала от звездолета. Она устрашающе скалилась и яростно рычала. Потом пантера резко развернулась и, трусливо поджав хвост, метнулась за дом.

Сверкающие блески продолжали парить в воздухе, окружив звездолет плотным кольцом. Прислонившись к стене дома, Грэм массировал беспомощную руку. Он чувствовал, что начинает паниковать — что-то тут не так. И дело не в появлении этих странных огоньков. Точнее, не только в них. Что-то другое беспокоило его гораздо сильнее. Смутная тревога. Необъяснимая. Мысли путались, сплетаясь в тугие узлы, растекались вязкой жижей. Что же его так тревожит? Да, конечно, он напуган непонятным явлением. Так, так, именно это и было странно: он боялся огоньков, но что-то, не зависевшее от его воли, этот страх нагнетало. И пока он мучительно искал причину такого раздвоения, некая чужая воля заставила его наклониться и подобрать облепленный грязью камень размером с апельсин. Выпрямившись, Грэм взглянул на камень в своей ладони и понял, что надо делать. Нелепый, глупейший поступок для опытного космонавта, все его существо противилось, но тело почему-то не повиновалось ему. Неловкий взмах рукой — и булыжник полетел в ближайшего светляка. Сразу несколько его собратьев мгновенно устремились к летящему предмету и, остановив его в воздухе, облепили его. На секунду их свечение стало таким нестерпимым, что Грэму пришлось прикрыть глаза, а когда вновь открыл их, камень исчез.

Из-за угла выскочила Дебора, припадая на левую лапу. Сначала Грэм подумал, что она ранена, но, приглядевшись, успокоился: правой передней

лапсой пантера прижимала к груди какую-то блестящую трубу. Грэм растерянно вглядывался в незнакомый металлический предмет. Никогда не видел ничего подобного. «Нет, видел, — ответил ему кто-то чужой в его мозгу. — Это же атомный карабин!» Да какого черта он ему здесь нужен, где даже хищники не водятся?! Откуда взялась эта штуковина в их доме?! Он мог поклясться, что атомного карабина у него никогда не было, он даже не знал, как эта чудовищная техника работает.

Ответы слегка запаздывали. Вероятно, он сам ответил на свои вопросы, ведь рядом не было никого, кто растолковал бы ему суть происходящего, и все-таки всплывшие в голове мысли-подсказки были явно чужие. Ага, стало быть, атомный карабин. Работает он... Хотя это не имеет значения. В сознании вспыхивали какие-то обрывки воспоминаний, как из прошлой экспедиции он привез карабин и оставил его в темном углу гостиной. А ведь всего минуту назад он готов был поклясться, что в том углу никогда никакого карабина не стояло!

Это сражение с непокорной памятью оказалось столь мучительным, что он напрочь позабыл о Деборе. Спohватившись, он поискал ее глазами. Пантера зря времени не теряла — она уже пристроила карабин на большом валуне у границы стартовой площадки и целилась в безмятежно парящие огоньки. Грэм понимал, что палить по этим светлякам — еще одна глупость и пантеру следовало бы остановить, но вместо этого взмахнул рукой и дико заорал:

— Давай, Дебора! Покажи этим засранцам, чего мы стоим!

Труба выплюнула тонкий, ослепительно белый луч, и светляки бросились врассыпную. Водя лучом, Дебора пыталась сразить хоть одну из сонма мель-

тешащих мишеней. Увлечшись, она не заметила, что светляки сменили тактику: описав высокую дугу, они устремились на пантеру сверху. Невидимая сила отбросила животное назад, а огоньки тут же облепили карабин. Когда они снова взмыли в небо, от оружия не осталось и следа.

Все это время Грэм стоял, машинально продолжая массировать руку, хотя паралич давно уже отпустил. Наконец он словно пришел в себя и приблизился к пантере, которая с трудом, пошатываясь, поднималась на лапы.

Что, черт возьми, что происходит?! Всего за одни сутки так много произошло в его некогда спокойной жизни. Взрыв памяти накануне вечером... Нарушенная связь с Землей... Вторжение светляков... Невесть откуда взявшийся атомный карабин... Чужая воля, контролирующая его мысли и поступки...

Кто вторгся в его жизнь, кто так бесстыдно управляет им? Светляки? Нет, это, пожалуй, слишком просто. Он чувствовал, что тайна скрывается в нем самом. Атомный карабин — всего лишь финальное звено в некой цепи. Атомный карабин... Он напряг память. Значит, где он видел это оружие? Мутным, ускользающим клубком зашевелились в мозгу воспоминания и вдруг прорвались, как гнойный прыщик, понеслись лавиной. Его первая экспедиция... Облаченный в скафандр, он спускается по трапу звездолета. Вокруг колышется прозрачный, зеленоватый туман, в зеленое небо вздымаются высокие острые скалы, изъеденные эрозией. В руках он сжимает атомный карабин. А как он ощущает себя в тяжелом, неповоротливом скафандре? Этот вопрос, обращенный к памяти, он задает молниеносно, поскольку испытывает недоверие к ставшим вдруг послушными воспоминаниям. В скафандре

уютно и тепло. Кислород поступает в шлем с тихим шипением. А что еще? В тумане двигались смутные тени. А еще? Быстро! Как действует атомный карабин? Ядерный заряд... Квантовая фокусировка... Глупости! Что еще за квантовая фокусировка?! Силовое поле... Чушь, чушь, чушь! Источник атомной энергии? Да не может он этого знать! Как не может просто так, НИОТКУДА возникнуть атомный карабин!

Грэм даже не осознавал, отчего вдруг так иступленно выискивает слабые звенья собственной памяти, но продолжал терзать ее, будто допрашивал подследственного, а не самого себя. Но ответов по-прежнему не было, память трепетала под жестким напором, растягиваясь в тонкую, готовую в любой момент лопнуть пленку. Как работает квантовая фокусировка? Какой принцип в ее основе? Квантовая фокусировка работает... работает...

Что за идиотизм?! Какая квантовая фокусировка?! Что еще за атомный карабин?! Такого оружия в природе не существует! Тогда из чего только что отстреливалась Дебора? Да нет, Дебора не стреляла, нет же ничего на камне. Но ведь это огоньки уничтожили карабин... Ничего они не уничтожали, потому что их тоже нет!

Воспоминания стали распадаться. Пытаясь удержать остатки памяти, Грэм подошел к Деборе, чтобы увести ее в до...

3

...лицу текли струйки пота. В спешке он накинул лямки ранца и только теперь почувствовал, как ноют натертые плечи. Не останавливаясь, Грэм подтянул ремни.

Ноги утопали в плотном ковре прошлогодней

листвы. Приходилось ступать с предельной осторожностью, чтобы не поскользнуться на крутом склоне. Они медленно шагали в окружении поросших мхом мощных стволов вековых деревьев. Дебора немного отстала — долгий путь в гору даже пантеру изрядно вымотал, ее черная шерсть лоснилась от пота. Хорошо еще было не так жарко — высокие кроны деревьев отбрасывали прохладную тень. Лучи полуденного солнца не могли пробиться сквозь них, поэтому в лесу царил мягкий зеленоватый сумрак.

Память снова начала давать сбои. Впрочем, это не слишком беспокоило Грэма, он уже знал: как только ему понадобится, она его не подведет. Такое уже было за прошедшие сутки. Стоило ему сосредоточиться на событиях, которые, казалось, бесследно выпали, тут же все прояснялось. Вот они, миленькие, тут, словно никуда и не «убегали». После неудачной попытки обстрелять светляков... Да нет же, никто не стрелял... Впрочем, теперь это уже не имеет значения. Когда Грэм понял, что попасть на свой корабль ему не удастся, он вдруг вспомнил о старом звездолете Балта Троола, брошенном на дальних южных равнинах. Занятно... Но ведь прежде он никогда не слышал об этом звездолете. Хотя, возможно, Грэм просто запомнил. Ну да, так и есть! Отец любил свой звездолет и всю жизнь на нем летал, пока не вышел на покой и не осел на этой планете. С тех пор старый космический корабль ржавеет где-то в степи. Грэм недоверчиво усмехнулся и покачал головой. Разве такое можно вдруг забыть?! Щекочущее чувство неясной тревоги вновь вернулось — он мог поклясться, что раньше ничего не знал о звездолете отца.

Лес поредел, и вскоре человек и пантера вышли на альпийский луг. До перевала оставалось рукой

подать. Взбираясь в гору, Грэм пытался восстановить оборвавшуюся нить воспоминаний. Итак, он решил отправиться к старому звездолету Балта Троола. Огоньки не нападали, пока он собирался, и позволили беспрепятственно покинуть дом. Когда они перевалят через горы, их ждет еще очень долгий путь к звездолету. А пока — еще несколько часов подъема, и они на вершине.

Время старательно отшлифовало белые камни, среди которых почти не росла трава. В лицо хлестал пронизывающий горный ветер. Последние несколько шагов до вершины горы, и Грэм выпрямился в полный рост. Отсюда казалось, что горы разделили мир надвое — от горизонта до горизонта. Далеко слева через хребет лениво переползали тучи, чтобы затем серым водопадом обрушиться вниз. Справа в небо вонзался высокий, увенчанный голубовато-белой шапкой снега пик. Названия у него не было — Грэм не любил давать названия. Имена нужны для общения, но совершенно бесполезны, когда ты единственный хозяин целого мира.

Он еще немного постоял, вдыхая холодный чистый воздух и любуясь крутыми склонами неприступной вершины, а затем перевел взгляд на раскинувшуюся далеко внизу гладкую равнину, так напоминавшую ту, что видна из окна его дома. С одной лишь разницей — эту долину, залитую солнцем, изрезала широкая, полноводная река.

— Идем, Дебора, — сказал Грэм и первым зашагал вниз по склону.

Их снова встретил дремучий лес узловатых, искалеченных зимними бурями деревьев и стариков-великанов в десять обхватов. Ветер улегся, и теперь кругом властвовали тишина и спокойствие, от земли шел запах прелой листвы. Местами подпочвенные воды превратили землю в черную глину. Воды на

этом склоне было в изобилии. Бессчетное число ручейков упрямо стремились вниз, к долине, большинство из них так и уйдут снова в землю, не набрав силы. Но временами им приходилось преодолевать и более серьезные потоки, сумевшие проложить собственное русло, засыпанное обломками сухих ветвей. Дебора с легкостью перепрыгивала препятствия, а вот Грэму пришлось попотеть, пробираясь через сплетения ветвей.

Они уже прошли половину пути, когда решили наконец сделать привал и пообедать на широкой поляне у бурного горного ручья. Дебора самостоятельно извлекла из ранца мясные консервы; подцепив когтем колечко, ловко сорвала крышку и, разлегшись на траве, с блаженным видом принялась трапезничать.

Устроившись на берегу под высоким, похожим на папоротник кустом, Грэм задумчиво смотрел на ручей, теребя в пальцах надкушенную галету. Прозрачные струи весело бились о камни, перепрыгивали их и неслись дальше, тут и там вскипали холодной белой пеной многочисленные миниатюрные водовороты. Над чистым песчаным дном кружили мелкие рыбешки.

Внезапное бегство нарушило привычное течение жизни Грэма. Впервые он отчетливо осознал, что без звездолета и связи подобен жертве кораблекрушения, оказавшейся на необитаемом острове. Десятки световых лет отделяли его от самых близких людей. Спокойная, такая знакомая и понятная планета в одночасье превратилась в ловушку. Одна надежда на отцовский звездолет.

Едва подумав о звездолете, он снова почувствовал прикосновение тревоги: может, память опять ему бесстыже изменяет? И в ту же секунду корабль встал перед его мысленным взором с почти гологра-

фической отчетливостью — таким, каким он запомнил его несколько лет назад. Гигантское архаичное веретено из черного металла, опираясь на массивные стабилизаторы, целилось в голубое небо заостренной верхушкой. Грэм снова ощутил тот трепет, охвативший его тогда, в шахте подъемника. Автоматика за несколько десятилетий пребывания под открытым небом ничуть не испортилась и послушно доставила его к люку. Мрачные коридоры, освещенные лишь тусклыми аварийными лампами, недружелюбно встретили непрошеного гостя в легкомысленных шортах и пестрой майке. Воздух внутри пропитался запахами старого металла и давно бездействующих механизмов. Но звездолет был жив, он лишь дремал и в любой момент был готов подчиниться команде пилота. И тогда он пронзит тонкую пленку атмосферы и вырвется в родную стихию.

«Даже теперь вряд ли что-то изменилось», — подумал Грэм. Однако воспоминания не на шутку его растревожили. Приступов амнезии больше не было, но слишком уж послушно, как по заказу, память воспроизводила нужные кадры. Но больше всего Грэма беспокоило то, что это были не обыкновенные воспоминания. Время словно бы возвращалось вспять, и Грэм заново и слишком отчетливо переживал тот миг, о котором подумалось, — во всех мельчайших подробностях: с ароматами, звуками, зрительными образами и даже тактильными ощущениями... Как много странностей за один день!

Он поморщился, склонил голову и наткнулся взглядом на недоеденную галету. Аппетита не было, поэтому он просто выбросил галетку в ручей, и плывшие по течению рыбешки тут же устремились к еде.

Грэм встал и принялся собирать ранец. Дебора все еще грелась на солнышке. Казалось, она дрем-

лет, но на самом деле ни одно движение друга не ускользало от ее внимания.

— Грэм, ну, может, еще чуток отдохнем? — умоляюще протянула пантера.

— Нет, нам пора, — сказал Грэм, закидывая ранец на спину. — У нас слишком мало времени.

Он боялся признаться даже самому себе, но все не загадочные огоньки внушали ему опасения. Во время выполнения миссий он влипал и не в такие передряги. Возможно, лучшим было остаться дома и подождать, как будут развиваться дальнейшие события. Логика и опыт подсказывали, что именно так он и *должен* был поступить. Настоящий ужас пробуждал в нем тот бардак, воцарившийся в его сознании. Он пытался убедить себя в том, что странные срывы памяти устроили огоньки, но что-то внутри подсказывало: «Все дело в тебе самом, внешние обстоятельства тут ни при чем».

Он где-то читал, что, когда человек сходит с ума, он не отдает себе в этом отчета. «Развинтившееся» сознание объясняет симптомы болезни исключительно внешними обстоятельствами. Конечно, в отличие от сумасшедшего он отдавал себе отчет в том, что с его сознанием что-то происходит, да только что с того?

Склон постепенно становился более пологим. Время от времени в лесу встречались поляны, с которых хорошо просматривалась равнина. Направление Грэм выбрал правильное, так что спускались они как раз к берегу реки. Лес закончился на краю широкой полосы песчаных наносов. Кое-где из песка торчали оголенные весенним половодьем корни деревьев.

Сбросив ношу на песок, Грэм извлек прикрепленный к ранцу миниатюрный виброрезак. Крити-

чески оглядел его — пожалуй, не самое лучшее оружие для валки леса. Ну ничего, на этот случай он припас кое-что другое.

Несколько минут спустя ствол выбранного Грэмом дерева захлестнула тонкая металлическая нить, связанная с вибратором и дополнительной ручкой. Надавив красную кнопку, Грэм почувствовал мелкую, едва уловимую вибрацию зажатого в руке приспособления и медленно потянул на себя нить. Она вошла в ствол как нож в масло и вышла наружу с другой стороны. Дерево осталось на прежнем месте, но, стоило Грэму с Деборой упереться в ствол, крона заволновалась и великан стал медленно крениться.

Вскоре с десятков мощных деревьев уже лежало, подмяв под себя подлесок. Переключив резак в другой режим, Грэм принялся освобождать стволы от веток. Наконец вместе с Деборой они откатали готовые бревна к воде и приступили к сооружению плота. Пантера оказалась незаменимой помощницей: улегшись поперек бревен, она впивалась в них когтями и плотно притягивала друг к другу, пока Грэм обматывал их тонким синтетическим фалом.

К четырем часам плот был готов — шесть метров на четыре, посередине большой шалаш и очаг из обмазанных глиной камней. С большим трудом они столкнули свое творение на воду и прыгнули на влажные, терпко пахнущие смолой бревна. Широко расставив ноги, Грэм уперся длинным шестом в дно и вывел плот на середину реки. Поначалу едва заметно, а затем все быстрее и быстрее течение понесло их самопальный «ковчег» к цели. Отныне руководство дальнейшим путешествием брала на себя река. Грэм положил шест и только теперь обнаружил, что вымок до нитки. Он разделся и распластал одежду на стенках шалаша, после чего с чувством

выполненного долга извлек из ранца складной спиннинг.

Дебора улеглась рядом и принялась вылизывать мокрую шерстку, однако не забывая поглядывать на красный поплавок, волочившийся за плотом. Но рыба отказывалась клевать. Разморенный Грэм сидел на краю плота, свесив ноги в прохладную воду. К нему наконец вернулось почти забытое за день ощущение покоя. Думать о неприятностях не хотелось. Река поможет.

И вдруг леска вздрогнула и натянулась. В двух метрах за кормой дернулся и скрылся под водой поплавок. Охваченный азартом заправского рыболова, Грэм тут же подсек. Рыбина попалась крупная. Рыба отчаянно боролась за жизнь, но постепенно слабела, и Грэм стал подтягивать ее к поверхности. Крупное серебристое тело мелькнуло рядом с плотом, скрылось, снова показалось. Припав животом к бревнам, Дебора подползла к самому краю плота, и, когда в воде снова блеснула спина рыбы, пантера стремительно выбросила вперед черную лапу. Сигарообразное тело рыбины шлепнулось на бревна.

Через некоторое время в импровизированном очаге уже полыхало буйное пламя. Грэм ворошил сучья, чтобы они поскорее превращались в угли. Дебора лапой придерживала все еще трепыхающую добычу.

Наконец огонь погас и в очаге остался лишь толстый слой угольев, подернутых легким серым пеплом. Грэм выпотрошил рыбу и зарыл ее в жар. Отряхнув руки, он ощупал разложенную на шалаше одежду. Все уже высохло. Облачившись, Грэм вернулся к очагу.

Наступил тот предшествующий вечеру час, когда все в природе затихает. Река словно застыла в своем безмолвном движении, красные, как осен-

ние листья, блики легли на воду. Ничто не шевельнется в степях по обе стороны реки. На горизонте солнце окуналось в медно-желтые перины облаков. Даже соблазнительный аромат, струящийся от очага, казалось, неподвижно повис в воздухе. Легкий ветерок, вечный спутник реки, прервал свое незримое движение и замер. Опустившаяся на мир благодать вытравила из Грэма все желания, кроме одного — вечно плыть вот так, в кротости и безмолвии.

Но прежде чем окончательно потонула в облаках багровая горбушка солнца, миг тишины истек, и наступила первая секунда вечера. Последний мутноватый луч, будто прощаясь, прорвался сквозь крошечное оконце в завесе облаков и — погас. В ту же секунду отяжелели тени на берегах, и все кругом накрыла синева, вдалеке зашуршала тронутая легким ветром трава, едва слышно отозвался плеск воды.

Медленно текло время, и медленно проплывали мимо однообразные берега. Рыба испеклась. Они с аппетитом поглощали ее горячий, вместе с прилипшей кое-где золой. Насытившись, они молча улеглись под темнеющим небом, отдаваясь пленительной власти ленивого вечера. Последние красные отблески заката растворялись на западе.

— Будет гроза, — зевнув, промурлыкала Дебора.

— Ага, — согласился Грэм. — Надо бы покрыть шалаш.

Пантера утвердительно рыкнула, но никто из них даже и не подумал вставать. Они еще долго вот так лежали на теплых бревнах, слушая музыку тихого вечера. И, лишь когда тьма сгустилась над ними, они наконец заставили себя подняться и растянуть над шалашом полотнище из водоотталкивающей синтетики.

Заметив на берегу небольшую рощицу, они решили сделать остановку, чтобы пополнить запас

хвороста для догоравшего костра; в полной темноте человек и пантера натаскали на плот охапки ломких сучьев и снова двинулись в путь по течению.

Ночная мгла со всех сторон обхватила светлый круг, растекшийся вокруг очага. Лишь повернувшись к нему спиной, можно было различить крупные звезды, сверкающей крупой рассыпавшиеся по небу. С берега долетали тревожные голоса ночных птиц.

Подойдя к краю плота, Дебора всматривалась во тьму. Казалось, она внимательно вслушивалась в какие-то только ей доступные звуки загадочной жизни ночи. Наконец, стряхнув оцепенение, пантера вернулась к очагу и устроилась у ног Грэма.

— Что-нибудь не так? — вяло спросил он.

— Все нормально, — не открывая глаз, пробормотала Дебора. — Вы, люди, давно утратили инстинкт, наследственную память... Вам не понять таинство ночи, не увидеть духов, что бродят во мраке. В отличие от тебя, Грэм, я ближе к природе, ко многим ее тайнам... Твои предки, должно быть, вот так же вглядывались в темноту и жались поближе к огню, сами не ведая, почему они так поступают. А ты, человек техногенной цивилизации, безмятежно лежишь, не ощущая страха...

— Хм, страха во мне, пожалуй, и в самом деле нет, — согласился Грэм.

— А жаль... Конечно, многое обрел человеческий род, избавившись от фантомов ночи и суеверий. Но ведь и утратил немало... Инстинкты... Вот, черт! Даже не знаю, как объяснить все это тебе? Если бы только мог инстинкт слиться с разумом, не раствориться в мысли, а смиренно подчиниться ее гнету... вы бы стали тогда несравнимо богаче, сильнее...

Грэм подбросил в огонь веток и привлек голову пантеры к себе.

— Интересно говоришь... Порой я жалею, что мне не дано испытать твои чувства. Вот что ты ощущала минуту назад?

— Словами этого не передашь. Разум, который вы мне дали, вытесняет инстинкт... Но не только. Он понемногу просачивается в само мое существо, подменяя животный инстинкт человеческой мистикой. Если бы я была настоящей пантерой, никогда бы не испытывала подобные чувства. Лишь форма осталась прежней, — чутье, позволяющее уловить некую далекую и неясную угрозу, разлитую во тьме. Да, она далека... и в то же время она здесь, рядом. Но разум подсознательно навязывает мне свое частичное объяснение, а в результате я воспринимаю окружающий мир как непроницаемую ширму, скрывающую неведомую, могущественную силу. Мы для нее всего лишь марионетки в сложной, непонятной нам игре, опутавшей все мироздание. Она контролирует наши поступки, подбрасывая нам лишь иллюзию свободы выбора. Не знаю, может, я начинаю, подобно вашим пращурам, персонифицировать, обожествлять стихии...

Похолодало, и они забрались в шалаш. Лапа раскинувшегося зверя легла человеку на грудь. Вскоре дыхание пантеры было уже глубоким и безмятежным. Лишь время от времени она поскуливала во сне и нервно вздрагивала, но уже через мгновение засыпала еще крепче.

О полотнище, накрывавшее шалаш, разбились первые крупные капли дождя. Огонь в очаге сердито зашипел, будто предчувствуя уготованную ему судьбу. Грэм лежал с открытыми глазами, голова была как никогда ясна. Спать совершенно не хотелось. И он вновь и вновь мысленно проговаривал слова Деборы. Неведомая, могущественная сила... Хм,

может, пантера и права и они в самом деле встретят на своем пути нечто тысячекратно могущественнее человека. До сих пор, избородив Вселенную вдоль и поперек, человек так и не обнаружил никаких следов гипотетических сверхцивилизаций, хотя логика упрямо настаивала на том, что где-то они все-таки существуют. Должны существовать! Глупо даже предполагать, будто среди миллиардов планет Галактики именно Земля разродилась разумом. Еще более нелепо считать, что этот разум занимает высшую ступень развития. Скорее всего, если встреча с предполагаемой сверхцивилизацией все-таки однажды произойдет, это не будет Контакт. Для нас эта встреча обернется потрясением, ведь мы столкнемся с чем-то загадочным, непостижимым, чье могущество выходит далеко за пределы человеческого понимания.

Незаметно для себя Грэм впал в дрему, в то зыбкое состояние между бодрствованием и сном, придающее мыслям прозрачность и растворяющее логику. Так рождаются сновидения... Все глубже погружаясь в сон, он машинально погладил лапу Деборы и, прежде чем окончательно провалиться в уютное небытие, успел флегматично подумать: «До чего же мягкие у нее подушечки»...

Из бездонного черного сна без сновидений он вынырнул в такой же черный мрак. За стенами шалаша завывал ветер и молотил дождь. Тяжелая лапа Деборы все так же лежала у него на груди, и он случайно ее задел. Пальцы коснулись шершавых, загрубевших подушечек. От неожиданности он отдернул руку, затем провел ею по собственному лицу, словно проверяя, не обманывают ли его органы чувств, и снова ощупал лапу. Все правильно: подушечки на лапах грубы и шершавы, каковыми и

полагается им быть. Значит, накануне ему прирешилось, что лапы взрослой пантеры вдруг стали невероятно мягкими. Или же... к списку загадочных фактов придется добавить и этот случай с переменчивостью тактильных ощущений?

Снаружи раскатисто гроыхал гром. Грэм приподнял полотнище, закрывающее вход в шалаш, и высунул голову. Ветер швырнул ему в лицо пригоршню воды. Над равниной бушевала гроза. Несколькими километрами ниже по течению черное небо раскроила молния, ее острие впилося в землю. В секундной вспышке Грэм разглядел блестящие от дождя бревна плота. Но уже через миг тьма вновь схлопнулась, и ветер опять затянул свою заунывную песню. С опозданием докатился жуткий гром, разодрал небо. Снова полыхнула молния, ударив в то же самое место далеко впереди. Всего мгновение мрака — и третья вспышка осветила черную, влажную хлябь.

И вдруг Грэма осенило. Ну, конечно же — корабль! Вот что, подобно громоотводу, притягивает к себе молнии в совершенно голой степи!

Он выскочил наружу, не обращая внимания на пронизывающий ветер и ледяные струи дождя, плетьюми хлещущие по телу. Грэм нагнулся, пытаясь в полной темноте нащупать шест, но, поскользнувшись, растянулся на мокрых бревнах. Вырутавшись сквозь зубы, он поднялся. Тьма кругом — хоть глаз выколи! Лишь при свете очередного всполоха ему удалось обнаружить и схватить шест. Однако толку от шеста оказалось мало — река в этом месте оказалась слишком глубокой. Отбросив шест, Грэм, рискуя сломать ногу на скользких бревнах, побежал к корме и вцепился в рулевое весло. Ледяного водопада, низвергавшегося с небес, он уже не чувство-

вал и яростно, широко расставив ноги, правил к левому берегу.

Грэм не знал, как долго продолжалась эта отчаянная борьба со стихией и взбесившейся рекой. Продрогший до костей, с прилипшими к лицу волосами, он сросся с веслом, пытаясь удержать плот в нужном направлении, а течение стремилось вырвать руль из рук. Медленно, но неумолимо плот приближался к той точке, куда методично били молнии, и в их пронзительном свете уже можно было различить блестящее от влаги черное гигантское веретено, вызывающе устремленное в бушующее небо. Плот ударился во что-то мягкое, вздрогнул и замер. Грэм опустил в воду кормовое весло, и оно вязко вошло в илистое дно. Значит, они у берега.

Грэм спрыгнул в реку и, упершись руками в плот, стал выталкивать его на берег. Волны то и дело накрывали человека с головой, усложняя работу. С большим трудом Грэму все-таки удалось вытолкнуть плот с мелководья на берег. В полном изнеможении он на ощупь добрался до шалаша и заполз внутрь. После холодного ветра ему показалось тут необычайно тепло. Стянув с себя прилипающую к телу одежду, он достал из ранца одеяло и, закутавшись в него, улегся рядом с Деборой.

Урча, пантера зашевелилась во сне и шершавыми подушечками лап провела по груди Грэма. Заснуть, несмотря на чудовищную усталость, не удалось. Мысли роились в голове и никак не хотели отпускать его в пленительное путешествие по миру сновидений. Если в его жизнь действительно вмешивается некая внешняя сила, тогда, может стать, именно происходящие вокруг странности помогут ему до этой силы добраться. Ну, вот хотя бы те

два срыва памяти, случившиеся на веранде и на углу дома... А что будет, если попытаться еще раз?

Он понимал, что ведет себя глупо, и все-таки мысленно представил себе лапу Деборы. Он прикоснулся к ней перед тем, как заснуть, и подушечки были мягки и нежны. А теперь... Сейчас же ворвалась память, категорично твердя, что Грэм ошибается, мягкими подушечки были давным-давно — в младенческие годы Деборы, когда она была забавным пушистым комочком с куцым хвостиком и смешной приплюснутой мордочкой. Потом подушечки загрубели. Тогда почему вчера вечером они вновь были мягкими, как у младенца? Нет, тебе показалось, настаивал незнакомый чужой голос внутри его. Нет, не показалось. Зная, что за этим последует, он нарочно принялся пролистывать воспоминание за воспоминанием — без разбору, первые, до которых дотягивалась бестелесная рука сознания. Все быстрее и быстрее прокручивал он пленку памяти. Вихрем налетали бессвязные кадры его первых экспедиций, непродолжительных отпусков, мелькнула недавняя встреча с огоньками, Земля, чужие планеты, кабинет Хуана Ивановича Смита, старый космический корабль в степи...

И тогда не выдержала перегруженная память, затрещали под спиной бревна плота, стены шалаша зашатались...

4

...каких намеков на ночную грозу. Грэм сидел на краю плота и смотрел на черный, отливающий металлом колосс корабля, вздымавшийся над степью. Он был уже совсем близко — не больше километра.

— Консервы будешь? — спросила за спиной Дебора.

— Давай, — меланхолично ответил Грэм, не сводя глаз со звездолета.

Небо, отмытое ночным дождем, было изумительно синее, ни единого облачка. Медленно плыли в вышине несколько белых птиц. Грэм перевел взор на реку. Взбаламученная глинистая вода несла листья, обломки веток и даже целые деревья, вырванные из подмытых берегов. Время от времени на поверхность выпрыгивали серебристые рыбы и, проделав причудливые пируэты в воздухе, с громкими шлепками плюхались обратно. Эх, сейчас порыбачить бы, да некогда — надо спешить.

Подкатив к колену Грэма консервную банку, пантера ловко вскрыла ее, подцепив когтем кольцо. Секундой спустя банка издала короткий писк, извещающий о том, что пища подогрета и готова к употреблению, и над мясом поднялся ароматный парок.

Завтракали молча, сосредоточенно. Грэм думал о звездолете. Ему не верилось, что таинственный противник вот так запросто позволит им покинуть планету. Эти тревожные мысли не покинули его даже тогда, когда, собрав все необходимое, они шагали по степи к гигантскому черному веретену. Трава была все еще мокрой. Всего за несколько минут штаны Грэма вымокли до самых колен, а бредущая позади Дебора то и дело останавливалась и отряхивалась, поднимая тучи холодных брызг. За ними оставалась тропа примятой травы.

Наконец их накрыла остроконечная тень корабля. Аромат влажных трав, казалось, усилился. Какой-то мелкий зверек выскочил прямо из-под ног Грэма и сломя голову бросился прочь.

Кабина подъемника была внизу и, судя по всему, исправна. Как и много лет тому назад, когда он в

последний раз посещал это место. Решетчатая шахта тянулась вдоль массивного стабилизатора до самого люка. Грэм и Дебора подошли к кабине. Казалось невероятным, что, простояв в бездействии бог знает сколько времени, техника все еще функционировала. Грэм шагнул в кабину и махнул рукой Деборе. Одним прыжком пантера оказалась рядом с ним. Прежде чем он протянул руку к двери, она затворила ее, зацепив когтем. Грэм откинул щиток пульта и вдавил клавишу «ПУСК». Кабина со скрежетом поползла вдоль титанического черного корпуса. Что ж, старые автоматы с честью выдержали испытание временем.

Степь под ногами стремительно удалялась. Трава сливалась в золотисто-зеленый ковер, в километре от корабля ртутной жилкой извивалась река. Дебора не сводила глаз с раскинувшегося под ними пейзажа и нетерпеливо молотила хвостом о металлические решетки пола. Но Грэм демонстративно повернулся спиной к сказочным видам утренней степи. Сейчас его волновало совсем другое. Он осматривал темную броню корабля и чувствовал, как испаряется его недоверие. Конечно, самое место этому древнему гиганту в каком-нибудь музее истории космонавтики. Это ж не просто звездолет, это — корабль-крепость, корабль-убежище, реликвия тех былинных времен, когда полеты к звездам неизменно были сопряжены со смертельным риском. Что ж, в нынешних обстоятельствах это очень кстати. Пятидесятисантиметровая ситановая броня обеспечивала почти полную безопасность, да еще какую! Лучшей защиты не придумаешь. Воистину, за этой броней, как за каменной стеной — ни один враг не страшен.

Дернувшись, подъемник замер. В обшивке про-

резалась едва заметная щель, которая стремительно расширялась. Наконец тяжелая заслонка с шипением исчезла в обшивке корабля. Шагнув в образовавшийся проем, Грэм на мгновение замер, бросив через плечо последний взгляд на залитую солнцем утреннюю степь. Там по-прежнему царил покой. Испарялась роса, курилась над травами клочками тумана. Но покой оказался мнимым. Грэм не сразу их заметил в лучах солнца. Рой огоньков парил в воздухе, стремительно приближаясь к кораблю.

«А вот и опоздали! — со злорадством подумал Грэм, скрываясь в чреве корабля. — Этот звездолет вам не по зубам».

Следом за Грэмом в корабль проскользнула Дебора, и он кулаком шарахнул по расположенной над люком кнопке задраивания.словно подхваченная взрывом, массивная заслонка с оглушительным грохотом плотно вогналаась в паз.

Грэм быстрым шагом двигался по слабо освещенному аварийными лампами коридору. Ничего здесь не изменилось со времен последнего посещения корабля. Все та же гнетущая застоявшаяся тишина, все тот же запах старого металла с легкой примесью горелой изоляции... Затягивавший пол пластик утратил эластичность, не пружинил под ногами и кое-где покрылся мелкой сетью трещинок.

Под ногами что-то прошуршало. Грэм от неожиданности вздрогнул и опустил глаза. Это оказался всего лишь серебристый кибер-уборщик. Остановившись, он деловито принялся чистить обувь человека: ловко собрал все травинки и комочки грязи, счистил невидимые пылинки, всосав их своим рыльцем-хоботом, а потом переключил свое внимание на пантеру. Дебора с отвращением оттолкнула

его лапой. Кибер-сороконожка не стал настаивать и проворно шмыгнул в какой-то люк.

По ходу восстанавливая в памяти планировку звездолета, Грэм уверенно зашагал в темноту. Лампы аварийного освещения не везде могли справиться с мраком. Минуту спустя они добрались до центральной лифтовой шахты. Едва они шагнули в кабину, как ее залил ярко-оранжевый свет. Любезный баритон откуда-то с потолка произнес:

— Добро пожаловать, капитан. На какой вам ярус?

— В навигационный отсек, — сухо бросил Грэм. — И поскорее!

Автоматика восприняла команду буквально, и Грэм едва не рухнул на пол кабины от навалившейся перегрузки. Через несколько секунд дверь с легким шипением ушла в стену, и они шагнули в кольцеобразную навигационную рубку, по центру которой проходила, будто пронзая, лифтовая шахта.

Грэм рванул рубильник электроснабжения. Аварийные лампы жалобно мигнули, и помещение озарилось живым ярким светом. Теперь перед Грэмом стояла конкретная задача, и он ощутил прилив счастья, оказавшись в родной обстановке. На осмотр рубки ему понадобилось всего несколько секунд. По радиусу вокруг шахты располагалось пять кресел-ложементов: для второго пилота, штурмана-космогатора, связиста, канонира. Ложемент капитана скользил по монорельсу вдоль панели управления, опоясывающей всю рубку. Над пультом матово поблескивали пока не разбуженные окна больших и малых терминалов.

Грэм блаженно вздохнул: «Экая очаровательная старина!»

— Давай, Дебора, выбирай себе кресло по ду-

ше, — великодушно произнес Грэм. — Конечно, с твоим эти древние ложементы не сравнишь, ну да как-нибудь устроишься.

Пантера оставила слова напарника без комментариев и молча вспрыгнула на одно из кресел. Грэм внимательно изучал пульт. На штатную процедуру старта времени не было. Ничего, корабль хоть куда, выдержит и экстренный взлет. Только вот где здесь... ага, вот он! Грэм устроился в капитанском кресле и, не пристегиваясь, подкатил к блоку запуска. Откинул прозрачный колпак аварийного табло, пробежался по клавиатуре. Реактор запущен... Стартовая готовность... Готовность всех систем.

Корабль ожил. Тысячи систем пробуждались от затянувшегося сна с грохотом, гудением, шипением и едва уловимым писком. Панель управления вспыхнула многоцветием огоньков, механические голоса автоматов наперебой рапортовали: «Реакторный отсек — двухминутная готовность... четвертый сектор — готовность... двигатели в предстартовой готовности... криосектор — ожида...» Один за другим над пультом вспыхивали экраны кругового обзора. Теперь Грэм видел все, что происходило по ту и эту стороны ситановой брони, — степь вокруг корабля, ярко освещенные коридоры, служебные помещения, технические ярусы, корпус снаружи и изнутри...

Корпус снаружи...

Увиденное на мониторе внешнего обзора заставило его остолбенеть. Нет-нет, этого не может быть, просто у него что-то с глазами или визор глючит.

По обшивке звездолета сновали яйцевидные зеленые киберы-многоножки. А вокруг корабля струились стайки огоньков. Но не это поразило больше всего Грэма. Манипуляторы киберов закан-

чивались мощными клешнями, и вот ими-то они крошили сверхпрочный ситан, словно обыкновенный графит!

Послышался сухой треск, и экран справа от Грэма осыпался мелкими осколками. За ним обнаружилась зияющая дыра в бронированной обшивке. Сначала появилась клешня, а потом и зеленое яйцеобразное тело. В динамиках механический голос монотонно бубнил: «Нарушена герметичность, нарушена...» Его перебил другой: «Система защиты активизирована!»

Зеленый кибер медленно, будто опасаясь подвоха, протискивался в рубку. Добрая половина мониторов погасла, но и оставшихся вполне было достаточно, чтобы получить полное представление о вспыхнувшей битве. В корпусе атакованного звездолета разом открылись прежде невидимые люки и лючки, из которых выпростались гибкие щупальца, заканчивающиеся бластерами. Сотни молний заструились по черной броне. Разбитые, смятые, обгоревшие киберы посыпались, как семечки, на землю. На короткое мгновение душу Грэма окатила теплая волна надежды. Но зеленая напасть не отступала — эти дьявольские киберы, погибая, рождались заново из ничего. Хотя это только так казалось. Приглядевшись, Грэм понял, что полчища зеленых тварей возникают прямо из неуязвимых огоньков, беззаботно исполнявших свой танец победителей в теплом воздухе. Все новые и новые киберы появлялись у корабельной кормы и, ловко перебирая конечностями с присосками, устремлялись по броне вверх. Другие атаковали опорные колонны.

Первое зеленое яйцо наконец втиснулось в брешь на месте монитора и легко спрыгнуло на пол. Широко расставив манипуляторы с клешнями, кибер

воинственно застыл против Грэма. Человек потрянул головой, сбрасывая оцепенение. Оставался всего один путь к спасению.

— Дебора! За мной! — крикнул Грэм, бросая могучее тело к открытому лифту.

Пантера мгновенно выскользнула из кресла и одним прыжком очутилась в кабине.

— К униходу! Быстро! — выдохнул Грэм.

Дверь закрылась перед вытянутыми клешнями зеленого киберга, кабина дрогнула, и пол кабины будто провалился. Грэм знал, что они спускаются на скорости почти свободного падения, и все же ему казалось, что прошло несколько вязких минут, прежде чем лифт остановился. Дверь отъехала, и их взорам предстала зловещая картина. В стенах просторного ангара зияли рваные дыры. В ангаре копошилось несколько киберов, с легкостью крушивших складированные здесь механизмы. Но униход был цел. Пока...

Гигантскими прыжками Грэм понесся к спасательной машине. Один из киберов пытался было преградить ему дорогу, но Грэм отбросил его одним пинком, даже не сбавляя шага. Другая тварь, изловчившись, ухватила его клешней за свитер. Треск рвущейся шерсти — и Грэм мчится дальше. Человек и пантера одновременно вскочили на широкое крыло унихода. Фонарь кабины откинулся, и Дебора скользнула на заднее сиденье, а Грэм прыгнул на место пилота и, еще не коснувшись кресла, обрушил кулак на стекло, закрывавшее кнопку экстренного взлета.

Что-то хрустнуло — то ли кнопка, то ли кулак, — и стена напротив внезапно обрушилась, сметенная взрывом. Взвыли в форсаже двигатели, сминая и опрокидывая зеленых киберов, и выбросили уни-

ход прямо в дымовую завесу взрыва. Сквозь дымные хлопья прорезалась полоска синего неба. Грэм отключил автопилот и направил машину свечой ввысь. Обернулся он лишь однажды и увидел, как огромное черное веретено звездолета, подсвеченное вспышками бластеров, накренилось, чтобы в течение бесконечно долгого мгновения рухнуть на зеленую равнину. Звездолет погибал, как вековой дуб, — даже в смерти не признавая себя побежденным. Даже поверженный, он продолжал защищаться, сжигая копошащихся зеленых тварей плевками лучеметов.

Слева по борту неожиданно вынырнула стайка огоньков, устремившихся наперерез. Их скорость значительно превышала скорость унихода. Грэм положил машину на крыло, резко забирая вправо. И вдруг один светляк отделился от стаи и спикировал на машину. Он скользнул вдоль фюзеляжа, и Грэм с ужасом увидел, как левое крыло бесшумно отделяется от корпуса.

С трудом, но Грэму удалось выровнять аппарат. От левого крыла остался обрубок не шире метра с гладким, будто бритвой срезанным сколом. Униход пока слушался, и Грэм бросил его в пике. Стремительно приближалась широкая и прямая на этом участке лента реки.

Из пике он вышел уже над самой водой. В глазах помутилось от перегрузки, зато от преследователей они, похоже, оторвались. Днище машины ударилось о речную поверхность, подняв гигантскую тучу брызг и пены. Пелена перед глазами постепенно рассеивалась, теперь Грэм ясно различал береговую границу.

Сенсорный пульт управления безукоризненно слушался любого движения руки Грэма. Он слегка

сдвинул указательный палец, и пиропатроны с хлопком отстрелили ненужные теперь крылья. Униход трансформировался в катер. Реактивная тяга работала исправно; задрав нос, машина с бешеной скоростью летела вперед, таща за собой шлейф воды и пара.

Прямой участок закончился. Дальше река петляла — сплошные излучины. Ясное дело, при такой скорости, да еще на воде, устаревший униход будет капризничать, поэтому Грэм покрепче ухватился за штурвал. Не оборачиваясь, он бросил Деборе:

— Следи за небом. Как там светляки?

Дебора не отвечала. Поворот. Впереди — скалы, у подножия которых кипела белая пена. Поворот, еще поворот, еще и еще... Теперь снова прямая. Короткая передышка.

— Небо чистое, — наконец отозвалась Дебора. — Ни одного светляка.

Грэм бегло глянул вверх. Действительно, если не считать редких барашков облачков, все чисто. Он скосил глаза и чуть не охнул...

Параллельно им по берегам неслись полчища зеленых киберов. Будто стая голодных волков, учуявших запах крови, они поддерживали одну и ту же скорость, не увеличивая, но и не сокращая дистанции, даже когда приходилось преодолевать возвышения и низины.

«Интересно, далеко отсюда до моря? — встревоженно подумал Грэм. — Триста, четыреста километров? Как минимум — час полного хода... Ну ничего, дайте только добраться... Там-то вы отстанете».

На горизонте обозначились горы. Это уже серьезное препятствие. По равнине река течет широко и привольно, ее излучины плавны, и преодолевать их — сущий пустяк. Другое дело маневрировать среди скал. Хуже всего то, что придется сбросить

скорость. Остается уповать на то, что горный рельеф послужит помехой и для зеленой ватаги киберов.

Прежде он в этих местах не ходил, так что горная гряда известна ему лишь по картам. Да и чем тут было соблазниться? На сотни километров тянулись голые, бесплодные каменные массивы, рассеченные ущельем, за миллионы лет продолбленным в них рекою.

Скалистый хребет впереди рос на глазах, заслоня собою часть неба. Наконец в мрачной зазубренной громаде открылся проход, в который и скользнул серебристый корпус машины. Стремительно убегали назад отвесные, поросшие мхом и жесткой травой стены. Тот тут, тот там встречались выбоины и целые пещеры. Грэм отмечал только важные детали — например, торчащие над водой рифы, водовороты — метки подводных рифов. На любованье пейзажем — кустами, мертвой хваткой вцепившимися в камни, какими-то серыми птицами, свившими гнезда на скальных уступах, — времени не было. Грэм превратился в автомат: слился со штурвалом, стал непосредственным продолжением двигателей. Раз за разом он бросал униход в нескончаемые излучины, в опасной близости минувая природные ловушки. Прямо по курсу пенной полосой обозначился порог. Что ж, безопасного маршрута тут не наблюдается. Грэм решительно направил аппарат на середину реки. Несколько раз корпус дернуло, что-то зловеще заскрежетало под днищем — и порог уже позади.

Метнув на небо и на каменные стены фотографический взгляд, Грэм облегченно вздохнул: ни одного яйцевидного силуэта глаза не зафиксировали. Значит, он их все-таки опередил. Но скорость сбрасывать не стоит. «Вот выберемся снова на равни-

ну — а там и до моря рукой подать... Только бы сохранить за собой фору».

Отвлекаясь на мысли, он едва не пропустил крутой поворот. Руки вцепились в штурвал. Подняв облако водяной пыли, униход обогнул скалу, едва не чиркнув бортом о камень. Но вдруг стены расступились, и Грэм обнаружил, что они несутся напрямиком к водопаду, до которого оставалось каких-нибудь двадцать метров. Над его пенной кромкой голубело чистое небо. Любой маневр неминуемо обрекал их на гибель, и Грэм принял единственно возможное в данной ситуации решение: довериться машине. Униход, не сбавляя скорости, несся к губительной пропасти. У них оставался лишь один шанс... маленький, крохотный шансик.

Под днищем сверкнул и исчез, провалился в пустоту водопад. Мгновение униход парил в воздухе, прежде чем рухнуть с двадцатиметровой высоты.

Низвергающаяся вода яростно кипела внизу, будто в гигантском котле, а дальше разливалась спокойным прозрачным озером, в самом центре которого возвышалась одинокая островерхая скала. На то, чтобы попытаться отвести от нее нос унихода, Грэму судьба отвела микроскопические доли секунды. И в какой-то миг ему даже показалось, что этот рискованный маневр удастся...

— Держись! — успел выкрикнуть Грэм.

Удар пришелся по правому борту, риф разодрал обшивку аппарата и зашвырнул его к скальным вертикалям. Звон, скрежет и хруст смешались в одну чудовищную какофонию. Раздолбанный униход крутануло сразу в двух плоскостях: вокруг собственной оси и перпендикулярно ей. Небо исчезло, все заволокло пеной. Грэма мотало, будто тряпичную куклу, он по-прежнему сжимал штурвал, но уже не столько для того, чтобы управлять машиной,

сколько для того, чтобы просто удержаться и не вылететь сквозь плексигласовый колпак. В какой-то момент его все-таки швырнуло плечом о фонарь, тот отскочил, и волны ворвались в кокпит. Горло сдавил спазм, в глазах потемнело...

Очнулся он в озере. Как выбрался из кабины, не помнил. Из воды у скал торчал изуродованный корпус унихода. Над его умолкшими двигателями поднималось облако пара. Прижав уши и старательно держа голову над водой, плыла к песчаному берегу Дебора.

Выбравшись на сушу, Грэм осмотрел каменистый обрыв. Не слишком удобно для подъема, но выбраться можно: есть расщелина, по которой какой-то буйный поток вливается в реку.

— Вперед, Дебора! — сказал Грэм. — Мокрому вода не помеха.

Вжавшись в узкий каменный коридор, они стали взбираться, обдирая тело об острые углы и сколы, поскользываясь на позеленевших от влаги валунах. Поток безжалостно хлестал, будто стремился смыть их обратно вниз, в скованное скалами озеро. Но они не сдавались, упрямо карабкаясь вверх — все дальше и дальше от места катастрофы.

В конце концов им удалось преодолеть ручей. Выбравшись на плато, Грэм и Дебора глянули вниз, где водопад, срываясь с уступа, обрушивался в озеро. Пантера растянулась на камнях и принялась вылизывать всклокоченную шерсть.

— Нет времени, подруга, — довольно грубо заметил Грэм. — Нужно уносить поскорее ноги, пока нас не догнали эти зеленые твари.

Дебора недовольно рыкнула, но все-таки поднялась. Грэм пытался оценить обстановку. Они стояли на обрывающемся в ущелье краю однообразного каменистого плато, его противоположная сторо-

на вздымалась крутым, лишенным зелени склоном. Лишь одинокий ручей, по руслу которого они сюда взобрались, хоть как-то украшал пустынный ландшафт.

Наконец Грэм принял решение двигаться вдоль потока — до склона здесь не более двух километров. А уж в горах они сумеют как-нибудь укрыться от преследователей.

Солнце уже вознеслось к зениту и быстро высушило одежду. Под ногами скрипел песок. Они двигались всего в паре метров от русла, но влаги для этой каменистой местности явно было недостаточно, почва оставалась сухой и бесплодной. В воздухе стоял тяжелый, душный зной. Ни ветерка. Безоблачное небо казалось почти лиловым, раскаленное добела солнце нещадно дубасило жгучими лучами по одиноким путникам.

Дебора подскочила к воде и с жадностью принялась лакать живительную влагу. Грэм тоже присел на колени у ручья и напился, потом плеснул на лицо и на одежду. Немного полегчало.

Спустя час они достигли цели. У подножия горы торчали крупные скалистые монолиты. Над ними хорошенько потрудились стихии, изваяв причудливые фигуры, казавшиеся какими-то фантастическими животными. Природные произведения искусства затрудняли подъем, приходилось все время лавировать, и Грэм надеялся, что эти каменные изваяния станут помехой для преследователей, не так-то просто будет обнаружить человека с пантерой в таком-то лабиринте.

Они взобрались уже достаточно высоко. Грэм остановился, чтобы перевести дух, и оглянулся назад, бросая взор на пройденный путь. Дебора улеглась было, но через мгновение вдруг вскочила с диким ревом:

— Пауки!!!

Теперь и Грэм заметил их: группка зеленых киберов-многоножек пробиралась к ним со стороны теснины, служившей ложем реке. Пока они были еще далеко, но равномерный, уверенный механический темп их движения не оставлял иллюзий: очень скоро они настигнут беглецов.

— Вперед! — выдохнул Грэм и устремился вверх по склону.

Он не выбирал маршрут, просто бежал вперед, уже не зная, куда мчится и зачем. Вся эта история была лишена всяческого смысла. Во всяком случае, он, как ни пытался, не мог постичь его. На него нападали — он отбивался. Его догоняли — он убегал. Он просто спасал свою жизнь. Вот и весь смысл. Выиграть бы хоть еще немного времени, чтобы серьезно все обмозговать... Может, тогда ему удастся найти какой-нибудь выход... Он надеялся на это. Но преследователи не оставляли ему ни малейшего шанса.

Не сбавляя темпа, они добрались до расселины, в глубине которой брал начало их ручей. И куда теперь? Никакого плана в запасе у Грэма не имелось. Уйти от роботов он уже не надеялся. Свитер насквозь пропитался потом и неприятно лип к телу, дыхание со свистом рвалось из груди. С морды пантеры срывались хлопья пены. И ничего крутом, что могло бы их спасти. Ничего. Лишь вздымающийся к стеклянному небу иссохший склон.

Преодолев кручу, они оказались на небольшом каменистом плато, чья неровная поверхность была усеяна скалистыми обломками самых необычных форм. Грэм огляделся крутом. На много километров окрест горы лежали, как на ладони. Отсюда видна была даже степь и спокойный участок реки, холми-

стоя равнина и безжизненно лежащий на ней веретенообразный колосс корабля...

Киберы уже добрались до подошвы вершины.

Грэм, чувствуя, как паника захватывает все его существо, дико озирался на крошечной скалистой площадке. Положение безнадежное. Абсолютно. Вот она, беспощадная правда реальности: старуха Мойра выделила ему ничтожный клочок пространства и куцей отрезок времени для того, чтобы он вступил в борьбу, которая неизбежно будет проиграна. Грэм не тешил себя пустыми надеждами. У него оставалось лишь одно право: не сдаваться!

Киберы, копошащиеся внизу, явно не спешили, будто понимали, что загнали своих жертв в ловушку. Их было много — не меньше сотни, а то и больше. Рассыпавшись цепью, они окружали гору. Несколькими минутами позже их авангард вышел в долину, в которую упирался противоположный склон. И кольцо вокруг последнего оплота Грэма и Деборы сомкнулось.

— Просто так мы не сдадимся, Дебора, верно? — нарушил молчание Грэм. Он надеялся, что это прозвучало достаточно беззаботно, но в пересохшем горле голос предательски дрожал. — Мы попробуем победить. Мы должны попытаться... хотя бы... Давай дуй на ту сторону. Выбери обломки, которые можно скатить. Попробуешь организовать лавину?

— Мы порвем их в клочья, дружище! — решительно прорычала пантера и, не тратя времени на лишние слова, отправилась занимать оборону.

Грэм остался на прежней позиции, сознательно выбрав самое рискованное направление. Скорее всего, решил он, основной отряд киберов попрет именно сюда: есть такой психологический стереотип, заставляющий держать ударный кулак в арьергарде. Во всяком случае, это было бы логично.

«Логика! — со злостью подумал Грэм, пытаясь раскатать одну из скал. Она поддалась натиску, и, удовлетворенный результатом, он до поры оставил ее в покое. — Какая, к черту, тут логика?! Вот мы и столкнулись с чем-то неизведанным, могущественным; возможно, за всем этим стоит даже сверхцивилизация. И что?! НАШЕЙ логики это НЕЧТО напроць не признает! ОНО просто насмехается над ней. НЕЧТО с легкостью влезает в мои мозги, управляет моими мыслями, лишает меня памяти или навязывает новые воспоминания. Лихо? Еще бы! И в то же время не брезгует использовать и вполне примитивные методы — тех же светляков, например, а то и вовсе банальные механизмы. Где тут логика?! Оно не ищет простого и рационального решения, оно забавляется, играет с нами в кошки-мышки... Ага! Значит, кошка решила поиграть с мышкой? Может, в этом все дело? Что ж, отдадим им (ей? ему?) должное: игра получилась эффектная, просто-таки шахматный этюд! Гомо сапиенс против тупых механизмов. Ну-ну, раз нас тут держат за пешек, попытаемся хотя бы испортить игру. Придется попотеть невидимым игрокам в эндшпиле, а там хоть потоп!»

За вершиной со стороны седловины раздался грохот обрушивающихся камней. Ага, это Дебора действует. Но уточнить, что именно творится на той стороне маленького плато, у Грэма не осталось времени: перед ним возникли два кибера, а метрах в восьми за ними подбирался еще один.

Отскочив за расшатанную скалу, Грэм спиной уперся в горячий камень, от натуги затрещал позвоночник. Под кожей вздулись мышцы, готовые вот-вот лопнуть, легкие работали, как кузнечные мехи. Наконец скала накренилась и с ужасающим грохотом рухнула. Кровь шумела в ушах, но победный рев Деборы он услышал:

— Один готов, Грэм! Один готов! В лепешку!

Скала плашмя обрушилась в щебень, подскочила и покатила. Обернувшись, Грэм разглядел сквозь пелену пота, заставшую глаза, как каменный монолит расплющил первого из киберов. Второй пытался было отскочить, но не успел — эти механизмы оказались на редкость медлительны. Скала зацепила его краем и со скрежетом потащила вниз.

Однако третий кибер успел подобраться достаточно близко. Он сноровисто карабкался по неровному склону, широко расставив манипуляторы. На то, чтобы раскачивать новую скалу, времени не было. И тогда Грэм схватил здоровенный булыжник и с размаху метнул в приближающуюся зеленую многоножку. Металлический панцирь хрустнул, и в стороны брызнули зеленые осколки.

Грэм пытался унять дрожь в руках, вызванную напряжением мышц. Но расслабиться все не получалось. Крутом валялись разбросанные останки трех киберов: раздавленные и раздробленные зеленые скорлупы, изуродованные до неузнаваемости блоки и платы...

Из горла Грэма выполз нервный смех. До чего глупо получается: киберы, с легкостью крошившие суперпрочный ситан, разваливаются на мелкие кусочки от одного удара камнем! Где тут логика?! Сплошная нелепость, а не сверхцивилизация!

Это глупо, если, конечно...

Ага!

...если это не входит в правила игры.

Грэма окатила холодная ненависть к невидимым игрокам. Он вдруг понял, что все роли в этой партии давно распределены, они с Деборой — две ничтожные фигурки, две пешки — были обречены с самого начала. Для игроков они представляли ценность лишь до тех пор, пока не исчерпаются послед-

ние резервы их сил, способностей и надежд. Этот мир получал садистское удовольствие, загоняя их в ситуации, за фронтиром которых они неизбежно сломаются. Предел есть у всего... и особенно у человеческих сил.

Снова появились киберы. Теперь они шли цепью, держа дистанцию в два-три метра. С противоположной стороны вершины не смолкал грохот срывающихся камней. Дебора все время что-то истошно кричала, но Грэм не вслушивался. Он вообще перестал рассуждать. В нем пробудился и вытеснил цивилизованного человека сражающийся за свою жизнь первобытный дикарь. Одну за другой он обрушивал обломки скал на зеленые панцири бездушных механизмов. Но вскоре пришлось отказаться от этой тактики — времени уже не оставалось на то, чтобы прыгать с места на место и предугадывать прихотливую траекторию падения обломков. Роботы подобрались слишком близко, они лезли отовсюду, и Грэм с хрипом и диким ревом без разбору хватал каменюки и, не целясь, швырял в удивительно хрупкие тела атакующих. Он ни о чем не думал, мозг фиксировал только физические ощущения: боль в яростно сжатых челюстях, колющую твердость камня, впивающегося в окровавленные ладони, наждак пыли в горле и легких, шершавость распухшего языка... Ему казалось, что время закольцевалось и один и тот же миг сражения повторяется бесконечно. Киберов не становилось меньше, хотя груды их останков росли. Волна зеленой саранчи грозила накрыть его с головой, так что и камни уже некогда было подбирать. Грэм просто хватал ближайшего кибера и с силой швырял его в других, не особенно заботясь кучностью «обстрела».

Он даже не сразу заметил, что механизмы оттеснили его к центру площадки. А заметив, он почему-

то не испытал отчаяния. Наступил миг просветления, когда с глаз спала пелена ярости и он смог ясно воспринимать происходящее. Где-то на периферии сознания скользнула мысль, что такие просветления случаются перед смертью.

Камни закончились. Пятачок вершины сдавило зеленое многоножное ожерелье. Отступала, теснясь к Грэму, прихрамывающая Дебора. К ней подкрался один из киберов и тупой частью клешни нанес молниеносный удар по затылку. Из горла пантеры вырвался почти человеческий стон, и из последних сил, в невероятном прыжке она преодолела остаток расстояния до Грэма. Она рухнула у его ног, судорожно дернулась и замерла, потеряв сознание.

Грэм не сомневался, что ему суждено погибнуть здесь. Совершенно бессмысленный конец на безымянной горе... Но хуже всего было то, что он так и не узнает, кто и для чего затеял всю эту непонятную игру. Фигуру просто смахнут с доски за ненадобностью... Но сначала он все-таки даст этим гадам последний бой!

Киберы-многоножки медленно стягивали кольцо вокруг человека и лежащей у его ног пантеры. Исцарапанный, в висящей лохмотьями разодранной одежде, Грэм неподвижно застыл. Он чувствовал, что смертельно устал. Сил больше не было. И только холодная ярость полыхала в груди. Кто та сволочь, что уготовила ему и Деборе столь унижительную гибель? Зачем его, ЧЕЛОВЕКА, заставляют вести игру с безмозглыми механическими тварями? Почему их хозяева сами не рискнули сразиться с ним? Брезгают или боятся, а?

Стиснув кулаки и откинув голову, он с гневом во взоре всматривался в пустое небо, будто бросая вызов невидимым игрокам. Он молчал, с потрескав-

шихся губ не слетело ни звука. Ладно, пусть игру он проиграл, но всегда остается последний шанс. Он готов был умереть, если бы ему дали возможность сомкнуть пальцы на горле игроков. Да, ради этого стоит умереть!

На какой-то миг его душу обдало холодной пустотой. Грэм словно превратился в полую фигурку, в пыльном и темном нутре которой настырным червячком шевельнулась чья-то чужая мысль. Она была почти неразличима: «Не надо... Зачем?.. Не все еще потеряно... Спасение еще может прийти... Оно непременно придет... Должно, потому что...»

«Потому что почему?!» — мысленно прорычал Грэм. Но чужая мысль не ответила. Может, потому что не могла, не имела права ответить?..

Грэм дико, во все горло, расхохотался. Он вдруг понял: ОНИ его боятся. Боятся, потому что знают, какой путь он может избрать. Киберы были уже совсем близко, но он больше не обращал на них внимания. Мозг работал с небывалой скоростью. Он призывал воспоминания: сначала дождливую ночь на веранде, затем вторжение светячков, шалаш на плоту.

«Нет! — в истерике взмолилась чужая мысль. — Это гибель!.. Спасение принесет...»

Силой воли Грэм привел в движение калейдоскоп воспоминаний. Вот оно, слабое место тех, кто прячется за границей его мира! Вот чего ОНИ боятся! Переплетаясь, перемешиваясь, будто в бесплотной бетономешалке, замелькали давно забытые картины: пятилетний Грэм сидит у отца на коленях в его старом звездолете; Балт Троол учит сына различать основные блоки управления... пальчик малыша слишком слаб, красная кнопка не поддается, и отец помогает ему, надавливая сверху загрубевшим большим пальцем. Грэму больно, но он терпит

и зачарованно наблюдает чудо — вереницу вспыхивающих на панели световых сигналов... Точно такие же загорались во время его первого самостоятельного полета, совершенного в канун четырнадцатилетия; Балт Троол, чья борода уже окрасилась серебром, устроился в соседнем кресле и одобрительно кивает. Таким он его и запомнил, а еще отложились в памяти похороны отца, горы живых цветов на свежей могиле, незнакомые, инопланетные ароматы, светлые дорожки слез на багровом, морщинистом лице незнакомого старика, и как сам он из всех сил пытается не пустить наружу горький ком, рвущийся из горла... И вот он уже в кабинете Хуана Ивановича Смита — в тот самый день, когда юному Грэму доверили выполнить важную для всей Галактики миссию... А теперь он снова мальчишка, карабкающийся на дерево у недавно выстроенного отцом дома; даже сюда, на самую верхушку дерева, доносится запах смолы от дощатых стен; кора под руками шершавая, но все равно чуточку скользит от наслоившейся пыли — уже много недель не было дождя; Балт Троол сидит на веранде в кресле-качалке и лениво потягивает сок, задрав лохматую бороду к небу; при этом он не забывает время от времени с напускной сердитостью покрикивать: «Осторожнее, Грэм, ты слишком высоко забрался!»; ноги теряют опору, руки хватаются за воздух, но он успевает сделать кувырок, в груди и животе какой-то свинцовый шар, мгновение он видит тревожный блеск отцовских глаз, но движения точны — пальцы мертвой хваткой впиваются в ветку, и Балт Троол с облегчением смеется: «Ну, Марта, космонавт из парня выйдет что надо — реакция у него прямо-таки кошачья!» — а гордый собою Грэм ловко соскальзывает по толстому стволу...

Бешено вращалась мельница воспоминаний. На

секунду сквозь это мельтешение, словно нарисованная на прозрачной пластинке, проявилась неясная картина реального мира: раскаленное солнце, голая вершина, Дебора, вытянувшаяся у его ног, и неподвижно застывшие киберы — возможно, отключенные своими хозяевами, которые и сами теперь оказались в опасности. Но Грэм решительно зашторил ненужную сейчас картину и продолжал швырять все новые и новые воспоминания в бездонную, как у наказанных данаид, бочку... Да вот только оказалась она вовсе не бездонной, она стремительно вздувалась, уже был близок тот момент, когда она вот-вот взорвется от пе... ре...

5

...груз...

Грэм был уже ничем. Лишь искрой во мраке.

«Нет!!!» — возопила искорка.

...ки. На миг сбавив скорость, карусель вновь принялась набирать обороты.

Окружающий мир пошатнулся. Раскачивались устои мироздания, не в силах противостоять доведенной до отчаяния человеческой мысли. С безупречно чистого летнего неба посыпали хлопья снега, из безжизненной каменистой почвы пробивались к свету и через секунду снова исчезали деревья, где-то далеко, на равнине, ожил вулкан, извергая из себя черный пепел и лаву.

Мир утратил контроль.

Где-то во мраке, по другую сторону равнин и скал, за небесным пределом, вне времени и пространства Грэм открыл бушующую силу, что управляла миром последние несколько дней. Он не знал, какова эта сила, не мог постичь ее, ибо для нее оказа-

лось убийственным само его приближение. Неясное ощущение всеобъемлющего механического разума, лишенного эмоций, зато способного к бесконечным играм с вероятностями. Достаточно всемогущего для тотального контроля над этим миром: и падение каждого отдельного листочка, и стрекот насекомых, и бесформенные тени облаков, и капли дождя, и смена дня и ночи... Все это он.

Без неведомого разума мир расшатался, покатился в бездну первичного хаоса. Сила этого разума таяла, подобно кусочку льда, и взамен нее в НИ-ЧТО оставалось пустое гнездо, бывшееместилищем разума этого мира.

Не раздумывая, Грэм влил в эту дыру свое сознание.

И тогда узрел он свой мир.

Увидел спекшуюся на солнце вершину, на которой стоял он сам, окруженный зелеными киберами, а в ногах лежала, слабо подрагивая, Дебора. На мгновение его охватила острая жалость, но времени на чувства не было. Он видел скалистое плато, каждую травинку в степи и огромное черное тело звездолета, изуродованное клешнями киберов. Он увидел все до самого горизонта. И даже дальше. Казалось, это было его новое тело — огромный круг мира радиусом в тридцать километров.

«Всего тридцать километров?» — спросило неудовлетворенное сознание.

Это не предел... Можно и больше. Он теперь мог все. Он был всем! Но это потом, сначала надо закончить одно важное дело.

Он был молнией... множеством молний, рожденных в безоблачном небе, их ослепительные кинжальные удары обрушивались на киберов, неподвижно застывших у вершины. Затем уничтожил и других — тех, что остались у разрушенного звездо-

лета. Встревоженные светляки роились в воздухе. Грэм не знал, как поступить с ними, поэтому просто обратил их в облачко прозрачного пара и рассеял по ветру.

Что ж, противник был уничтожен...

Что дальше? Снова вернуться в прежнее тело, добраться до дому и покинуть эту планету? Нет, еще не время. Частью своего всеобъемлющего сознания он вернулся в свое тело, заставил его поудобнее сесть на плоском камне. После чего еще раз окинул взглядом окружающее пространство — до самого горизонта.

Заглянул и за линию горизонта.

Это оказалось проще простого. Все равно что расправить плечи после утомительно долгого сидения в пилотском кресле. Он был степью и рекой, плато и горной вершиной — единой окружностью, и границы окружности все раздвигались, захватывая все новые и новые пространства. Тридцать пять километров... сорок... вот уже весь горный массив внутри окружности, отворилась пещера, и взор вышел на новую равнину, по которой разлилась полноводная река. С двух других сторон вставали все новые и новые выжженные солнцем вершины, а прямо перед собой он увидел те самые поросшие лесом горы, которые он преодолевал вчера... Сорок пять километров... пятьдесят...

На самом ли деле он ощутил слабость или это только показалось? Едва уловимый чужой голос просочился в его сознание: «Не надо... это катастрофа... вернись...»

— Кто ты? — спросил Грэм.

Над безлюдными горами и долами голос его прокатился подобно раскату грома. Чужак не откликнулся. Наверное, сил не хватило, а может, просто испугался. И Грэм, опьяненный собственным могу-

ществом, продолжал расширяться во всех направлениях. Он не верил мольбам и предупреждениям. Чужак уже столько раз проявлял свое коварство.

Силы иссякли внезапно. И он остановился, когда охватил собой пространство радиусом в шестьдесят километров. Каким-то невообразимым образом он видел ВСЕ на этой огромной территории. До мельчайших подробностей. И именно детали давили на него колоссальным грузом — каждая травинка, комочек земли, отблеск солнца на покрытой рябью реке, каждое насекомое в траве и животное в лесу, птицы, облака, игра ветра в степи... Шатаясь под этой тяжестью, он заглянул за ПРЕДЕЛ.

Там не было ничего!

И Грэма внезапно осенило, что истина еще страшнее, чем он предполагал: сначала чужой разум, а теперь и он сам творили этот мир, и за пределами подвижной окружности ничего нет. Пустота. А сам он...

А кто такой он сам?

Нет ответа. Но НИЧТО гипнотизировало его, лишало сил, и он не удержал на своих плечах глыбу мира, оступился и рухнул вместе с мирозданием, которое, лишившись опоры и организующего начала, стало рассыпаться.

Сознание Грэма покатилося куда-то в пропасть и снова очутилось в старом теле. Горы вокруг него таяли, подобно куску сахара в воде, обнажались гранитные скалы, странные черно-белые линии расчерчивали небо, в далекой степи полыхал гигантский пожар. Камни под ногами вдруг стали менять цвета — из серых сначала превратились в красные, а потом в желтые. С неба срывался оглушительный треск и вой, словно за дрожащими полосами скрывались поврежденные динамики. Солнце было едва различимо, и почему-то оно преврати-

лось в квадрат, вокруг которого сиял квадратный же ореол. Откуда-то с дальних вершин налетел ураган, таща за собой черные грозовые тучи. Грэм ничком бросился на камни, с усилием сопротивляясь попыткам шквального ветра оторвать его от почвы. Пришла в себя Дебора и поспешила укрыться за высоким камнем. Перед самым лицом Грэма из скалы возник плотный ковер фиалок, ветер подхватил их душистый аромат и унес прочь. Далекие вершины таяли, и в наступившем мраке между ними мельтешили огненные шары. Сквозь дикий вой урагана неведомо откуда прорезались звуки бессмысленно веселого марша. Далеко в степи маршировала армия зеленых киберов и исчезала в пламени бушующего пожара. Затрепетал воздух над ущельем, из ничего возникли переплетения стального моста, по которому промчался старинный локомотив с высокой трубой, выплевывающей тучи пара и искр. Рельсы бежали перед ним по каменистому плато, а потом земля вдруг разверзлась и поглотила обезумевшую машину.

Огромная ослепительная молния разодрала небо и землю, и, сопровождаемый оглушительным грохотом, целый мир полетел в НИЧТО.

В последний раз Грэм оказался во всеобъемлющем вместилище и лицезрел, как все распадается. Перед его взором мелькали разорванные, не связанные между собой картины: в сотые доли секунды водоворот уничтожения всасывал в себя пилотские ложементы, ранцы, деревья, дисплеи, капли воды, запах омета, нечто мягкое и теплое, звездные атласы, звон гитарных струн, дружеские взгляды, листву, скалы, инструменты... Все исчезало в какой-то бездне, и сам Грэм летел, падал в ничто, навстречу смерти. Вокруг не было даже мрака, ибо мрак — это все-таки нечто, а водоворот поглотил и

его. Ощущая себя бесплотным облачком, лишенным сознания, Грэм даже не помышлял о спасении. Но спасение пришло само. Где-то там, где только что находилось вместилище чужого разума, появился проем... Что за проем? Куда он ведет? В иное пространство? В другую вселенную? Грэму это было неведомо. Он тоже начал распадаться, и последним усилием собрал себя по атомам и швырнул в проем, где наверняка его ожидала гибель.

Где-то в НИЧТО он услышал жалобный плач беспомощной малютки Деборы, оставшейся без соски и ласки. Сам не зная как (ведь он не имел теперь ни рук, ни даже тела), Грэм подхватил ее, и они перевалились за границу распавшегося мироздания. В последний миг Грэм успел увидеть, как водоворот превратился в яркую точку, которая — ЩЕЛК! — вдруг сжалась и погасла. Это означало конец его мира. Закрылись врата, ведущие в мир Грэма. А может, в НИЧТО? А впрочем, теперь это не имело значения, ведь сам он был уже бесконечно далеко, ибо он...

Он?..

Кем был он? Облаком разрозненных атомов, неясной туманностью рассеявшимся в пространстве... хотя нет, в каком-то туннеле, проложенном сквозь пространство. Облаком микроскопических светящихся искорок, все еще слабо связанных между собой, но заключающих в себе его личность, медленно текущие, ленивые его мысли. Ни зрения, ни слуха, ни осязания, никаких других человеческих ощущений больше не было. Осталось лишь самоосознание.

Я...

Грэм...

Троол...

Но было и еще что-то, в чем он не мог разобраться, и это нечто заменило собой исчезнувшие чувства.

Именно оно позволяло ему осознавать себя горстью ничтожных пылинок, несущейся с сумасшедшей скоростью сквозь туннель, — бескрайний, как Вселенная, и в то же время имеющий свои вполне определенные границы. Где-то здесь же, рядом или далеко, летела испуганная Дебора, вновь обратившаяся младенцем, молящая могучего и надежного Грэма — брата и отца — о ласке и заступничестве. Она даже не пыталась понять, почему вдруг тело ее превратилось в бесплотное облако. Она просто верила в силу человека. Грэм поможет, Грэм спасет и защитит.

А что же человек?

Грэм ничего не понимал. Некая властная, непреодолимая сила, которая, возможно, неразрывно связана с его новой сущностью, увлекала их все дальше и дальше в головокружительном падении, растягивала их призрачные тела на сотни, тысячи километров. Навстречу им неслись, подобные невероятным густым метеоритным потокам, другие облака частиц, пронзали их и в сотысячные доли секунды исчезали вдали. Свободно пронзали их... и все-таки отдельные искорки сшибались друг с другом, и эти микрокатастрофы порождали видения.

На их пути возникали и тут же исчезали розовые, поющие серебряным звоном горы, осыпанные тополиным пухом; их проглатывала сине-зеленая морская пучина, кишущая многоокими дельфинами, русалками и плетущими фантастическую сеть подводными пауками; в сумрачной воде шествовала с факелами армия шутов, облаченных в красное. Огромный пенистый водопад обрушивался с тысячекилометровой высоты, и в его бурлении неожиданно прорезался детский смех... Человек и пантера пронзали их, прорываясь в темно-синее небо, усыпанное золотыми звездами. Темное небесное полотнище с треском разодралось перед ними, и их

взорам предстали горы несметных сокровищ, а потом они катились вниз по склону сквозь завесу пламени, болезненные ожоги покрыли их тела, но пропахший мятой ветерок касался их, и боль быстро отступала...

«Галлюцинации...» — мысль с трудом просочилась сквозь частицы, бывшие нынешним Грэмом.

О да, это были галлюцинации, но до чего же они достоверны. Абсолютно реальными казались незнакомая бодрая песня, разлившаяся в пространстве, холодный зеленый туман, который на мгновение обволок их и тут же рассеялся, рой многоцветных лент, развевавшихся позади двух стремительных облаков, некогда бывших человеком и пантерой. Огромные орхидеи чувственно раскрывали перед ними свои надменные цветы, которые тут же накрывали мозолистые ладони сторуких титанов, подпиравших плечами небесный свод; пурпурный дождь обрушивался на них звонким вихрем...

Да что же это такое?! Откуда?! Грэм уже догадался, что галлюцинации возникают в результате столкновения несущихся навстречу частиц с частицами его распавшегося мозга. Но что это за частицы и что за поток, бешено мчащийся его в неведомость?! В нынешнем своем состоянии Грэм не мог исследовать окружающее пространство и те, без сомнения реальные, темные пятна, мимо которых они то и дело пролетали.

Да-да, эти темные пятна! В самом деле, что они такое? Ощущая себя в кошмаре, Грэм мучительно соображал. Мысли были тяжелы и вязки. Где-то он уже видел такие пятна. Но вот где? Память ползла медленно, как черепаха. Пятна появлялись и уносились прочь. Каждое из них проглатывало часть потока микроскопических частиц...

Понимание пришло неожиданно. Ну конечно

же, он видел подобные пятна... Совсем недавно... Когда вырвался из распадающегося мира... Значит... Ну да, пятна — это другие миры!.. Какие? Хотя это не имеет значения... Реальные миры... Настоящие... Не то что этот бесконечный туннель, наполненный лишь видениями да безумно циркулирующими частицами материи...

Пролетая сквозь серебристые перья и небесно-голубой сладкий снег, сквозь взрывающиеся солнца и квакающие серые скалы, Грэм высматривал окошки-порталы в другие миры. Поначалу он не успевал даже изготавиться к прыжку — слишком быстро он мчался, и порталы, мелькнув, уже оставались за сотню километров позади. Но потом он сообразил, что надо делать. Растянув себя и Дебору в бесконечно длинные нити, он максимально сконцентрировался...

И миг наступил.

Треть его существа уже вырвалась вперед, но Грэм все-таки успел просочиться в черное пятно. Растянувшееся «тело» трепетало, готовое вот-вот рассыпаться, и все-таки связи между искорками выдержали. Два светлых облака бок о бок летели в потоке других частиц по новому, более узкому туннелю, но это продолжалось какую-то долю секунды, а потом Грэм ощутил, что нечто упругое противостоит им, пытается оттолкнуть назад. Казалось, что они врезались в сетку, но скорость их была слишком огромна, и препона, лопнув, пропустила их в реальный мир.

Скатившись по какой-то мягкой плоскости, они вновь обрели свои прежние тела. Нечто жилистое и густое поглотило инерцию, остановило падение, приняло их в свои объятия...

Грэм медленно поднялся. Вокруг стоял голубоватый предрассветный полумрак. Со всех сторон их окружала никогда не знавшая косы высокая,

буйная сочно-зеленая трава. Вдалеке змеилась томная, спокойная река, а позади них поднимался девственный лес, широколиственные деревья соседствовали с исполинскими соснами и елями.

Представшая их глазам картина поражала величавым спокойствием. Здесь царили насыщенные, густые цвета. Воздух был неподвижен, не тронутый ветром, лес задумчиво молчал под постепенно бледнеющими крупными звездами.

Грэма охватила смертельная усталость. А вместе с ней пришла боль, разливаясь по всему телу. Ему хотелось только одного — отдохнуть, выспаться, утонув в густой траве этого спокойного луга.

Он сел, потом медленно опрокинулся на спину, и мягкая трава сомкнулась над ним, пуховиком легла под натруженные плечи, закрыла его от внешнего мира. Бледные звезды нежно, не мигая взирали на него с такого далекого неба.

Это было истинное блаженство. Досадный вопрос «где я?» прокрался было в мозг, но Грэм лениво отогнал его. Зачем спешить?.. Каким бы ни был этот мир, сегодня он дарил Грэму сладостный отдых. Утро вечера мудре...

Грэм спал.

6

Какой кошмар...

Грэм заворочался, и откинутые мягкие пледы легли рядом. Наверное, было уже поздно, потому что он почувствовал на лице тепло солнечных лучей, проникающих сквозь оконное стекло. Поблизости сонно промурлыкала Дебора.

— Спи, спи, — пробормотал Грэм. — Нам некуда спешить.

И открыл глаза.

Реальность окатила его, как ушат холодной воды. Он приподнялся на локтях, сел и осмотрел незнакомую поляну, лес, речку вдали...

Значит, это был вовсе не кошмар!

Сейчас он вспомнил все, что с ним происходило, — погоню, последнюю, отчаянную схватку с роботами, смерть чужого разума, крушение мира... Вспоминал спокойно, без излишних подробностей, которые довели его до катастрофы. Наверно, даже если напрячь всю память, он не смог бы заново пережить полет сквозь пространственный туннель и фантастические галлюцинации, порождаемые столкновением с встречными потоками.

Этот мир встретил его гостеприимно. Может быть, хоть здесь он обретет покой. Но куда он попал? На какую планету? Есть ли тут люди, есть ли связь с Землей? Странно, но это его не волновало. Какая-то другая, неясная тревога была разлита вокруг. Что-то было не так в этом тихом, спокойном мире. Он опять испытал мучительное чувство, что реальность — всего лишь занавес, скрывающий истинную сущность бытия. Подсознание улавливало какую-то несообразность во всем, что его окружало. Но что именно было не так? Пейзаж выглядел таким мирным, неспособным породить какую бы то ни было угрозу...

Словно нарочно, чтобы развеять его сомнения, с неба долетел хриплый, злобный старческий смех. Грэм вскочил на ноги, повернулся и застыл на месте, не веря собственным глазам.

Низко над верхушками гигантских елей летела деревянная ступа — огромный стакан, выдолбленный из неотесанного цельного пня. Внутри его сидела сухощавая старушенция, давно перемахнувшая столетний рубеж, одетая в рваное черное платье в заплатках и засаленную дубленую жилетку.

Запавший беззубый рот был почти незаметен на ее потемневшем от грязи лице, но зато костлявый подбородок, усеянный жидкими седыми волосками, воинственно торчал, накрываемый сверху огромным горбатым носом, украшенным бородавкой величинной с виноградную косточку. Свальявшиеся сивые волосы выбивались из-под грязного платка, развеваясь на ветру. Под темным кустарником бровей блестели маленькие глазки, полные хитрой злобы и радостного предвкушения какой-нибудь скорой пакости. Двумя костлявыми руками старуха крепко держала длинную, изрядно потрепанную метлу, энергично размахивая ею, как гребец на байдарке-каное. Вопреки всем ожиданиям, этого движения было вполне достаточно, чтобы придать ступе приличную скорость, сравнимую со скоростью самолета.

«Невероятно! — изумился Грэм. — Какая-то немислимая, первобытная антигравитационная система!»

Фантастическое видение длилось всего несколько секунд. Старушенция перекинула метлу по другую сторону летательного аппарата, ловко загребла и скрылась за кронами деревьев. Издали в последний раз донесся ее смех, и над поляной вновь воцарилось спокойствие.

Внезапно Грэм понял, что же все-таки было не так. Цвета! Никогда прежде он не видел пейзаж со столь чистыми, яркими цветами — как на картинке в детской книжке. Небо ослепительно синее, совершенно одного и того же тона повсюду, даже у горизонта, где оно должно быть явно темнее. Трава, словно омытая недавним дождем, блестела неправдоподобной, изумрудной зеленью. Темно-зелеными были тенистые ели в лесу, словно тщательно нарисованные масляными красками. Река вдалеке не отличалась теми характерными для реальной воды

серо-коричнево-зелеными оттенками, а сияла чистой синевой почти того же тона, что и небо.

Даже солнце! — неожиданно заметил Грэм. Оно грело, но не слепило глаза. Его можно было рассматривать — бело-желтый шар на плотной синеве небес, окруженный лучистой короной из оранжевых языков пламени.

Дебора опять замурлыкала и потянулась в траве возле его ног. Грэм бросил взгляд в ее сторону и не сумел сдержать удивленного восклицания. Что стало с Деборой! Ее длинное черное тело было таким же, как всегда, но лишь на первый взгляд. Незвестный художник прошелся кистью по телу пантеры. Сейчас ее шерсть утратила блеск и выглядела насыщенно черной — как ночь, как сажа. Несколько штрихов превратили Дебору в шарж, в гениальный эскиз симпатичного, ловкого хищника, не имеющего ничего общего с реальностью.

И лишь теперь Грэм решил оглядеть собственное тело. Он уже был готов к тому, что заметит что-то необычное, но, несмотря на это, вздрогнул, увидев собственные ноги в узких зеленых брюках и остроносых красных сапогах из хромовой кожи до середины голени. Сверху на нем была надета зеленая рубаша, подпоясанная широким кожаным ремнем с большой лимонно-желтой пряжкой. На плечах лежал красный зубчатый воротник, переходящий в висящий за спиной капюшон.

Поблизости синел небольшой пруд, обросший нереальным нарисованным камышом. В несколько прыжков Грэм подскочил к пруду, раздвинул жилистые зеленые стебли и наклонился над водой. Неподвижная, гладкая синеватая поверхность отразила его лицо — знакомое и незнакомое, смесь стилизованных черт, которые превращали его в сказочного героя — русоволосого, смелого, решительного...

Не зная, каким образом, Грэм напряг волю и увидел в водном зеркале, как постепенно исчезает дорисованное и появляется его прежнее, настоящее, хорошо знакомое лицо. Отражение задрожало, зеленая рубашка опять превратилась в драный красный свитер, брюки стали синими, сапоги — коричневыми, из искусственной кожи с магнитными «молниями»... Но ненадолго. Достаточно было ослабить напряжение мысли, как нарисованный образ появлялся опять с наглостью назойливой мухи. Можно было снова его прогнать, но Грэм лишь махнул рукой и вернулся к Деборе. Если и в этом мире есть «чужак», то лучше всего вступить с ним в игру, пока не станет ясно, что к чему.

Пантера открыла глаза, и Грэм неожиданно заметил, что они утратили свой фосфоресцирующий блеск. Сейчас возле ее черных зрачков была яркая, но непрозрачная зеленая окантовка.

— Где мы? — спросила Дебора. Слава богу, голос у нее был прежним.

Грэм пожал плечами.

— Не знаю. В каком-то рисованном мире... Не спрашивай меня ни о чем. Я сам ничего не понимаю. Кто-то с нами играет, Дебора... Может быть, сверхцивилизация или... или что-то, чего мы не можем себе представить.

Она повела своим графитовым телом и встала.

— Значит, так... Я это предчувствовала, Грэм. Помнишь? В тот вечер, на плоту. И теперь чувствую, хотя и едва уловимо... Что будем делать?

— Ждать.

Неожиданно в конце леса, метрах в ста от них, стало заметно какое-то движение. Из-за деревьев выскочили две маленькие фигурки и с пронзительным поросычьим визгом побежали по поляне. Грэм

прищурил глаза, чтобы лучше их рассмотреть, и тут же сморщился. Этот мир предлагал какую-то ерунду... Или, может быть, в ней была какая-то непонятная пока логика?

В высокой траве отчаянно бегали два одинаково розовых поросенка. Один был одет в синюю матроску, а на голове у него чудом держалась бескозырка с длинными черными ленточками. Второй был в пиджачке и брючках в желтую с красным клетку, а на голове подпрыгивала смешная зеленая шляпа. Похоже, поросята были музыкантами, потому что тот, который в матроске, тащил за собой по траве скрипку, а другой нес на плече длинную флейту, похожую на старинный мушкет.

Из леса донесся свирепый, кровожадный рев. Дебора напряглась, наострила уши и устоялась на новую фигуру, появившуюся на поляне. Но это был всего лишь очередной гротескный герой этого мира. Его можно было бы принять за волка, если бы не синие брюки-клеш, красные сапоги со шпорами, пиратская бандана на голове и широкий пояс, за который были заткнуты огромный кривой, щербатый нож и ржавый пистолет с расширяющимся в форме кулька дулом.

При его появлении поросята завизжали еще громче и забегали еще быстрее. Но волк оказался хитрей. Он бросился за испуганными до смерти жертвами и почти догнал их на середине склона низкого пологого холма. Поросята бежали мимо высокой, раскидистой яблони. Поглощенный духом погони, волк не успел сориентироваться и со всего маху врезался в дерево. Пока он падал на землю, возле его головы кружили ярко-желтые звездочки, а с зеленой яблони лавиной сыпались крупные ярко-красные яблоки.

Продолжая визжать, поросята поднялись на вершину холма и исчезли. Все еще окруженный звездочками, волк, пошатываясь, побрел за ними вслед.

Несколько секунд Грэм продолжал смотреть на опустевший холм. Ему не хотелось размышлять. Логика не могла ему помочь в этом мире условностей. Раз над лесом летают грязные старухи в антигравитационных пнях, а одетые волки гонятся за одетыми музыкантами-поросятами, значит, здесь это в порядке вещей.

Вдруг его взгляд упал на кучу яблок под деревом, и Грэм почувствовал, что голоден. Сколько времени он не ел? Они позавтракали на плоту, перед тем как плыть к кораблю. Сейчас снова утро...

— Пошли, Дебора, — бросил он и пошел в сторону холма.

Вблизи яблоки выглядели ненастоящими, как и все остальное в этой стране. Их цвет просто бил в глаза, они скорее были похожи на зрелые помидоры. Размеры тоже были ненормальные — яблоко едва могло бы уместиться в горсти. И больше всего поражала их форма — яблоки были более сплюснутыми, чем известные Грэму фрукты.

Грэм взял яблоко и недоверчиво надкусил. Раздался неправдоподобно звонкий хруст, и во рту остался привкус не фрукта, а скорее приторного теста. Ничего, есть можно. Даже приятно. Он быстро сгрыз яблоко и потянулся за вторым.

— Я тоже голодная, — недовольно напомнила о себе Дебора. — Только вегетарианское меню меня совершенно не устраивает.

Словно уличенный в неприличном поступке, Грэм бросил новое яблоко в кучу и повернулся к пантере.

— Ты права... Пошли. Будем надеяться, что-нибудь и для тебя найдется.

Шагая рядом, они взобрались на холм и осмотрели равнину по другую его сторону. Неподалеку от реки высился маленький белый домик с красной черепичной крышей, зеленой дверью и зелеными деревянными ставенками на окнах. Волк ходил вокруг домика, останавливаясь время от времени, раздуваясь и начиная дуть на стены, словно мощный компрессор. В воздухе кружились листья, травинки, веточки, но, судя по всему, этот искусственный ураган выглядел не слишком опасным для каменной кладки.

— Может, стоит ему помочь? — промолвила Дебора и мечтательно добавила: — С удовольствием бы съела свиную отбивную.

— Боюсь, что это будет расценено как каннибализм, — мрачно ответил Грэм. — Лучше тебе поискать другой способ питания.

По равнине пролежала утрамбованная проселочная дорога с многочисленными поворотами, хотя могла бы быть гораздо более прямой. Примерно в километре от холма дорога упиралась в деревянный мост через реку, а потом бежала к горизонту, где высились какие-то высотные здания.

— Это город, — указал рукой Грэм. — Пошли туда. В городе, по крайней мере, должны быть рестораны.

Они спустились с холма и пошли в направлении дороги. Над их головами, в синем небе, плыли белые нарисованные облака с отчетливо очерченными контурами.

Едва они сделали несколько шагов по гладкой, укатанной дороге, как сзади раздался звук тромбона. Они отскочили в сторону и обернулись.

Допотопный красный кабриолет медленно подъехал к ним и остановился. Шофер приподнялся с сиденья, и Грэм удивленно моргнул. Это был не человек, хотя его тело походило на карикатуру человека. Голова была черная, с двумя большими круглыми черными ушами, белой мордочкой и носиком, который по форме и цвету напоминал маслину. Единственная одежда существа состояла из пары широких белых перчаток и пышных коротких штанишек на бретельках с большими желтыми пуговицами.

— Эй, привет! — гордо воскликнуло существо тоненьким веселым голоском. — Давайте знакомиться! Я — Микки. А вы кто?

— Я — Грэм Троол, — серьезно произнес Грэм. — Это моя подруга Дебора.

— Ах, тролль! — рассмеялся Микки. — Я давно знал, что в заколдованном лесу живут колдуньи, лешие, тролли и феи. А куда ты идешь, тролль?

— В город... — смущенно проговорил Грэм. — Мы ищем ресторан, потому что хотим есть...

— Подождите! Я вас сейчас накормлю. Микки никогда не бросал друзей в беде.

С этими словами существо ловко выскочило из машины, отбежало назад и вытащило из багажника большую плетеную корзину, завернутую в белую скатерть. Дебора понюхала воздух и облизнулась. Не обращая на нее внимания, Микки подбежал к машине спереди, поднял капот, обнажая нарисованный двигатель, который, по всем правилам механики, не должен был работать. Но работал. Торчащая спереди лопасть вентилятора быстро вертелась. Микки сдернул скатерть, расстелил ее на траве у дороги и положил на нее французский батон, кусок колбасы и пакетик желтоватого масла.

— Вы любите бутерброды? — спросил он.

Парочка не ответила, а Микки и не ждал ответа. Жестом фокусника он сунул батон между лопастями вентилятора. Нарезанные кусочки хлеба полетели в воздух, описывая дугу. Микки ловко собрал их в подставленную ладонь, разложил на скатерти и потянулся за маслом.

— Нет! — воскликнул Грэм. — Это невозможно!

— Все возможно, друзья! — радостно ответил Микки, засовывая масло в вентилятор.

Тоненькие кусочки масла полетели, словно выстреленные из пулемета. Проявляя чудеса ловкости, Микки хватал кусочки хлеба со скатерти, ловил на них масло, укладывая одной рукой на скатерть, а другой подставляя хлеб под масло. А потом проделал ту же манипуляцию с колбасой.

— Как хорошо, что я вас встретил, — удовлетворенно произнес Микки без малейшей тени усталости. — Моему мотору давно была нужна смазка. А теперь ешьте, не стесняйтесь.

Дебора не стала ждать повторного приглашения и набросилась на бутерброды. Грэм последовал ее примеру. А Микки вытащил из багажника паяльную лампу и большой початок кукурузы. Пошарил в бездонном кармане своих штанов, вытащил оттуда спичку и изящным жестом шаркнул ею о свою торчащую попу. Спичка вспыхнула с сухим треском. Микки поднес ее к паяльной лампе. Из дырчатой трубы вылетел длинный красный язык пламени.

С надкусанным бутербродом в руке Грэм следил за новым приемом изобретателя. Микки почувствовал это и действовал с гордой небрежностью. Поднял паяльную лампу над салфеткой и поднес початок к пламени. Желтые зернышки с оглушительным треском превратились в поп-корн.

— Вот и все, в этом деле главное — ловкость

рук, — сказал Микки, потушил лампу и убрал ее в багажник вместе с пустой корзиной.

Бутерброды закончились. Микки ссыпал воздушную кукурузу в большой бумажный пакет, потом сложил скатерть и положил ее в «бардачок» машины.

— Хотите, отвезу вас в Диснейленд?

— Хотим, — согласился Грэм.

Вскоре старый автомобиль, тяжело пыхтя, полетел по шоссе. Грэм и Микки сидели спереди, Дебора растянулась на заднем сиденье. Странное существо управляло одной рукой, а другой ловко подбрасывало поп-корн из бумажного пакета, ловя его ртом. Грэм с тревогой следил за этими беззаботными манипуляциями. Похоже, Микки заметил настраивание спутника, потому что его рот растянулся в широкой улыбке аж до самых ушей.

— Не волнуйся, тролль. Я лучший шофер в Диснейленде! Сейчас вы побываете у меня в гостях, а потом, я надеюсь, пригласите меня в волшебный лес.

Грэм не хотел врать, а потому только кивнул.

Вдруг его охватило чувство, до чего смешно и бессмысленно все это. Он, Грэм Троол, опытный космонавт и исследователь, сидел в какой-то старинной машине рядом с воображаемым существом и послушно играл роль тролля из волшебного леса.

«Ну а что мне остается? — подумал он. — Что мне остается, кроме как покориться той воле, которая играет со мной? Однажды я попробовал сопротивляться и разрушил свой мир. Хорошо, предположим, я снова начну борьбу и опять разрушу этот мир. Смогу я понять «игроков»? Или произойдет всего лишь еще одно «бессмысленное уничтожение»?»

Он не знал. Это было самое худшее. Чтобы нанести удар, надо знать, когда и где ударить. А до тех пор... Ну, до тех пор придется покориться обстоя-

тельствам и соблюдать те правила игры, которые ему навязывались.

Автомобиль пересек равнину, доехал до реки и покати́л по деревянному мосту. Они постепенно спускались вниз, шоссе становилось все круче и уже, по обеим его сторонам появились насыпи. Неожиданно Микки подскочил на сиденье и театрально воскликнул:

— Тормоза отказали!

Он несколько раз всей своей тяжестью надавил на педали, но скорость продолжала расти. Навстречу, из-за поворота показалась смешная маленькая машинка, которую вел белый утенок в синем костюмчике и синей бескозырке. Похоже, подобный наряд пользовался здесь успехом.

Увидев летящую навстречу машину, утенок подскочил и прежде всего схватился за голову своими необычными ручками-крылышками. Бескозырка взлетела вверх. Потом он поднялся над лобовым стеклом, оживленно размахивая крылом, и закричал квакающим голосом:

— Посторонись! Посторонись!

Микки с удовольствием бы выполнил эту просьбу, но машина потеряла управление. Утенок резко прижался к насыпи. Красный кабриолет пронесся мимо, раздался треск, и сидящая в машине тройца подпрыгнула. Грэм увидел, как левое переднее колесо отлетает назад. Катастрофа, казалось, неминуема, но Микки впился в руль и выдернул его, потом перевесился через кузов машины и поставил руль на место отскочившего колеса. Замена была неравноценной, но как-то решала проблему. Машина, подпрыгивая, продолжала нестись дальше.

От руля теперь остался только короткий железный штырь, конец которого торчал на высоте нескольких сантиметров над панелью управления.

Микки крепко сжал его обеими руками и повернул. Машина сделала поворот, из-за которого высочил утенок. Впереди показались первые улицы Диснейленда.

Под колеса попал камешек, и машина затряслась. Крышка «бардачка» открылась, и оттуда выпала скатерть. Встречный ветер поднял ее и накрыл лицо Микки.

Следующая минута была неопиcуемой. Оставшись без управления, машина виляла с бешеной скоростью между высокими зданиями. Встречные машины панически отскакивали в стороны, какие-то врeзались в стены, другие сносили фонарные столбы, влетали в широкие витрины. Микки боролся с непокорной скатертью, наконец справился с ней и моментально оценил ситуацию. С изумительной реакцией сунул руку под сиденье, вытащил оттуда большую металлическую тарелку и надел ее вместо руля на торчащий железный штырь.

Импровизированный руль несколько облегчил положение. Машина протарахтела по улицам, задела бульдога в полицейской форме, разметала, словно кегли, урны с мусором и въехала в более спокойный квартал. Домики здесь были одноэтажные, с широкими дворами, огороженными цветными деревянными заборами и живыми изгородями. В одном из дворов какая-то странная собака в бриджах для гольфа, черном жилете и помятой шляпе сгребала скошенную траву и, чтобы лучше ее утрамбовать, полезла на верхушку стога. Увидев машину, собака замахала граблями и весело закричала:

— Привет, Микки!

— Привет, Гуффи! — сердечно ответил юный шофер. — Кажется, мы едем к тебе в гости.

— Ну, тогда добро пожа...

Не успел пес закончить фразу, как красный ав-

томобиль снес ограду, проехал по двору и остановился, врезавшись в стог и раскидав в разные стороны сено. Гуффи взлетел вверх, сделал в воздухе сальто и упал прямо на колени Грэму.

— Вот мы и приехали! — сказал Микки. — Я живу в соседнем доме.

Гуффи, как бы извиняясь, приподнял помятую шляпу и выбрался из машины. Микки последовал за ним. Оставшись в машине, Грэм смотрел им вслед, пытаясь справиться с обуревающим его гневом. Что ему тут надо, в этом карикатурном мире, заселенном примитивными, недоразвитыми существами? «Игроки»? Здесь он их не найдет. Лучше попытаться отыскать их где-то в другом мире. Может быть, ему улыбнется счастье.

Гуффи и Микки скрылись за домиком. Грэм напряг память. Он уже знал, что надо делать — складировать воспоминание за воспоминанием, чтобы потом скопом обрушить умственное напряжение на неизвестного «игрока», перегрузить его и подавить.

Да, это было так просто.

И он обрушил этот мир...

Вот он снова маленький, карабкается на дерево возле старого дома, который не старый, а совсем новый, потому что отец построил ее несколько месяцев назад, и даже здесь, на высоте, ощущается запах смолы от дощатых стен, а кора под ладонями шершавая и немного скользкая от осевшей на ней пыли, потому что дождя не было уже много недель, и внизу на веранде Балт Троол, задрав лохматую бородку, пьет апельсиновый сок, сидя с закатанными руками в кресле-качалке. «Осторожней, Грэм, ты уже слишком высоко забрался!» Опора уплывает из-под ног, но он уже не на дереве, а в кабине космического корабля. Дебора, еще маленькая черная

чертовка с коротким хвостиком, вертится у него на руках и пытается неловкими передними лапами половчее схватить соску. От ее тупой мордочки отделяются белые шарики молока и медленно плывут в невесомости кабины. Его первая экспедиция... Он выходит из корабля, одетый в скафандр. Рядом дрожит прозрачный зеленоватый туман, высокие острые скалы, разъеденные эрозией, вздымаются к зеленому небу...

Рисованный мир не хотел исчезать. Напротив Грэма красноватая собака с длинными ушами и глухой физиономией перепрыгнула через ограду и направилась к тыльной части домика. Из-за угла долетел крик Микки:

— Спокойно, Плут, спокойно!

Плуту, видимо, не хотелось вести себя спокойно, потому что за углом что-то зашумело, загремело, и Гуффи взревел трагикомическим голосом.

Грэм стоял неподвижно, с бессильно опущенными руками, медленно осознавая, что же произошло. Мельница воспоминаний не хотела работать.

Неужели он осужден до конца дней оставаться в плену этой нелепой имитации действительности? Нет! Он снова напряг память, и воспоминания покорно потянулись чередой. Вот он впервые в кабинете Хуана Ивановича Смита, ему хотят доверить важную галактическую задачу. Потом пошло лето на берегу реки. Загорелый раздетый Грэм лежит на обжигающем песке. Возле его лица по травинке ползет какая-то красная букашка. Внезапно пробежавший по спине холод заставляет его испуганно подскочить, и он видит Дебору, еще совсем молодую, смеющуюся довольно, обнажающую в смехе острые клыки и розоватое гофрированное небо.

Вдруг он понял, откуда идет это ощущение чего-то знакомого. Не оттого, что это его воспоминания

о пережитом им лично. Не только это — просто он уже пользовался этими воспоминаниями. Вечер на веранде, грозовая ночь у реки, появление светлячков, сражение с киберами... Все то же самое, ничего нового. Почему? Им овладевало неясное, ужасное предчувствие. В голове царила пустота. Ему казалось, что он превращается в ящик картотеки, заполненный карточками, называемыми воспоминаниями, и только изредка между этими карточками воткнуты редкие фотографии. Где же его воспоминания? О чем же ему вспомнить? О старом Балте Трооле? Вот он, внизу на веранде пьет апельсиновый сок, сидя с закатанными рукавами в кресле-качалке... Нет, к черту, не то! Хорошо, вот это, вот он держит маленького Грэма на коленях в кабине пилота старого корабля и нажимает на его палец своим кривым указательным пальцем... Нет, надо что-то еще! Балт Троол с уже седеющей бородой сидит рядом с четырнадцатилетним Грэмом и одобрительно кивает головой... Еще! На свежую могилу сыплются комья земли, в воздухе разносится странный, инопланетный аромат, а по красноватому, сморщенному лицу незнакомого пожилого мужчины...

Еще?

Иного не дано!

Отчаянно, лихорадочно Грэм перетряхивал память до самого дна, очень мелкого дна. И все время повторялось одно и то же — шли воспоминания лишь последних двух дней, лишь то, о чем он думал или что вспоминал после того странного дождливого вечера. Иного не дано.

От внезапно нахлынувшей слабости у него подкосились ноги. Он сел и прислонился спиной к неестественно красной кирпичной стене. Он-то думал,

что нашел оружие против всемогущих «игроков», а оказалось, они всего лишь играли с ним, а когда им это надоело — отняли у него память. Чего же им надо? Окончательно сломить его личность, превратить его в бездушную куклу? Может быть, это от него и требовалось — безропотно воспринимать любую игру, любое надругательство над телом и душой? Приспосабливаться к той жизни и оставаться там, куда его отправят, если понадобится — навсегда смириться с образом тролля в зеленом костюме с красным капюшоном и удовлетвориться компанией Микки и Гуффи, поросят и волка, злобной летающей старушечки... Тогда, наверное, и воспоминания появятся, наверное, его оставят в покое, насколько это возможно, пока играют другие фигуры, а он ждет своего хода.

«Ну и что? — с горечью подумал он. — Это тоже жизнь». Надо только сдаться и поверить в то, что он действительно тролль, а все остальное — сон, давнее видение. Нет космических кораблей и далеких планет, нет миссии и кабинета Хуана Ивановича Смита. Он — тролль Грэм, родившийся в этом лесу...

Да, он родился в сказочном лесу, во мраке густых сосновых чащ, и ласковый ветер качал его хрустальную колыбель. Огромный черный кот пел ему колыбельные песенки, а маленький тролль тянул ручки к кусочку голубого неба над головой, и вечерами нежная фея-мама сыпала ему в колыбель горсти звезд, он их сосал, и у них был вкус мятных конфет. Когда он немного подрос, старый, грузный, но добрый отец водил его по лесу, волоча по земле длинную седую бороду. Духи подземелья распахи-вали двери ревниво охраняемых сокровищниц, чтобы поприветствовать престолонаследника леса, и даже злобная Баба Яга (да, так зовут летающую

старуху!) умилялась и беззубо гукала, рассказывая ему сказку про избушку на курьих ножках...

Ха!

Что-то неуловимо знакомое шевельнулось где-то в глубине. Грэм взревел злобно, торжествуя и вскочил на ноги. Вот так! А теперь еще воспоминания, еще!

И опять чей-то испуганный голос советовал ему остановиться, но карусель воспоминаний набирала обороты. Кто-то упорно не хотел давать ему эти эрзац-воспоминания, но не имел власти остановить начавшийся процесс. Таков был закон этих миров — они должны были или обеспечить Грэма памятью, или хотя бы чем-то ее заменить. Перед его мысленным взором замелькали сказочные поляны, домики гномов, кроткие красавицы, изгнанные коварными мачехами, старые мудрые короли, добродушные и хитрые крестьяне, злые великаны, храбрые рыцари, дриады и наяды, прячущиеся в озерах и лесах, дороги, ведущие в далекий Диснейленд, где живут Микки и Мини, кот Феликс, матрос Папай, глупый пес Гуффи и утенок Дональд, но это был город двадцатого века. А есть и более старые города, в них живут принцы и короли, там Золушка и Снегурочка, Кот в сапогах и Бременские музыканты, а вот опять лес, в нем порхают, перелетая с цветка на цветок, эльфы с радужными длинными крылышками, и Красная Шапочка идет в гости к бабушке...

Его память была похожа на сосуд с водой, висящий на тоненькой нитке. Каждая новая капля усиливала натяжение нити. Он чувствовал, как каждый новый образ натягивает ее еще, еще чуть-чуть...

Наконец нитка не выдержала и оборва...

...доски пола гудели у него под ногами, а он все бежал, бежал, бежал в толпе странно одетых людей. Все неслись ему навстречу, к... (куда? к перронам вокзала Виктория?). Грэм не знал, куда он попал после нового перелета сквозь пространство, после бесчисленных галлюцинаций. В голове тупо пульсировала какая-то неясная мысль, что-то захлестываемое смутной злобой. Он должен был спешить, и он спешил, расшвыривая локтями устремленную навстречу толпу. Дамы в длинных, до пят, платьях и замысловатых шляпках возмущенно чирикали ему вслед, господа в цилиндрах или котелках злобно грозили тросточками. Он не обращал на них внимания. Он бежал.

Попытался остановить чье-то тело, но не успел. Его охватил страх. Впервые он попадал под действие сил, с которыми не мог совладать хоть сколько-нибудь. Словно несясь в колеснице с взбесившимися конями, и ему не оставалось ничего другого, кроме как ждать, когда закончится этот сумасшедший бег сквозь толпу, к выходу из огромного старого здания.

Рубаха стала мокрой от пота, жгучая влага пропитывала подкладку его нелепого серого костюма, серый цилиндр чудом держался на голове. Перед зыбким, словно чужим взглядом мелькали отрывочные картины — спешащие пассажиры с пухлыми кожными чемоданами, мрачные носильщики, согнувшиеся под тяжестью багажа, закопченные стеклянные своды высоко вверху, маленькие магазинчики по углам, витрины, за которыми люди в старинных костюмах пили чай или, смущаясь присутствием посторонних, жевали бутерброды...

Толпа поредела. Невероятным усилием воли

Грэму удалось взглянуть в сторону, и он увидел бегущего рядом с собой огромного черного датского дога. В морде собаки, в очертаниях тела животного было что-то знакомое, и, скорее интуицией, чем разумом, он почувствовал, что это Дебора.

По широким стертým каменным ступеням он выскочил на улицу, на кишашую народом привокзальную площадь. На брусчатке ждали десятки черных экипажей, запряженные двойкой лошадей. Грэму они показались просто смешными, но тот, другой, в теле которого он сейчас пребывал, находил их самым лучшим транспортным средством. В несколько прыжков он очутился у ближайшего... (как его там? кэба?) и юркнул в купе. Дог с высунутым языком расположился у него в ногах.

Извозчик наклонился с козел и лениво осведомился:

— Куда едем, сэр?

Не переведя толком дух, Грэм уже сообщал, почти крича, знакомо-незнакомый адрес, хрипло добавляя:

— Получишь гинею, если поторопишься!

Длинная плетъ хлестнула лошадей. Кэб затрясся и понесся вперед по неровной брусчатке. Колеса оглушительно тарахтели, вся повозка тряслась, но тем не менее привычному к космическим скоростям Грэму казалось, что они летят вперед со страшной скоростью. За стеклами окон мелькали старинные здания, трех- или четырехэтажные, построенные из камня или кирпича, на перекрестках стояли полицейские в смешных яйцевидных шлемах.

Здесь ничто не было ему знакомо. Костюмы, фасады, средства передвижения — все выглядело странным и невиданным. И все же это была Земля. Может быть, Земля какой-то другой эпохи, но это

не имело такого уж большого значения. Если неведомые силы перестанут мотать его по разным пространствам, а начнут лишь менять эпохи, у него останется шанс рано или поздно вернуться в свой мир, в мир, который он знал.

Он попытался проникнуть в мысли того, другого. Мыслей не было... Как его зовут? Да, вот его имя. Джон... Джон Уилбери...

Джон Уилбери сидел на жесткой скамье, бесильно откинувшись назад, и трясся вместе с кэбом. В голове у него все смешалось — отчаяние и гнев, злоба и бессилие, надежда и страх. Он не мог думать, не мог даже пошевелиться. Его парализовало ожидание чего-то неизбежного.

Экипаж подскочил на каком-то ухабе. Откинутая назад голова пассажира качнулась, и на мгновение Грэм увидел в стекле справа свое прозрачное отражение. Что-то из его привычного облика было в образе Джона Уилбери. Блондин, широкоплечий, с волевым лицом и вздернутым подбородком, с голубыми глазами, помутневшими сейчас из-за близкого к шоковому состояния. Рост немного ниже метра восьмидесяти пяти, но это, наверное, издержки эпохи. Все равно он выглядел настоящим гигантом среди мелких обитателей исторического... да, Лондона.

Грэм чувствовал, как его собственные мысли затягивает, словно зловонная тряпина, чужая апатия. Чувства Джона Уилбери были ему незнакомы. Да, гнев, да, злоба, да, отчаяние — но совсем не такие! Неужели сквозь подобные ужасы разума пришлось пройти человеческой цивилизации, чтобы достичь своего безоблачного будущего?

Он не знал, сколько времени провел в дороге, не знал, по каким улицам ехал кэб. Все сливалось в об-

щую мозаику из людей и домов, мелькающих за пыльными стеклами безучастного взгляда Джона Уилбери. Быстрее, быстрее... Дома поредели, стали ниже, возле них появлялись тенистые сады и массивные ограды из камня или железные решетки. Бородатое лицо извозчика повисло в верхней части стекла. Его губы шевелились, но звук не доходил до затуманенного ума пассажира. Прошло несколько секунд, прежде чем Уилбери понял, что они приехали.

Он медленно открыл дверцу и вышел. Не глядя, вытащил из кармана несколько монет, бросил их извозчику. Плеть щелкнула, стук колес затихал за его спиной, а он оставался неподвижным, глядя под откос улицы. Дома были такими знакомыми, каждый день, из года в год он их видел. А тот, в конце...

Это был его дом. Дом Джона Уилбери.

Он зашагал вперед, как заведенная кукла, лишенная собственной воли. В голове проносились отрывочные мысли. Вокзал... Ожидание поезда... Джулия... она утверждала, что приедет ее мать... настаивала, чтобы Джон во что бы то ни стало ее встретил... усадил в кэб... нет, нет, потом он может не беспокоиться... Утреннее заседание парламента, дорогой! Нет, ни в коем случае нельзя пропускать... Да, конечно, ничего важного, но твоя репутация...

Он остановился у решетки. Знал, что может его ожидать. Калитка были заперта. Некоторые остатки приличия заставили его оглянуться. Улица была пуста. Он подскочил, схватился за верхушку ограды и подтянулся. Хорошо натренированное тело (он регулярно занимался боксом, верховой ездой и греблей) не подвело. Через секунду он оказался внутри и спрыгнул. Ему показалось, что песок под ногами хрустнул, как оглушительный взрыв. Нет, все было спокойно. Он отбежал в сторону, ступил

на газон и, прячась в тени деревьев, побежал вперед вдоль аллеи.

Фасад дома был уже совсем близко. Джон Уилбери бросился вперед, опять пересек проклятый песок, поднялся по ступеням и, запыхавшись, остановился перед массивной дверью. Заперта! Руки дрожали, он ругался шепотом, нащупывая какие-то мелочи... А, вот и ключ!

Ключ вошел наполовину и во что-то уперся. Дверь заперта на ключ изнутри.

Он развернулся, привалился спиной к двери и на секунду задержал взгляд на серых облаках в небе. Такое он тоже предполагал. Предполагал, черт возьми! Но убедиться воочию... Вот оно, подтверждение тех унижительных, несуразных мелочей, которые он молча подмечал и которые копились день за днем в течение месяцев.

Его охватило такое чувство, которое он испытал лишь однажды — когда сэр Грэй во время товарищеской встречи по боксу нанес ему удар ниже пояса. Гнев его оглушил, ослепил, и он, ничего не видя перед собой, побежал вдоль фасада, завернул за один угол, потом за другой... Пальцы его впились в водосточную трубу, тело подтянулось вверх. Какая-то скоба разорвала дорогую брючную ткань. Пачкаясь о стены, он поднимался вверх, пока не достиг карниза. Встал на ненадежную опору и, кое-как удерживая равновесие, размахнулся и вышиб оконную раму.

Резко прорезался слух, в голове раздался звон сотен осколков, треск сломанного дерева. Джон Уилбери соскочил вниз, сделал несколько шагов через путающиеся под ногами портьеры. Ему казалось, что он превратился в каменное изваяние, или нет... в сгусток ярости от пульсирующей в висках крови.

С широкой кровати поднималась Джулия в полуспущенной ночной кружевной сорочке. Чуть в сторонке, возле туалетного столика, старый Гендон, перестав одеваться, пытался что-то сказать. Слова его медленно доходили до ушей окаменевшего Уилбери.

— Уилбери! Дорогой Уилбери! Что это такое, старик? Почему вы не позвонили? Я вот тут пришел, чтобы проконсультировать миссис Уилбери по вопросу об одном наследстве...

Продолжая говорить, Гендон схватил оставшуюся одежду и с поразительной для его лет ловкостью ретировался к двери. Из коридора донеслись его последние слова:

— ... она дала слугам выходной, а вы подумали...

Джон с удивлением обнаружил, что Джулия стоит рядом и гладит его по голове. Ее лицо опухло, словно она проплакала несколько часов.

— Я давно знал, дорогая... — медленно произнес он и поволочил ноги к выходу.

Прошел по коридору, спустился по лестнице. Где-то наверху Джулия выкрикивала его имя, не пытаясь догнать. Не мельтешили слуги — наверное, им выпал один из тех неожиданно свободных дней, которые столь щедро раздавала его жена. Дверь в сад была широко распахнута. Внизу, на дорожке аллеи, на песке отпечатались следы Гендона. Уилбери спустился вниз и пошел вдоль этих следов. Теперь он мог не спешить, «скрипеть» сколько ему вздумается... Железная калитка была распахнута. Что ж, этого следовало ожидать, у негодая есть ключ.

Гендон... Господи всемогущий, Гендон! И Джулия, утонченная, прекрасная Джулия, которая и после шести лет брака не переставала клясться ему в вечной любви. А он знал, еще четыре месяца назад все понял. Думал об этом — и упрекал себя, ненави-

дел за эти чудовищные мысли. С мучительным стыдом искал он мелкие улики. Находил. Табачный пепел там, где с утра чистила безукоризненная Сара... седые волосы на пеньюаре Джулии... забытую щеточку для чистки трубки (сам он курил только сигары)... незнакомые украшения в шкатулке, довольно безвкусные («О, Джон, не знаю, что мне взбрело в голову их купить. Сначала вроде понравились»)... и еще... и еще.

Что ему теперь оставалось делать? Отправиться в Индию? Наверное, без труда нашлось бы место в колониальной администрации. В парламенте у него достаточно знакомых, которые могли бы дать рекомендации. А карьера... К черту карьеру! Какой смысл слушать, да и самому произносить глупые, напыщенные речи после всего случившегося? И почти ежедневно — хочешь не хочешь — сталкиваться с наглой физиономией Гендона...

Он опомнился за стаканом бренди в сумрачном трактире на берегу Темзы. Сжимал зубами размяченный конец давно погасшей сигары. Высоко вверху сквозь малюсенькое окошко пробивался свет, но мутные лучи едва пробивали дорогу сквозь дым бесчисленных трубок. Сидя за грязными дубовыми столами, матросы и докеры с ближайшей пристани пили пиво, бренди, джин... Между ними лениво шлялись женщины в обвисших платьях, с растрепанными прическами, некоторые даже без шляпок.

Что-то теплое и влажное скользнуло по его провисшей кисти. Уилбери поднял глаза и увидел дога. Лежащий у него в ногах огромный зверь смотрел на него грустно и с сочувствием. Шершавый широкий язык подрагивал в такт дыханию. Джон опустил руку и погладил массивный квадратный череп. Соба-

ка тихонько заскулила, словно разделяя горе своего хозяина.

Кто-то прошел мимо стола. Уилбери приподнялся. Перед ним стояла безликая уличная девчонка. Повинуясь какому-то неосознанному импульсу, он поискал свой бумажник, вытащил банкноту и сунул в руку незнакомки. Она вроде бы смутилась, но потом смекнула и попыталась сесть к нему на колени. Резким жестом Уилбери оттолкнул ее на соседний табурет.

— Как тебя зовут?

— Мэри, милорд... — Она слегка улыбнулась. — Тут нас почти всех зовут Мэри.

Девушка протянула руку к его груди, и он инстинктивно отпрянул, хотя это было ни к чему. Она просто хотела отряхнуть побелку с его костюма.

Возможно, ему показалось, а может быть, действительно в ее лице сохранились следы порядочности и доброты. Да какая разница! Это его не интересовало.

— Мэри...

Ее руки перестали отряхивать его костюм.

— Да, милорд?

— Вот ты женщина... Ты могла бы себе представить, почему какая-то другая женщина... изменяет... своему мужу?

Она подняла голову, взглянула ему прямо в глаза, и взгляд у нее был серьезным и немного усталым.

— Может быть, милорд, вам не понравится, что я скажу... но виноват всегда мужчина. Если она это сделала... ну, значит, вы недостаточно мужчина в одном из трех — любви, работе или деньгах.

Его рука машинально замахнулась, но внезапно остановилась. Разве виновата девушка, что она с ним искренна?

— Проваливай! — глухо произнес он.

Мэри поднялась и грустно покачала головой.

— Не сто́ит, милорд. Поверьте, все мы одинаковые...

Через миг ее неясный силуэт исчез в табачном дыму. Уилбери посидел еще немного, потом бросил на стол несколько монет рядом с недопитым бренди и тоже вышел. Голова у него кружилась, но не от выпитого.

Дог покорно пошел к выходу. На улице шел мелкий, морозящий дождь, но Уилбери не обращал на него внимания. Смеркалось. Не разбирая дороги, он бесцельно бродил по серым улицам, проходя мимо домов и магазинов. Время от времени хмурые полицейские провожали его подозрительным взглядом.

В одном из трех... в любви, работе или деньгах...

Он и сам знал, что с деньгами ему никогда не везло. Мизерный счет в Королевском банке и целая куча долгов... Но, в конце концов, разве не так жили сотни других аристократов? Долги давно превратились в мерило общественного престижа. Если умело с ними управляться, можно прожить так всю жизнь и оставить их вместо наследства. А Уилбери никогда не стремился тратить чужие деньги.

Работа... Эта уличная девка даже не подозревала, насколько была близка к истине. Живой интерес Джулии к его карьере в парламенте... Долгие годы неудач... Фамильярный интерес, проявляемый в последние месяцы Гендоном к своему молодому коллеге... «Я познакомлю вас с Дизраели, приятель... Поговорите с ним по балканскому вопросу, он это любит...» Ему никогда не нравился Гендон, порой он его просто ненавидел, не выносил его вульгарную манеру одеваться, его плоские шутки, пренебрежение ко всякого рода идеалам... Он от-

лично знал, что Гендон никогда ничего не дает даром — об этом свидетельствовали его разоренные должники... Но, господи, кому же не хочется верить в себя? Кто не принимает, как нечто вполне заслуженное, интерес к своей персоне, признание таланта, даже когда это исходит от такого старого негодая, как Гендон?

И вот... В последние месяцы в парламенте заговорили «о том талантливом мальчике, молодом Уилбери»... Сам знаменитый Дизраели несколько раз намекнул, что верит в его блестящую карьеру... А он раздувался, как павлин, рассчитывая на свой талант... и лишь в потаенных уголках сознания мелькала мысль, что Гендон слишком часто покидает парламент... что в те же самые дни Джулия отпускает прислугу... что все в те же дни находит для него какие-то странные поручения типа сегодняшнего — встретить ее мать на вокзале Виктория... Якобы та прислала по этому поводу письмо, сама она письма не видела, но так сказали на почте... «Нет, сэр, мы не доставляли писем миссис Джулии Уилбери»...

Погруженный в свои мысли, он не замечал, куда идет, и лишь когда над головой зазвенел колокольчик, он понял, что заходит в плохо освещенный магазинчик. Хозяин — горбатый старик в очках и засаленном костюме — дохромал до прилавка. У него на руках были крошки, наверное, ужинал в задней комнатке.

— Что желаете, сэр?

Уилбери скользнул рассеянным взглядом по полкам. Странное дело — он попал в охотничий магазин. Желтоватые лучи керосиновой лампы бросали длинные отблески на стальные дула.

Не смущаясь тем, что клиент молчит, горбатый продавец протянул руку к выставленным ружьям.

— Могу предложить вам великолепный винче-

стер. Автоматическая зарядка, высокая точность, дальность стрельбы... Или вот это... Специально для охоты на оленя. Взгляните на приклад. Настоящее чудо, инкрустирован серебром... А вот крупнокалиберная винтовка, если захотите поехать в Африку, поохотиться на слонов... Нет, нет, посмотрите вот это. Может, не слишком красивое, но это оружие для знатоков, сэр. Настоящие охотники не признают другие модели...

Уилбери поднял руку, указал в сторону. Брови продавца удивленно подскочили, но тут же его лицо постаралось изобразить понимание. Он взял с полки миниатюрный револьвер и осторожно положил его на прилавок. Это было совсем маленькое оружие, короткое дуло чуть-чуть высывалось над барабаном.

— Это оружие для дам и джентльменов, сэр, — бормотал горбатый старик. — Конечно, точность не та, что у «смит-вессона», но в радиусе пятидесяти футов спокойно убивает грабителей и всякого рода злодеев... А немного тренировки, и может посоперничать с лучшими моделями... Не знаю, говорил ли я, это марка «бульдог»... Кусается, сэр... хе-хе-хе... Укусит сильнее вашего четвероного друга...

— Зарядите, — сухо прервал Уилбери его словесный поток.

— Конечно, конечно... — угоднически закланялся продавец. — Что-нибудь еще? Патроны?

Уилбери покачал головой и стал наблюдать, как костлявые пальцы старика ловко вставляют смертоносные кусочки свинца в барабан. Пять патронов... Больше не надо, и этого более чем достаточно...

Он заплатил, положил револьвер в карман и, сопровождаемый бурчанием продавца, вышел на улицу. Туман стал еще гуще. В нем размывался свет уличных фонарей, подобно теням мелькали камен-

ные сфинксы на парапетах пристаней. Он спустился вниз по скользким каменным ступеням. Гранитные глыбы были мокрыми. Где-то вдали раздалась корабельная сирена. В нескольких футах от его ног плескалась вода.

Уилбери пробрал холод. Он сунул руку в карман и нащупал согретый теплом тела револьвер. В радиусе пятидесяти футов спокойно убивает... Ему не нужно будет стрелять на столь дальнее расстояние...

Что же все-таки делать дальше? Пойти к Гендону? Сказать ему, что он грязная свинья, и разрядить барабан ему в живот? Или...

Он вынул револьвер и прислонил его к виску. Как там сказал продавец?.. Кусается, сэр... Да, это как укус ядовитой змеи... А потом... Потом, по словам Шекспира... Усни, и пусть тебе приснится...

Тяжелое тело дога обрушилось на него и выбило из его рук пистолет. Уилбери упал, приподнялся на локте...

Это был уже не Уилбери. Он опять превращался в Грэма Троола.

— Дебора... — нежно пробормотал он. — Чертова кошка... Ты тоже в плену, как и я?

Дог запрыгал, заскулил, задвигал челюстями в отчаянном усилии животного, лишенного дара слова.

— Ничего, Дебора, — сказал Грэм. — Не беспокойся. Может быть, это Земля, но здесь нет места таким, как мы. Сейчас мы станем такими же, какими были.

Он поднялся, осмотрелся в ночи и напряг свою волю. Он не Джон Уилбери. Его зовут Грэм Троол, он — космонавт из будущего в этом проклятом мире. И окружающий мир, сначала неуверенно, потом все более покорно, начал ему подчиняться. Тело его росло, с треском лопалась по швам чужая одежда. Запаханный штукатуркой и грязью костюм исчез,

превратившись в знакомые синие брюки и красный свитер. У его ног опять крутилась Дебора, возбужденная предстоящим бегством.

А теперь — воспоминания. Не собственные, он уже знал, что неизвестные «игроки» их у него отняли. Придется воспользоваться воспоминаниями Джона Уилбери.

В последний момент его охватил страх. Было нечто опасное в той силе, с которой образ Уилбери подавлял его собственную личность. Но другого выхода не было, и Грэм начал вспоминать эпизод за эпизодом, воскрешая в мозгу память другого человека — несчастного, жестоко битого жизнью. Мир закачался, но это его не пугало — он подозревал, что вынужден бороздить фальшивые, искусственные миры, подобные мыльным пузырям, которые возникают на секунду, переливаясь всеми цветами радуги, перед тем...

8

...и он уже с трудом мог сказать, которая из бесконечного числа личностей — его настоящая личность. Он переносился из мира в мир, преодолевая бескрайние, наполненные галлюцинациями пространства. Чтобы найти... Что?

В его голове мелькали обрывки воспоминаний — воспоминаний незнакомых людей, марионеток из каких-то непонятных спектаклей, в которых он был вынужден участвовать. Каждый мир навязывал ему новый облик и новые чувства. Это напоминало ему безумный, бессмысленный театр, главную роль в котором играл Грэм Троол под десятками разных имен — Джон Уилбери, Ганс Кайфер, Рагнар-викинг, кроманьонец Рам...

И каждый раз он вживался в роль. Вспоминал,

как, леденя от ужаса, бежал по зыбким берегам в последний день Атлантиды, чтобы добраться до спасательного корабля.

Помнил, как он — кроманьолец Рам — вышел один на один с косматыми людьми и те с ревом и ругательствами на своем примитивном языке набросились на него. Перед его глазами еще играли размахивающиеся каменные топоры, летящие копья, оскаленные полуобезьяньи лица. Его ноздри до сих пор ощущали тяжелый кисловатый запах грязных косматых тел. И еще... Он вспоминал, как дрался жестоко, безжалостно — в нем бушевал кроманьолец Рам, и космонавт Грэм ушел глубоко на дно, захлестнутый простыми законами каменной эры — убей или убьют тебя.

Он помнил ледяные просторы Аляски, по которым едва тащился, натягивая на шее ремень, а на плече у него лежал полумертвый друг. Собак не было — их давно съели. Десны его кровоточили, распухшие от цинги. Он спотыкался на каждом шагу, на каждом десятом падал, а потом долго отдыхал, вдыхая сильно обжигающий ледяной воздух. Их единственной надеждой был далекий порт Юкон, но дотуда было еще сто двадцать миль — сто двадцать убийственных миль под безразличной улыбкой северного сияния...

Помнил безмолвную командную рубку полуразбитой субмарины, привязанных матросов, сидящих на полу, среди струек воды, протекающих через невидимые в красноватом полумраке трещины. В наушниках гудели моторы немецких кораблей, время от времени дальние взрывы жестоко отдавались в барабанных перепонках. Они не смели даже дышать, потому что в этом была единственная надежда — безмолвно лежать на дне и надеяться на выпущенную через торпедный люк «куклу», состоя-

щую из смеси солярки, мятой бумаги, кусочка дерева и рваных матросских тельняшек.

Помнил то раннее, кровавое утро, когда он повел свою сельскую дружину против крестоносцев. Узкое каменное ущелье разрывалось от криков и звона стали, тяжело цокали копыта облаченных в доспехи коней, и с треском падали на землю самоуверенные, надменные рыцари. Страшным был тот день, и немногим из воинства Христова удалось спастись, чтобы рассказать, как мстит отчаявшийся народ за сожженные села, разграбленные амбары и вытоптанные пашни.

Помнил каждый из этих искусственных, бутафорных миров — сейчас он был уверен в том, что они искусственные. Помнил, как снова и снова прибегал к чужим воспоминаниям, только бы не оказаться опять в роли капитана Строгова, римского легионера Луциуса, еретика Джорджо и найти новый мир, может быть, единственный, настоящий, тот, в котором не надо будет играть по правилам, навязываемым ему чужой волей.

В который раз Грэм преодолел еще одну черную дыру, и в глаза ему хлынул яркий свет. Он сжал веки, потом медленно и осторожно разжал их. Новый мир... Но какой? Бессмысленный, как Диснейленд? Жестокий, как старинный Лондон? Или что-то новое?

Его действия стали уже машинальными. Сначала он напрягал память, навязанную ему «игроками», потом ее перезагружал, разрушая старый мир и превращаясь в облако частиц, чтобы пересечь загадочное пространство, преодолеть облака галлюцинаций и открыть окно в новое бытие.

Сейчас он увидит, куда попал.

Радость вспыхнула в его сердце еще до того, как он осознал, где находится. По всему телу разлилось

тепло, томление от ощущения, что он вернулся домой.

Он хорошо, очень хорошо знал эту круглую кабину, белый подковообразный пульт, низкие кресла, экраны, циферблаты... Наконец-то он избавился от кошмара и опять попал в свой мир, в свой корабль, в свой космос. Может быть, «игроки», устав от непрерывного сопротивления, решили вернуть ему свободу? Значит, они были не всесильны! Значит, человек мог их победить! Теперь он не боялся ничего. Оставалось лишь проверить координаты корабля, задать ему курс к Земле и доложить о случившемся. Земные специалисты в состоянии дать объяснение эт...

— Добрый день, — иронично произнес кто-то у него за спиной. — Чем обязан встрече с вами?

Он подскочил, оборачиваясь. У двери шлюзовой камеры стоял двухметровый блондин атлетического сложения, одетый в белый скафандр без шлема. У его ног скалилась молодая черная пантера в кожаном ошейнике. Секунду-другую Грэм удивленно присматривался к обоим, потом вдруг все понял.

Это был он сам! В ином варианте!

Прижавшись к его ногам, Дебора злобно рычала на своего двойника. Грэм опустил руку и схватил ее за шкурку. Попытался улыбнуться.

— Я понимаю, что мое появление полная неожиданность для вас... или для тебя... Не знаю, как и сказать. Попробую прояснить ситуацию. Произошло нечто из ряда вон выходящее.

Двойник улыбнулся без напряжения, но в уголках его глаз таилась коварная настороженность.

— Зачем же... Мне кажется, все ясно. Если не ошибаюсь... ты... послан... — голос его стал вдруг резким, как удар хлыста. — ...с Черной планеты! Держи, Дебора!

Тело пантеры в ошейнике мелькнуло в воздухе, но Дебора, настоящая Дебора, успела броситься ей навстречу. Изумленный, ничего не понимающий Грэм потерял несколько секунд и лишь смотрел круглыми глазами на ревуший черный шар на полу кабины. Когда он оторвал взгляд от разъяренных пантер, двойник направил на него дуло бластера¹.

Грэм молниеносно оценил ситуацию. Пока он будет убеждать этого идиота, что он не с Черной планеты, Деборы загрызут друг друга насмерть. Надо было действовать. И он бросился вперед и в сторону. Луч бластера скользнул по его плечу, опалив свитер, но Грэм уже был в ногах у своего противника, применяя прием, с помощью которого только и можно было обезвредить вооруженного человека, ибо вооруженный перестает думать о чем-либо, кроме собственной шкуры. Двойник взмахнул руками и рухнул на спину. Бластер вылетел из его рук, и Грэм ногой отпихнул его в сторону. Противник уже поднимался с пола и летел ему навстречу. Грэм взмахнул кулаком, но промазал. Удар в солнечное сплетение заставил его сложиться пополам. Новый удар, на этот раз в челюсть. У него посыпались искры из глаз. Тогда он, нащупав чужое тело, вцепился в него, и оба покатались по полу кабины. Они толкали друг друга, били наугад, но двойник оказался менее ловким, ему мешал скафандр, и Грэм не преминул этим воспользоваться. Ему удалось высвободиться из железных объятий буквально на секунду, но этого хватило, чтобы изо всей силы ударить в выступающую челюсть. Противник обмяк. Грэм, обессилив, поднялся и посмотрел назад.

Пантера в ошейнике лежала неподвижно в луже

¹ Лазерное оружие. — Прим. пер.

черной крови. Возле нее Дебора, скуля, пыталась подняться на скользкие лапы.

— Грэм... — едва слышно произнесла она.

— Да, Дебора...

Он покачнулся, сделал шаг вперед, протянул руки...

В кабине раздался яростный, нечеловеческий крик. На Дебору обрушилась молния, черное блестящее тело взметнулось и съежилось. Грэм в бешенстве развернулся, полетел назад, выбил бластер из рук двойника и снова ударил — жестоко, первобытно.

Много позже он сидел в кресле с бластером в руке. Две мертвые пантеры лежали рядом. Совершенно одинаковые, словно сестры. Позади них двойник медленно вставал, ощупывая свое распухшее лицо. Он выглядел побежденным, но глаза оставались холодными и взгляд расчетливым. По блеску в его глазах Грэм понял, что тот оценивает возможность отнять оружие.

— Не приближайся, — устало произнес Грэм. — Ты хоть немного подумай! Или... тебе мало этого? — он мрачно кивнул на распростертые тела Дебор.

Тот, похоже, отказался от планов нападения. Лишь стоял у двери шлюзового отсека, сжимая кулаки и челюсти.

— Чего мне думать? Ты — с Черной планеты.

От отчаяния Грэм был готов расплакаться.

— Пойми, парень, я даже не слышал никогда об этой Черной планете! Все гораздо серьезней!

Он начал рассказывать отрывочно, быстро. Мысли и воспоминания толкались, не успевая находить место среди слов. Хотелось рассказать все, объяснить, что это были за иные миры, что за «иг-

роки», как он боролся и ними... Увлеченный собственным рассказом, он перестал следить за двойником, и когда опять обратил на него внимание, то чуть не застонал от горя. Перед ним сверкал непонимающий и саркастичный взгляд человека, вынужденного слушать всякую нелепицу, в которую он никогда не поверит.

Теперь ему стало ясно, что он заблуждался — это был не его мир. И двойник был просто куклой, фигурой из стратегии «игроков». Пешка без собственных мыслей и чувств, годных лишь на одно — безропотно делать ход за ходом в непонятной игре.

Теперь, перетряхнув крохи сохранившихся воспоминаний, Грэм понимал, что и накануне битвы с киберами он был точно такой же покорной фигурой. Его предыдущие приключения были выстроенны на общей основе — только действие, без мысли, без рассуждений, без обсуждения будущих планов. Он реагировал в зависимости от обстоятельств. И до сих пор за ним все еще тянулся шлейф этой духовной пассивности.

Он опять взглянул на двойника. Тот выглядел таким реальным, таким живым... Ему не хватало лишь одного — способности перешагнуть через самого себя, выйти из тесного футляра роли, в который втиснут его ум.

Грэм покачал головой. Может быть, и сам он был фигурой, марионеткой среди бесчисленных марионеточных миров. Но каким-то чудом ему удалось маленькими шажками пешки добраться до края шахматной доски и превратиться в королеву. Теперь он хотел невозможного — стать «игроком».

Он знал, что это невозможно.

Но попробовать стоило.

РАЗГОВОР В СТУДИИ

1

Бпятнадцать лет гимназист Адам Лемхович увлекся космонавтикой. У него в комнате стали скапливаться модели ракет, книги о космосе и толстые папки с вырезками из газет и журналов. Вечерами молчаливый близорукий юноша запирался и часами рассматривал фотографии, преодолевшие невообразимые расстояния в миллионы километров. Безмолвные лунные кратеры, красные скалы и пески Марса, странные потоки на поверхности Энцелада, загадочная темная половина Япета, ледяные трещины Ганимеда — все это завораживало его. Парень прикрывал глаза и мечтал о межпланетных полетах, о славе и подвигах.

Время внесло некоторые прозаичные поправки. Пятнадцать лет спустя Лемховичу стало ясно, что он никогда не станет космонавтом, да и шанс совершить какой-нибудь подвиг ему уже не представится. От старой мечты осталось лишь ядро — жажда славы. Как у всякого молодого научного сотрудника, у него было несколько революционных идей, и он верил, что со временем они принесут ему Нобелевскую премию.

Идеи оказались несостоятельными. От них остался ряд статей, почти бесследно затерявшихся в море публикаций. И все же судьба проявила благосклонность к Адаму Лемховичу. В сорок пять его мечта сбылась самым блестящим образом — он не только получил Нобелевскую премию, но и утонул

в волнах шумной и заслуженной (как ему тогда казалось) популярности.

В шестьдесят лет Адам Лемхович мечтал лишь об одном — быть обычным, никому не известным пенсионером.

Сидя в широком холле анонимного гостиничного номера, он печально покачал головой. Давно смирившись с неудобствами славы, он уже почти потерял надежду когда-нибудь с нею распрощаться. Он был приговорен по гроб жизни влечь бремя мировой известности — Адам Лемхович, лауреат Нобелевской премии, Человек, Который Изменил Наш Мир, Открыватель Нового Искусства и прочее, и прочее... Он не жаловался — давно заметил, что окружающие воспринимают его жалобы как кокетство капризной знаменитости и вместо того, чтобы оставить его в покое, удваивают знаки внимания. Видимо, им трудно понять, что это такое — быть почти начисто лишенным личной жизни, бросить научную карьеру ради бессмысленных симпозиумов и коктейлей, отвечать в бесконечных интервью на одни и те же набившие оскомину вопросы. Мир нуждался в знаменитостях и, когда их не хватало, сам их создавал.

Тихий звонок телефона прервал его мысли. Лемхович, вздохнув, потянулся и нажал на кнопку. На экране появилась симпатичная молодая девушка в очках (в последнее время ретромода опять обратила внимание на очки).

— Ваш заказ на международный звонок...

— Да, да! — нетерпеливо воскликнул Лемхович. — Соедините!

Девушка кивнула, и изображение сменилось. На экране возникла знакомая гостиная в загородной вилле. На стенах висели фотографии спутников Юпитера — память о его детском увлечении.

Марта сидела в старом кожаном кресле у телефона. Она была в своем любимом черном платье с белым кружевным воротничком — Лемхович шутил, когда она его надевала, что оно молодит ее по крайней мере лет на тридцать. Но сейчас Марта выглядела постаревшей и сгорбленной, будто невидимый груз давил на ее хрупкие плечи. Покрасневшие глаза выдавали, что она плакала. Она была неподвижна, лишь пальцы нервно теребили носовой платок.

Чтобы Марта и плакала! Лемхович был настолько поражен, что не успел придумать ничего лучше, чем начать разговор нарочито бодрым голосом.

— Привет, Марта! Что нового дома?

Она медленно подняла глаза — в них было такое смятение и отчаяние, что Лемхович вздрогнул. «Филипп! — пронеслось в уме. — Что-то случилось с Филиппом! Господи, мой мальчик!»

— Игна... — заикнулась Марта. — Игнасио болен...

Лемхович прикрыл глаза. Тяжело вздохнул, и ему показалось, что у этого вздоха нет конца. Игнасио... Конечно же, Игнасио. Он столько лет ждал этого. В конце концов, никто не бессмертен. И, несмотря ни на что, в глубине души он таил надежду, что Игнасио окажется вечным.

— Что случилось? — голос его глухо разнесся по комнате.

— Ты же знаешь, он ждал возвращения Хуана, — заговорила быстро Марта, словно ей не терпелось переложить на кого-то свою боль. — Три дня назад он решил пойти на причал. Вбил себе в голову, что корабль Хуана непременно вернется в этот день. Попал в грозу... Вернулся, промокший до костей... Вечером у него поднялась температура. Врач пришел лишь на следующий день... сказал, надежды нет... — Она вдруг всхлипнула. — Помоги ему, Адам! Ты должен ему помочь!

— Не могу, Марта. Ты же знаешь, что не могу. Никто не может. И вообще... Что это за грустные мысли? Только из-за того, что какой-то докторишка сказал, что надежды нет? Да будет тебе! Неужели ты думаешь, что простуда так страшна нашему старому авантюристу? Или ты не помнишь, как ему было плохо? Выкарабкается, Марта! Вытри глаза и перестань плакать.

Она посмотрела на него с некоторым облегчением. Лемхович криво усмехнулся. Яд всемирной популярности отравил даже Марту. Никто другой не мог бы предсказать судьбу Игнасио, но Марта верила, что Великий Лемхович не может ошибаться. Ну и что, пусть! Пусть верит, что Игнасио поправится, несмотря на прогнозы врача. Может, и правда поправится.

— Ты уверен? — Марта протерла очки помятым платочком и пригладила волосы с проседью. — А ты не обманываешь меня, Адам? Я так испугалась, увидев его в постели...

— Поправится! — решительно отрезал Лемхович. — Ведь это же Игнасио, а не какой-то там слабак из нынешних. Да ты только представь — умереть от простуды! Да ни за что!

— Спасибо, Адам! — теперь Марта действительно успокоилась. — Звони почаще. И приезжай скорей!

— Вылетаю через два дня. Если попытаются завалить тебя делами, отбивай атаки. Я решил по крайней мере месяц никуда не ездить.

— Хорошо бы! — Она недоверчиво покачала головой. — Жду тебя послезавтра. До свидания. Пойду проведу Игнасио.

Экран погас. Лемхович рассеянно прошелся по холлу, потом подошел к широкому панорамному окну и прислонился лбом к холодному стеклу. Он только теперь начал осознавать то, о чем услышал.

Игнасио болен. Игнасио может умереть. А он... Что он ищет здесь, в этой дальней столице? Еще один научный конгресс, еще десять интервью, еще пятьдесят безликих встреч...

Внизу разливались огни вечернего города. Причудливо переплетались волнистые фасады зданий из стекла и металла, между ними темнели дремлющие массивы многоэтажных парков, по магистралям сновали машины. Вдалеке поблескивали оправленные в романтические прямоугольники окна старых кварталов. Лемхович любил эту архитектуру прошлого века — строго функциональную, сдержанную, без модных строительных изысков. Было что-то аскетическое в некогда панельных зданиях, что-то спокойное и далекое от современной суеты.

Его взгляд скользнул за пределы старинных зданий, в направлении к темной горной цепи. На склонах поблескивали окна хижин и отелей, далеко справа, освещенная прожекторами, высилась башня старого телевизионного центра. Лемхович поморщился — картина напомнила ему о предстоящем интервью. И только он подумал, как в дверь постучали.

— Войдите! — громко произнес он.

В комнату вошла переводчица — высокая русая девушка, страшненькая, но с веселой улыбкой, которая скрадывала все остальные недостатки.

— Добрый вечер, господин Лемхович. Извините за беспокойство, я только хотела вам сказать, что мне звонили с телевидения. Машина будет ждать вас у гостиницы в десять часов утра.

— Хорошо, хорошо, — рассеянно кивнул Лемхович. — Я как раз об этом думал. Не беспокойтесь, все будет в порядке. Уж что-что, а интервью я давать научился.

Переводчица смутилась, пожелала ему спокойной ночи и вышла. Лемхович устало опустился в кресло и машинально потянулся к столику, на котором лежала его любимая книга — «Классические японские танки». Раскрыл ее, не глядя в текст. Перед глазами танцевало загорелое на солнце, морщинистое лицо Игнасио.

И вдруг буквы странно проступили. Он открыл книгу на одной из танка Басе.

Бабочкой ему уже
Никогда не стать.
Дрожит напрасно
Червь на осеннем ветру.

Снаружи, за фасадом тридцатипятиэтажного отеля, свистел ветер.

2

Дорога вилась вверх, среди песчаных кустарников и залитых солнцем травянистых склонов, время от времени ныряя в тень буковых лесов и выныривая обратно. Наверху мелькали пестрые кабинки подъемников.

— Эта гора — истинное богатство вашего города, — сказал Лемхович. — Немногие столицы могут похвастать такими чудесными возможностями для туризма.

— Если останется время, мы можем поехать на экскурсию, хотите? — предложила переводчица. — Вы увидите, как здесь красиво. Сверху весь город как на ладони. А можно вечером подняться наверх — ночью картина просто фантастическая. Целое море света...

Машина последний раз повернула и остановилась у подножия телебашни. У входа их уже ждал ведущий программы — невысокий смуглый мужчи-

на с вьющимися волосами и тонкими черными усиками. Пока они выходили из машины, он смотрел на них таким же взглядом, который вызвал у Лемховича раздражение во время их вчерашней встречи, — внимательным и слегка насмешливым. В изысканном темном костюме и с золотой булавкой на модном широком галстуке, он скорее был похож на важного торгового представителя, контролирующего доставку ценных товаров. «Специалист по провокационным интервью, — подумал Лемхович. — Будет пытаться любой ценой оживить беседу неожиданными вопросами. Поглядим, поглядим...»

Вместо раздражения эта мысль его развеселила. Давно прошло то время, когда он тушевался перед журналистами и что-то бормотал в ответ на их безудержное любопытство. Теперь он знал, как справиться с кем угодно из их братии. Если придется, он поставит на место этого самоуверенного парня, но, будем надеяться, до этого не дойдет. Наиболее подходящей в данный момент ему казалась нейтральная позиция — всемирно известный ученый благосклонно отвечает на вопросы журналиста и обходит нарочитым молчанием неудобные темы. А для разнообразия можно будет подбросить неожиданную оценку собственной роли в науке. Он любил пошатать перед публикой собственный пьедестал.

Ведущий манерно протянул руки и что-то проговорил.

— Добро пожаловать в наш телецентр, профессор Лемхович, — перевела девушка. — Съемочная группа готова. Пожалуйста, в студию.

Пока они шли по широкому фойе и поднимались по лестнице на второй этаж, ведущий продолжал

говорить. По сути дела, в его речах не было ничего нового. Они еще вчера обговорили тему передачи. Лемхович будет беседовать с несколькими представителями из числа зрителей. Разговор будет протекать без предварительной подготовки, чтобы не нарушалось впечатление непосредственности и подлинности. Тележурналисты всегда любят говорить о непосредственности и подлинности, хотя редко могут объяснить, что конкретно имеют в виду.

Студия оказалась небольшим залом со стенами из меняющего цвет пластика типа «хамелеон». С потолка свисали десятки прожекторов с большими белыми номерами, между прожекторами спускались гибкие металлические щупы с миниатюрными камерами наверху. Лемхович сочувственно посмотрел на режиссера за пультом, отделенным от студии прозрачной стеной. Не позавидуешь — он из личного опыта знал, как трудно управлять этими манипуляторами, обладающими неограниченной степенью свободы.

За круглым столом уже сидели семеро приглашенных из числа зрителей, и ведущий представил каждого по очереди: крупный, широкоплечий механик строительных кранов; высокий и щедушный социолог с длинными руками, длинным носом и давно не стриженными волосами; молодая домохозяйка с вечерней прической, одетая в свое лучшее платье (а как же, ведь все соседи будут смотреть на нее по телевизору!); артистично небрежный писатель в кожаном пиджаке и свитере с растянутым воротом; чертежница лет тридцати пяти с вечно ожидающим взглядом старой девы; коротко подстриженный школьник с вызывающе прищуренными глазами, одетый в строгий черный костюм (несомненно, навязанный ему родителями, но парнишка все же не отказал себе в удовольствии

ослабить узел галстука и расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки); и наконец — низенький, плотненький мужичок с жидкими седоватыми волосами, научный сотрудник Национального исследовательского центра видеоники. «Коллега, — подумал Лемхович. — Скромный, но тщеславный. Иначе какого черта ему очки с такими толстыми стеклами, давно бы сделал операцию».

Он кивнул гостям, опустился в кресло так, словно это было кресло стоматолога, прикрыл глаза и отдался во власть съемочной бригады. Уже сейчас ему становилось душно от софитов. Кто-то провел по его лицу губкой с гримом (чтобы лицо не выглядело красным на экране), другой быстро закрепил за ухом микрофон для синхронного перевода.

— Готовы? — раздался голос режиссера из репродуктора.

— Готовы! — ответил ведущий.

— Внимание! Прямой эфир. Тишина в студии! Передача началась.

3

Ведущий привычным жестом откинулся в кресле, словно хотел обозначить дистанцию между собой и гостями. Его взгляд стал сосредоточенным, профессиональным. Он уже отрывался от людей и видел перед собой лишь объекты для беседы, которыми он будет манипулировать самым оригинальным способом. Подперев рукой слегка склоненную в сторону голову, он повернулся к камере.

— Добрый вечер, дорогие друзья телепередачи «Гость третьей программы». Прежде всего позвольте вас поблагодарить за сотни писем, которые мы получили на прошлой неделе. В них вы предлагаете

разные темы для обсуждения в нашей программе. Но большинство из вас интересуется тема, касающаяся нового вида искусства, охватившего за последние годы весь мир. Как вы понимаете, я имею в виду видеонику.

Лемхович улыбнулся. Начало было хорошим, только немного фальшивым. Вряд ли они ждали писем предыдущей недели, чтобы определить тему передачи. Во всяком случае, его пригласили месяц назад.

— Авторы самых интересных писем рядом со мной в студии, — продолжал ведущий. — Они — представители разных профессий (он быстро их перечислил). А теперь я с удовольствием сообщаю, что на наше приглашение любезно откликнулся сам профессор Адам Лемхович, создатель видеона. Мы рады приветствовать вас у нас в студии, профессор Лемхович. Могу вас заверить, что все присутствующие с интересом выслушают то, о чем, мы надеемся, вы нам расскажете.

Он выдержал короткую паузу, прищурил глаза и нанес первый удар.

— Итак, начнем с вопроса: кто такой профессор Лемхович?

«Хорошо, мой мальчик, — подумал Лемхович. — Давай попробуем пошатать пьедестал и посмотрим, что из этого выйдет».

— Вижу, вы любите «брать быка за рога», — сказал он с прекрасно разыгранной наивностью. — Ну, думаю, на этот вопрос можно ответить двумя словами. Кто такой профессор Лемхович? Очень просто — самозванец и узурпатор.

— Вы шутите, — стушевался ведущий. На мгновение он выпустил ситуацию из-под контроля и любой ценой должен был выиграть несколько секунд, чтобы восстановить этот контроль.

— Нет, отчего же... — Лемхович был сама святая

невинность. — Конечно, Нобелевская премия, которую мне вручили пятнадцать лет назад, действует... мmmm... гипнотически на широкие массы. Но множество известных ученых, которых я глубоко уважаю, придерживаются мнения, что я не кто иной, как узурпатор открытия, которое, если можно так выразиться, «витало в воздухе». И признаюсь, что их очень смущает, когда при личных встречах я сообщаю, что полностью с ними согласен.

Ведущий медленно приходил в себя.

— Вы хотите сказать, что на вашем месте любой другой открыл бы то же самое?

— Не только на моем месте. Вообще-то надо подчеркнуть, что в нашем двадцать первом веке новые открытия — действительно исключительная редкость. В этом смысле видеоника — не открытие. Если произвести серьезную оценку собственных заслуг, я бы сказал, что просто собрал вместе нужные элементы. Как делает, например, повар. Но не когда готовит какой-нибудь кулинарный шедевр, а когда варит самый элементарный бульон. Сам же шедевр, повторяю, обязан не мне, а историческому развитию электронных средств информации.

— И... часто вы высказываете подобные мысли? — осторожно прощупывал почву ведущий.

— Всякий раз, когда имею такую возможность. — Лемхович распалялся, как всегда, когда шла речь о его незаслуженной популярности. Знал, что это не имело смысла, и все же пытался объяснить, как обстоят дела. — Может быть, поэтому на Западе меня перестали приглашать на шумные симпозиумы. Я имею в виду не серьезные научные встречи, а те, которые проводятся больше в целях рекламы и пропагандистской шумихи, чем настоящей работы. Для таких симпозиумов, естественно, нужна гигантская фигура, какой-нибудь научный супермен

или, по меньшей мере, что-то типа уэллсовского доктора Моро...

Писатель проявлял явное нетерпение. На лбу у него выступили капельки пота. Непрактичный человек — являться в студию в свитере и кожаном пиджаке. Наверное, ему хотелось их снять, но ведь нельзя же.

— Извините, я задам вопрос, на который вы можете не отвечать, — сказал он. — Почему с такими взглядами вы не отказались от Нобелевской премии?

Лемхович медленно кивнул. Когда-то он боялся этого вопроса. Журналисты всегда его задавали, и вначале он пытался уклониться от ответа. Позже он понял, что молчание бесполезно. Слава висела над ним подобно увеличительному стеклу, от которого никуда не деться. Откровенность, полная откровенность — это было единственным решением.

— Видите ли, все очень просто, — задумчиво начал он. — Я мог бы оправдаться, ссылаясь на скандальные последствия подобного отказа, на натиск со стороны научной общественности или на то, что находился под гипнозом огромного успеха. Но правда состоит в том, что я просто не мог победить собственное тщеславие. Такое бывает лишь один раз в жизни, и... кто безгрешен, пусть бросит в меня камень...

Он вновь вспомнил тот счастливый вечер пятнадцать лет назад, когда он бежал домой с бутылкой шампанского, возбужденный, опьяненный, ликующий. Наконец-то! Наконец! Марта поцеловала его на пороге, Филипп восторженно кричал из холла. Потом все бросились поднимать первый тост за Игнасио, с которого все и началось. Телефон обрывался — родные, коллеги и знакомые наперебой поздравляли виновника торжества. Как быстро узна-

ли, удивлялся он и сиял в лучах славы — видный ученый, лауреат Нобелевской премии, гордость родной науки. Он и не подозревал тогда, что все закончится вот так — раздражением и усталостью, сожалением, что не подумал как следует, прежде чем принимать незаслуженные почести.

А теперь не хотел ничего другого, кроме одного — быть дома с Мартой и печься о здоровье Игнасио.

4

Предавшись воспоминаниям, он перестал прислушиваться к громкому голосу переводчицы, долетающему из наушников. Увидев, что все смотрят на него в ожидании, он улыбнулся, как бы извиняясь.

— Простите, отвлекся. Что вы сказали?

— Мне кажется, что вы слишком строги к себе, профессор, — повторила чертежница. — Во всяком случае, так это выглядит для тех, кто, как и я, не слишком сведущ в вопросах видеоники. Знаю лишь одно — что новый вид искусства охватил весь мир, в каждом доме есть видеон...

— У нас дома целых четыре! — вставила домохозяйка, глядя прямо в объектив камеры.

— ...и что для меня это действительно эпохальное открытие, — поморщившись, продолжала чертежница. — Поэтому прошу вас объяснить более подробно, что вы имеете в виду, когда утверждаете, что идея видеона «витала в воздухе»?

Приступили к «научной части» беседы. В такие моменты Лемхович действительно начинал волноваться. Ему казалось, что он говорит слишком сухо, с излишними техническими подробностями. Но иного способа объяснить сущность видеоники не было. Он утешал себя тем, что хотя бы части зрите-

лей будет полезно услышать, как создавался новый вид искусства.

— Хорошо, давайте начнем с самого начала. Что такое видеон? В общих чертах его можно было бы называть бесконечно длинным фильмом. Если вспомнить историю кино, мы увидим, что продолжительность фильмов непрерывно растет — с нескольких минут до часа, полутора часов, потом двух-трех-пятисерийные... К середине прошлого века появляются телесериалы по 20, 30, даже по 100 серий. Это уже довольно близко к видеону, ведь так?

— Но не совсем! — с вызовом возразил школьник.

— Правильно, не совсем. И все же в то время довольно успешно создаются многосерийные телевизионные фильмы по крупнейшим произведениям классической литературы. Кинематограф, в силу ряда обстоятельств, не смог бы этого сделать.

— Приятно слышать добрые слова в адрес телевидения, — попытался завладеть беседой ведущий.

— И еще, — прервал его Лемхович. — Видеоника не могла бы появиться без телевидения. Да и что такое видеон, если не слегка видоизмененный телевизор?

Он оглядел присутствующих. Слава богу, все слушали с интересом. Не было необходимости наспех сворачивать тему и искать более примитивные примеры. Он не любил строить из себя шута перед публикой. В конце концов, его пригласили рассказать о видеонике, и поэтому подробности здесь вполне уместны.

Научный сотрудник придвинулся вперед, как бы давая понять, что ему удобнее общаться напрямую, не прибегая к переводу.

— Профессор, я хочу спросить вас как специа-

листа — какой момент в развитии телевидения вы считаете переломным на пути создания видеоники?

— Рискую вас удивить, коллега, но придется вернуться далеко назад. В 60-е годы прошлого века Советский Союз начал эксперимент по пересылке факсимиле газет из Москвы в Сибирь. Таким образом удавалось избежать дорогих транспортных расходов при перевозке печатной продукции самолетами. Чтобы улучшить качество передаваемых символов, сигнал пропусклся через компьютер. Думаю, что начиная с этого момента можно говорить об исторической неизбежности видеона.

— Да, благодарю вас, — удовлетворенно кивнул собеседник.

Наступило короткое молчание. Потом механик, несколько смущенный, поднял руку, как школьник.

— Извините, вам, может быть, и ясно, но мне — не совсем. Почему использование компьютера означало, что сделан шаг к видеону? Насколько я знаю, сегодня каждый телевизор снабжен компьютером, но не имеет ничего общего с видеонам.

— «Ничего общего» — это сильно сказано, но в принципе вы правы, — согласился Лемхович. — Действительно, сегодняшние телевизоры снабжены мини-компьютерными блоками. И в этом смысле все они наследники того сибирского эксперимента. Позже, в 70-е и 80-е годы прошлого века, комбинация «телевизор—компьютер» применялась для получения телевизионного изображения при передаче картинки с борта космических станций. Таким способом были получены фотографии Марса, Меркурия, Венеры, Юпитера, Сатурна... одним словом, всех планет Солнечной системы и их спутников.

Он помолчал, вспоминая далекие годы, когда с

жадностью рассматривал фотографии из космоса, не подозревая, что через десятилетия они определяют его судьбу. Потом покачал головой и продолжил:

— А давайте поставим вопрос следующим образом: какова сегодня роль компьютерного блока при создании телевизионного изображения?

— Сохранение статического изображения! — выпалил школьник, словно боясь, что его могут опередить.

— Замечательно, молодой человек, — одобрительно улыбнулся ему Лемхович. — Ответ правильный. Вы, наверное, интересуетесь электроникой?

— Нет, просто по физике проходили. — Парень пытался говорить небрежно, но было видно, что он готов лопнуть от гордости. В его блаженном возрасте ему, видимо, не верилось, что у славы может быть и обратная сторона.

— Хорошо, вернемся к нашей теме. Мы дошли до статического изображения. Но прежде чем говорить об этом, давайте вернемся к истории телевидения. Довольно длительный период своего существования оно базировалось на передаче цельного изображения — по 25 раз в секунду передается весь кадр со всеми его подробностями, независимо от того, что он уже был показан за доли секунды до этого. Такой архаичный процесс называется динамическим принципом.

Он облокотился на стол и продолжил излагать свои тезисы медленно и спокойно, словно читал лекцию в Политехническом институте.

— А теперь — о сегодняшнем статическом принципе. В конце прошлого века возникла идея нового метода с использованием связи компьютер—телевизор. Вместо того чтобы непрерывно передавать весь кадр целиком, статические элементы запоминаются в памяти компьютера и непрерывно пода-

ются на экран. В это время передающая станция передает только динамические изменения в кадре. Происходит экономия мощности передатчика, устраняются помехи.

Все за столом одобрительно закивали. «Хорошо, если поняли, — с надеждой подумал Лемхович. — А то слишком много появилось чудес техники, которые мы используем, ничего в них не понимая».

— Да, я читал о статическом принципе, — произнес социолог. — Но дело в том, что меня всегда занимал довольно наивный вопрос... Что произойдет, если включить телевизор в середине передачи? Ведь в памяти компьютера неоткуда взяться статическим элементам. Означает ли это, что мы увидим лишь движущееся изображение?

Лемхович открыл было рот, но ведущий, утомленный столь долгим молчанием, поспешил взять слово:

— Позвольте мне ответить. Чтобы избежать опасности «неполного» изображения, каждые две секунды передается весь кадр целиком. Фактически единственное неудобство — это почти незаметное отставание при появлении картинки...

Он самодовольно взглянул на Лемховича, словно хотел сказать: «Видите, мы тут тоже не лыком шиты!» Но именно в этот момент его прервал научный сотрудник:

— Подобное отставание было гораздо более заметным в старых телевизорах с электронно-лучевой трубкой.

— ...Что же касается преимуществ, то они очевидны, — немного нервно продолжил ведущий. — Статические элементы передаются в 50 раз реже, и это позволяет уместить в передаче гораздо больше информации.

— Я видел изображение на экране музейного

экспоната прошлого века, — вмещался школьник. — Как на старинной фотографии — сплошные точки и пятна.

Ведущий свирепо взглянул на него, но Лемхович, откинувшись в кресле, похлопал парня по плечу.

— Спасибо за поддержку. Будем считать, что со статическим принципом мы закончили. Добавлю лишь, что первые телевизоры нового типа обладали слишком массивным компьютерным блоком. Благодаря развитию электроники в начале нового века он стал приобретать все более компактные размеры, пока не стал таким, каким мы его видим сегодня — маленькая коробочка в почти плоском телевизионном приемнике.

Механик выглядел неудовлетворенным. Он крутился в кресле, переводя взгляд с одного собеседника на другого, и наконец не выдержал:

— Признаюсь, что мы узнали много нового... ну, по крайней мере, я. Но вы так и не ответили на мой вопрос. Какая связь между статическим принципом и созданием видеона?

— Еще чуточку терпения, — успокоил его Лемхович. — Связь почти абсолютная. При статическом принципе компьютер берет на себя заботу о неподвижном изображении. Логично спросить — а не можем ли мы загрузить его и движущимся изображением?

— В этом ваша идея? — воскликнула чертежница.

— Увы, нет. Рискую разочаровать моих почитателей, но должен признаться, что и эта идея была высказана до меня. В 2003 году ее озвучил Шарль Терлье, а через несколько месяцев — Игорь Московский... Не говоря уже о многочисленных публикациях на подобную тему между 2010 и 2015 годом. Двадцать лет назад идея создания видеона уже существовала. И когда компьютерная техника шагну-

ла далеко вперед, оставалось лишь кому-то подхватить идеи Терлье и Мостовского и применить их на практике. По чистой случайности первым оказался я. Вот и все.

Опять наступило молчание. Ведущий смотрел на Лемховича с кислой миной. Беседа пошла совсем не в том ключе, на который он рассчитывал.

— Профессор, вы первый открыватель, с которым я встречаюсь, — запнулась домохозяйка. — Извините за любопытство. Вы можете припомнить, как у вас возникла мысль о создании видеона?

— Конечно, помню... Это было очень давно. Но подождите, я должен рассказать вам об Игнасио...

5

Игнасио сидел у двери хижины и делал вид, что не имеет к происходящему никакого отношения. Даже не шевелился, лишь уголки его губ слегка подрагивали, но четверых солдат это не интересовало. Под руководством сержанта они перетряхивали бедные пожитки, перевернули старую дощатую кровать, разодрали соломенную подстилку и в смятении огляделись вокруг. В тесной хижине человеку скрыться негде.

— Здесь он! — взревел в бешенстве тучный сержант. — Проклятие, говорю я вам, он должен быть здесь!

Выскочив наружу, он схватил Игнасио за плечи и затряс его изо всей силы.

— Ты спрятал его, негодяй! Говори, где он, или я спалю тебя вместе с твоей хижинкой!

— Воля ваша, господин сержант, — кротко опустил голову Игнасио. — Можете делать что хотите, но с полудня я не видал ни одной живой души.

Послушайте, отвяжитесь от меня и поищите вашего раба в другом месте, пока он окончательно не дал деру.

Сержант зло сплюнул, вытер вспотевший лоб и опять зашел в хижину. Оттуда долетел его отчаянный голос:

— Он должен быть где-то здесь, должен! Мадре де диос, сеньор Мадейра взбесится, если узнает, что мы его проворонили! Что вы лыбьтесь, идиоты? Может, думаете, вам это сойдет с рук?

— Господин сержант, этот человек, наверное, прав, — несмело проронил один из солдат. — Разве вы не видите — здесь никого нет.

Игнасио оглянулся. Стоя посреди хижины, сержант нервно кусал губы и не знал, что ему делать. Он не мог отделаться от чувства, что сбежавший раб спрятался где-то поблизости. Но каждая минута промедления умаляла шансы его найти.

— Сволочи! Все вы сволочи! — мрачно пробурчал сержант. — Ладно, пошли.

Впившись в него глазами, Игнасио не заметил, как за его спиной проползла змея и вползла под дощатый настил хижины.

— Дай пройти! — сердито крикнул сержант и столкнул Игнасио с деревянной ступеньки, хотя места было достаточно.

Один за другим солдаты вышли из хижины. На секунду сержант остановился и огляделся, выбирая, какой дорогой идти. Игнасио вздохнул с облегчением. Еще чуть-чуть, и он спасен, а дальше будет легче.

Внезапно из хижины донесся пронзительный крик. Солдаты удивленно оглянулись. Прямо у них на глазах доски пола взлетели вверх, и из образовавшейся дыры выскочил полуголый негр с поседевшим от страха лицом.

— Вот он! — торжественно взревел сержант.

Одним прыжком негр вылетел в дверь и побежал к кустам. Солдаты не успели опомниться и только смотрели ему вслед.

— Стреляйте, сволочи! — орал сержант. — Огонь!

Один из солдат поднял ружье и нажал на курок, не целясь. Прогремел выстрел, но негр продолжал бежать. Вторая пуля тоже его не догнала. До кустов оставалось шагов десять, когда раздался третий выстрел. Негр охнул, схватился за поясницу и рухнул на землю.

Сержант оглянулся. В его маленьких черных глазках блеснула радость. Он поднял руку и указал пальцем на Игнасио.

— Арестуйте этого человека!

Прозвучал финальный аккорд, телеэкран на секунду погас, потом появилась диктор и с улыбкой объявила:

— Дорогие зрители, вы смотрели седьмую серию кубинского телесериала «Жизнь Игнасио». Следующую, восьмую серию смотрите в среду, в...

— Черт! — воскликнул сидящий у телевизора мальчик.

— Филипп! — строго сказал Лемхович. — Сколько раз я просил тебя не ругаться?

— Это нечестно! — обиженно пробормотал мальчик.

Лемхович выключил телевизор — там пошла какая-то реклама — и обернулся к сыну.

— Что, по-твоему, нечестно?

— Ну, это... — Филипп неопределенно махнул рукой. — Почему Игнасио не обернулся? Только чуть-чуть глянул бы в сторону, увидел бы змею и прогнал. Тот, толстый, уже совсем уходил.

Отец пожал плечами.

— Ну, фильм уже снят, и ничего нельзя изме-

нить. Он останется таким, какой есть, для всех зрителей, и всякий раз, когда его будут показывать. Можешь хоть десять раз смотреть, змея все равно вползет в хижину.

— Да знаю, знаю, — нетерпеливо кивнул мальчик. — Я — о другом. Неужели нет никакого способа освободить Игнасио?

Лемхович немного подумал. Он не был сторонником «потакания» детским капризам. Предпочитал разговаривать с сыном, как со взрослым. Марта иногда выговаривала ему за это, но Филиппу нравилось.

— Понимаю, что ты хочешь сказать, сынок, но такого способа нет. В конце концов, Ингасио на экране всего лишь подвижный образ — лишенный собственной воли, способности принимать решения. И так ведь не только с ним одним, но с экранной действительностью вообще. Однажды зафиксированная, она не поддается изменению. За создание фильма мы платим высокую цену — отказываемся от случайностей, которые являются неотъемлемым элементом реальной жизни.

В глазах Филиппа вспыхнули воинственные огоньки.

— Слушай, пап, не вешай мне лапшу на уши! — не слишком почтительно заявил сын (во время спора ему это дозволялось). — Объясни по-человечески, почему мы не можем дать свободу Игнасио?

Лемхович вздохнул. И сегодня вечером ему, похоже, не удастся поработать. Статья не дописана, в редакции уже сердятся, а он спорит тут с сыном на какую-то бессмысленную тему.

В тот момент он не мог даже предположить, что через пять лет эта тема принесет ему Нобелевскую премию.

Сидя в студии, Лемхович вспомнил тот далекий вечер и свое смятение при споре с упрямым маль-

чишкой. Вспомнил, как долго вертелся в кровати, напрасно борясь с бессонницей. Где-то в полночь осторожно встал, чтобы не разбудить Марту, поднялся на антресоли и начал рыться в старых журналах. Что-то такое там было, он уверен. И он действительно нашел — пожелтевший, пыльный экземпляр «Журнала де ля электронисьен» 2003 года со статьей Шарля Терлье.

— На следующий день я принялся за общие вычисления, — продолжал он. — Просчитал, каким объемом памяти должен обладать компьютер, чтобы можно было разыграть историю Игнасио. Цифры получились чудовищными. Я уже был готов бросить это дело, но понимал, что овчинка стоит выделки. Если у меня выйдет, то мир получит новый вид искусства — телевизор, способный бесконечно долго разыгрывать любые истории, которые мы ему зададим. Кажется, именно тогда мне пришло в голову название «видеон». Может, не самое удачное, но как-то привилось.

Научный сотрудник кашлянул.

— Вы говорили, что столкнулись с трудностями, могу себе представить. Как вам удалось преодолеть препятствия?

— Видите ли, на начальной стадии работы я руководствовался простейшей принципиальной схемой будущего аппарата. Сейчас набросаю...

Лемхович достал из кармана листок бумаги и стал чертить.

Экран

Преобразователь информационных сигналов

Логический фильтр

Долговременная память

Генератор случайных чисел

Одна из камер зависла над его плечом, чтобы показать схему.

— Угу! — понимающе кивнул научный сотрудник. — Этой схемой пользуются до сих пор.

— Да, она очень проста, чтобы меняться, хотя когда-нибудь, наверное, и это случится. Но главное заключалось в том, как все это реализовать на практике. В то время я работал в одной экспериментальной лаборатории. Руководство института заинтересовалось этой идеей и дало мне, как говорится, зеленую улицу. К тому времени как раз закончили создание долговременной памяти универсальных компьютеров космических станций. С огромным трудом нам удалось раздобыть одну из первых моделей, и, казалось, все решено. Но не тут-то было — трудности только начались.

Лемхович вновь вспомнил тот наивный энтузиазм, с которым они принялись за работу. Тогда он твердо верил, что все будет готово самое большое за шесть месяцев. А прошло больше двух лет, прежде чем в лаборатории появился первый видеон — машина величиной с гардероб и с маленьким экраном на передней стенке. Как всякий прототип, он был настоящим чудовищем по сравнению со своими нынешними правнуками. Но Лемхович любил старую примитивную машину — ведь именно с нее начиналась новая жизнь Игнасио!

— Да, забыл упомянуть! — спохватился он. — В качестве рабочей версии мы взяли именно этот фильм — «Жизнь Игнасио». В память модели заложили кучу информации по истории и географии Кубы, о физическом облике и характере действующих лиц и так далее. В качестве стартовой ситуации избрали тот момент, когда сбежавший раб появляется в хижине Игнасио. Как видно из схемы (он показал пальцем), ситуация проходит через логиче-

ский фильтр, и преобразователь выдает ее на экран. Сразу же после этого вступает в действие генератор случайных чисел. Его действие во многом сходно с человеческой фантазией — по теории вероятности из памяти выбирается произвольная информация, которая согласуется с возникшей ситуацией. Фильтр пропускает ее — и она появляется на экране. Или отбрасывается. Тогда генератор подбирает новую ситуацию. Таким образом получается настоящее, уникальное, непредсказуемое действие.

Он помолчал и тихо добавил:

— По сути дела, это и есть видеон.

6

Игнасио сидел у двери хижины и делал вид, что не имеет к происходящему никакого отношения. Даже не шевелился, лишь уголки его губ слегка подрагивали, но четверых солдат это не интересовало. Под руководством сержанта они перетряхивали бедные пожитки, перевернули старую дощатую кровать, разодрали соломенную подстилку и в смятении огляделись вокруг. В тесной хижине человеку скрыться негде.

— Здесь он! — взревел в бешенстве маленький тучный сержант. — Проклятие, не мог же он испариться!

— А может, он вообще здесь не появлялся, господин сержант? — несмело проговорил один из солдат.

Сержант развернулся, подскочил и изо всей силы врезал ему оплеуху. Сапоги его тяжело затопали по полу, и раздался треск. Сгнившие половые доски не выдержали тяжести. Сержант провалился по пояс и почувствовал под ногами что-то мягкое.

В тесном, мрачном пространстве хижины раб лежал ничком, оцепеневший от страха, с посеревшим лицом. Сержант топтался на его спине, беспомощно царапал ногтями доски и злобно сверкал глазами в сторону солдат, которые едва сдерживали улыбки. Игнасио бросил равнодушный взгляд через плечо и принял прежнюю позу. На мгновение из травы показалась змея, помотала головой и заползла обратно.

Наконец солдаты вытащили сержанта. Он отряхнул щепки, решил было заглянуть в дыру, но передумал и нарочито широким шагом направился к выходу. Мимоходом толкнул Игнасио, хотя места было достаточно.

— Ну, если окажется, что ты спрятал негра, мерзавец! Вернись и подпалю тебя вместе с твоей хижинкой!

Сержант остановился, огляделся, раздумывая, какой дорогой пойти. Потом повернулся спиной к Игнасио и повел четверых солдат к кустам.

Вздых облегчения Игнасио слился с восторженным возгласом столпившихся у видеона мужчин. Кто-то побежал к холодильнику за заготовленной бутылкой шампанского, остальные схватили в охапку Лемховича и начали подбрасывать его в воздух. Филипп (как особо приглашенный на первую пробу) скакал рядом и хрипло кричал:

— Я же говорил тебе, папа! Ведь говорил же! Видишь, вот мы и освободили Игнасио!

Это было восемнадцать лет назад...

Лемхович медленно расстался с грезами воспоминаний и повернулся к научному сотруднику, который как раз задавал вопрос:

— Сколько времени продолжалась работа над первым видеонем?

Пожилой человек невольно улыбнулся, потом представил себе Марту, с тревогой глядящую на экран старенького металлического шкафа. Улыбка исчезла с его лица..

— Понимаете, он все еще работает... Уже восемнадцать лет. Я храню его дома как память, хотя он занимает довольно много места. Игнасио стал почти что членом семьи... вы ведь знаете, как порой человек привязывается к героям видеона. Вообще-то он здорово постарел, отсидел два года в тюрьме в Гаване. Теперь главный герой — его сын, Хуан...

Он говорил, а перед глазами у него маячило белобородое лицо Игнасио. В памяти всплыли долгие одинокие вечера, когда он, сидя в холле, ждал звонка возмужавшего Филиппа, а на видеоне Игнасио напрасно надеялся получить весточку от Хуана. Оба они — экранный образ и его создатель — слились в одно целое, их судьбы переплелись на целых восемнадцать лет. Как описать ту близость, ту теплоту, с которой он следил за судьбой Игнасио? Лемхович вздохнул. Нет, лучше придерживаться академического тона. И он воспользовался вопросом социолога:

— Как шла работа после первого успеха?

Хорошо. На эту тему он мог говорить часами.

— Настоящая работа была первые два года. А потом... Потом победа была налицо, имя Лемхович загремело на весь мир, и я превратился в нечто подобное священной корове... Началась моя жизнь «на колесах». Встречи, симпозиумы, конгрессы... Работа продолжалась без меня — во многих странах. Началось массовое производство видеонов и их программного обеспечения. Знаете, как это те-

перь — выбираете героя, действие и покупаете программный блок, как пачку сигарет. Подключаете его к видеону. И герой появляется перед вами, живет среди вас — месяц за месяцем, год за годом. В соседней квартире может работать та же программа, но генератор случайных чисел гарантирует, что у вашего героя будет другая судьба... Но извините, я увлекся подробностями, известными каждому.

— Мой видеон про Рама, кроманьольца, — отреагировал школьник. — Иногда я задаю вопрос: а что будет, если в программе произойдет сбой? Скажем... если в небе над ним появится реактивный самолет, случайно попавший в программу?

Краем глаза Лемхович заметил, что ведущий зашевелился, готовый взять слово. Поспешив его опередить, он обернулся к научному сотруднику:

— Коллега, вы не могли бы ответить на этот вопрос?

— Подобный сбой почти невозможен, — уверенно заявил хрупкий близорукий мужчина. — Но если все же такое случится и если генератор случайных чисел изберет именно эту информацию, логический фильтр ее не пропустит. Если же все-таки произойдет невероятное и она дойдет до экрана, будет задействована обратная связь логического фильтра. Образно выражаясь, если все же в небе над кроманьольцем Рамом появится реактивный самолет, через секунду он будет превращен в нечто более соответствующее данной эпохе — в облако, орла, молнию...

— Еще один вопрос, — настаивал мальчишка. — Почему видеоны работают только от электросети?

Лемхович рассмеялся. Вспомнил, какого труда стоило ему отогнать Филиппа от экрана, на котором развивалось первое в мире действие видеона —

судьба Игнасио. Даже сам он переживал едва ли не болезненную стадию неугасимого интереса к видеону. В то время ему даже случалось притворяться больным, лишь бы оставаться дома и не пропустить какое-либо из приключений любимого героя.

— Просто потому, что так лучше, — ответил он, улыбнувшись. — Насколько я знаю, в настоящее время усиленно разрабатывается возможность автономной запитки... но лично я остаюсь сторонником старой модели. На что это будет похоже, когда мы потащим с собой видеоны на вокзалы и в аэропорты...

Мальчик скорчил гримасу. Очевидно, что именно этого он бы и хотел.

Уже не раз писатель пытался во время очередной паузы задать вопрос, но все откладывал. Наконец решился.

— Профессор, меня всегда волновал вопрос об ответственности творца. Скажите, думали ли вы о возможных последствиях, когда приступили к созданию видеона?

Этот вопрос задавали ему столько раз, что Лемхович ответил не раздумывая.

— Вначале — нет. Думаю, это свойственно всем, кто начинает что-то изобретать. Создание чего-то нового настолько увлекательно, что забивает все остальные чувства. Но за те два года, пока создавался прототип, у меня было достаточно времени, чтобы подумать о будущем нового вида искусства. И я пришел к убеждению, что видеон будет полезен людям.

— Вы и теперь придерживаетесь этого мнения? — настаивал писатель.

— Да. Но здесь есть социолог. Думаю, он лучше

меня сможет прокомментировать общественную роль видеона в современной жизни.

Лемхович откинулся в кресле и вдруг спросил себя: почему он пытается переадресовать задаваемый ему вопрос кому-то другому?

7

— Профессор Лемхович прав, — начал социолог. — Видеон оказался весьма полезным средством развлечения. Он нашел место в досуге личности — и более того. В годы так называемого видеонного бума на Западе раздавались голоса, предрекающие наступление кошмарного периода, когда люди начнут делить время единственно между работой и видеоном. Реальность же оказалась гораздо более спокойной.

— И все же огромная популярность видеоники порождает опасения, что новое искусство может вытеснить старое! — возразил писатель.

— Я не специалист в области искусств и могу судить лишь как обычный человек, — вмешался Лемхович. — Вспомните, после появления видеона многие утверждали, что телевидение исчезнет. Но мы встретились здесь, в студии, а не на улице, не правда ли?

— К счастью, да! — поспешил внедриться ведущий.

— Мое мнение таково, — горячо заявил Лемхович. — Да, видеон может конкурировать с фантазией писателя. Но означает ли это, что писатель проигрывает? Нет! Лично мне, а я уверен, и многим другим, книга часто доставляет гораздо больше удовольствия, чем видеон. Наверное, потому, что с помощью печатного слова человек чувствует себя

сопричастным Творцу, его собственная фантазия доразвивает недосказанное. Не знаю, может быть, видеоника окажет воздействие на литературу. Возможно, уменьшится количество «описательных» романов и увеличится доля литературы, которая направлена на решение духовных проблем человека. Но это всегда было главной задачей писателей. Ведь так?

Писатель с неохотой кивнул.

— А как вы оцениваете некоторые оригинальные формы видеонных программ, которые появляются в последнее время? — спросил социолог.

Лемхович пожал плечами.

— Как и всякое новое искусство, видеон проходит этапы эксперимента и творческого поиска. Делаются попытки создания абстрактного видеона — непрерывной, случайной игры цветов и теней, линий и пятен. Несколько раз мне приходилось видеть подобные зрелища. Красиво... но начинает утомлять через какое-то время. Может быть, этот тип видеона в будущем найдет применение как предмет интерьера, нечто типа постоянно меняющейся абстрактной картины. Но давайте не будем опережать события...

Лемхович замолчал и слегка приподнял руку, чтобы незаметно взглянуть на часы. Беседа начинала его утомлять. Даже дуэль с ведущим перестала волновать. Ему казалось, что он поступал глупо, изливая на журналиста неприязнь к коллегам.

— Я слышал, что на Западе видеонные зрелища совсем другие, — колеблясь, спросил механик.

— Исходя из собственного опыта, скажу, что не вижу особой разницы, — возразил Лемхович. — И там все то же — герои, непредсказуемые действия...

Вообще-то до него тоже доходили отрывки со-

временного мифотворчества — слухи о необычных видеонах. Распространялись легенды, что кто-то из милиционеров дал задание разработать специальную программу, в которой человек, которого ненавидят, подвергался бы бесконечным адским мукам. Лемхович не знал, можно ли верить слухам. В принципе, разработка такой спецпрограммы не представляла особых трудностей, было бы кому ее оплатить. Но подобные детские игры лишь признак слабоумия и ничего больше.

Были слухи и другого рода — совсем уж невероятные. Из «осведомленных» источников следовало, что в некоторых странах с диктаторскими режимами с помощью сверхмощных видеонов якобы исследовались возможные варианты поведения противников власти. Лемхович неоднократно высказывался против такого глубоко укоренившегося заблуждения. Чтобы предусмотреть реакцию конкретного человека, нужно полностью скопировать его характер, а эта задача все еще не была решена даже в самых передовых психофизических лабораториях.

— Не буду скрывать общеизвестные факты, — продолжал Лемхович. — На Западе массово производятся видеонные программы, полные секса и насилия. Вот они действительно, можно сказать, отнимают хлеб у писателей этих жанров. Но согласитесь, искусством там и не пахнет, а значит, нет смысла привлекать подобные случаи к проблеме конфликта между видеоникой и другими видами искусств... Мне приходилось смотреть образцы видеонной порнографии. Да, они выходят за рамки вообразимого. И тем самым действуют скорее отталкивающе, чем интригующе, на нормального человека.

И наступил момент. С безошибочной интуицией, приобретенной в бесконечных интервью, Лемхович улавливал приближение самого важного вопроса, того, на который и сам не мог бы ответить. И действительно, чертежница, нервно ломая пальцы, заговорила:

— Понимаете, профессор, иногда я испытываю чувство, что герои у меня в видеоне живые. И тогда меня охватывает какое-то неясное чувство стыда, подлости с моей стороны... Они страдают, борются, радуются, а я как бы подглядываю за ними в замочную скважину...

Лемхович опять вздохнул. Да, эта стыдливая молодая дама имела право. Но что он может ей сказать? Поделиться собственными волнениями по поводу судьбы Игнасио, рассказать о ночном разговоре с Мартой? Или описать свои самые кошмарные тревоги, мысли о будущем мире, состоящем наполовину из людей, наполовину из призрачных друзей... Нет смысла.

— О, успокойтесь, прошу вас, — заявил он с фальшивой уверенностью, пытаясь выглядеть убедительным. — Подобное чувство ничем не оправдано. Во всяком случае, что касается видеона, это то же самое, что смотреть спектакль в кино или по телевизору.

— И все же... — неуверенно возразила чертежница.

— Хорошо, попробую убедить вас другим способом, — быстро перебил ее Лемхович. — Здесь мы довольно долго говорили о памяти и ее роли в создании видеонного действия. Как я уже объяснял, память должна содержать огромное количество ин-

формации об условиях в конкретной обстановке. Для описания характера действующих лиц остается одна четверть объема памяти. Поверьте мне на слово, для создания реальной видеонной личности объем долговременной памяти должен быть увеличен на два порядка, то есть в сто или несколько сотен раз. Но и тогда результат может быть отрицательным. Хотя, насколько мне известно, еще никто не пытался создавать видеон с таким объемом памяти и, скорее всего, не будет пытаться в течение ближайших десяти лет.

Говоря все это, Лемхович следил за лицом молодой дамы и видел, что она постепенно успокаивается. Он знал, что пытается обмануть не только ее, но и самого себя. Но придет день расплаты за осознанное заблуждение, ибо чем дольше откладываешь решение вопроса, тем труднее будет на него ответить.

И вдруг Лемхович вздрогнул. Несколько мрачных предчувствий ударили ему прямо в сердце, пока тщедушный научный сотрудник говорил что-то на незнакомом языке. Переводчица перевела:

— Здесь вы ошибаетесь, профессор. Всего несколько дней назад в нашем Национальном исследовательском центре по видеонике был проведен именно такой эксперимент.

Он несколько лет ждал того, что это произойдет именно так — неожиданно, во время случайного разговора. И все же, когда тревоги переросли в реальность, Лемхович не смог удержаться на высоте. Он в смятении поворачивался то к собеседнику, то к камере и говорил неясно, теряя нить беседы:

— Что?! Прошу прощения. Примите мои поздравления, коллега! Как вам удалось справиться с такой памятью?.. О, простите еще раз. Мне не хоте-

лось бы утомлять зрителей беседой специалистов, но по окончании передачи я с удовольствием бы посетил ваш центр. А сейчас позволю себе задать вам еще один вопрос. Эксперимент прошел успешно?

Ведущий ничего не понимал. Понимал он лишь то, что Лемховича наконец прижали к стенке. Роли как будто поменялись. Профессор слушал с нетерпением, чуть ли не подпрыгивая в кресле, а научный сотрудник отвечал степенным, академичным тоном:

— К сожалению, ни да ни нет. За основу мы приняли стандартную научно-фантастическую программу «Грэм Троол, разведчик Галактики». Около полутора лет мы работали над совершенствованием образа, над разработкой дополнительных деталей. Несколько дней назад решили, что программа полностью готова, и включили видеон. Первые минуты все шло хорошо. Потом в видеоне возникли самовозбуждающиеся колебания, и логический фильтр вышел из строя. Мы опять включили видеон. И опять все было нормально. Лично я не видел столь хорошо работающей программы. Но спустя несколько часов опять появились помехи, и под конец логический фильтр не смог погасить колебания. Система перегрузилась, начала выдавать какую-то бессмыслицу... и не успели мы отключить ее на более длительное время, как основные блоки рассыпались. Просто не знаем, чем можно объяснить неудачу. Кто-то из коллег даже подкинул «бредовую идею», что якобы Грэм Троол взбунтовался против своих создателей...

Лемхович медленно приходил в себя. «В этот раз не вышло, — подумал он. — А в следующий? Или в следующий за следующим? Восемнадцать лет назад

джинн был выпущен из бутылки, и никто не сможет загнать его обратно».

— Спасибо, — устало сказал он. — Я вижу, что вы работаете очень серьезно, и, наверное, через какое-то время вам удастся стабилизировать систему. Но до тех пор верю, что у нашей собеседницы нет оснований для беспокойства.

Внезапно, заглушая слова переводчицы, в наушники кто-то закричал:

— Стоп! Немедленно прекратите передачу! Вы что, не видите, что происходит? Отключитесь! Какой идиот подключил программу видеона к камерам в студии?

Оцепеневшие гости за столом оглядывались вокруг. Только ведущий проявил быстроту реакции. С профессиональной улыбкой он повернулся к одной из камер.

— Позвольте мне, дорогие телезрители, поблагодарить вас от имени профессора Лемховича за интересную беседу. Далее смотрите развлекательную программу из Будапешта.

Беседа закончилась.

БЕССИЛИЕ «ИГРОКОВ»

1

... се новые и новые галлюцинации в бесконечном пространстве коридора, и бесчисленные новые миры, в которых он искал «игроков», так и не найдя. Но сейчас он впервые столкнулся с тем, что выходило за рамки знакомой утомительной бутафории. И прежде чем понять, что это такое, Грэм испытал дрожь. Он стоял и медленно озирался вокруг. Небольшой зал со стенами из меняющего цвет пластика типа «хамелеон». Над его головой висели десятки прожекторов с большими белыми номерами. Между ними с потолка спускались гибкие металлические щупальца с миниатюрными камерами наверху. Одна из коротких стен зала была стеклянной, и за нею виднелся огромный пульт, усеянный всевозможными ручками, кнопками и экранами. Возле пульта сидело несколько человек. Один из них нагнулся к встроенному микрофону и, запустив пальцы в свои реденькие волосы, кричал:

— Стоп! Немедленно прекратите передачу! Вы что, не видите, что происходит? Отключитесь! Какой идиот подключил программу видеона к камерам в студии?

— Позвольте мне, дорогие телезрители, поблагодарить вас от имени профессора Лемховича за интересную беседу, — произнес мягкий мужской голос за спиной Грэма. — Далее смотрите развлекательную программу из Будапешта.

Грэм резко обернулся. В другом конце зала металлические щупальца сгрудились над большим круглым столом. Объективы их камер были устремлены к сидевшим за столом восьми человекам — пятерым мужчинам, двум женщинам и мальчику. Судя по их одежде, он опять попал в какую-то прошлую эпоху. Но особенно странным выглядело то, что во всей обстановке не было той нарочитости, того ожидания чего-то необыкновенного, что было так характерно для миров, где командовали «игроки».

У него в душе возникло неясное предчувствие. Эти люди... Не похоже, что ими кто-то управляет. Жизнь, свобода, воля витали возле них. Они были невидимы, но ясно ощутимы, как тепло от раскаленного металла. Неужели он попал наконец в мир, над которым не властна чужая воля, где человек — это человек, а жизнь — это жизнь, такая, какой она и должна быть?

Непонятно почему, но они его не замечали. Может быть, потому, что их взгляды были устремлены куда-то в сторону, на установленные рядом один с другим древние плоские телевизоры. Чтобы посмотреть, что же их так заинтересовало, Грэм сделал несколько шагов к столу и тоже взглянул на экраны.

Ничего... Все экраны показывали одно и то же — группу за круглым столом, только с разных ракурсов. Обычная картина, никак не объясняющая вытянутые лица сидящих за столом людей.

И вдруг он понял. Они смотрели только на один экран — тот, на котором образ Грэма, стоящего у стола, закрывал часть изображения. Вздвогнув, он перевел взгляд с экрана на экран. На двух из них картина была такова, что Грэм не попадал в кадр. Но на остальных... Они вмещали стол, пространство вокруг стола, людей... Не хватало лишь одного.

Грэма.

Вновь и вновь его взгляд пробежал по экранам, подтверждая тревожную истину. На одном экране его образ присутствовал, другие два не захватывали пространство, в котором он находился, а для остальных пяти он был словно невидим.

— Что здесь происходит?.. — произнес он неузнаваемым хриплым голосом.

Люди вздрогнули, один из них приподнялся в кресле, но остальные продолжали смотреть на экраны, и никто не обратил свой взгляд в сторону Грэма. Там, за стеклянной стеной, мужчина с жидкими волосами двигал рукой на пульте. Красные лампочки миниатюрных камер гасли одна за другой, и вместе с ними гасли экраны.

Из-за стола поднялся пожилой мужчина в коричневом костюме с густой седой шевелюрой. Его рука, поднятая вверх, слегка дрожала.

— Прошу вас, не отключайте все! Оставьте эту камеру... да, третью. Пожалуйста...

Среди погасших матовых окошек экранов остался гореть только один белый прямоугольник — тот, на котором был виден образ Грэма. Люди за столом продолжали смотреть на него так, словно увидели нечто необыкновенное. Наверное, так оно и было... Человек, появившийся ниоткуда, должен был вызвать изумление, даже страх. Только вот экраны... с ними что-то было не в порядке. Может быть, техническая неисправность, с надеждой подумал Грэм. Но тогда почему не смотрели на него?

— Я спросил, что здесь происходит? — повторил он с гневом, вызванным страхом.

Они опять встрепнулись, опять уставились на единственный экран, словно не замечая, что живой человек стоит рядом с ними. Пожилой человек подался вперед и неуверенно спросил:

— С кем... с кем вы разговариваете?

— Смешно... — нервно проговорил сидящий рядом с ним молодой человек с вьющимися черными волосами, тонкими усиками и слишком самоуверенной физиономией. — Или вы не видите, что это всего лишь образ, фантом... Что вы хотите от меня услышать?

Ловким движением Грэм шагнул к усатому. Его подстегнула неожиданная догадка: может быть, это «игроки», а вслед за нею — злоба, гнев и желание проучить холодное насмешливое лицо. Он не станет сильно бить, будет достаточно спихнуть его со стула.

Он нагнулся к усатому, почувствовал пальцами ткань его костюма и дернул... На мгновение тело усатого приподнялось, покачнулось, и, как ожидал Грэм, должно было бы упасть назад. Но вместо этого невыносимая тяжесть рухнула ему на руки, отпихнула обратно чужое тело и вернула его на стул. Грэм вдохнул, повторил прием, но на сей раз ему даже не удалось растряссти противника. Словно за столом сидела каменная, вделанная в пол статуя.

Тогда что-то в нем оборвалось, и он перестал себя контролировать. Скрытое где-то в глубине мозга, его сознание отрывочно фиксировало, как оставшееся без управления извне тело мечется по студии, бьется о стены, людей, камеры, мебель, и ничто, даже мельчайшие предметы не реагируют на силу ударов. Материя замерзла, оставаясь неподвижной.

— Я же вам сказал, — долетели до него, словно с огромного расстояния, слова усатого молодого мужчины. — Это не более чем случайный видеонный образ. Возможно, техническая неисправность... или опять кто-то из технарей подключал свой домашний видеон...

Он обернулся назад. Эта насмешливая ухмылка!..

— Я не образ! — закричал Грэм. — Я такой же человек, как и вы! Что вы со мной сделали?

Одна из женщин прикрыла глаза растопыренной пятерней. На сей раз даже самоуверенный человек лишился бы покоя. Только мальчик не выглядел растерянным, он указал рукой на единственный светящийся экран и громко объявил:

— Я узнал его. Это Грэм Троол, разведчик Галактики. Только где же его пантера?

Грэм изо всех сил сжал кулаки. Его узнавали... Это хорошо. Может быть, ему удастся найти с ними общий язык. Может быть, все окажется простым недоразумением.

— Бессмыслица, — пробормотал усатый.

Кто-то зашикал. Пожилой мужчина в коричневом костюме оттолкнул усатого и, склонившись над столом, уставился на экран.

— Грэм... Грэм Троол... Вы слышите меня?

— Да, — мрачно сказал Грэм. — Слышу. Я здесь, черт побери! Почему вы не смотрите на меня?

— Но я смотрю! Вот сюда!

— Не на меня! — возразил нервно Грэм. — Что за ерунда, вы смотрите в свой идиотский телевизор и упрямо не хотите обернуться ко мне. Вы что, слепой? Я здесь, у стола!

Тот покорно завертел головой, словно кукла, и смотрел на Грэма слепым, невидящим взглядом. Глаза его блестели, лишённые всякого выражения, в течение нескольких секунд они пытались что-то разглядеть на уровне груди, потом опять обратились к экрану.

— Вы уверены, что вы здесь?

Грэм хотел ответить, но у него пропал голос. Он лишь сделал непонятное движение рукой, потом ощупал собственное тело, словно хотел удостовериться, что существует. Его собеседник не дождал-

ся ответа. Вместо этого он вдруг охнул и обернулся к своему соседу — низенькому полноватому мужчине с жидкими седыми волосами и в очках с толстыми стеклами.

— Ваш эксперимент... Кого, вы сказали, выбрали героем программы?

Тот, видимо, что-то понял, потому что лицо его побледнело и на лбу, словно кто-то смял гриб, заблестели капельки пота. Он поднял руку к экрану, потом бессильно опустил ее на стол. Голос его дрожал.

— Он... это... Грэм Троол... нет, это невозможно...

Грэм бросился к нему, хотел было дернуть его на себя, но, вспомнив недавнюю неудачу, лишь склонился над сжавшимся, дрожащим человеком. Сбоку его плечо уперлось в твердое, как камень, тело старика.

— Что вы обо мне знаете?

Но человек его не замечал. Он, словно зачарованный, смотрел на экран и бессвязно шептал:

— Грэм Троол... объем памяти... мы думали, что он сгорел... нет, это не он... это кто-то другой...

— Мне это надоело, — раздался голос усатого молодого мужчины.

Грэм увидел, как старик развернулся, схватил самоуверенного усача за плечо и затряс его изо всей силы, пока растерянный заканчивал фразу:

— ...Я дам команду его вырубить...

— И будете иметь удовольствие быть битым лауреатом Нобелевской премии! — злобно прорычал старик. Он не выглядел человеком недюжинной физической силы, но в этот момент гнев наэлектризовал все его тело. — Сидите и захлопните свой проклятый рот! Он человек, такой же, как все мы!

— Чепуха! — упрямылся усатый. — Какой человек...

— А вы знаете, что такое человек? Нет? Тогда помалкивайте и дайте сказать другим!

— Это не может быть наш Грэм... — продолжал шептать очкарик.

— Успокойтесь, коллега. Лучше спросить у него самого.

Сейчас старик выглядел почти спокойным. Он оправил костюм, сел на стул и обратился к экрану:

— Грэм... Вы, может быть, растеряны... Поверьте, мы смущены не меньше вашего. Но вы должны рассказать о себе все. Что с вами произошло, как вы попали сюда, что видели... Рассказывайте, прошу вас...

Со стеклянной стены раздался голос громкоговорителя:

— У нас нет времени. Студия нужна для...

— Замолчите! — властно поднял руку старик. — Замолчите и делайте видеозапись, если вы отключились. Здесь происходят гораздо более грандиозные вещи, чем вы в состоянии понять.

Потом он повернулся к экрану, и его лицо смягчилось.

— Говорите, Грэм. Мы вас слушаем.

— Хорошо, — сказал Грэм. — Я буду говорить. Все началось несколько дней назад. Был вечер, шел дождь...

2

Высокий блондин на экране замолчал, но все продолжали сидеть как оцепеневшие, словно ждали — он скажет им что-то очень, очень важное, что рассеет кошмар и ощущение какой-то страшной, неясной развязки. Им казалось, что стоит им повернуть головы, и они его увидят — здесь, возле стола; и в то же время понимали, что не могут увидеть, по-

тому что он был не чем иным, кроме как образом, случайно попавшим на монитор в телестудии. Чертежница мяла платочек и обкусывала его краешек, научный сотрудник нервно шмыгал носом, ведущий непрерывно разминал плечи, словно слишком долго сидел на одном месте. Даже школьник утратил юношеский запал и неосознанно стремился сжаться в комочек, чтобы выглядеть поменьше, вернуться в тот возраст, когда «большие» принимают решения за него.

Лемхович тряс головой. Сейчас он выглядел лет на десять старше. Скептическая улыбка исчезла с его лица. Он повернулся к научному сотруднику и попытался заглянуть ему в глаза, но тот опустил их и не желал поднимать.

— Мне кажется, что все совпадает... коллега... — тихо проговорил Лемхович. — Перегрузки... обрывы, попытки логического фильтра исправить положение... удержать в цепи сознание, которое открывает свободу...

Плечи научного сотрудника подрагивали. Отраженный поверхностью стола, голос звучал до неузнаваемости глухо.

— Да, совпадает... Я это понял, с самого начала почувствовал... — Он вдруг распрямился с отчаянными, полными слез глазами и теперь почти кричал: — Ну и что? Что вы от меня хотите? Откуда я мог знать, что образ оживет? Знаете, сколько было попыток создания искусственного интеллекта? И ни одна... ни одна, вы слышите?!.

— Какой искусственный интеллект? — тревожно прогремел с экрана голос Грэма Троола. — Кто-нибудь объяснит мне наконец, что здесь происходит?

— Да, я могу, — деловито вызвался ведущий. — Коротко, в двух словах. Вы — образ, понимаете, об-

раз! Ваше сознание, ваши миры не что иное, как комбинация сигналов компьютера, связанного с телевизором. И в виде такой комбинации сигналов вы путешествовали по проводникам электросети. Бесконечное пространство... коридоры... ха! Скажите проще — от розетки до розетки, от телевизора к...

Он не закончил. Тщедушный научный сотрудник вскочил с места и непостижимо точным ударом в подбородок повалил его на пол. Ведущий покатился, потом поднялся на локтях и рассеянно ощупал челюсть. Стоя над ним, научный сотрудник, совершенно растерянный, поднес кулак к глазам и рассматривал его с изумлением близорукого человека.

На экране Грэм Троол сжал руками виски. Словно хотел раздавить в голове чудовищную, невероятную весть, которая лишала его права на жизнь.

— Как вы можете... — бормотал по инерции Грэм. — Я искал... «игроков», а вы... Вы же люди! Сделайте же что-нибудь... или не можете?

— Мы бессильны, Грэм, — устало проговорил Лемхович. — Мы не «игроки»... И нет силы, способной преодолеть между нами преграду. Это наша вина... Моя... его... всех... Человек не может без искусства, да! Без зрелищ! И мы непрерывно совершенствуем зрелища. Сто пятьдесят лет назад создали кино — «великого немого». Потом дали ему голос, с годами создали цветное кино, панорамное кино... И все это привело нас к последнему порогу, где настоящие личности по-настоящему будут страдать на наших глазах. Ну, и чем мы тогда отличаемся от римлян с их кровавыми гладиаторскими игрищами, с их сладострастно опущенным пальцем? Чтоб черт нас побрал, любителей трагедий! Думали ли мы когда-нибудь о том, что происходит по ту сторону экрана, грампластинки, за страницами книг? Если бы могли это чувствовать, мы должны были бы стать в

миллионы раз лучше! Убиваем Ромео и Джульетту сотысячным тиражом... ну, ладно бы только Ромео и Джульетту, но часто делаем это просто так, даже не в целях искусства, а просто для развлечения, чтобы потешить жаждущую публику мучениями Джона Уилбери и ему подобных. Если бы мы могли думать об образах, о словах как о крупице живого человеческого существа...

Чертежница всхлипывала уже не таясь, строитель стискивал зубы, писатель вертел ручку на столе, не замечая, что золотое перо давно сломалось...

— Кому вы все это говорите, профессор? — процедил разбитыми губами ведущий.

Лемхович провел рукой по лицу.

— Самому себе... и другим...

Он посмотрел на экран. Ему хотелось сказать что-то теплое, что-то более сильное, чем он мог придумать, но он так и остался сидеть с открытым ртом.

Экран погас, и он ничем не отличался от остальных семи прямоугольников.

Только где-то там, в его отражающей глубине, виднелись намеками, но достоверные стол, люди вокруг него, прожектора, стены студии, и, черт бы его побрал, Лемхович вздохнул, за этими отраженными стенами, наверное, есть мир, есть мир... есть мир... есть...

ЭПИЛОГ

Уважаемый профессор Гарбов!

Наверное, радостная весть дошла и до вас, но я предпочитаю перестраховаться и повторюсь — у нас вышло! Три дня назад мы в лаборатории синтезировали первую часть фильма. Можно сказать, что видеон создан и в самое ближайшее время за-

владеет миром. Жаль, что вас не было с нами, когда мы поняли, что это победа. Но, как говорится, здоровье прежде всего. Надеюсь, вы скоро вернетесь из санатория. Выздоровливайте скорее, потому что победа победой, но без вашей помощи практическая реализация может затянуться еще на два-три года.

Вы помните наш разговор об ответственности творца? Тогда видеон был просто мечтой, кипой листов со схемами и цифрами. Сегодня он становится действительностью, и дело становится много серьезней.

Надеюсь, что в санатории есть видеомангитонфон. Посылаю вам кассету с фильмом, который мы использовали при эксперименте с видеоном. Мне хотелось дать понять, что мы осознаем степень ответственности и понимаем, с какими столкнемся проблемами, не можем не столкнуться, если не будем нырять в кусты.

Я позволил себе использовать ваш образ в роли профессора Лемховича. Извините за шутку, мне казалось, что так будет убедительней.

Но фильм серьезный. Посмотрите его, профессор.

И подумайте.

*Искренне ваш
ст. н. с. Любомир Николов.*

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК. <i>Роман</i>	5
ЧЕРВЬ НА ОСЕННЕМ ВЕТРУ. <i>Повесть</i>	261

Литературно-художественное издание

Любомир Николов

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *С. Атрошенко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Белов*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12
(м. «Сухарева», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.11.2004
Формат 84х108 ¹/₃₂. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 16,7.

Тираж 7 000 экз. Заказ № 10705.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов —
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эдмондом Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре —
«фантастический боевик»!

**НОВЫЙ
ХИТ
АВТОРА!**

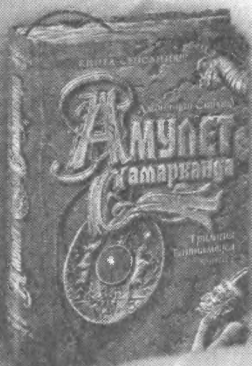
Также в серии:
«Охотники за головами»,
«Бросок Саламандры»

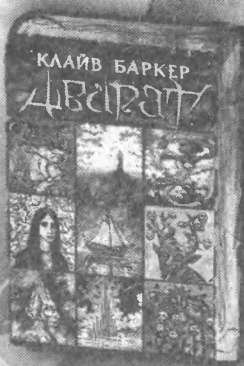
Издательство «Эксмо» представляет

Бестселлеры, завоевавшие Европу и Америку!

Уникальные книги, права
на экранизацию которых
уже выкуплены компаниями
Miramax и Walt Disney!

ЭТАЛОН
МИРОВОЙ ФЭНТЕЗИ!

НОВЫЙ
ГРАНДИОЗНЫЙ
МИР!

ЧИТАЙ ПЕРВЫМ

ТО, ЧТО ЗАВТРА БУДЕТ СМОТРЕТЬ ВЕСЬ МИР!

Также в серии «Детский бестселлер»:

Ф. Бюжор «Тайна волшебных камней»

Т. Пратчетт «Джонни и мертвецы»

К. Вудинг «Элайзабел Крей и Темное Братство»

www.eksmo.ru

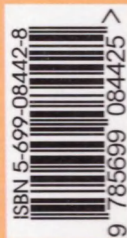

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК

Обрушить человеческую цивилизацию очень легко. В результате Коллапса 2028 года внезапно резко падает критическая масса ядерного вещества, необходимого для атомного взрыва, – и наступает глобальный апокалипсис, общество скатывается в первобытное состояние, когда каждый может рассчитывать только на собственные силы и твердость руки. Николай Бенев – знаменитый контрабандист, добывающий драгоценные осколки рухнувшей техногенной цивилизации. Его работа крайне опасна и не способствует долголетию. Однако вскоре он начинает осознавать, что даже в его деле риск может быть чрезмерным, – когда берется доставить через кишасшие бандами мародеров Альпы партию бриллиантов для чрезвычайно загадочного и зловещего научного проекта...

ЛЮБОМИР НИКОЛОВ

ДЕСЯТЫЙ ПРАВЕДНИК